

2021 / 3(69)

glocal

проект
байкал /
project
baikal

12+

Термин GLOCAL, рожденный всего тридцать лет назад и вынесенный нами в качестве темы этого номера, внутренне противоречив. Глобальное, относящееся к земному шару в целом, выглядит противоположностью локального, частичного. Наше парадоксальное время, однако, наполняет термин актуальным смыслом. Человечество объединяется в общем информационном пространстве, и ни один уголок на Земле больше не может игнорировать общечеловеческие процессы и тенденции. Глобальность грозит стереть все локальные различия, унифицировать и усреднить все и вся. На этом фоне обостряется борьба за прорывающиеся как дерево сквозь асфальт, живые и неповторимые локальные идентичности – национальные, культурные, этнические... Накрывшая мир пандемия жестко разделяет людей, ставит множество границ и стен – но она же и объединяет, и демонстрирует широчайший спектр локальных вариантов реагирования на смертельную угрозу.

Анализу понятия «глокальность» посвящены статьи теоретического раздела этого номера.

Елена Григорьева

The term GLOCAL that appeared only thirty years ago and was taken by us as the theme of this issue, is internally contradictory. The global, relating to the globe as a whole, looks like the opposite to the local, partial. Our paradoxical time, however, fills the term with actual meaning. Humanity is united in a common information space, and none of the corners of the Earth can ignore universal human processes and trends any more. Globality threatens to erase all local differences, unify and average everything and everyone. Against this background, there is an escalating struggle for vivid and unique local national, cultural and ethnic identities, which can be compared with a tree breaking through the asphalt... The pandemic, which has gripped the world, divides people strictly and sets up many borders and walls. But it also unites them, demonstrating the widest range of local options for responding to a deadly threat.

The articles from the theoretical section of this issue are devoted to the analysis of the concept of "glocality".

Elena Grigoryeva

Журнал «Проект Байкал» ("Project Baikal") зарегистрирован Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство
ПИ №ФС13-0180 от
16.11.2007

учредитель, главный редактор

Е. И. Григорьева
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а

12+

**корректоры,
литературные редакторы**
Марина Ткачева, Инесса Бражникова
дизайн, верстка
Татьяна Анненкова
**заместитель главного редактора
по международной деятельности**
Анна Григорьева

адрес издателя, редакции
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
e-mail: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

на обложке
Франция. Музыкальная школа – пример сосуществования глобального с локальным. – <http://tymnsworld.blogspot.com/2013/05/rue-des-penitentes.html>

4 обложка:
Кадетский корпус в Иркутске.
Фото Игоря Бержинского

адрес типографии
000 «Типография Принт Лайн»
Иркутск, ул. Сергеева, 5/5
Тираж 100 экз. Заказ 1548
Подписано в печать 10.09.2021
Журнал №3(69) от 20.09.2021

Использование текстовых и фотоматериалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции. За содержание рекламной информации редакция ответственности не несет. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Периодичность 4 раза в год.
Цена свободная

Золотая медаль Международной академии архитектуры «Интерарх-2009» в номинации «Периодические издания» / Golden medal of the International Academy of Architecture "Interarch-2009" in "Periodicals" category

3(69)
glocal

проект байкал/
project baikal
ISSN 2309-3072
(электронное издание)
ISSN 2307-4485
(печатное издание)

Журнал зарегистрирован в следующих международных системах:

- директория электронных журналов со свободным доступом – DOAJ (Directory of Open Access Journals)
- индекс Эйвери для архитектурных изданий – the Avery Index to Architectural Periodicals
- индекс Академии Google (Google Scholar)
- Ulrichsweb – база данных Ulrich's Periodicals Directory
- Open Archives – Инициатива открытых архивов для сбора метаданных (OAI PMH)
- Интернет-ресурс JournalTOCs
- проект SHERPA/RoMEO
- база данных PKP index
- с 2016 года включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
- с 2019 года индексируется в SCOPUS

2

новости	Анна Григорьева	Международные новости архитектуры.....	5
	Дмитрий Швидковский	Будущее России. Национальные проекты. Проблемы и перспективы	8
	Сергей Зыков	Конкурс на лучшую архитектурную концепцию торгово-выставочного мебельного центра в г. Кемерово (проспект Октябрьский, 55)	12
	Елена Григорьева	Коротко	14
GLOCAL	Константин Лидин	Глокальная архитектура	16
	Елена Багина	О глокализации естественной и искусственной	24
	Петр Капустин	Парадоксы и перспективы глокального	32
	Ольга Железняк	Дизайн как пространство компромисса глобального и локального	38
тренды урбанизации	Елена Григорьева Константин Лидин	.....	45
	Анастасия Холявко Инна Дружинина	Предпосылки формирования подземных пространств	46
	Надежда Вавилина Галина Паршукова Полина Паршукова	Креативный капитал сибирских городов.....	50
	Петр Капустин	Формы мыслимости города XX века: пространство, субстанция или среда?	54
	Александр Раппапорт	Концепция ССС: стиль, среда, смысл	58
	Константин Кияненко	«Средовое движение» в архитектуре и смежных областях.....	61
	Яна Лисицина	Карантинные листочки.....	66
актуальное прошлое	Елена Григорьева Константин Лидин	.....	67
	Евгения Груздева	Пути исследования стиля в деревянной архитектуре Сибири.....	68

The journal is registered by the East-Siberian Office of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and the Protection of Cultural Heritage Certificate ПИ №ФС13-0180 as of November 16, 2007

founding editor-in-chief

E.I. Grigoryeva
664025 Cherekhovskiy
Pereulok 1a, Irkutsk, Russia

**proofreaders,
literary editors**
Marina Tkacheva,
Inessa Brazhnikova

upmaking
Tatyana Annenkova
**associate editor-in-chief for
international activity**
Anna Grigorieva

**address of the publisher
and the editorial board**
664025 Cherekhovskiy
Pereulok 1a Irkutsk, Russia
tel. +7 3952 332839,
email: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

front cover image
France. Music School, an example of coexistence of the global and the local. <http://tymnsworld.blogspot.com/2013/05/rue-des-penitentes.html>

back cover image
Cadet Corps in Irkutsk. Photo by Igor Berzhinsky

printed by
000 "Tipografia Print Line"
Sergeeva Street 5/5 Irkutsk
print run 100. Order 1548
passed for printing: 10.09.2021
issue 3(69) of 20.09.2021

Reproduction of all texts or illustrations of the issue without written permission from the editors is prohibited. The editorial staff is not responsible for the contents of advertising information. The editorial opinion may not always accord with the views of the authors

quarterly publication
free price

The journal is registered in the following international databases:

- Directory of Open Access Journals (**DOAJ**)
- **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- **Google Scholar**
- **Ulrichsweb** (Ulrich's Periodicals Directory)
- The Open Archives Initiative (**OAI**)
- **JournalTOCs**
- **SHERPA/RoMEO**
- **PKP index**
- Since 2016 the journal is included in the Russian Science Citation Index (**RSCI**) database
- Since 2019 the journal has been indexed in **SCOPUS**

12+

Журнал является медиа-партнером международных конкурсов: the American Architecture Prize, Inspireli Awards, ITSLIQUID, 2ACAA и Kaira Logo, архитектурных фестивалей «Зодчество в Сибири» и ряда российских конкурсов. /

The journal is a media partner of the international competitions: the American Architecture Prize, Inspireli Awards, ITSLIQUID, 2ACAA and Kaira Logo, Architectural Festival "Zodchestvo" and a number of Russian competitions.

	Александр Клименко Мария Гайдук	Купеческая застройка Ялуторовска (XIX – начало XX века).....	72
	Юлия Петрусенко Анна Иванова-Ильичева	Визуальная реконструкция Новопокровской церкви в Ростове-на-Дону.....	80
	Петр Завадовский	Проект Института статистики И. И. Леонидова (1929–1930).....	86
	Николай Крадин	Экспедиции по местам сталинских лагерей: от Якутска до Магадана	92
	Виктор Кузеванов Алексей Пономарев Сергей Калюжный Йонг-Шик Ким	Первый Корейский сад в России.....	102
город и война	Елена Григорьева Константин Лидин	.....	113
	Леонид Салмин	Город и война.....	114
	Анна Сидоренко Алексей Чертилов	Кадетское, юнкерское, авиатехническое, суворовское.....	122
	Анастасия Синькова Роман Селиванов	Военная гимназия в Иркутске	132
образование	Константин Кияненко	Эра ФГОС: портрет архитектора в рамке образования	140
	Елена Булгакова Лариса Петрова	Технопарк в учебно-образовательных объектах.....	146
	Галина Козлова Людмила Козлова	Опыт композиционного исследования утраченных храмов в учебном проектировании.....	150
	Константин Колодин	Дома с общественной функцией на Байкале.....	158
	Николай Крадин	«Политехник» – издание выпускников Харбинского политехнического института	164
авторы		.....	172

news	Anna Grigorieva	International Architecture News.....	5
	Dmitry Shvidkovsky	The future of Russia. National projects. Problems and prospects	8
	Sergey Zykov	Competition for the best architectural concept of the trade and exhibition furniture center in Kemerovo (55 Prospekt Oktyabrsky)	12
glocal	Elena Grigoryeva	In brief.....	14
	Konstantin Lidin	Glocal architecture	16
	Elena Bagina	On natural and artificial glocalization	24
urbanization trends	Petr Kapustin	Paradoxes and prospects of the glocal.....	32
	Olga Zheleznyak	Design as a space of compromise between the global and the local.....	38
	Elena Grigoryeva	.....	45
a vital past	Konstantin Lidin	.....	45
	Anastasia Kholiyavko	Prerequisites for formation of underground spaces.....	46
	Inna Druzhinina	.....	50
	Nadezhda Vavilina	Creative capital of Siberian cities	50
	Galina Parshukova	Forms of conceiving the city of the XX century: space, substance or environment?	54
	Polina Parshukova	The SEM Concept: Style, Environment, Meaning.....	58
	Petr Kapustin	“Environmental movement” in architecture and related areas.....	61
	Alexander Rappaport	Quarantine leaflets.....	66
	Konstantin Kiyanenko	.....	67
	Yana Lisitsina	Directions of the research into a style in wooden architecture of Siberia	68
city and war	Elena Grigoryeva	.....	72
	Konstantin Lidin	Merchant development of the city of Yalutorovsk (XIX – early XX centuries).....	72
	Evgeniya Gruzdeva	.....	80
	Alexander Klimenko	Visual reconstruction of Novopokrovskaya Church in Rostov-on-Don.....	80
	Maria Gaiduk	Ivan Leonidov's Institute of Statistics (1929–1930)	86
	Yuliya Petrusenko	Expeditions around Stalin’s prison camps: from Yakutsk to Magadan.....	92
	Anna Ivanova-Ilicheva	.....	102
	Petr Zavadovsky	The First Korean Garden in Russia.....	102
	Nikolai Kradin	.....	113
	Victor Kuzevanov	The city and the war	114
education	Alexey Ponomarev	.....	122
	Sergey Kalyuzhny	Cadet, military, aerotechnical, suvorov... ..	122
	Yong-Shik Kim	.....	132
	Elena Grigoryeva	Military Gymnasium in Irkutsk	132
	Konstantin Lidin	The age of FSES: Portrait of an architect in the frame of education.....	140
authors	Leonid Salmin	.....	146
	Anna Sidorenko	Technopark in educational facilities	146
	Alexei Chertilov	.....	150
	Anastasia Sinkova	Compositional study of the lost temples in instructional design.....	150
	Roman Selivanov	Houses with public functions at Lake Baikal.....	158
Konstantin Kiyanenko	.....	164	
Elena Bulgakova	Polytechnic edition published by graduates of Harbin Institute of Technology	164	
Larisa Petrova	.....	172	
Olga Shulginova	.....	172	
Galina Kozlova	.....	172	
Lyudmila Kozlova	.....	172	
Konstantin Kolodin	.....	172	
Nikolai Kradin	.....	172	

В новостях представлен призыв МСА к солидарности в деле восстановления Гаити после землетрясения, говорится о лауреатах Золотой медали и премий МСА-2021, победителях международных конкурсов VELUX-2020 и Kaira Loooro 2021, а также о мировой столице архитектуры, которой в 2023 году станет Копенгаген.

Ключевые слова: Международный союз архитекторов; мировая столица архитектуры; международные конкурсы. /

The news highlights the UIA's call for solidarity in reconstruction of Haiti after the earthquake, the winners of the UIA 2021 Gold Medal and Prizes, the winners of the international competitions VELUX 2020 and Kaira Loooro 2021, as well as designation of Copenhagen as the world capital of architecture for 2023.

Keywords: International Union of Architects; world capital of architecture; international competitions.

Международные новости архитектуры / International Architecture News

Призыв МСА к солидарности в деле восстановления Гаити, пострадавшей от землетрясения

В связи с землетрясением магнитудой 7,2 баллов, которое произошло 14 августа на Гаити, унеся 1297 жизней и оставив без крова более 30 тысяч семей, Международный союз архитекторов (МСА) объединил усилия в деле поддержания своих партнеров-организаций, которые помогают справляться с трагедией, включая фонд Emergency Architects Foundation. Мы призываем секции-члены МСА со всего мира совместно с руководством стран обеспечить помощь в деле устранения последствий стихийного бедствия и последующего восстановления. В рамках программы «Архитектура для всех» МСА разработал Инклюзивное руководство по архитектуре и градостроительству, направленное на ответные действия в случае стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций. Восстановление сообществ, затронутых изменением климата и природными катастрофами, должно включать инициативы по обеспечению устойчивости к изменению климата, способные смягчить последствия возможных бедствий и восстановить объекты, сделав их лучше, чем они были до разрушений.

Дополнительная информация:
www.uia-architectes.org

Лауреаты Золотой медали и премий МСА 2021

С целью поощрения заслуг и признания талантов деятелей в области

< Лауреат Золотой медали МСА-2021
Паулу Мендес да Роша (1928–2021) /
UIA 2021 Gold Medalist Paulo Mendes da
Rocha (1928–2021)

архитектуры МСА раз в три года присуждает Золотую медаль и пять премий на Международном конгрессе МСА. В этом году конгресс был организован в бразильском городе Рио-де-Жанейро и впервые проходил в виртуальном формате.

Золотая медаль МСА была присуждена незадолго до смерти выдающемуся бразильскому архитектору Паулу Мендесу да Роша, чей труд, неподвластный времени, внес неоценимый вклад в архитектуру.

Жюри присудило Премию Роберта Мэтью за устойчивое развитие и гуманное отношение к окружающей среде архитектору из Буркина Фасо Фрэнсису Кере.

Премия Огюста Перре в области технологий впервые была присуждена двум кандидатам: Анупаме Кунду (Индия) и Руди Риччиотти (Франция).

UIA calls for solidarity in reconstruction efforts following earthquake in Haiti

With at least 1,297 deaths, more than 30,000 families left homeless following the 7.2 magnitude earthquake in Haiti on 14 August, the International Union of Architects (UIA) joins and supports the efforts of our partner organisations that are helping with this tragedy including the Emergency Architects Foundation. We call upon our Member Sections around the world to urge their governments to provide disaster relief assistance and support the reconstruc-

tion efforts that will follow. The UIA, through the Architecture for All Work Programme, has developed Inclusive Design Guidelines for Architecture and Urban Planning when responding to natural disasters and emergencies. The rebuilding of communities affected by climate change and natural disasters must include climate resilience initiatives to mitigate the impact of future disasters and build back better.

More information:
www.uia-architectes.org

Премия Патрика Аберкромби была присуждена градостроителю, архитектору и профессору Хуану Бускетсу-и-Грау из Испании.

Архитектурная премия Василиса Сгутаса была присуждена четырём номинантам: Дэвиду Кауницу и Ка Вай Юн из Австралии, Наде Тромп из Южной Африки и китайскому инженеру Цзянсун Лу.

Жюри также удостоило поощрительными премиями индийского архитектора Бринду Сомаяя и польскую команду Biuro Projektów Lewicki Łatak.

Галерея лауреатов премий МСА доступна на сайте:
<https://uia.awardsplatform.com/gallery/BjRqxxeg>

Копенгаген назван мировой столицей архитектуры-2023

Город Копенгаген был официально провозглашен мировой столицей

Winners: 2021 UIA Triennial Gold Medal and Prizes

To encourage merit, recognise talent and reward achievement, the UIA awards a Gold Medal and five prizes during the triennial UIA World Congress. The 2021 UIA World Congress in Rio de Janeiro, Brazil is the first to be held virtually.

The UIA Gold Medal is awarded to Brazilian architect Paulo Mendes da Rocha, whose timeless work has marked the field of architecture.

The Robert Matthew Prize for Sustainable & Humane Environments was attributed to Burkina Faso architect Francis Kéré.

The Jean Tschumi Prize for Architectural Writing was attributed to Turkish

architectural historian and conservation expert Doğan Kuban.

For the first time, the Jury attributed The Auguste Perret Prize for Technology to two architects: Indian architect Anupama Kundoo and French architect Rudy Ricciotti.

The Jury chose to attribute the Patrick Abercrombie Prize to Spanish urban planner, architect and professor Joan Busquets i Grau.

The Vassilis Sgoutas Prize was attributed to three winners: David Kaunitz and Ka Wai Yeung (Australia), Nadia Tromp (South Africa) and Jiansong Lu (China).

The jury further attributed two mentions: Indian architect Brinda Somaya

and the Polish team, Biuro Projektów Lewicki Łatak.

To see all the UIA Triennial Prize Winners, visit the Winners' Gallery:
<https://uia.awardsplatform.com/gallery/BjRqxxeg>

Copenhagen named UNESCO-UIA World Capital of Architecture for 2023

The city of Copenhagen has been officially designated as World Capital of Architecture for 2023 by the Director-General of UNESCO, Audrey Azoulay, on the recommendation of the UIA General Assembly.

As the World Capital of Architecture for 2023, Copenhagen will host a series of major events and programmes on the

архитектуры на 2023 год генеральным директором ЮНЕСКО Одри Азуле согласно рекомендациям Генеральной ассамблеи МСА.

В новом качестве Копенгаген примет ряд важнейших мероприятий и программ на тему «Устойчивое будущее – никого не оставить в стороне».

Дополнительная информация:
www.uia-architectes.org

Мировые победители международного конкурса VELUX-2020

Группа VELUX объявила мировых победителей Международной студенческой награды VELUX в области архитектуры за 2020 год. Студенты из 250 архитектурных вузов 60 стран представили на суд жюри 579 проектов, связанных с использованием дневного света.

«Световой люк для солнечного опреснения» – проект Генри Глого из Датской королевской академии изящных искусств (Дания) под руководством профессора Дэвида Гарсии – был выбран победителем в категории «Дневной свет в зданиях».

В категории «Исследования дневного света» победил проект «Театр света» польской команды под руководством профессора Иржи Воеводки, в которую вошли Юлия Гижевска, Доминик Ковальски и Павел Бялас из Силезского технологического университета (Польша).

Дополнительная информация:
<https://www.daylightandarchitecture.com/iva/2020-projects/>

^ «Световой люк для солнечного опреснения» – проект Генри Глого из Датской королевской академии изящных искусств (Дания) под руководством профессора Дэвида Гарсии / Solar Desalination Skylight, a project by Henry Glogau from the Royal Danish Academy of Fine Arts, (Denmark), under the supervision of Professor David Garcia

theme “Sustainable Futures – Leave No One Behind.”

More information:
www.uia-architectes.org

International VELUX Award 2020 global winners

The VELUX Group has announced the global winners for the 2020 Edition of the International VELUX Award for students of architecture. A total of 579 daylight projects were submitted by students from 250 schools of architecture in 60 countries.

Solar Desalination Skylight, a project by Henry Glogau from the Royal Danish Academy of Fine Arts, (Denmark), under the supervision of Professor David Garcia,

was selected winner in the Daylight in Buildings category.

The Theatre of Light, a project by Polish team of Julia Gizewska, Dominik Kowalski and Paweł Białas from the Silesian University of Technology (Poland), under the supervision of Professor Jerzy Wojewódka, was declared winner in the Daylight Investigations category.

More information: <https://www.daylightandarchitecture.com/iva/2020-projects/>

The Winners of the 2021 Kaira Loro Competition for a Women’s House in Africa

The objective of this year’s edition of the Kaira Loro international architecture competition was to design a women’s

house created to promote gender equality as a determining factor for development in rural Africa.

The winner of the 2021 edition is Juan Pablo Lopez Isabella from Uruguay. The second prize was won by a team from Portugal made up of David Gonçalves, João Dias, Gonçalo, Santos, Pedro Gomes, Daniel Simões. The third place comes from Italy with a team made up of Annachiara Trabacchin, Elena Paccagnella, Gloria Aiolfi, Alberto Martini.

The winning project will be built by the Balouo Salo humanitarian organization as a charity project in a small village in southern Senegal.

More information:
<http://www.kairaloro.com>

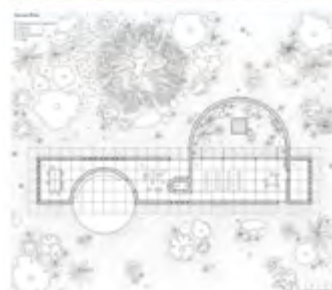
Победители конкурса Kaira Loro на проект дома для женщин в Африке

В этом году целью конкурса Kaira Loro было создание проекта дома для женщин, чтобы способствовать обеспечению гендерного равенства как ключевого фактора развития африканской деревни.

Победителем конкурса стал Хуан Пабло Лопес из Уругвая. Второе место получила команда из Португалии, в состав которой вошли Давид Гонсалес, Жуан Диас, Гонсало Сантос, Педро Гомес, Даниэль Симос. Третье место заняла итальянская команда: Аннакиара Трабаккин, Елена Пачанелла, Глория Аиолфи, Альберто Мартини.

Проект победителя будет реализован благотворительной организацией Balouo Salo в маленькой деревушке на юге Сенегала.

Дополнительная информация:
<http://www.kairaloro.com>

< v Проект Хуана Пабло Лопес Изабеллы из Уругвая для конкурса Kaira Loro / Project by Juan Pablo Lopez Isabella from Uruguay for Kaira Loro Competition

Текст представляет собой доклад президента РААСН по теме научной части РААСН, прочитанный на Общем собрании членов РААСН в июне 2021 г. в дистанционном формате. В докладе содержится обзор и анализ наиболее важных проблем, стоящих перед архитектурной и градостроительной отраслью в эпоху перехода в постиндустриальное историческое пространство: создание комфортной городской среды, масштабное решение проблем жилья, внедрение цифровизации, соблюдение экологических норм и научное обеспечение прорыва в социально-экономической эволюции России, захватывающего сферу компетенции РААСН.

Ключевые слова: РААСН; национальные проекты; перспективы развития; комфортная среда; цифровизация; инфраструктура; человеческий потенциал. /

The report of the president of the RAACS concerning the scientific activities of the RAACS was presented online at the General meeting of the RAACS members in June 2021. The report contains the review and analysis of the most urgent problems faced in architecture and town planning in a time of transition to the post-industrial historical space: creating a comfortable urban environment, a large-scale solution for housing problems, implementation of digitalization, environmental compliance and scientific support for the breakthrough in the socio-economic evolution of Russia, which falls under the competence of the RAACS.

Keywords: RAACS; national projects; development prospects; comfortable environment; digitalization; infrastructure; human potential.

Будущее России. Национальные проекты. Проблемы и перспективы / The future of Russia. National projects. Problems and prospects

текст
Дмитрий Швидковский
РААСН;
Московский архитектурный институт
(Государственная академия) /
text
Dmitry Shvidkovsky
RAACS;
Moscow Architectural Institute (State
Academy)

Дорогие, уважаемые коллеги!

К сожалению, сегодня мы встречаемся с Вами в виртуальном формате, но я надеюсь, что вторая часть нашего собрания, посвященная выборам в Академию, пройдет очно.

Прежде всего, мы должны вспомнить об ушедших в последний год членах Академии; их много, и это трудновосполнимая потеря. Если бы не совершенно преждевременная кончина президента нашей Академии Александра Викторовича Кузьмина, его огромный опыт, разносторонний талант, прекрасная человеческая сущность принесли бы очень многое в развитии РААСН в трудной сегодняшней ситуации. В 2021 г. ему бы исполнилось всего 70 лет, и мы осуществим мемориальную программу его памяти.

Надеюсь, тем не менее, что Академия и сегодня занимает заметное место в архитектурно-строительной отрасли и будет постоянно укреплять свое положение на благо нашего Отечества.

Занятые большой каждодневной работой, мы не всегда формулируем отчетливо, что же происходит в настоящий момент в нашей жизни и в развитии страны. Однако это необходимо для определения целей фундаментальной научной, профессиональной и общественной деятельности Академии.

Мы переживаем беспрецедентный исторический момент в истории России и мира. Стало окончательно очевидно, что самый смелый эксперимент в развитии человечества, предпринятый с верой в лучшее будущее народом России, создание коммунистического общества, не привел к позитивным результатам. Не была создана и эффективная модель современного социализма. Великая утопия не удалась. Сейчас мы живем в эпоху перехода от советского времени в постиндустриальное историческое пространство, контуры которого не вполне определены ни на Западе, ни в странах так называемого Третьего мира, ни у нас в России. Возвращения в прежние периоды истории – ни в дореволюционную, ни в советскую эпохи – даже теоретически произойти не может. Успешного ретроразвития не бывает.

Перед нами путь в будущее, пока неизвестное. Только с помощью фундаментальной науки, в которой существенную роль играют сферы компетенции

нашей Академии, может быть дан обоснованный и достоверный прогноз.

Путь в будущее не может происходить вне пространства, вне антропогенной жизненной среды; как говорится более точно на английском – Built Environment. Члены РААСН в силах создать выверенные представления и в архитектурной, и в градостроительной, и в строительной области – многоаспектную, полифоническую картину пространственного мира современного российского человека, определить важные для его жизнедеятельности критерии развития, сложные и междисциплинарные, основанные на научном анализе существующей ситуации в контексте происхождения и перспектив, характерных для настоящего мгновения истории.

Президент Российской Федерации В. В. Путин и Правительство нашей страны, формулируя цели развития государства и общества, задачи национальных проектов, определили существенные положения совершенствования жизни в пространстве России. И во главу угла поставлено обеспечение адекватных условий существования в сегодняшнем мире.

Среди важнейших целей – обеспечение комфортного жилья для всего населения страны. Власть с определенностью

утверждает, что не только дома и квартиры определяют качество жизни, но и вся комфортная среда жизнедеятельности в целом (национальные проекты «Жилье» и «Городская среда»). При этом имеются в виду комплексные условия развития в огромных масштабах – и экономические, и социальные, и градостроительные, и архитектурные, и строительные, и технические. Особенно отчетливо будущие перспективы в области работы нашей Академии показаны в докладе вице-премьера Правительства Российской Федерации М. Ш. Хуснулина на заседании Государственного совета «Агрессивное развитие инфраструктуры». Чрезвычайно важна также технологическая основа всех аспектов пространственного развития, которая предполагает качественное изменение информационной среды за счет цифровизации в нашей сфере, предполагающей преимущественное развитие BIM-технологий (национальный проект «Цифровизация»). Это возможно осуществить на основании совершенствования системы высшего и среднего образования, массированного и непрерывного повышения квалификации действующих специалистов (национальный проект «Образование»).

В рамках компетенции Российской академии архитектуры и строительных наук представляется, что осуществление национальных проектов должно опираться на достижения фундаментальной науки. По существу, именно использование наиболее современных исследований мирового уровня и научное сопровождение, мониторинг деятельности в области осуществления национальных проектов с позиций междисциплинарных научных компетенций профессионального сообщества РААСН, на наш взгляд, способны максимально и принципиально содействовать целям Президента и Правительства Российской Федерации.

Наш подход исходит из мирового мейнстрима, как стали говорить, пространственных наук – теории устойчивого (sustainable) развития жизненной среды на основании научных строительных, градостроительных и архитектурных решений конкретных проблем, предполагающих дру-

жественное отношение к природе и истории, обращенное ко всему времени существования планеты. Речь идет об очень давних традициях экологического равновесия природных и антропогенных факторов, преемственного развития систем расселения, форм градостроительного единства, наукоемких способах строительного производства и учета их регионального своеобразия.

В России соединяется значительное число традиционных культур, и в каждой из них заключены особые, неповторимые открытия методов пространственного развития и формирования адекватной в экологическом отношении устойчивой среды обитания. Крупные исторические начинания по управлению пространственным развитием России со времени царя Ивана Грозного через поистине грандиозные мероприятия эпохи Просвещения и XIX столетия: генеральное межевание, перепланировка всех административных центров Российской империи на основе регулярного градостроительства, преобразование сельской местности за счет строительства сотен тысяч усадеб, создание заводских комплексов, превратившихся в действующие до наших дней промышленные города, внедрение новых строительных методов, стандартов и научных достижений и сегодня безразличны для существования и эволюции инфраструктуры и жизненной среды России. И для нашей страны, и для СНГ исключительно важен анализ советского строительного, архитектурного, градостроительного опыта, когда в течение большей части XX столетия совершилось введение единых параметров и методов создания жизненной и производственной среды в масштабах всей страны. Как я говорил в начале выступления, наш путь идет от этого опыта в будущее, которое должно быть определено фундаментальной академической и вузовской наукой.

В этом заключен вызов нашего времени, и РААСН подготовлена к нему и обладает всеми необходимыми компетенциями. К сожалению, обществу и государству нужно постоянно, особенно сейчас, настойчиво и изобретательно доказывать первостепен-

ное значение научного сопровождения национальных проектов. Информационная составляющая деятельности нашей Академии и, увы, трех других государственных академий, недостаточна. Мы заострены на публикациях в изданиях, входящих в российские и международные базы наукометрических данных, и здесь РААСН перевыполняет положенные показатели, что совершенно нормально. Но историческая ситуация в нашем обществе и государстве необычна и требует новых и более активных способов взаимодействия с Правительством Российской Федерации, Министерством строительства и ЖКХ Российской Федерации, общественными организациями строителей, архитекторов, проектировщиков и СМИ. Надеемся, что члены Академии и ее Президиума определяют наиболее эффективные формы и программу такого сотрудничества в контексте национальных целей, сформулированных Президентом Российской Федерации В. В. Путиным.

Принципиально важно также развитие Академии в российских регионах; в отношении этого в наших рядах присутствует консенсус. Однако юридическая база такого развития нуждается в совершенствовании, и специалисты начали разработку предложений Правительству Российской Федерации и Министерству строительства и ЖКХ Российской Федерации по изменению некоторых статей устава, положений об Отделениях Академии и других актов. Невозможно представить себе Российскую государственную академию наук без определенной и всесторонней поддержки коллег на всей территории страны.

В отношении развития строительных наук Академия, безусловно, опирается на профильное отделение, объединяющее наиболее выдающихся профессионалов этой области знания в России и мире. По мнению вице-президента РААСН по направлению «Строительные науки» академика РААСН В. И. Травуша, современная архитектурно-строительная наука, с одной стороны, занята выработкой и систематизацией объективных знаний о человеке как основном потребителе

архитектурных знаний (причем само потребление рассматривается двойственно, как эстетически-функциональное), а с другой – создает теорию сооружений, изучает строительные материалы и технологию строительства.

К актуальным задачам современного строительства относится выпуск эффективных сборных строительных элементов, легких экономических крупноразмерных конструкций улучшенного качества с высокой степенью заводской готовности, обеспечивающих максимальный уровень индустриализации. В РААСН проводятся также работы по использованию местных природных сырьевых ресурсов, продуктов переработки многотоннажных техногенных образований промышленности предприятий черной и цветной металлургии, топливной энергетики и химической промышленности. Доказана целесообразность замены природных сырьевых материалов, применяемых для производства основных составляющих бетонов (цементов и заполнителей), на существенно менее энергоемкие и более экономичные малоклинкерные вяжущие, производимые по отечественным низкоэнергоемким и экологически чистым технологиям. Отметим также разработанные в РААСН технологии производства стеновых блоков из конструкционно-теплоизоляционные и теплоизоляционные пенобетон, полистиролбетон, а также легкие бетоны на основе местного сырья, например, на основе переработки вулканических горных пород.

Развитие строительной механики связано прежде всего с проблемой механической безопасности зданий и сооружений. В ближайшей перспективе решение новых задач этого направления будет носить междисциплинарный характер. Особое внимание при этом будет уделяться анализу поведения сложных конструктивных систем в запредельных состояниях и связанных с этим задачами конструктивной физической и геометрической нелинейностей, а также формулировками и решением задач, связанных с защитой вновь возводимых и реконструируемых зданий и сооружений от прогрессирующего разрушения, теорией живучести

в нелинейной и неравновесной постановках.

Продолжится интенсивное развитие цифровых технологий, которое будет связано с совершенствованием расчетных и математических моделей, применяемых в программных комплексах в направлении более строгого учета физики исследуемых явлений, диаграмм состояний и реологии материалов и грунтов, режимов нагружения, методов анализа механической безопасности рассматриваемых объектов в соответствии с национальным проектом «Цифровизация».

Сохранят свою актуальность задачи, связанные с динамикой и особенно с сейсмостойкостью сооружений. Потребуется доработка критериев динамической, статико-динамической и ударной прочности и пластичности новых конструкционных, в том числе высокопрочных материалов с новыми свойствами, а также оснований под сооружениями. Для повышения сейсмической безопасности сооружений в сейсмоопасных районах нашей страны необходимо провести исследования по допускаемым предельным состояниям зданий и сооружений. И если аналитические оценки прогноза поведения сооружений при землетрясениях у нас в стране находятся на должном уровне в мире, то планируемый прогноз поведения сооружений требует значительного развития и больших материальных затрат. Для решения этих задач требуется создание специальных полигонов по изучению свойств полей сейсмических движений грунта при землетрясениях, для испытаний крупномасштабных и полноразмерных моделей сооружений на имитационные взрывные и на естественные сейсмические воздействия в районах с высокой сейсмичностью (Камчатка, Алтай, Северный Кавказ).

Отечественными учеными созданы диаграммные методы расчета строительных конструкций из различных материалов. Однако, эти расчетные модели нуждаются в постоянном развитии применительно к современным высокопрочным бетонам, металлам, обычной и клееной древесине, к более полному учету сложных видов напряженных состояний, режимов нагруже-

ний и воздействий, что требует экспериментальных исследований на специально создаваемом нестандартном оборудовании и с применением современных измерительных средств.

Разработанные в нашей стране высокопрочные бетоны и стали позволили значительно уменьшить материалоемкость строительных конструкций и получить более совершенные архитектурные решения. Для восприятия значительных вертикальных и изгибающих нагрузок на колонны высотных зданий были разработаны, экспериментально исследованы и применены композитные сталежелезобетонные колонны с жесткой арматурой с использованием высокопрочных бетонов и сталей, а также разработан Свод Правил на различные виды композитных сталежелезобетонных конструкций.

Взаимосвязь формы конструкции и ее несущей способности претерпевает постоянные изменения по мере совершенствования знаний о свойствах материалов, особенно новых и методах их расчета. Пространственные конструкции представляют архитектуру и инженеру редкую возможность свободного выбора архитектурного и конструктивного решения, особенно для монументальных сооружений, подчеркивая их назначение и местоположение. Целесообразно применение сетчатых оболочек или плоских структур для перекрытия больших пространств в Арктике, создавая крытые дворы между домами.

Что касается жилищного строительства, то доля индустриальных домов в объеме жилищного строительства многоквартирных домов в стране составляет около 11 млн. м² при том, что мощности домостроительных предприятий используется на 25–30%. Вместе с тем крупнопанельное жильё, которое строится в большинстве регионов страны – это дома с так называемым «узким» шагом несущих стен. Необходимо более значительное использование индустриальной базы домостроения, но на основе обновленной проектной базы, исключаящей применение узкого шага несущих стен. Перспективным является строительство панельно-моноклитных домов, которое берет лучшее от панельного домострое-

ния – конвейерное производство изделий с гарантированным заводским качеством, от монолитного – бетонизируемые петлевые соединения (нет сварки), от каркасного – свободную планировку первого и подземных этажей.

В последние годы увеличивается количество малоэтажных домов. Начинают строиться жилые малоэтажные дома из панельных железобетонных конструкций заводского изготовления. Постепенно наращивает свои объемы деревянное домостроение. Сейчас доля малоэтажных деревянных домов не более 6%. Согласно прогнозам, в долгосрочной перспективе до 2030 года можно ожидать увеличение темпов роста на 20–25%. Надо отметить также, что наиболее популярными среди населения остаются дома из массивной древесины. Несмотря на дороговизну и значительную долю ручной сборки, их доля составляет около 70% всего деревянного домостроения, а суммарная доля каркасных и панельных домов оценивается в 30%. В Европе эти показатели прямо противоположны: около 80% составляет индустриальное домостроение и 20% – производство с нетехнологической обработкой древесины.

Незначительный процент составляют дома с применением легких стальных конструкций в сборном стоечно-балочном каркасе. Элементы каркаса изготавливаются заводским способом из оцинкованного стального проката толщиной 1–2 мм. Отметим, что деревянные и легкие стальные конструкции также можно применять для создания быстровозводимых модульных зданий в северных районах, районах катастроф, вахтовых поселках и т. д.

В НИИСФ РААСН проводятся исследования новейших теплоизоляционных материалов и изделий, таких как аэрогели и вакуумные панели со сверхнизкой теплопроводностью. Применение и использование новейших теплоизоляционных материалов в строительстве и технической изоляции позволит значительно снизить тепловые потери через утепляемые ограждающие конструкции, трубопроводы и промышленные объекты, позволит существенно уменьшить толщины изоляционных слоев,

что положительно скажется на рациональном использовании площадей зданий и сооружений, позволит улучшить показатели энергоэффективности и энергосбережения в строительстве и промышленности.

В настоящее время все большее внимание уделяется созданию новых строительных акустических материалов с искусственно заданными характеристиками, в частности, метаматериалы, которые на порядок улучшают звукоизолирующие и звукопоглощающие характеристики ограждающих конструкций зданий и сооружений. Для оценки эффективности конструкций наружных ограждений – фасадных светопрозрачных и непрозрачных, различных конструкций окон и покрытий на территории НИИСФ РААСН возводится стенд с смонтированными в наружные ограждения и фундамент температурными и деформационными датчиками. Размеры экспериментального павильона – 10 м 25 м при высоте 8 м. Данный экспериментальный стенд позволит оценить эксплуатационные параметры тепловой защиты и тепловые потери различных наружных ограждений в реальных условиях эксплуатации города Москвы, включая конструкцию крыши, а также определить энергоэффективность применяемых конструктивных решений различных видов ограждений и их взаимосочетаний. Ожидаемый пуск павильона – июль 2021 г. Будет проведен комплекс научных исследований по созданию эффективного освещения, включая проблемы учета особенностей светового климата регионов России, обеспечение естественным светом помещений в плотной жилой застройке; освещения подземных пространств естественным светом с внедрением систем световодов и т. д.

В России существует огромное количество зданий с низкими показателями по энергосбережению и недостаточное использование новых инновационных технологий, связанных с энергетической эффективностью зданий. После реконструкции жилые дома должны быть с низким потреблением энергии.

Водоснабжение и водоотведение является одной из приоритетных проблем, решение кото-

рой необходимо для сохранения здоровья, улучшения условий деятельности и повышения уровня жизни населения. Основной проблемой является обеспечение качества питьевой воды. Для повышения эффективности очистки природных и сточных вод используется азотатор-окислитель с высокоимпульсным электроразрядом, обеспечивающий образование соединений, обладающих высокой окислительной способностью.

Перспективным направлением в очистке сточных вод является создание систем, предусматривающих повторное использование сточных вод. Важным направлением экологической безопасности водоочистных сооружений является утилизация образующихся в процессе очистки осадков. Перспективным направлением является их использование в производстве строительных материалов.

Для достижения высокого качества очистки природных вод от органических примесей используются угольные сорбционные фильтры. Перспективным направлением является модифицирование угольных сорбентов, повышающее их адсорбционную емкость в 1,5–2 раза. С целью снижения расходов на очистку воды перспективным является использование комплексных реагентов, полученных смешением в определенных пропорциях коагулянтов и флокулянтов.

Для обеззараживания природных и сточных вод перспективным реагентом является гипохлорит натрия, позволяющий повысить производственную безопасность и качество воды в сравнении с традиционным хлором. При обеспечении качественной транспортировки воды перспективным способом является обеззараживание ультрафиолетом. Этот способ позволяет обезвреживать патогенные микроорганизмы и не образует вторичных продуктов. Перспективным направлением обеспечения качественной и эффективной транспортировки воды является применение современных насосов и оборудования, обеспечивающих автоматическое регулирование и поддержание стабильного напора и расхода, разделение системы водоснабжения городов на техническую

и питьевую. Применение современных полимерных и композитных материалов для изготовления труб и рабочих поверхностей технологического оборудования сокращает сопротивление в системах, обеспечивает их механическую и химическую стойкость к воздействию воды и содержащихся в ней соединений, снижает аварийность и себестоимость транспортировки воды. Для обеспечения снижения затрат на эксплуатацию сооружений водоснабжения и водоотведения необходимо внедрить систему автоматического контроля и регулирования как качества очистки воды на каждом этапе, так и ее транспортировки до потребителя с использованием современных цифровых комплексов.

Российская академия архитектуры и строительных наук ежегодно издает «Альбом инновационных предложений РААСН» в области архитектуры, градостроительства и строительных наук. Архитектурно-строительный комплекс страны имеет серьезные достижения, и мы надеемся, что его дальнейшее развитие будет еще более успешным, поскольку предстоит весьма серьезные государственные задачи:

- комфортная и безопасная городская среда;
- развитие инфраструктуры;
- строительство в Арктической зоне;
- снижение негативного воздействия на Природу;
- развитие человеческого потенциала и сбережения населения.

Тематика инновационного альбома очень широка, и каждое предложение изложено весьма кратко, однако полную информацию доступно получить, обратившись к авторам инноваций.

Иными словами, кратко: деятельность РААСН в области строительных наук покрывает многие вопросы, которые ставят перед нашей отраслью национальные проекты и, несомненно, носит фундаментальный характер, оставаясь современной, актуальной, инновационной и исключительно важной для создания комфортной городской среды, масштабного решения проблем жилья, внедрения цифровизации, соблюдения экологических

норм и прежде всего – научного обеспечения прорыва в социально-экономической эволюции России, безусловно захватывающего сферу компетенции РААСН.

И еще одно – эстетическая составляющая строительного, архитектурного, градостроительного искусств. Один из советских поэтов в эпоху индустриализации и типизации строительства и архитектуры написал: «Следующее после нас поколение, // Осуществляя свои мечты, // Пусть оно борется за покорение // Не только пользы, но и красоты...» Надеюсь, что он имел в виду работу всех Отделений Российской академии архитектуры и строительных наук в наше время.

> Рис. 1. I место. Торгово-выставочный мебельный центр в г. Кемерово

Конкурс на лучшую архитектурную концепцию торгово-выставочного мебельного центра в г. Кемерово (проспект Октябрьский, 55) / Competition for the best architectural concept of the trade and exhibition furniture center in Kemerovo (55 Prospekt Oktyabrsky)

текст

Сергей Зыков

Кемеровская организация САР /

text

Sergey Zykov

Kemerovo organization of the Union of Architects of Russia

Заказчик: Индивидуальный предприниматель Л. Г. Давидова (представитель – Р. Х. Ядадияев).

Организатор: Кемеровская региональная организация Союза архитекторов России; при поддержке Главного управления архитектуры и градостроительства Кузбасса, Управления архитектуры и градостроительства г. Кемерово.

На конкурс представлено 20 работ. Широкой была география участников – от Минска до Читы. Участвовали как профессиональные архитекторы, так и студенты.

Жюри конкурса состояло из 9 человек, из которых 6 – практикующие архитекторы, члены Союза архитекторов из Кемерово, Томска и Иркутска, 2 – руково-

дители управлений архитектуры области и города, 1 – представитель заказчика.

В ходе обсуждения жюри отобрало 10 лучших работ. Затем были определены призеры и дипломанты.

По итогам голосования конкурсного жюри определены призеры конкурса.

I место – архитектурная фирма «АЛКУТА», руководитель творческого коллектива Алексей Куковякин, г. Екатеринбург, девиз 082752. – URL: <https://cloud.mail.ru/public/7u6e/yjKrtWrrU>.

II место – ООО архитектурная группа «Среда», руководители творческого коллектива Евгений Логвинов, Алексей Тетёркин, г. Санкт-Петербург, девиз 777177. – URL: <https://yadi.sk/d/u6Az0bYJ5QtQjw>.

III место – Александр Винокуров, г. Новосибирск, девиз 323846. – URL: https://yadi.sk/d/I_4dch3GEDNinA.

Дипломом заказчика конкурса и дипломом Кемеровской организации Союза архитекторов России награждается работа, занявшая IV место, девиз 216920, автор Алексей Дунаев, г. Дубна, Московская обл.

Дипломами Кемеровской организации Союза архитекторов России отмечены следующие работы:

– девиз 173118, авторы Михаил Митерев, Елизавета Митерева, г. Москва. – URL: [ecspedition.space](https://yadi.sk/d/...)

– девиз 659297, авторы Арина Боровикова, Ариадна Авсахова, Уфимский государственный нефтяной технический университет, г. Уфа;

в Рис. 3. II место. Архитектурная концепция торгово-выставочного центра. Общий вид

в Рис. 4. II место. Архитектурная концепция торгово-выставочного центра. Атриум

< Рис. 2. I место. Торгово-выставочный мебельный центр в г. Кемерово.

– девиз 477307, 000 «Кубик АБ», автор Александр Климов, г. Кемерово.

Главными задачами конкурса являлись поиски выразительного объемно-пространственного и архитектурно-композиционного решения объекта с довольно утилитарной торгово-выставочной функцией, отвечающей требованиям практичности и рациональности в условиях сложившейся окружающей застройки, требующей упорядочения транспортных и пешеходных связей, благоустройства территории.

Концепция, получившая I место, отличается лаконичностью форм и возможностью многофункционального использования свободно перетекающего внутреннего общественного пространства – городской площади под стеклянной крышей.

Светлые глухие плоскости фасадов используются для световых инсталляций и размещения светодиодных экранов.

Работа, занявшая II место, выделяется цельностью и стройным изяществом простого архитектурного объема, который, благодаря легкому повороту плана, становится главной доминантой в окружающей застройке. Внутреннее коммерческое пространство компактно формируется вокруг центрального атриума. Портик по периметру здания образует переходное буферное пространство между интерьером и экстерьером.

III место получил проект, имеющий рациональное и экономичное объемно-планировочное решение, максимальный процент выхода коммерческой площади в объеме здания. Мягкий, слегка

обтекаемый абрис плана и вертикальный ритм витражей придают определенное своеобразие внешнему облику.

На конкурсе в Кемерово мы получили первый опыт, когда частный инвестор объявляет открытый конкурс архитектурных идей с целью выбора лучших решений не только для своего бизнеса, но и в целом для города и его жителей.

Кемеровская региональная организация Союза архитекторов выражает огромную благодарность заказчику в лице его представителя Р. Х. Ядадияева за смелость и решимость провести этот конкурс и учредить денежные вознаграждения призерам.

По условиям конкурса окончательное решение – реализуемый проект – остается за заказчиком. Будет изучен и проанализирован

весь конкурсный материал, на основе которого, возможно, появится новый проект. Тем не менее, трудно переоценить результаты этого конкурса, который, надеюсь, заложил новые традиции в подходе к проектированию значимых в градостроительном отношении объектов во всем Кемеровском регионе.

в Рис. 5. III место. Торгово-выставочный центр. Фасады. Визуализация

в Рис. 6. III место. Объемно-планировочные решения. Визуализация атриума

Открытый конкурс «**Дом с видом на будущее**», стартовавший 25 февраля по инициативе Иркутской региональной организации Союза архитекторов России, компаний ГК PROSTOR GROUP и строительной компании «Победа», завершился в Иркутске. **26 мая жюри** в составе иркутских архитекторов О. Б. Бадуды, Н. Л. Жуковского, И. К. Журавлева, А. Н. Юшкова определило победителей по двум направлениям конкурса, а 9 июня в Иркутском Доме архитектора инициаторы конкурса вручили премии победителям. Среди них – А. А. Городюк, С. А. Ананьев, В. Н. Акулов, Р. О. Колесников, А. Ю. Хлебников.

11 июня усадьба Дома архитекторов принарядилась: вечером **Клуб молодых архитекторов** праздновал свое **15-летие**.

Иркутская региональная организация Союза архитекторов РФ по результатам проведенного **3 июня** выездного заседания Правления начала цикл мероприятий, результатом которых должна стать Концепция сохранения и приспособления под общеобразовательное учреждение здания бывших казарменных помещений Иркутского высшего военного авиационного инженерного училища (ИВВАИУ) – здания бывшего учебного корпуса **Кадетского училища**, расположенного по адресу: ул. Советская, 178а.

Материалы по объекту см. в этом номере пб.

Первое мероприятие цикла – заседание дискуссионного клуба «Сохранение и приспособление бывшего учебного корпуса Кадетского училища под общеобразовательную среднюю школу» состоялось **17 июня** в Доме архитектора. До начала дискуссии был заслушан рассказ об истории здания и всего ансамбля и была показана презентация «НАСЛЕДИЕ И ФУНКЦИЯ. ШКОЛЫ».

18 июня в Иркутском Доме архитектора состоялся литературный вечер архитектора, художника, преподавателя и автора нескольких сборников произведений **Бориса Хадеева**.

Борис Алексеевич прочел отрывки из сборника повестей «Деревянная лошадка Модын Унган», ранние лирические и более зрелые «Стихи из степной тиши», познакомил архитекторов с современными сибирскими сказками, навеянными историей Иркутской земли.

19 июня, в день, когда **Марку Мееровичу** исполнилось бы 65 лет, была учреждена премия (стипендия) его имени. Премия ежегодно будет присуждаться студентам, исследователям, ученым, архитекторам, авторам монографий, статей и т. д. за работы и достижения в области наследия и его защиты. Премия станет стимулом для архитекторов, которые разделяют взгляды Марка Мееровича. Знаменательно, что процедура учреждения именной премии состоялась в 130 квартале Иркутска: ведь Марк был одним из создателей этого проекта. Премия в честь известного архитектора, доктора исторических наук и доктора архитектуры, настоящего рыцаря деревянного Иркутска, чья принципиальная позиция и авторитет позволяли сохранять исторический облик города, учредили его

коллеги и друзья: архитектор Елена Григорьева, председатель иркутского отделения ВООПИК Алексей Чертилов и фонд «В поле зрения».

В двадцать пятый раз в Новосибирске прошел независимый архитектурный рейтинг **ЗОЛОТАЯ КАПИТЕЛЬ**.

В этом году организаторами в процедуру определения победителей привнесена живая коммуникация в дополнение к ставшему уже привычным использованию цифровых технологий. Чтобы выровнять слишком сильный крен в сторону цифровизации, оргкомитет Рейтинга ввел третью ступень оценки работ – суперфиналы – очные защиты с личным присутствием участников и членов жюри.

Победителями одного из суперфиналов стали наши иркутские коллеги Антон Былков и Руслан Валеев с работой «Павильон продаж для ЖК «Сибиряков» в Иркутске», получившей награду **«Лучший проект Сибири»**.

С 24 по 26 июня в Калининграде прошел IV Всероссийский фестиваль **«Архитектурное наследие 2021»** – одно из плановых мероприятий Года архитектуры и градостроительства в СНГ. Организатором, как всегда, выступил Союз архитекторов России. Тема фестиваля – «Историческое наследие и комфортная среда обитания». Гран-при получил Алексей Гинсбург со своей командой за реставрацию Дома Наркомфина.

Калининград принимал фестиваль вслед за Москвой, Казанью и Питером. На проведение следующего претендуют Дербент, Нижний Новгород и Тобольск.

1 июля в Доме архитектора прошел мастер-класс «Снести нельзя сохранить». Он был адресован тем, кому интересно, чем занимаются архитекторы-реставраторы. Реставраторы АРМ-10 рассказали о своих работах и проблемах профессии.

19 августа Федеральная комиссия подвела итоги V Всероссийского конкурса **«Комfortная среда малых городов и исторических поселений»**, а 25 августа они были официально оглашены на форуме в Нижнем Новгороде. В конкурсе участвуют города с численностью населения до 100 тыс. человек, а также исторические поселения федерального и регионального значения. В списке победителей-2021 сибиряки выглядят очень представительно: Алзамай, Усть-Илимск, Шелехов, Свирск, Усть-Кут (Иркутская область), Дивногорск, Дудинка, Железногорск, Сосногорск, Ужур (Красноярский край), Туран (республика Тыва), Гурьевск и Ленинск-Кузнецкий (Кемеровская область), Асино и Колпашево (Томская область).

Всего в рамках пятого конкурса определены 160 победителей, среди которых распределен призовой фонд общим размером в 10 млрд рублей.

glocal

В статье рассмотрено понятие глокальности применительно к архитектуре и градостроительству. Предлагается формулировка понятия глокальности как воплощения глобальных трендов в локальные формы, учитывающие историко-географические и культурные особенности данного хронотопа. Отклонение баланса в сторону глобальности приводит к унификации, стиранию локальных особенностей. Напротив, преобладание локального аспекта ведет к «культурному национализму», отрыву от общечеловеческого информационного пространства и творческому бесплодию.

Ключевые слова: архитектура; урбанистика; глобальность; локальность; глокальность; глобальная унификация; сепаратизм; культурный национализм./

The article examines the concept of glocality in relation to architecture and urban planning. The notion of glocality is proposed as an embodiment of global trends in local forms, taking into account the historical, geographical and cultural characteristics of the given chronotope. The deviation of the balance towards globality leads to unification, erasure of local features and loss of cultural diversity. On the contrary, the predominance of the local aspect leads to "cultural nationalism", separation from the global information space and artistic barrenness.

Keywords: architecture; urban studies; globality; locality; glocality; global unification; separatism; cultural nationalism.

Глокальная архитектура / Glocal architecture

ТЕКСТ

Константин Лидин /
text
Konstantin Lidin

Введение. Приход глобального мира

В пьесе «Ревизор» у Гоголя Городничий говорит: «Отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь...» Как и многие острые наблюдения гениального художника, эта фраза смешна, потому что отражает целый тип мышления и мировосприятия – мышления человека, который ощущает себя изолированным от «большого мира», запертым в своем узком и душном мирке.

Через полтора года после Гоголя канадский философ Маршалл Маклюэн построил свою теорию исторического прогресса на идее информационной связности человеческих сообществ. В каменном веке люди общались исключительно внутри своей трибы; у каждого человека за всю жизнь было пятнадцать-двадцать собеседников и вообще знакомых. Так продолжалось сорок тысяч лет. Изобретение дорог было первым качественным рывком в развитии цивилизации и привело к появлению городов,

государств, империй, денег и технологического прогресса. Второй столь же революционный прорыв случился в связи с изобретением радио и телевидения. Маклюэн не успел увидеть пришествие «эпохи интернета», которая блестяще подтвердила его философские прозрения. Сегодня на наших глазах формируется единое общечеловеческое информационное пространство – «глобальная деревня», где ничего невозможно скрыть и все всё про всех знают. В виртуальном пространстве можно мгновенно доскакать до любого государства, пообщаться с местными жителями, себя показать и людей посмотреть. Гугл знает всё, а чего не знает Гугл, то известно Яндекс. Сетка связей между людьми стала глобальной.

Термин «глобальность, глобальный» появился относительно недавно. Первое зафиксированное употребление этого слова (globalit) встречается в романе Луи Арагона «Прекрасные окрестности» (1936) [1]. В научной литературе термин globality впервые применил социолог Р. Робертсон в конструкции «глобальное сознание» [2]. По мере того, как большинство людей осознает свою связь со всеми остальными людьми на Земле, и наступает состояние глобальности.

Уже на исходе прошлого, XX века экономист Даниэль Ергин использовал понятие «globality» для изучения процессов глобальной гиперконкуренции, образования транснациональных корпораций и торговых войн между блоками государств [3]. Его исследования основаны на том факте, что впервые в истории человечества рынки и рыночные отношения утратили границы. Возникло единое всемирное экономическое пространство, и чередование подъемов и кризисов, характерное для рыночного капитализма, приобрело общечеловеческий характер.

Глобализация и процессы, входящие в это понятие, притягивала все больше внимания исследователей в самых разных областях. В 2007 г. вышла из печати целая Энциклопедия глобализации [4]. Она включает

< Один из проектов «города будущего» для Китая. Студия Ronald Lu & Partners работает в Азии с 1976 г., но все ее проекты сохраняют полную независимость от культуры этого региона. Яркий пример универсального, супер-глобалистического подхода. По материалам официального сайта студии <http://www.rlphk.com/>

Introduction. The arrival of global world.

In the play "The Inspector-General" by Gogol, the Governor says: "Why, you might gallop three years away from here and reach nowhere".

Like many sharp observations of the brilliant artist, this phrase is ridiculous because it reflects a whole type of thinking and perception of the world – the thinking of a person who feels isolated from the "big world", locked in his narrow and stuffy little world.

A hundred and fifty years after Gogol, the Canadian philosopher Marshall McLuhan built his theory of historical progress on the idea of informational connectivity of human communities. In the Stone Age, people communicated exclusively within their tribe, each person in their entire life had fifteen to twenty acquaintances. This went on for forty thousand years. The invention of roads was the first qualitative leap in the development of civilization and led to the emergence of cities, states, empires, money and technological progress. A second equally revolutionary breakthrough came with the invention of radio and television. McLuhan did not have possibility to see the advent of the "Internet era", which brilliantly confirmed his philosophical insights. Today, before our eyes, a single

universal information space is being formed – the "global village", where nothing can be hidden and everyone knows everything about everyone. In the virtual space, you can instantly jump to any place and communicate with local residents. Google knows everything, and what Google does not know is known to Yandex. The network of connections between people has become global.

The term "globality, global" appeared relatively recently. The first recorded use of this word (globalit) occurs in Louis Aragon's novel Les Beaux Quartiers (Residential Quarter) (Aragon, 1936). In the scientific literature, the term globality was first used by the sociologist R. Robertson in the construction of "global consciousness" (Robertson, 1983). As the majority of people realize their connection with all other people on Earth, a state of globality begins.

Already at the end of the last, twentieth century, economist Daniel Yergin used the concept of "globality" to study the processes of global hypercompetition, the formation of transnational corporations and trade wars between blocks of states (Yergin, 2002). His research is based on the fact that, for the first time in human history, markets and market relations have lost their boundaries. A

множество трактовок этого понятия – от философских до повседневных – и наглядно демонстрирует наступление глобального состояния человечества. Глобальность прочно вошла в лексику и тематику научных исследований в самых разных областях, от экономики до культурологии [5].

1. Глобальность как единообразие

Постепенно стало заметно, что в различных контекстах глобальность как общая идея приобретает весьма разнообразные формы. Одно из самых первых пониманий глобальности отождествило ее с тотальной унификацией.

В романе М. Шолохова «Поднятая целина» мечтатель Макар Нагульнов представляет себе окончательную ликвидацию расизма за счет смешанных браков. В результате смешения рас и народов «<...> все будут личиками приятно-смуглявыми, и все одинаковые». Понимание глобальности как всемирного единообразия, впрочем,

присуще не только Макарам, «живущим, как во сне». Значительное количество архитектурных проектов второй половины XX века посвящены поискам того самого «современного» всемирного стиля, который должен усреднить, перемешать и вытеснить все разнообразие локальных стилей.

На практике никакого усреднения не получилось. Напротив, победила идея глобального распространения одного из локальных архитектурных стилей, и таким стилем стал постмодерн. Именно он оказался достаточно гибким, разнообразным и «всеядным», чтобы распространиться по всему миру, не обращая внимания ни на географические особенности, ни на локальный культурный контекст. Архитектурная мысль стран «первого мира» во главе с американцами брала за образец центр Манхэттена. Города будущего должны были стать копиями Нью-Йоркского скайлайна, и неважно, где они находились – в Америке, Европе, Азии или вообще на Марсе.

< Проект города будущего из альбома студии BIG Formgiving. An Architectural Future History (Taschenbuch, 2021). Нельзя не отметить сходство с проектами городов коммунистического завтра и, с другой стороны, – с картинками грядущего «общества всеобщего процветания» американских футурологов

single world economic space emerged, and the alternation of ups and downs typical for the market capitalism acquired a universal character.

Globalization and the processes included in this concept attracted more and more attention of researchers in various fields. In 2007, the Encyclopedia of Globalization was published (Robertson et al., 2007). It includes many interpretations of this concept – from philosophical to everyday ones – and clearly demonstrates the onset of the global state of humanity. Globality has firmly entered the vocabulary and scientific research topics in various fields, from economics to cultural studies (Ursul, 2019).

1. Globality as uniformity

It gradually became apparent that in different contexts, a general idea of globality takes on very diverse forms. One of the earliest understandings of globality identified it with total unification.

In M. Sholokhov's novel *Virgin Soil Upland*, the dreamer Makar Nagulnov imagines the final elimination of racism by means of mixed marriages. As a result of the mixing of races and peoples, "All will be nicely slightly dark-complexioned and look the same." The understanding of globality as a universal uniformity, however, is

inherent not only in Makars, "living as if in a dream." A significant number of architectural projects of the second half of the twentieth century are devoted to the search for the very "modern" world style, which should average, mix and supplant all the diversity of local styles.

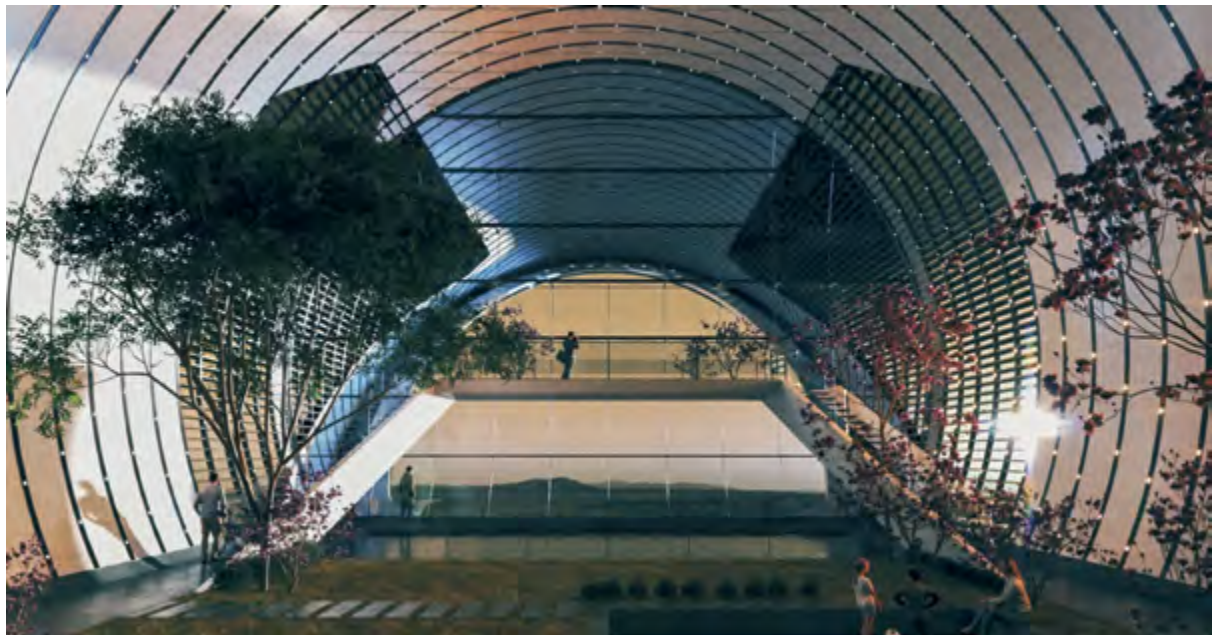
In practice, no averaging was obtained. On the contrary, the idea of the global spread of one of the local architectural styles won out, and postmodernity became such a style. It was the style that turned out to be flexible, diverse and "omnivorous" enough to spread throughout the world, regardless of geographical features or local cultural context. The architectural thought of the countries of the "first world" led by the Americans took the center of Manhattan as a model. The cities of the future were to become copies of the New York Skyline, no matter where they were – in America, Europe, Asia, or even on Mars. Despite the ideological opposition, the Soviet image of globalist architecture differed strikingly little from the American one. The same proudly towering phallic skyscrapers with glass and metal facades, the same bizarrely curved flyovers and tunnels, and the same nostalgic blotches of architectural elements of past centuries.

Несмотря на идеологическое противостояние, советский образ глобалистичной архитектуры поразительно мало отличается от американского. Те же гордо высящиеся фаллические небоскребы с фасадами из стекла и металла, те же причудливо изогнутые эстакады и тоннели и те же ностальгические вкрапления элементов архитектуры прошлых веков.

Задача построения архитектуры, максимально независимой от исторических традиций и от особенностей ландшафта, неизбежно привела к идее закапсулированных городов под куполом. Такой город, например, наглядно изображен в замечательном диафильме «В 2017 году» (студия «Диафильм», 1960). Город расположен под арктическими льдами и специализируется на добыче каменного угля. В небе Углеграда горит кварцевое солнце, и под его лучами на пляже загорают трудящиеся [6].

Как не вспомнить об этих фантастических идеях, когда Илон Маск обещает к 2050 году основать постоянную колонию на Марсе, а студия ABIBOO публикует проект марсианского города по имени Ньюва? Город состоит из «сот» – трубообразных ячеек, утопленных в скале. В каждой ячейке поддерживается микро-биоценоз с деревьями, замкнутым водооборотом и собственными производственными мощностями [7].

Заметим, что уровень технической обоснованности подобных проектов остается таким же спорным, как и шестьдесят лет назад. Подо льдами Арктики нет ничего, кроме Ледовитого океана, так что жителям Углеграда было бы непросто найти там угольные пласты. Что касается проекта марсианского города, то его авторы всерьез планируют добывать из местной воды углерод для производства стали – идея столь же странная, как,

> Проект города на Марсе от студии ABIBOO. Проект выиграл конкурс, объявленный фондом The Mars Society. Город Ньюва будет располагаться внутри скал в районе с названием Темпе Манса. Предполагается, что в этом районе имеются запасы подземной (подмарсной?) воды. Город рассчитан на 250 тысяч постоянных жителей и должен быть абсолютно независим от поставок с Земли. Фотография с официального сайта студии ABIBOO <https://abiboo.com/projects/nuwa/>

The task of building an architecture that is as independent as possible from historical traditions and from the characteristics of the landscape inevitably led to the idea of encapsulated cities under the dome. Such a city, for example, is clearly depicted in the wonderful filmstrip "In 2017" (studio "Diafilm", 1960). The city is located under the Arctic ice and specializes in coal mining. In the sky of Uglegrad (Coalcity) the quartz sun is shining and workers are sunbathing under its rays on the beach (Strukova & Shevchenko, n.d.).

It is worth remembering these fantastic ideas, when Elon Musk promises to establish a permanent colony on Mars by 2050, and studio ABIBOO publishes a project for a Martian city named Nüwa. The city consists of "honeycombs" – tube-shaped cells recessed into the rock. Each cell maintains a micro-biocenosis with trees, closed water circulation and its own production facilities (NÜWA CITY. TEMPE MENSA, MARS, n.d.). Note that the level of technical feasibility of such projects remains as controversial as it was sixty years ago. Under the ice of the Arctic there is nothing but the Arctic Ocean, so it would be difficult for the inhabitants of Uglegrad to find coal seams there. As for the project of the Martian city, its

скажем, добыча золота из доменной пыли для производства канализационных труб. Фантазии о городах, самодостаточных как «вещь в себе», не отвлекаются на грубую физическую реальность и ее законы.

2. Культурный национализм как антиглобализм

Противовесом концепции глобального единообразия является идея «культурного национализма».

Всемирно известный китайский интеллектуал, художник, архитектор и диссидент Ай Вэйвэй начиная с 2008 г. возглавляет движение против культурного доминирования «глобального Запада» в Китае. После того, как Ай Вэйвэй стал соавтором проекта Национального Пекинского стадиона («Птичье гнездо», совместно со студией Херцог и Де Мерон), он постоянно использует свой немалый авторитет для жесткой критики всей культурной политики Китая. Главный пафос его выступлений таков: Китай давно уже стал одним из лидеров мировой экономики и супердержавой, так что роль «ведомого» в любой сфере (в том числе в сфере культуры) сегодняшнему «Государству Цветущей Середины» не к лицу. Если Китай и дальше сохранит позицию почтительного ученика и подражателя по отношению к Западу, это грозит утратой собственного культурного наследия. Художник готов идти на крайние формы эпатажа, чтобы донести эту мысль до зрителей: так, ролик, на котором Ай Вэйвэй бросает на пол и разбивает древнюю керамическую вазу династии Хань, вызвал резонанс во всем мире [8].

Декларации о необходимости сохранения и развития локальных культурных традиций раздаются повсеместно и на самом разном уровне. Представления о высшей, ни с чем не сравнимой ценности локальной культуры как раз и находят свое наиболее откровенное выражение в явлении культурного национализма.

Слово «национализм» латинского происхождения, и его корень «nat-» указывает на родство с понятиями природы, натуры (natura) и происходит непосредственно от латинского patio – быть рожденным. Культурный национализм, пожалуй, наиболее «мягкий» и гуманный из всех многочисленных разновидностей национализма. Он выводит понятие нации из общности родного языка, традиций творческого самовыражения, системы ценно-

authors are seriously planning to extract carbon from local water to make steel – the idea is as strange as, say, mining gold from house dust to make sewer pipes. Fantasies about cities that are self-sufficient like a "thing-in-itself" are not distracted by brutal physical reality and its laws.

2. Cultural nationalism as anti-globalism

The counterbalance to the concept of global uniformity is the idea of "cultural nationalism".

World renowned Chinese intellectual, artist, architect and dissident Ai Weiwei has been leading the movement against the cultural domination of the "global West" in China since 2008. After Ai Weiwei became a co-author of the project for Beijing National Stadium ("Bird's Nest", together with the Herzog and De Meuron studio), he constantly uses his considerable authority to harshly criticize the entire cultural policy of China. The main pathos of his speeches is as follows: China has long been one of the leaders of the world economy and a superpower, so the role of the "follower" in any sphere (including the sphere of culture) does not suit today's "Blooming Middle Kingdom". If China continues to maintain its position of respectful disciple and imitator in relation to the West,

стей и уклада жизни – всего того, что можно объединить понятием культуры [9]. Сегодня в самых разных регионах провозглашаются идеи о том, что локальная архитектура должна развиваться на базе культурного национализма. Современные строительные технологии должны использоваться для выражения национальных идей и образов. Для этого архитектор должен решить непростую задачу – отделить, очистить технологическую составляющую от той образной «нагрузки», которую она получила в стране-разработчике. Так, технологии параметрического моделирования неизбежно несут отпечаток культуры их разработчиков – культуры американских технических интеллектуалов. Только после этого процесс проектирования с использованием новых технологий можно будет насытить своими национальными образами и своей культурой.

К сожалению, здесь архитектура вступает на крайне зыбкую почву, состоящую в основном из домислов и спекуляций. Что такое «национальная идея»? Какие образы следует считать существенной частью национального культурного наследия, а какие – нет? В русской культуре все эти вопросы отправляют нас на сто с лишним лет назад, во времена яростных диспутов «славянофилов» и «западников». В тот раз, несмотря на множество выдвинутых аргументов и глубоких теоретических построений, ответа на фундаментальные вопросы не нашлось. Вернее сказать, ответов нашлось такое количество и таких разнообразных, что шансов создать что-то цельное уже не осталось. На свет появилось множество эклектичных малых стилей (таких, как неорусский стиль группы «Мир искусства»), авторских стилей, воплощенных в одном-единственном произведении стилей и так далее. Позже в дискуссию вступили конструктивисты, и она приняла совсем уже ожесточенные формы. Спор закончился с наступлением диктатуры, и «отец народов» лично стал определять критерии и рамки национальной идеи.

Сегодня глобализации пытаются противостоять представители самых разных стран и регионов на Ближнем Востоке, в Субсахаральной Африке, Юго-Восточной Азии и так далее. Поток проблемных статей и сообщений на тему поисков локальной культурной идентичности в архитектуре достигает сотен публикаций в год.

it risks losing its own cultural heritage. The artist is ready to use extreme forms of outrageousness in order to convey this idea to the audience – for example, the video in which Ai Weiwei throws on the floor and breaks an ancient ceramic vase of the Han dynasty caused a resonance all over the world (Jones, 2014).

Declarations on the need to preserve and develop local cultural traditions are distributed everywhere and at various levels. The idea of the highest, incomparable value of local culture is precisely what finds its most frank expression in the phenomenon of cultural nationalism.

The word "nationalism" of Latin origin and its root -nat- indicates a relationship with the concepts of nature (natura) and comes directly from the Latin natio – to be born. Cultural nationalism is perhaps the most "gentle" and humane of the numerous varieties of nationalism. It deduces the concept of a nation from the commonality of the native language, the traditions of creative self-expression, the system of values and the way of life – all that can be united by the concept of culture (Hutchinson, 2005). Today, in various regions, it is proclaimed that local architecture should develop on the basis of cultural nationalism but modern building

technologies can be used to express national ideas and images. To do this, the architect must solve a difficult task – to separate and clear the technological component from the "load" of images that it received in the country of origin. For example, the parametric modeling technologies inevitably bear the imprint of the culture of their developers – the culture of American technical intellectuals. Only after "cleaning" the technology from the alien images, the design process can be saturated with the national images and culture.

Unfortunately, here the architecture treads on an extremely shaky ground, consisting mainly of speculation. What is a "national idea"? Which images should be considered an essential part of the national cultural heritage, and which should not? In Russian culture, all these questions bring us back more than a hundred years, to the times of violent disputes between "Slavophiles" and "Westernizers". At that time, despite many arguments and deep theoretical constructions, the answer to the fundamental questions was not found. Rather, there were so many answers and they were so varied that there was no longer a chance to create something universal. A lot of eclectic "small styles" (such as the neo-Russian style of the "World of Art" group), author's styles, styles embodied in a single work, and so on were born. Later, the constructivists en-

Но единственным реальным воплощением этой концепции так и остаются национальные кварталы – «города в городах», чайна-тауны, «маленькие России», еврейские районы и тому подобные места компактного поселения по культурно-национальному принципу. Культурный национализм по большому счету оказывается столь же бесплодным, как и его предыдущее воплощение начала XX века; да и национализм в более широком смысле сегодня осознается скорее как набор мифов и легенд. Понятия нации, национальной культуры, национального искусства (в том числе архитектуры) так и не обрели сколько-нибудь объективного смысла и остались в сфере идеологических спекуляций [10].

3. Синтез. Глокальность

Если мы все-таки зададимся целью отыскать жизнеспособные варианты практической архитектуры, сочетающей глобальные тенденции с локальными особенностями, мы обнаружим явление, получившее название «глокальность».

Странное слово-оксюморон включает в себя противоположные понятия глобальности и локальности, прямо указывая на парадоксальность явления. Считается, что это понятие пришло из японского языка. Хитроумные японские менеджеры еще в прошлом веке придумали прием «дочакука» – реализация глобальных тенденций в таких формах, которые учитывают локальные особен-

> Карикатура П. Е. Щербова (Old Judge) «Интимная беседа об эстетике Вавилы Барабанова с Николаем Критиченко» изображает дискуссию художественных критиков рубежа XIX–XX веков. Идеолог передвижничества неистовый В. Стасов сбивает с ног «старьевщика» С. Дягилева и бросается на лидера «западников» Н. Кравченко. Зрители тем временем уткнулись в газеты. Современники относились к ожесточенным спорам критиков с изрядной долей иронии. Шут. – 1898. – №10, 7/19 марта. – С. 8–9

tered the discussion, and it became completely fierce. The dispute ended with the onset of the dictatorship, and already the "father of nations" personally began to determine the criteria and framework of the national idea.

Today, representatives of various countries and regions in the Middle East, Sub-Sahara Africa, Southeast Asia and so on are trying to resist globalization. The flow of problematic articles and messages on the search for local cultural identity in architecture reaches hundreds of publications a year. But the only real embodiment of this concept is still the national quarters – "cities in cities", Chinatowns, "little Russias", Jewish districts and similar places of compact settlement according to the cultural and national principle. Cultural nationalism, by and large, turns out to be as barren as its previous incarnation of the early twentieth century, and nationalism in a broader sense is now rather perceived as a collection of myths and legends. The concepts of nation, national culture, national art (including architecture) did not acquire any objective meaning and remained in the sphere of ideological speculation (Myths and misconceptions in the study of empire and nationalism, 2010).

ности [11]. Именно так им удалось преодолеть сопротивление японской экономической экспансии в невероятной этнической пестроте Восточной Азии.

Концепция глокальности оказалась весьма плодотворной в смысле понимания сегодняшнего мира. Так, анализируя ряды локальных явлений, стало возможно вычленивать глобальные тенденции, не видные «невооруженным взглядом». Ярким примером такого осмысления текущей реальности может служить обнаружение глобальной гибридной войны.

На протяжении всей своей истории люди воевали. Но в прежние века и тысячелетия войну было легко отличить от мира. Если не гремели пушки (или не свистели стрелы), на мирную землю не приходили чужие солдаты, чтобы грабить и убивать, правящие элиты не превращались в изгоев и преступников – значит, был мир. Или, как писали древнеславянские летописцы, «тишина бях». Однако с наступлением глобалистической эры само понятие войны кардинально изменилось. Сегодня война далеко не всегда принимает открытые, очевидные формы (хотя и такое случается). Войны становятся информационными, торговыми, идеологическими, психологическими и гибридными. Сегодняшняя война это уже не только (и не столько) столкновение вооруженных сил. Современное понятие войны сводится к встречному экспорту хаоса. Каждая из воюющих сторон стремится навязать противнику как можно более хаотическое состояние. Та из сторон, которой удалось погрузить противника в максимальный беспорядок, растерянность и дезорганизацию, та и считается победителем. Для этой цели в различных локальных ситуациях в ход идут самые разные приемы и способы: терроризм, экономические и политические санкции, потоки нелегальных мигрантов, фейковые новости и массивная дезинформация населения, хакерские атаки и так далее. Знаменитая фраза Оруэлла «мир есть война» приобретает новое и неожиданное значение.

Насколько архитектура готова к существованию в обстановке тотальной, перманентной, гибридной и локальной войны? Как будут меняться наши города в этом небывалом в истории контексте? У каждой локальной культуры есть свои приемы существования в военное

3. Synthesis. Glocality

If we do set out to find viable options for a practical architecture that combines global trends with local characteristics, we will find a phenomenon that has come to be called "glocality."

A strange oxymoron word includes the opposite concepts of globality and locality, directly indicating the paradoxicality of the phenomenon. It is believed that this concept came from the Japanese language. In the last century, cunning Japanese managers invented the "dochakuka" method - the implementation of global trends in forms that take into account local peculiarities (Startsev, 2009). This is how they managed to overcome the resistance against Japanese economic expansion in the incredible ethnic diversity of Eastern Asia.

The concept of glocality has proven to be very fruitful in terms of understanding the world today. Thus, analyzing the series of local phenomena, it became possible to isolate global trends that are not visible to the "naked eye". A striking example of such an understanding of the current reality is the detection of a global hybrid war.

время. Чему мы, зодчие и архитекторы разных стран и народов, можем научиться друг у друга, чтобы успешнее жить и развиваться на фоне вот такого глобального тренда?

Еще один пример «глокальной проблемы» – развитие архитектуры на фоне глобальной тенденции к сепаратизму. Да, такая формулировка выглядит весьма противоречиво, но таково само явление. По всему миру сепаратизм становится все более настойчивым и агрессивным. Возьмем для примера «объединенную» Европу. Галисия и Каталония борются за отделение от остальной Испании. Баски хотели бы независимости и от Испании, и от Франции, как и Корсика. Шотландия и Уэльс грозят Лондону таким же референдумом, какой привел к брекзиту, а Северная Ирландия добивается независимости террористическими методами. Ломбардия, Венето, Сицилия и Сардиния мечтают о самостоятельности от Италии. Бельгия грозит развалиться на Фландрию и Валлонию. На границе Польши и Чехии сепаратизмом дышат Моравия и Силезия. Даже мирная Бавария все настоятельнее размышляет об отделении от ФРГ [12]. Что уж говорить о таких болезненных нарывах, как Косово, Приднестровье, ДНР и ЛНР... Все без исключения сепаратистские движения апеллируют к древней и богатой истории своей локальной области. По их мнению, именно локальное культурное наследие подвергается особой опасности растворения в общегосударственной или общеевропейской (или даже в глобальной) культуре.

Как, каким образом и в каких формах архитектура будет использовать локальные культурные традиции? Какое сочетание традиций из прошлого и современных строительных технологий будет оптимальным? Возможно, примером такого сочетания следует считать знаменитый барселонский собор Саграда Фамилия. Гауди не чертил проекты, а импровизировал по мере строительства, и строительство продолжается в том же духе. Если первые элементы здания были построены из тесаного камня, уложенного вручную, то сегодня в ход пошли технологии 3D-печати из пластифицированного фибробетона, но собор продолжает оставаться символом каталонского патриотизма и сепаратизма.

Throughout their history, people have fought. But in previous centuries and millennia, war was easily distinguished from peace. If the guns did not rattle (or the arrows did not whistle), other people's soldiers did not come to the peaceful land to rob and kill, the ruling elites did not suddenly turn into outcasts and criminals, then there was peace. However, with the onset of the globalist era, the very concept of war has changed dramatically. Today, war does not always take open, obvious forms (although it does happen). Wars become informational, trade, ideological, psychological and hybrid. Today's war is no longer only (and not so much) a clash of armed forces. The modern concept of war boils down to the counter-export of chaos. Each of the belligerents seeks to impose the most chaotic state on the enemy. The side that managed to plunge the enemy into maximum disorder, confusion and disorganization is considered the winner. For this purpose, in various local situations, a variety of techniques and methods are used: terrorism, economic and political sanctions, flows of illegal migrants, fake news and massive disinformation of the population, hacker attacks, and so on. Orwell's famous phrase "peace is war" takes on a new and unexpected meaning.

To what extent is architecture ready for existence in an environment of total, permanent, hybrid and glocal war? How will our cities change in this context, unprecedented in history? Each local culture has its own methods of existence in wartime. What can we, architects of different countries and peoples, learn from each other in order to live and develop more successfully against the background of such a global trend?

Another example of the "glocal problem" is the development of architecture against the background of a global tendency towards separatism. Yes, this formulation looks very contradictory, but such is the phenomenon itself. All over the world, separatism is becoming more persistent and aggressive. Take, for example, a "united" Europe. Galicia and Catalonia are fighting to secede from the rest of Spain. The Basques would like independence both from Spain and France, (Corsica too!). Scotland and Wales are threatening London with the same referendum that led to Brexit, while Northern Ireland is seeking independence with terrorist methods. Lombardy, Veneto, Sicily and Sardinia dream of independence from Italy. Belgium threatens to fall apart into Flanders and Wallonia. Moravia and Silesia breathe separatism on the border of Poland and

Заключение

Разумеется, список глобальных трендов, подлежащих локальному осмыслению, может быть значительно расширен. Но в любом случае мы не можем отказаться ни от одной из составляющих глокальности. Нельзя игнорировать глобальные тенденции, иначе мы рискуем выпасть из современности, потерять связь с сегодняшним и завтрашним днем. Но также невозможно пренебрегать локальным. Гений места, ландшафт, геология и экология

конкретной точки, в которую будет вращаться архитектура, как и местные традиции, предания и уклад жизни – все это, что составляет локальную географию и историю, игнорировать нельзя. Формы, которые мы придадим глобальным тенденциям, должны следовать из локального контекста по месту и времени. Вписать глобальный тренд в локальный хронотоп – самая актуальная задача архитектуры.

> Пример использования глобальных технологий в локальном контексте – вилла RT House в городе Парати, Бразилия. Технология облицовки фасадов досками из обожженного (карбонизированного) дерева первоначально была изобретена в Японии, но сегодня используется по всему миру. В работе бразильских архитекторов глобальный тренд работы с древесиной, подвергнутой обработке традиционными методами (вместо современных химических препаратов) совмещен с локальными принципами построения жилья на юге штата Рио-де-Жанейро. Студия Jacobsen Arquitetura, 2014. Фотография с официального сайта студии <https://jacobsenarquitetura.com/en/projects/rt-house/>

the Czech Republic. Even peaceful Bavaria is increasingly thinking about secession from the FRG (Landkarte im Jahr 2050: Auf dem europäischen Schachbrett bahnt sich eine Katastrophe an, 2021). What can we say about such painful abscesses as Kosovo, Gagauzia, DPR and LPR ... All separatist movements, without exception, appeal to the ancient and rich history of their local area. In their opinion, it is the local cultural heritage that is in particular danger of being dissolved in the national or all-European (or even in the global) culture.

How and in what forms will architecture use local cultural traditions? What combination of traditions from the past and modern building technologies will be optimal? Perhaps, the famous Sagrada Familia Cathedral in Barcelona should be considered an example of such a combination. Gaudi did not draw projects, but improvised as construction progressed, and construction continues in the same spirit. If the first elements of the building were built of hewn stone laid by hand, today 3D printing of plasticized fiber-reinforced concrete was used, but the cathedral continues to remain a symbol of Catalan patriotism and separatism.

Литература

1. Aragon L. (1936) *Les Beaux quartiers* : Paris, Denoël editions
2. Robertson R. *Interpreting Globality // World Realities and International Studies*. / Ed. by Robertson R. Glenside (Pa.): Pennsylvania University Press. 1983. – PP. 7–19
3. Yergin D. (2002). *The Commanding Heights: The Battle for the World Economy*. New York: Simon & Schuster. – 488 p.
4. *Encyclopedia of globalization* / Eds: R. Robertson, J. A. Scholte, D. L. Downie. (2007). vol. 2, New York and London: Routledge. – 1728 p.
5. Урсул, А. Д. «Глобальность» как базовое понятие глобальных исследований // *Философия и культура*. – 2019. – № 6. – С. 1–13
6. Струкова, В., Шевченко, В. В 2017 году. Диафильмы SU [сайт]. – URL: <https://diafilmy.su/4535-v-2017-godu.html> (дата обращения: 03.08.2021)
7. NÜWA CITY. TEMPE MENSA, MARS. Official site of ABIBOO Studio. – URL: <https://abiboo.com/projects/nuwa/> (дата обращения: 03.08.2021)
8. Jones J. Who's the vandal: Ai Weiwei or the man who smashed his Han urn? // *The Guardian*. 18.02.2014. – URL: <https://www.theguardian.com/artanddesign/jonathanjonesblog/2014/feb/18/ai-weiwei-han-urn-smash-miami-art> (дата обращения: 03.08.2021)
9. Hutchinson J. (2005). *Nations as the Zones of Conflict*. L.: SAGE Publications. – 213 p.
10. Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. – Москва: Новое издательство, 2010. – 426 с.
11. Старцев, Е. Н. Глокальность как всеобщая форма отражения современной реальности // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение»*. – 2009. – № 1 (3). – С. 296–302
12. Landkarte im Jahr 2050: Auf dem europäischen Schachbrett bahnt sich eine Katastrophe an. // *Deutsche Wirtschafts Nachrichten*. 13.03.2021. – URL: <https://deutsche-wirtschafts-nachrichten.de/510387/Landkarte-im-Jahr-2050-Auf-dem-europaeischen-Schachbrett-bahnt-sich-eine-Katastrophe-an> (дата обращения: 03.08.2021)

Conclusion.

Of course, the list of global trends subject to local understanding can be significantly expanded. But in any case, we cannot abandon any of the components of glocality. Global trends cannot be ignored, otherwise we risk falling out of the present, losing touch with today and tomorrow. But it is also impossible to neglect the local. The genius loci, landscape, geology and ecology of a particular point into which architecture will grow, as well as local traditions, legends and way of life – all this that makes up local geography and history cannot be ignored. The forms that we will give to global trends must follow from the local context in place and time. Fitting the global trend into the local chronotope is the most urgent task of architecture.

References

- Aragon, L. (1936). *Les Beaux Quartiers*. Paris: Deno l editions.
- Hutchinson, J. (2005). *Nations as the Zones of Conflict*. L.: SAGE Publications.
- Jones, J. (2014, February 18). Who's the vandal: Ai Weiwei or the man who smashed his Han urn? *The Guardian*. Retrieved March 8, 2021, from <https://www.theguardian.com/artanddesign/jonathanjonesblog/2014/feb/18/ai-weiwei-han-urn-smash-miami-art>
- Landkarte im Jahr 2050: Auf dem europäischen Schachbrett bahnt sich eine Katastrophe an (2021, March 13). *Deutsche Wirtschafts Nachrichten*. Retrieved March 8, 2021, from <https://deutsche-wirtschafts-nachrichten.de/510387/Landkarte-im-Jahr-2050-Auf-dem-europaeischen-Schachbrett-bahnt-sich-eine-Katastrophe-an>
- Myths and misconceptions in the study of empire and nationalism (2010). M.: New publishing house.
- N WA CITY. TEMPE MENSA, MARS (n.d.). Official site of ABIBOO Studio. Retrieved March 8, 2021, from <https://abiboo.com/projects/nuwa/>
- Robertson, R. (1983). *Interpreting Globality*. In *World Realities and International Studies* (pp. 7-19). Glenside (PA): Pennsylvania University Press.
- Robertson, R., Scholte, J. A., & Downie, D. L. (Eds.) (2007). *Encyclopedia of globalization*, vol. 2. New York and London: Routledge.
- Startsev, E. N. (2009). Glocality as a universal form of reflection of modern reality. *Bulletin of the Irkutsk State University, series "Political Science. Religious Studies"*, 1(3), 296-302.
- Strukova, V., & Shevchenko, V. (n.d.). In 2017. Website Filmstrips SU. Retrieved March 8, 2021, from <https://diafilmy.su/4535-v-2017-godu.html>
- Ursul, A. D. (2019). "Globality" as a basic concept of global research. *Philosophy and Culture*, 6, 1-13.
- Yergin, D. (2002). *The Commanding Heights: The Battle for the World Economy*. New York: Simon & Schuster.

Глокализация – точка входа глобализации в разные по стилю, культуре, традициям сообщества или явления, в том числе и явления изобразительного искусства и архитектуры. Искусственная глокализация – поиск и применение конкретных форм-знаков, создание набора характерных деталей, символизирующих местную традицию. Естественная глокализация возникает, когда национальная культура на подъеме и готова принимать любые новшества без ущерба для идентичности, когда работают не формы-знаки, а формы-образы, опознаваемые как национальные. Ключевые слова: глокализация; искусственная глокализация; естественная глокализация; национальная архитектура; культура; традиция; проектирование в стилях. /

Glocalization is a point where globalization enters communities or phenomena of different styles, cultures and traditions, including the phenomena of fine arts and architecture. Artificial glocalization is a search and application of specific forms-signs, and creation of a set of characteristics symbolizing the local tradition. Natural glocalization occurs when the national culture is on the rise and is ready to accept any innovations without loss of identity, when it is not forms-signs that work, but forms-images, which are identified as national.

Keywords: glocalization; artificial glocalization; natural glocalization; national architecture; culture; tradition; designing in styles.

> Рис. 1. Крестьянская уральская усадьба. Реконструкция. Нижняя Синячиха. XVII в.

О глокализации естественной и искусственной / On natural and artificial glocalization

текст

Елена Багина

Уральский федеральный университет
им. Б. Н. Ельцина /

text

Elena Bagina

Ural Federal University
named after B. N. Yeltsin

*Die Globalisierung ist von den Vögeln erfunden worden,
seit Jahrtausenden fliegen sie um die Welt.*

Глобализацию изобрели птицы, испокон веков летающие вокруг света.

Аксель Хаке

Однажды основатель Sony Акио Морита, озабоченный падением спроса на стандартную продукцию корпорации, крепко задумался. В 1980-х гг. процессы глобализации набирали обороты, и знаменитые философы, социологи, экономисты дружно говорили, что человечество объединится, наладится мировое разделение труда, исчезнут многие противоречия. Не менее знаменитые утверждали, что не все так радужно: мир останется разделенным, и возникнет множество новых границ. Особенно непроницаемыми будут границы, порожденные традициями и религией. Чем интенсивнее пойдут процессы глобализации, тем сильнее будет тяга к индивидуальному и традиционному. Но не всегда в процессе глобализации сила действия равна силе противодействия. Многие локальные культуры под натиском глобальных сил ослабевают, а затем исчезают. Исчезновение языка, в том числе и языка местной архитектуры, означает смерть локальной культуры. Из 6 тысяч языков, существующих в мире, скоро перестанут существовать 2,5 тысячи. А сколько языков архитектуры исчезнет?

Морита понимал, что аргументы спорящих сторон весомы: мир стремительно объединяется, но корни локальных культур, уходящие в глубину веков, несмотря ни что дают новые побеги. И даже мертвые языки иногда обретают вторую жизнь. Не знаю, воскликнул ли мудрый Акио-сан по-японски *見つかた* (mitsukatta), что означает «эврика», когда придумал назвать новую политику корпорации глокализацией.

Перед дизайнерами в свете идеологии глокализации была поставлена задача разработать такие внешние формы для изделий Sony, которые бы имели опознаваемые культурные коды тех стран, куда поставляется продукция. У архитекторов, проектировавших офисные здания представительств корпорации, задача была аналогичная: «конфетка» должна была быть одной и той же, а «фантики» разными.

Идея Акио Мориты оказалась плодотворной, ее стали использовать другие крупные международные компании. Во Франции символом Макдональдса стал галл Астерикс – персонаж известный и понятный французам [1]. Не знаю, решились бы идеологи Макдональдса в России сделать своим рекламным символом Ивана-Дурака. Скорее всего – нет. Когда сильна локальная культура, традиционные символы и архитектурные формы-знаки привлекательны. Если местная культура переживает кризис, доминирует глобальное.

Применение принципа глокализации в политике крупных корпораций, в управлении государствами и даже империями, как правило, успешно.

В свое время этот принцип давал возможность Римской империи относительно устойчиво существовать в течении долгих лет. Феномен Pax Romana – длительный период относительной стабильности в пределах Римской империи – стал возможным потому, что мир в империи поддерживался глобальной силой, у которой не было серьезных противников: на всей территории действовали одни законы, но в то же время разные народы имели относительную культурную и религиозную автономию. Местная элита участвовала в процессе управления своей территорией и получала от завоевателей долю материальных благ, если принимала условия завоевателей.

Формальное признание императора богом и включение прочих римских богов в число почитаемых было знаком лояльности центральной власти. Но стоило римским правителям отойти от принципов глокализма – и империя рассыпалась. В наследстве разным народам остались города, построенные по единому принципу. Римская планировка повлияла на дальнейшее развитие, но все эти поселения со временем приобрели индивидуальные черты.

Христианство, приобретшее к IV веку глобальный, можно сказать, пандемический характер, способствовало разрушению единства римского мира. В новую веру перешли целые народы. Интересно, что христианизация городов шла быстрее, в отличие от сел, которые долго оставались языческими. Христианство завоевало мир, но пантеон римских богов и боги народов, населявших Romanus orbis terrarum, нигде не исчезли. Они прита-

> Рис. 2. Крестьянская уральская усадьба. Окно. Реконструкция. Нижняя Синячиха XVII в.

> Рис. 3. Баня из деревни Городище Алапаевского района. Нижняя Сиячиха. XVIII в.

> Рис. 4. Роспись в интерьере уральского крестьянского дома. Нижняя Сиячиха. XIX в.

^ Рис. 5. Ворота деревянного дома. Нижняя Сиячиха. XIX в.

ились в глубинах сознания разных народов, сменили имена и даже стали христианскими святыми, то есть уступили первенство и заняли локальные позиции – иногда навсегда, иногда на время.

Христианство недолго оставалось монолитной глобальной религией. Сказывалось влияние традиционных верований и работа доморощенных теологов. История расколов и ересей бесконечна.

Очень скоро христианская религия приобрела черты глокальности. Но не было центральной власти, которая была бы способна удержать от вооруженных конфликтов христианский мир [2].

Ученые, рассуждая о глобализации как процессе сжатия и единения мира, не могли не видеть и тенденций к обособлению. Социолог Роланд Робертсон, которому также приписывают первенство в изобретении термина «глокализация», считает, что глобальное и локальное не исключают друг друга, и дело в пропорциях одного и другого в каждом конкретном случае. «Глокализация» в его понимании – точка входа глобализации в разные по стилю, культуре, традициям сообщества или явления, в том числе и явления изобразительного искусства и архитектуры. Робертсон утверждает, что успешно развивается глокализм, когда есть потребность в глобализации снизу [3].

Нередко потребность приобщиться к глобальному проявляется тогда, когда у людей есть неудовлетворенность собой, своей жизнью, своей страной. Такие настроения в России были и есть. Местное, традиционное в этом случае теряет ценность. Мысль о том, что где-то там, за рубежом люди хорошо зарабатывают, живут сыто и чисто, пенсионеры путешествуют, архитекторы строят красивые дома и фантастические сооружения, не дает покоя многим россиянам... Желание «стать Европой» – российская хроническая болезнь. И вот набережная в Йошкар-Оле ныне напоминает декорацию Брюгге. Гостиницы на российских горных курортах похожи на швейцарские или французские. Говорят, президент, когда впервые увидел то, что построено в Красной Поляне, сказал с досадой: «Ничего своего придумать не могли?»

В разных городах появляются дорогие торговые центры, называемые «Европа», в домах делают «евроере-

монт», который должен быть по определению качественнее, потому что «евро»; пишут на вывесках заморские слова латиницей (при этом в городе полтора иностранца). Приглашают иностранных экспертов и архитекторов поучить уму-разуму неразумных, а потом удивляются, что ничего нового эксперты не говорят, а местные архитекторы в большинстве случаев ничем не уступают приглашенным и специфику своей страны знают лучше.

Стремление носить такую же одежду, как в Америке или Франции, пользоваться аналогичными гаджетами – все это оказалось достижимым, и даже не пришлось главам корпораций ломать голову, какую привлекательную оболочку сделать, чтобы продать свою продукцию в России. Убеждение россиян, что иностранное всегда лучше, облегчило задачу. Поэтому ни Иван-Дурак, ни Иван-Царевич, ни Василиса Прекрасная для рекламных целей не понадобились, и офисы корпораций в «русском стиле» никто проектировать не стал.

Мода давно стала интернациональной, гаджеты похожими. Но... как несколько веков назад, так и сегодня, арабы появляются всюду в своей национальной одежде – белой кандуре и гафии, баварцы – в традиционном Trachten; и это никого не смущает. Увидеть русских в национальном костюме в повседневной жизни невозможно. Для арабов и немцев носить национальную одежду – предмет гордости, а для нас... в лучшем случае неуместность. Ряжеными выглядят и казаки. Смешно смотреть на депутатов украинской Рады в вышиванках.

Но перемены все же есть. В России приходит осознание, что можно быть непохожими на «все прогрессивное человечество», и ничего зазорного нет, что мы не должны стремиться стать Европой или Америкой, что Россия – это Россия, у нее богатейшая культура и история. Приходит понимание, что и архитектура у нас должна быть своя. Должна, но... что такое «своя» в современных условиях? Гигантский национальный орнамент на многоэтажных домах, как это делалось в свое время в республиках СССР? Современные копии деревянных домов с резными наличниками? Новые постройки из дерева? Но дерево – нейтральный материал.

Нео-нео-неоклассика с русским акцентом? Но сразу возникает вопрос, а в чем он, этот русский акцент

< Рис. 6. Главный храм Вооруженных Сил

в неоклассике? А может древняя псковско-новгородская архитектура даст ключ в поисках национального кода? Или все же более соответствует представлениям об искомом, православном русско-византийский стиль?

Русские искали (и ищут) то в старинных вышивках, то в орнаментах резных наличников, то в традиционных материалах. Экспериментов по искусственному созданию «русского стиля» было много, особенно на рубеже XIX–XX веков. В XX веке поиск национальной идентичности в России возобновился только после 1991 года.

Формы-знаки и формы-образы традиционной архитектуры в национальных республиках СССР использовались и в эпоху сталинского ампира, и тогда, когда западный модернизм стал доминирующим направлением. Это поощрялось центральной властью, чтобы подчеркнуть заботу о развитии локальной культуры и подтвердить таким образом правильность национальной политики. Забота о развитии национальных культур была отчасти показной, но архитектура создавала парадный фасад, который всегда можно было предъявить как доказательство «торжества идеи социализма». Такая практика в какой-то степени сохранила традиции национальной архитектуры в Армении, Азербайджане, Узбекистане и других республиках бывшей СССР, но не в России. В СССР новые постройки в российских городах, в отличие от прочих советских республик, принципиально имели интернациональные черты...

Сегодня стремление подчеркнуть в новостройках русскую идентичность сохраняется в основном в храмовом строительстве. Наиболее гармоничными кажутся те новые церкви и соборы, которые следуют историческим прототипам. Осовремененные «по-постмодернистски» часто просто нелепы.

Казалось бы, авангардные течения начала XX века навсегда повернули профессиональную мысль, и «проектирование в стилях» забыто. На память остались альбомы стилиевых деталей, которыми пользовались архитекторы конца XIX века. Но в начале XXI их стали переиздавать. «Проектирование в стилях» как метод архитектурного творчества жив и будет жить, поскольку творцов с собственной философией единицы. Остальные проектируют в том стиле, который им кажется более уместным для кон-

кретных случаев. Временами получается откровенный китч, но это отдельная история.

Сегодня все возвращается «на круги своя» в поисках русского в отечественной архитектуре. Исторические стили, которые отождествляют с национальной традицией, модернизируют. Говорят, что по-постмодернистски.

Стоит разобраться: а что это такое – «по-постмодернистски»? Нет никаких интегрирующих идей? Пессимистично? Асистемно? Архитектура понимается как текст, помещенный в поле культуры прошедших поколений? Ироническая игра смыслами? Возможно.

На практике постмодернизм по-русски – копирование приемов и деталей, хаос. утрата исторической застройки и сложившихся ансамблей.

Ни одного крупного архитектора-постмодерниста, сопоставимого с Фрэнком Гери или Чарльзом Муром в России нет, хотя постмодернистами считают себя многие. Логика в этом есть. Именоваться классицистом слишком ответственно, и нужно уметь работать с ордером. Модернизм отцвел еще в XX веке. К термину «постмодерн» не придерешься, поскольку он просто указывает на временную последовательность. Но, похоже, мы уже живем в эпоху пост-постмодерна...

Вот и Дмитрий Смирнов, автор проекта Главного храма Вооруженных Сил Российской Федерации в парке «Патриот» определяет стиль своего творения как русско-византийский постмодернизм. Черты постмодернизма в этом сооружении видят многие. Но ироничной игры смыслами нет и не могло быть. Символики чрезмерно много: диаметр барабана главного купола составляет 19,45 м в честь года окончания Великой Отечественной войны. Высота звонницы – 75 метров, что символизирует 75-летие Победы в 2020 г., и так далее, и так далее [4] ... Этот текст в архитектуре храма без экскурсовода, вооруженного авторским описанием, никто прочесть не в состоянии. А ведь архитектура храмов может говорить и сама за себя.

Облик Главного храма Вооруженных Сил признает русским в основном молодое поколение, приученное к образам «русского» в современных анимационных фильмах. Этот храм – совсем в духе современных сказок и компьютерных игр – кажется еще и заколдованным

> Рис. 7. Спасо-Преображенская церковь в Нижней Сиячихе (заложена в 1794, построена в 1823)

неким мрачным волшебником. Расколдовать бы... Ведь наши предки строили светлые церкви и соборы в память о великих войнах и павших воинах.

Храм построен. Отзывы разнятся – от восторга до неприятия.

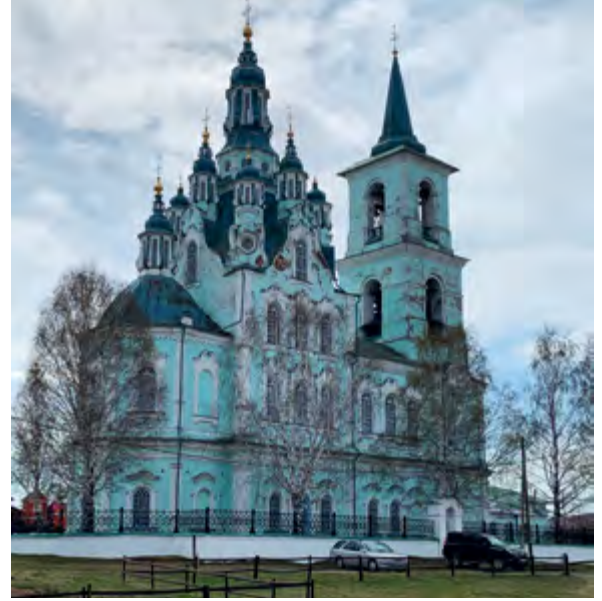
Андрей Кураев: «Храм полностью соответствует своему назначению. Это памятник путинской эпохи, проект «Советский Союз 2.0». Московское метро, вынесенное на поверхность земли. <...> есть ощущение китча» [5].

То, что это памятник эпохи – скорее комплимент. Архитектура московского метро уникальна, и такое сравнение тоже положительно.

Есть и восторженные отзывы. Их дают в основном рядовые посетители.

Олег Граф: «Одетый в металл, он словно сказочный богатырь стоит на страже Родины. Внутренняя отделка, мозаика и роспись поражают своими красотой и величием! Это воистину главный храм Вооруженных Сил нашей страны!» [6].

v Рис. 8. Спасо-Преображенская церковь в Нижней Сиячихе. Фрагмент

Мнения профессионалов тоже различны. Радикальную эклектику принимают далеко не все. Перенасыщенность символикой многих смущает.

Сергей Кавтарадзе: «По-видимому, общество остро чувствует важность момента, то, что с воплощением проекта мы оказались в поворотной точке – теперь открываются шлюзы и оказываются под угрозой привычные нам представления о том, что такое хороший вкус, что красиво, а что уродливо. <...> С точки зрения историка архитектуры, это весьма любопытный феномен, очень точно, как и положено архитектурному произведению, отражающий то, что раньше называлось «духом эпохи». Хотя здание позиционирует себя как выполненное «в русском стиле» и следующее традициям ретроспективистских исканий второй половины XIX века («храм спроектирован в монументальном русском стиле», сказано на официальном сайте мастерской молодого архитектора Дмитрия Смирнова, выполнившего данный проект), это, безусловно, постмодернистское произведение. Здесь даже применим предложенный главным теоретиком постмодернизма – Чарльзом Джэнксом – термин «радикальный эклектизм» [7].

Константин Экономов, художник, создавший мозаики в храме, говорит: «<...> сама идея военного храма – это безумие, постмодернизм. Но когда я смотрел презентацию, мне показалось, что это попытка объединить все религии. Там ведь и западные, почти что католические витражи, и какие-то орнаменты, почти что из мечети, и, разумеется, многое из православной традиции. Выходит такой глобализм. Конечно, многие говорят, мол, все сделано из современных материалов и выглядит как торговый центр – но почему нет? Все же XXI век на дворе. Мы именно что соединяли все материалы, все традиции – и получился такой глючный проект. Мой брат вообще сказал, что все это какое-то неоязычество. Это и правда сюр, абсолютный сюр» [8].

Постмодернизм как тенденция индивидуации в мировой культуре сохраняет свое влияние, но не определяет глобальные тенденции. Есть исключения, но их немного. Для того, чтобы увидеть уникальную местную архитектуру, нужно смотреть сохранившиеся исторические сооружения. Новая застройка безлика и прагматична.

Историческая архитектура уходит, хотим мы этого или нет. Что-то будет поддерживаться, но основная масса строений прошлых веков исчезнет. Новая локальная архитектура может родиться, если, по словам Тотана Кузембаева, она будет «<...> историей о погоде, о земле, о людях» [9]. Деревянные постройки Тотана живут в русском пейзаже, стали его частью. Традиционных, опознаваемых как русские, деталей в них нет, но они русские, хоть и строил их казах-тенгрианец.

Искусственная глокализация – всегда поиск и применение конкретных форм-знаков, то есть создание еще одного набора характерных деталей, символизирующих местную традицию в архитектуре. Естественная глокализация возникает, когда национальная культура готова принимать любые глобальные новшества без ущерба для идентичности, когда работают не формы-знаки, а формы-образы, опознаваемые как национальные.

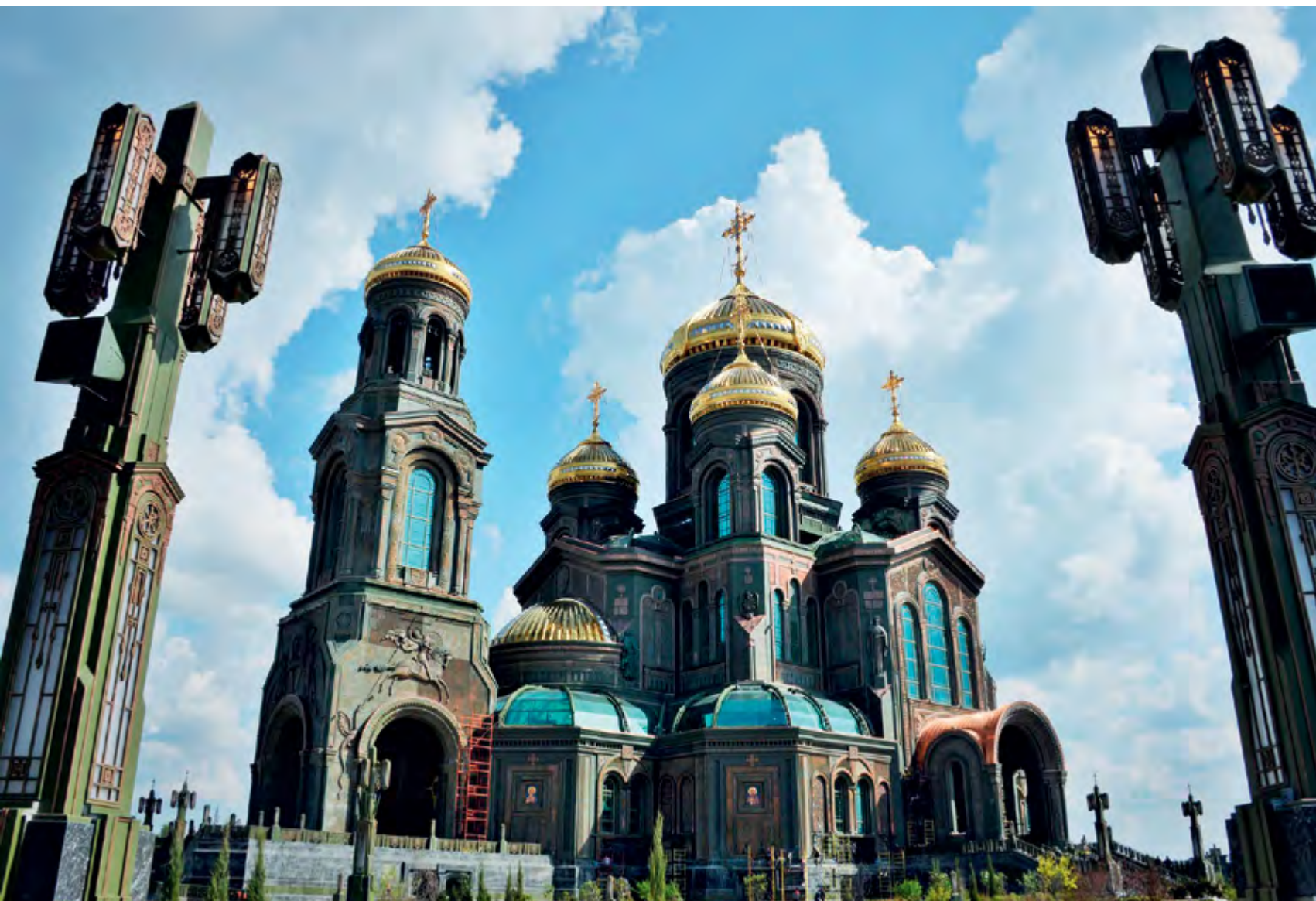
Правители во все времена приглашали именитых иностранных зодчих строить крепости, дворцы и храмы – они

приезжали и строили. Но что интересно – оказывалось, что построили они не заморское чудо, а то, что впоследствии назовут шедевром именно той земли, на которой стоят их творения. Важно было понимание контекста.

«Студия 44» принципиально проектирует современную архитектуру, но отличает работы архитекторов этой студии внимание к окружению, в котором будет жить здание. Иногда используются неявные цитаты традиционной для данного места архитектуры. Вероятно, это самый продуктивный путь. Так, предложение по застройке центра Калининграда основано на принципах, которые во все времена были свойственны архитектуре этого города. Проект нового центра – историческая перекличка [10]. Можно было пойти по другому пути. Например, восстановить Королевский замок или сделать нечто в «немецком стиле», включив в новые сооружения типичные детали. Такие предложения были.

Калининград в последнее время прославился реконструкцией панельных пятиэтажек 1960-х гг. Принцип

в Рис. 9. Главный храм Вооруженных Сил

> Рис. 10. Собственный дом Тотана Кузембаева в деревне Лиды

v Рис. 11. Архитектор Александр Иванович Валберг. Проект дома в русском стиле

этой реконструкции кардинально отличается от того, что предлагает Никита Явейн и архитекторы его студии. Накладные фасады, имитирующие архитектуру XIX века. Это попытка включить инородные постройки в контекст старого города. (Нужно заметить, что панельные пятиэтажки инородны в исторических центрах любых городов). Конечно, такое решение – паллиатив. Подход к делу «Студии 44» представляется более продуктивным и глокальным по своей сути.

Глобальные тенденции в российской архитектуре сильны. Локальные связаны в основном с попыткой сохранить то, что возможно или с поиском узнаваемых форм-знаков, которые должны символизировать следование национальным традициям.

Искать русское в орнаментах и характерных архитектурных деталях познавательно, увлекательно и даже плодотворно. Поиски русского внутри себя, в ландшафтах, в людях – задача сложнее. Включение исторических форм-знаков в современную архитектуру – часто используемый прием. Но утраченная традиция не восстанавливается внешними атрибутами и такая практика там, где преобладают глобальные тенденции, создает эффект искусственной глокализации, не имеющей глубоких корней. Чувствовать «дух места» – значит понимать то, что стало питательной почвой для рождения местной культуры.

Владимир Азарьевич Павлов сумел в своем творчестве органично соединить глобальное и локальное именно потому, что он чувствовал «дух места». Его постройки 1970–1980-х гг. создали неповторимый облик Иркутска.

Постройки и проекты «Студии 44» – петербургские в Петербурге, кёнигсбергские в Калининграде, казахские в Нурсултане, но при этом ни о какой эклектике и «проектировании в стилях» речи не идет. Это примеры естественной глокализации в современной российской архитектуре.

Если процесс развития архитектуры идет, то он идет сразу в обе стороны – глобальности и локальности, как процесс сближения этих полюсов [11]. Но, похоже, архитектура переживает кризис не только в России, и процесс сближения не очевиден. Похожие деловые центры и жилые дома есть в Москве, Нью Йорке, Дубае, Пекине – по всему миру. Но туристы стремятся в Пекине попасть на улицу Люличан и в Запретный город, а современные дома, даже с крышами, по силуэту напоминающими традиционные китайские, едва ли кого-то интересуют. В Москве хотят увидеть Кремль, в Париже – Лувр...

В то же время символами многих городов мира являются постройки XX и XXI веков. Так, в Сиднее это оперный театр Йорна Утсона. В Бильбао – музей Соломона Гуггенхайма Фрэнка Гери. В Дубае – отель «Бурдж аль-Араб» – «Парус». Но может ли новое уникальное здание или комплекс зданий инициировать рождение новой локальной архитектуры, которую впоследствии признают национальной? Однозначного ответа нет.

< Рис. 12. Студия 44.
Проект центра
Калининграда

Литература

1. Глокализация. – URL: <https://bigenc.ru/sociology/text/2364647> (дата обращения: 01.07.2021)
2. Хизер, П. Падение Римской империи. – Москва : Издательство АСТ, 2019. – 800 с.
3. Robertson, R. Social Theory and Global Globalization Culture. – London, 1992. – 224 p.
4. Главный храм Вооруженных Сил Российской Федерации. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 12.07.2021)
5. Андрей Кураев. Китчевый памятник путинской эпохи с фейковыми сюжетами. – URL: https://www.znak.com/2020-06-15/protodiakon_andrey_kuraev_raskritikoval_glavnyy_hram_minoborony_rossii_intervyu_znak_com (дата обращения: 12.07.2021)
6. Собор Воскресения Христова – Главный храм Вооруженных Сил России. – URL: https://yandex.ru/maps/org/sobor_voskreseniya_khristova_glavny_khram_vooruzhyonnykh_sil_rossii/198463998170/reviews/?ll=36.821490%2C55.579007&z=16 (дата обращения: 19.07.2021)
7. Сергей Кавтарадзе. Люди спрашивают, не Марсу ли, богу войны, он посвящен? – URL: <https://meduza.io/feature/2020/06/20/lyudi-sprashivayut-ne-marsu-li-bogu-voyny-on-posvyaschen> (дата обращения: 22.07.2021)
8. Постмодерн и победобесие. – URL: <https://www.the-village.ru/city/stories/383839-mosaico-afrobeat> (дата обращения: 22.07.2021)
9. Глокализация vs Глобализация: архитектурное наследие и инновации. Как их соединить и нужно ли это делать? – URL: <https://architime.ru/activity/2020/stat090620openc.htm> (дата обращения: 23.07.2021)
10. Концепция развития центра Калининграда «Студии 44» заняла первое место на WAF в номинации мастер-план / проект. – URL: <https://archi.ru/news/65947/konceptsiya-razvitiya-centralnokaliningrada-studii-44-zanyala-pervoe-mesto-na-waf-v-nominacii-master-plan-proekt> (дата обращения: 23.07.2021)
11. Александр Раппапорт. Топофилия и хронофобия. – Проект Байкал. – 2014. – № 41. – с. 30–31

References

Vakin, I. (2020, June 16). "Kitschevyi pamyatnik putinskoj epokhi s feikovymi syuzhetami" ["A kitsch monument of Putin's epoch with fake scenes"]. ZNAK. Retrieved July 12, 2021, from https://www.znak.com/2020-06-15/protodiakon_andrey_kuraev_raskritikoval_glavnyy_hram_minoborony_rossii_intervyu_znak_com

Efremenko, D. V. Glocalizatsiya [Glocalization]. In Bolshaya rossiiskaya entsiklopediya. Retrieved July 1, 2021, from <https://bigenc.ru/sociology/text/2364647>

Glavnyi khram Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii [The main temple of the Armed Forces of the Russian Federation] (n.d.). Retrieved July 12, 2021, from <https://ru.wikipedia.org/wiki>

Glocalizatsiya vs Globalizatsiya: arkhitekurnoe nasledie i innovatsii. Kak ikh soedinit i nuzhno li eto delat? [Glocalization vs Globalization: Architectural heritage and innovations. How to unite them and is it necessary to do it?] (n.d.). Retrieved July 23, 2021, from <https://architime.ru/activity/2020/stat090620openc.htm>

Heather, P. (2019). The fall of the Roman Empire. Moscow: Izdatelstvo AST.

Kavtaradze, S. (2020, June 21). "Lyudi sprashivayut, ne Marsu li, bogu voyny, on posvyaschen?" ["People ask whether it is dedicated to Mars, the God of War"] <https://meduza.io/feature/2020/06/20/lyudi-sprashivayut-ne-marsu-li-bogu-voyny-on-posvyaschen>

Kontseptsiya razvitiya tsentra Kaliningrada "Studii 44" zanyala pervoe mesto na WAF v nominatsii master-plan [The development concept for the center of Kaliningrad by Studio 44 took the first prize at WAF in Master Plan Category] (2015, November 5). ARCHI.RU. Retrieved July 23, 2021, from <https://archi.ru/news/65947/konceptsiya-razvitiya-centralnokaliningrada-studii-44-zanyala-pervoe-mesto-na-waf-v-nominacii-master-plan-proekt>

Rappaport, A. (2014). Topophilia and Chronophobia. Project Baikal, 11(41). 30-31. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.41.726>

Robertson, R. (1992). Social Theory and Global Globalization Culture. London.

Yablonsky, P. (2020, June 25). Postmodern i pobedobesie [Postmodern and exaggerated "victorious" hysteria] (K. Rukov, Ed.). Retrieved June 22, 2021, from <https://www.the-village.ru/city/stories/383839-mosaico-afrobeat>

Yandex maps (n.d.). Sobor Voskreseniya Khristova – Glavnyi khram Vooruzhennykh Sil Rossii [The Church of the Resurrection of Christ, the main temple of the Armed Forces of Russia] Retrieved July 19, 2021, from https://yandex.ru/maps/org/sobor_voskreseniya_khristova_glavny_khram_vooruzhyonnykh_sil_rossii/198463998170/reviews/?ll=36.821490%2C55.579007&z=16 (дата обращения: 19.07.2021)

Глобализм успел продемонстрировать как свою мощь, так и беспомощность в создании человеческих качеств среды обитания. Последнее было делом архитектуры, но она на долгое время оказалась жертвой зауженной и редуцированной модели глобализма – модернистской модели. Выход из кризиса, занявший последние полвека, еще нельзя считать завершенным. В настоящее время можно увидеть проблемы и перспективы новых синтезов всеобщего и местного, без чего невозможно представить полноценное будущее планеты.

Ключевые слова: глобальное; локальное; глокальное; тотальное; идентичность; место; Genius loci. /

Globalism has demonstrated both its power and helplessness in creating human qualities of the environment. The latter was a matter of architecture, but it has been a victim of a narrowed and reduced model of globalism, a modernist model. Surmounting the crisis that has taken the past half century cannot be considered complete yet. At present, one can see the problems and prospects of new syntheses of the universal and the local, without which it is impossible to imagine the comprehensive future of the planet.

Keywords: global; local; glocal; total; identity; place; Genius loci.

Парадоксы и перспективы глокального / Paradoxes and prospects of the glocal

текст

Петр Капустин

Воронежский государственный технический университет /

text

Petr Kapustin

Voronezh State Technical University

Глобальное versus локальное?

Термин «глокальное», несомненно, красив, но избыточен: в нем отпечатано расхожее представление об оппозиции, которая якобы «снимается» в термине. Но «снимать» там нечего: глобальное и локальное нераздельны (хотя и неслиянны). Обычно говорят о совмещении противоположностей, даже о «диалектике» в термине «глокальное». Мы же утверждаем: традиция мыслить глобальное и локальное как противоположности – не более чем идеологическая игра. Она позволяет обострить известные аспекты, и в этом качестве может быть использована и далее. Но она же и обедняет, опустошает смысл и того, и другого.

Локальное не существует вне глобальных контекстов; без них оно тотально в своем частном замкнутом опыте, но собственно локальное всякий раз являет себя неповторимым рисунком на глобальных полотнах, чертой или пятном на больших картах. Глобальное не существует без локального: без разнообразия и различий оно выродилось бы в одно нудное и тотальное Единое, в гигантский монотонный Локус размером с планету (не к этому ли стремился весь модернизм – от де Сада до Афинской хартии?). Глобальное живо лишь тогда, когда пронизано динамикой движений и избыточностью связей. Но когда все кругом одинаково, становится незачем перемещаться с места на место и нечего перемещать: везде все есть. Собственно, нет и мест, ведь места характеризуются набором идентичностей, а вовсе не размещением филиалов вездесущего.

В. Л. Глазичев в давние уже годы описал замечательный пример значимости локалитетов для существования большего, начавшего осознавать себя национальным целым: в Древней Греции в каждом полисе были выдающиеся традиции художественной керамики, везде работали известные керамисты, но у этого полиса иные особенности керамики (иная глина, способы работы, орнаментика, особенности обжига, оттенки глазури et cetera), чем у того и у третьего; и становится возможной конкуренция, всем интересен обмен с сохранением особенностей школ [1, с. 21]. Обмен, основанный на тончайших различиях, требует высокой возгонки вкуса и чувственности (и, кажется, эти качества гораздо важнее, нежели

макрэкономические показатели нынешних «регионов»). Глокальное, таким образом, существовало уже в мире ремесла и традиции, и весь вопрос в том, как такого достичь сегодня. Сегодня, видимо, искомое различие способно дать лишь многообразие идей, технологий; культивируемое в качестве ценности несовпадение картин мира.

Американоцентричная модель глобализма потому и рухнула, что была по своему духу модернистской, стремилась к тотальности, а не разнообразию, к стандарту, а не уникальности. По сути, это был даже не глобализм, а последний проект модернистской экспансии – мировой инженерной и экономической похоти. И крах его не способен бросить тень на идею глобализма, поскольку глобализация за счет учреждения всеобщих тождественности – решение хоть и «простое», но нежизнеспособное. Угроза мира тотальной тождественности, в котором, по Жану Бодрийяру, «<...> нас лишают всякой инаковости, всякой необычности и обрекают на воспроизводство Того же самого в бесконечном процессе отождествления» [2, с. 115], сегодня в должной мере осознана и точно обозначена. Угроза, кажется, миновала? По крайней мере, сегодня стала очевидной невозможность построить глобальное путем нивелирования различий.

Глобализация мира неустранима. Представьте планету (если она выживет) лет так тысяч через пять (научная фантастика хорошего уровня дает прекрасные примеры таких планетарных сообществ). Можно ли предполагать там наличие феодальных автаркий? Центрированная на США глобализация – это черновик, очень плоский и жесткий, он ушел или уйдет. Но планетарное целое будет продолжать устанавливаться. И залогом его будет разнообразие мест. Целое, чтобы выжить, не может быть монотонным, оно должно быть основано на интенсивных обменах, а для этого иметь различия – интерес в перемещении.

Поступь глобального

Первым архитектурным явлением с выраженными глобальными интенциями можно признать феномен классического ордера. Парадоксы здесь, разумеется, на каждом шагу: ордера (множественность их, как известно, принципиальна) имели именно локальную, если

^ Рис. 1. Склад запасных и некондиционных миров. Амстердам. Фото Роман Екимов

^ Рис. 2. Genius loci – Дух (Гений) Места, в античном мире – покровитель и защитник конкретной локальности: горы, ручья, поселения

^ Рис. 3. Мир традиции легко совмещал масштабы: от великого до смешного, от сакрального до бытового, от вечного до повседневного. Ганс Мемлинг. Страсти Христовы. 1470

не сказать провинциальную привязку и генетику; они призваны были выразить идентичность мест и местечек Греции. И нельзя не признать: им это поначалу прекрасно удавалось. Ордер, однако, перешагнул свои родовые гнездовья; ордеры и их вариации стали едва ли не повсеместными, но при том сохраняли способность различения мест своего осуществления, что составило своеобразный и самый устойчивый архитектурный язык. Наличие языка и есть, видимо, центральное достояние глокального, если уж использовать этот термин.

«Мысли глобально, действуй локально» – лозунг, звучащий сегодня уже едва ли не банально, казалось бы, неплохо выражает смысл глокального: его приоритеты расположены в сфере разумного или оптимального баланса мысли и действия. Но это справедливо для бизнеса, экономики, военного дела и т. п. рациональных стратегий. Увы, уже феномен ордера не оставляет от столь благостных моделей предустановленной гармонии камня на камне. Ордер, кажется, только и стремится опровергнуть всякие рационалистические формулы [3]. Если использовать термины семиотики, то нельзя не заметить парадокса: парадигматические связи любой ордерной композиции (т. е. организуемые ею отсылки ко всем иным ордерным композициям вообще) оказываются в горизонте вовсе не мышления, но бессознательного, принимаемого «по умолчанию» как эффект именно осуществленного действия или даже жеста, в то время как связи синтагматические (т. е. здесь и теперь, в этом вот ансамбле осуществляемые) составляют внятный предмет архитектурской заботы и центрируют на себе все (или почти все) мышление автора. Интерес к цитатам и аллюзиям, разумеется, всегда имеет место в архитектуре, но такие мотивы являются, скорее, «приправой» к синтагматическому построению, чем решающим фактором парадигматики (исключения, разумеется, имеют право и место быть). Де-факто получается, что ордерный архитектурный глокализм разворачивается по формуле: «Мысли локальностями, получишь глобальное действие (или действие с глобальным значением)». Несомненно, такое возможно лишь в ареале устойчивого и конвенционального языка: мыслить следует правильно, т. е. по пра-

вилам, нормативно, что вовсе не исключает как творчество, так и свободу.

Проблемы начинаются тогда, когда язык утерян, забыт или сознательно отвергнут, а правила размыты и подвержены публичному осмеянию. В истории архитектуры такие ситуации случались не раз. Наиболее ярким событием в этой истории безъязыкости является модернизм, а точнее – т. н. «Международный стиль». Разумеется, и он опирался на некоторое подобие языка, восходящего к Корбюзье или Мису, но это язык для «посвященных», конвенция сугубо внутривидовая, клановая: по Фердинанду де Соссюру, это не столько язык (*langue*), сколько речь (*parole*) – совокупность принятых по умолчанию норм; это – конструкт моды. Модернистская мода никогда не была местной: ее увлекали интенции универсальности и презрение к конкретным весам, ей неоткуда было черпать вкус к различиям, мир мыслился ею тождественным и гомогенным.

Однако и в столь экстремальном опыте, как модернизм «Международного стиля» сохраняет действие правило глокальности: все лучшее, что было тогда создано, оказалось... уместно, ибо смогло создать себе места, хотя бы и силой. И это неудивительно: глобальное (т. е. реально значимое для мира) здесь, как и всегда, не обходится без той или иной формы локального, без «идентичного в типовом», на что в наши дни обратили внимание молодые коллеги [4].

Черновики стилистической глобализации

Едва ли не первым глобальные притязания заявил модерн (ар-нуво), осознающий себя как законное воплощение вагнеровского *Gesamtkunstwerk*. Он, в самом деле, очень быстро распространился по миру и действительно обладал пластическими компетенциями решения разнообразных форм буквально всякого масштаба и типа. Ар-нуво умел плести своими флоральными линиями и интриги места, так или иначе реагируя на силы контекста и энергии почв. Но все же притязания ар-нуво имеют явный привкус наивности и инфантильности. Идея мира как изысканного художественного произведения или слишком запоздала, или время ее еще не наступило.

> Рис. 4. Неуместность не смущала модернистов: они брали места силой. Ле Корбюзье. Дворец Ассамблеи. Индия, Чандигарх. 1951–1962

«Машина», понятая по-солдафонски прямолинейно и грубо, оставила его в стороне от магистрали прогресса.

Ар-деко был более глобален де-факто, нежели модернизм – уже одной строительной массой реализованных зданий и сооружений, количеством интерьеров и мебели, графики и посуды... По фактической глобальности распространения с ар-деко может соперничать лишь эклектика (зачастую с трудом с ним различимая), но никак не модернизм или ар-нуво (прим. 1). Однако же... претензии на глобальность в ар-деко мы не встретим. Он глобален не идейно, но в какой-то естественной, базовой интенции, в отношении к миру как вместилищу своих грез. Но локальности ему давались столь же легко, как и пресловутая стилистическая опознаваемость при чрезвычайно широкой морфологии. Это феномен и загадка. Изучать сегодня стоило бы именно опыт ар-деко, а не скудные и аскетические экзерсисы модернизма, методологически довольно примитивные, но которым вот уже сто лет, и до наших дней им уделяется непомерно много внимания. Тем более, что экзерсисы эти, при всем их радикализме и пресловутой «чистоте» («белизне») есть не более чем разновидность все того же тотального опыта free-декодирования, в который впала архитектура и предметное окружение после отказа от классического языка.

Если и говорить о мифологеме этого «белого» движения, т. е. о модернизме XX века, то его качества в обсуждаемых рамках выглядят все же абсолютным провалом: в нем ожидаемо меньше удачных резонансов с «Genius loci»; принятое им глобальное выносит его за пределы обитаемого мира, а его редкие убедительные локализации (как Белый город в Тель-Авиве) есть, скорее, исключения, нежели правило: ведь никаких методических, теоретических и т. п. фиксаций они не получали, ибо не укладывались в «законы» пропедевтики, были достигнуты не благодаря, но вопреки им, в т. ч. благодаря все той же мощной и органичной стихии ар-деко. Так, вся книга Зигфрида Гидиона (генерального секретаря CIAM, одного из хранителей модернистских преданий, наряду с Мишелем Рагоном) «Пространство, время, архитектура» [5] (прим. 2) наполнена сугубо экстерриториальным визионерством, тягой к вымышленному «идеальному»,

достойной Платона; интерес же к феномену места там исчезающе мал.

Локализация глобального

Необходимо также напомнить важнейший в нашей теме методологический тезис: мышление и деятельность по своей природе не локальны. «Посадка» их на место, локализация – специфическая проблема и задача организации мыследеятельности [6]. Это действительно проблема, поскольку устойчивых и надежных методов здесь до сих пор нет. «Привязка» мышления к территории до сих пор похожа на... «утапывание» земли вокруг идола или на алхимическое толчение в ступке двух несоединимых ингредиентов. До сих пор это – дело искусства и кропотливого труда, гуманитарных технологий и персональных интеллектуальных техник. Проблема эта сказывается и в организации архитектурного образования [7], и в организации проектирования, и т. н. «протранственного», или «территориального» развития [8].

Мышлению и деятельности не очень-то нужны локальности. Это локальностям требуются мышление и деятельность, чтобы оказаться втянутыми в процесс развития. Но беда в том, что двигаться «снизу» – от локальностей, мест и их собранной по сусякам «идентичности», т. е. за счет имитации морфологических особенностей народной архитектуры, промыслов, орнамента, как это было возможно еще в начале XX в., уже не получается (напомним известный тезис П. Эйзенмана: весь этот слой сувенирной псевдоидентичности давно уже выбран масс-медиа). На поверку в таких контекстах чаще всего речь идет вовсе не об идентичности, но об айденитике: слова эти не синонимы, не перевод одного и того же. Айденитика – сугубо дизайнерский способ войти в рынки, понравиться и продаться подороже. Не имея средств работы с подлинной и глубинной идентичностью, дизайнерская айденитика изобретает их заместителей: лейблы, долженствующие сигнифицировать города и территории; шрифты, выбранные из арсенала известных, разработанных вдали от места, но приписанные месту (у Москвы, как утверждается, их целых два); цветовые палитры, принятые в тиши лабораторий в качестве условно подходящих, et cetera [9].

^ Рис. 5. «Высокий» модернизм предпочитал вменять формы и пространства, гении мест были ему неинтересны. Луис Кан. Парламент. Бангладеш, Дакка. 1963

^ Рис. 6. Если модернизм и создавал места, то в качестве посадочных (или взлетных?) площадок Грядущего, всегда остающегося трансцендентным всякому «здесь и теперь». Луис Кан. Институт Солка. США, Калифорния, Сан-Диего. 1959–1966

В частности, заметим: всякий достаточно фундированный разговор о принципах и самой возможности формирования сегодня региональных архитектурных школ в России – это обсуждение проблематики региональной, местной идентичности, осмысляемой как предмет трансляции в образовании, то есть как содержание архитектурного образования, противопоставленного обезличиванию и энтропии обжитого пространства [7]. Очевидно, что такие темы невозможно обсуждать в натуралистическом ключе, как описание хронологии школ, как перечень трудившихся «на территории» авторов, как совокупность климатических, ландшафтных и пр. особенностей территорий – увы, такие перечни уже не работают.

Возвращение Места

Постмодерн не всегда локален. В этом смысле критика его как латентного наследника модернизма справедлива, однако интенция к Месту все же обозначает себя в постмодернизме достаточно отчетливо. Интерес к месту, игру с местами и их призраками у него не отнять уже в силу программного отказа от универсальности языка. Глобален он ровно настолько, насколько глобална (или «тотальна», согласно Ч. Муру) всякая эклектика: повсеместность ее распространения компенсируется разнообразием проявлений. «Международный стиль» здесь в явном проигрыше. Последний ради порождения чего-то подобного месту был способен лишь на выпендривание индивидуалистические вариации самого себя, отпечатывающиеся в плоти ландшафтов и пространств как «комариная плешь» из «Пикника на обочине» братьев Стругатских, – гравитационная и радиационная аномалия со странными, чудными эффектами. Подобие места в модернизме достигается исключительно за счет долговременного волюнтаристического травмирования поверхности нашей планеты. Таковы «колониальные» постройки Луиса Кана, таков Чандигарх et cetera. Но увы, и такие псевдо-места, как иллюзорный пейзаж Piazza d'Italia Ч. Мура в Новом Орлеане, недалеко от них ушли.

Не стоит забывать и то, что все древнейшие средства архитектурного созидания мест посвящены загробному покою, но вовсе не мятущейся витальности. Там речь шла о местах упокоения, но не о местах удовлетворения; о по-

гребении, но не о потреблении. Как и во многом другом, все изменилось в Новое время: проектирование внесло в архитектуру новый «вирус», до сих пор, судя по всему, не вступивший с телом носителя в приемлемый симбиоз.

Указанный «вирус» и порожденная им двойственность – самая суть Нового времени. Как теперь можно замыслить места – а ведь, вроде бы, это и требуется от архитектурного, градостроительного или ландшафтного проектирования? Как исполнять эту совершенно невыполнимую миссию? Как, в самом деле, даже мыслить о ней? Место – феномен традиционного (и очень длительного) обживания, но никак не продукт целевого замысла. Архитектура успешно создавала места, но делала это в силу обладания остатками древней магии (уже Витрувий не умел сказать о ней что-либо внятное), в силу «контрабандой» транслируемого и воспроизводимого из поколения в поколение умения – почти не произносимого, пугливого на дискурс и «тающего» на свету всяческих методических экспликаций. Разумеется, мифология, предания и феноменологическая возгонка воображения, т. е. все то, что успешно предшествовало модернистской пропедевтике, делали все эти действительности вполне ощутимыми предметами деятельности, но это так называемые интенциональные предметы, они живут в повседневно культивируемом воображении (т. е. в культуре). Профессии как институту массовой и рациональной подготовки кадров вся эта хтоническая муть показалась недостойным старьем, ненадежным, неverifiedуемым, страшно сказать – ненаучным. Предметы же теперь могут быть исключительно научными, создаваемыми в сознании и проецируемыми на мир. Картезианский параллелизм бытия и мышления лишил места не только невинность, но и самое существование: ведь существовать в виде натуральной данности может только наивное. Профессия со временем забыла, просто перестала понимать, что соединение места и содержания (город), территории и мысли (регион), идеала и ландшафта (парк) достижимы лишь долгим и интенционально напряженным действием, редкий, хотя и воспроизводимый результат которого рождается всякий раз как чудо их синтеза.

Идеи «выращивания» проектного решения в ситуации, «по месту», разумеется, не являются чем-то радикально

> Рис. 8. Группа ARCHIGRAM. Instant City. 1968. Один из ярких примеров смещения предмета проектной работы в проектной культуре конца 1960-х гг. Предметом является уже не пространство, функция или форма, а информационная среда, по сути – проблематика всеобщего и локального, представленного в их искусственном и оттого еще более драматичном столкновении

новым. Известна концепция органической архитектуры Ф. Л. Райта, концепции контекстуализма и средового подхода, в науке и в бизнесе существуют модели «ад хос»; наконец, известны идеи хронотопа (М. М. Бахтин) и Дазайн (М. Хайдеггер). Осуществление действия «здесь и теперь» всегда, по определению, ситуативно. Сегодня мы подошли к необходимости разработки новых конфигураций такого действия – в неповторимых и индивидуальных условиях нашего времени. Это – «<...> направления поиска аутентичности и подлинности в нашем безумном мире, для которых характерно стремление уловить голос среды, шепот неясных ценностей, желание понять гений места, обнаружить собственную проектность локальной культуры и войти с ней в резонанс» [10, с. 55]. Для архитектурной деятельности и образования это означает необходимость пересмотра ставших традиционными абстрактных, «нигдешних» заданий, отказ от эстетики отсутствия и отстранения, разработку новых принципов и норм презентации контекста, задания, идей. В такой работе традиционный опыт архитектурной композиции уже становится дефицитен: необходимо обращение к иным видам описания и анализа, изображения и дискурса, а еще более – к неаналитическим техникам и практикам, способным удержать целостность и смысловую уникальность явлений и мест.

> Рис. 7. Фундаментальные акты. Жизнь. Группа SUPERSTUDIO. 1971

Локалитеты и идентичность

Апофеоз Места есть феномен идентичности. Зачем нужно архитектурному артефакту становится феноменом «здесь и теперь»? Затем, что потенциально всякий артефакт опасен (как всякий архитектор, согласно Д. Скотт-Браун, способен нанести вред). Поэтому архитектор обязан учиться вменяемости, а его артефакты – приобретать компенсирующие опасность качества. Без таких качеств они становятся фактором смыслового опустынивания пространств обитания, что блокирует переход всяких пространств, наполненных артефактами, в состояние «среда» – полноценной (ценность здесь ключевое слово) и насыщенной содержанием среды обитания человека разумного.

Феномен среды в норме связан с Местом (прим. 3), с субстанциальной и телесной конкретикой этого-вот обиталища. Это феномен Дома. Сегодняшняя популярность номадизма не отменяет Дом, но переносит его в какую-то до сих пор не вполне понятную область виртуального, которую лишь начинают осваивать архитекторы и дизайнеры, но делают это вслепую и, кажется, для искусственно сконструированного пользователя – искушенного и эрудированного, едва ли не пресыщенного впечатлениями странника. Такой странник может позволить себе временный средовой аскетизм, довольствуясь намеками (ср.: «Оставьте меня в ячейке с десятью почтовыми открытками, и того, как я их расположу, будет достаточно, чтобы выразить мою индивидуальность!», Ле Корбюзье). С началом эры космических путешествий эта проблема и вовсе встает во весь рост. Среда обитания отличается от функционального пространства именно смысловой наполненностью: она поливалентна и гетерогенна, неоднозначна и противоречива. Насколько архитектура и дизайн готовы воспроизводить такие качества в условиях, где и дышать-то нечем, где уже обеспечение физиологического выживания требует немалых затрат и усилий? Насколько мы готовы создавать места там, где их никогда не было и не будет без активного и сознательного действия – в предельной безбрежности? В космосе мышление и деятельность утрачивают земную тотальность. Да, для временного обитания человека ставшего нет, вроде бы, особой нужды в полвалентности

и гетерогенности среды (на Марсе, например, вопреки грезам великого Р. Брэдбери, их до сих пор, к сожалению, не планируют), но для воспроизводства человеческого в человеке они необходимы. Вырастить новые полноценные поколения вне среды и формируемой ею идентичности вряд ли удастся.

Но сегодня у нас нет универсальных средств выполнения подобных задач. *Genius loci*, эта змея, живущая под камнем у источника вод, не способна далеко уползти от «родных пенат», не способна к масштабированию (несмотря на усилия брендинга и маркетинга). Точнее, всякое масштабирование связано с парадоксами и шаржированием. Так были, например, получены модернистские пространства и формы, распространенные на всю планету: тиражированием локального средиземноморского опыта строительства приморских вилл.

Универсальных средств или методов в таких вопросах, видимо, не существует в принципе. Среда обладает протяженностью и вещностью; в этом ее вызов методологии, имеющей дело с концептами. А вызов архитектуре в том, что ее протяженность и вещность не совпадают с плотными телами, объективированными архитектурой. Среда «застряла» между освоенными мирами мышления и действия, у нас нет даже надежных мер оценки ни ее глобальности, ни ее локальности. Но тайна «глобального», несомненно, принадлежит феномену среды и связанным с ним эффектам присутствия, воображения, памяти, устойчивому ощущению подлинности и идентичности.

Примечания

1. Что, заметим, не оставляет камня на камне от ортодоксального модернистского утверждения о неизбежном торжестве технологичности, выгодной для массового производства – этот тезис все еще привлекают для оправдания факта выдавливания модерна «Современным движением».

2. Книга написана в 1941 г., что постыдились указать советские переводчики, «дошедшие» до нее лишь через четыре десятилетия, когда она безнадежно устарела.

3. В норме, но, видимо, исключения не запрещены. По крайней мере, небезуспешной попыткой воссоздания феномена городской среды на территориях, не обладающих не только городским образом, но и городскими инфраструктурами и морфологией, можно считать проект «Instant City», разработанный в далеком 1968 г. группой ARCHIGRAM (Питер Кук, Деннис Кромптон, Рон Херрон). Идея проекта – «Техника на службе широкой провинциальной публики, приносящая ей иллюзию «современной будоражающей жизни», пародийное возмещение на коммерческих началах недостаточных отношений и выражения новых форм культуры для провинции», – не без сарказма писали авторы [11].

Литература

1. Глазычев, В. Л. В центре ойкумены // Сайт В. Л. Глазычева. – URL: https://www.glazychev.ru/publications/articles/1979_v_centre_oikoumeny.htm (дата обращения: 04.08.2021)
2. Бодрийяр, Ж. Город и ненависть // Логос. Философско-литературный журнал. – 1997. – № 9. – С. 107–117
3. Капустин, П. В. Пилястра. От детали к великим тайнам // Проект Байкал. – № 66. – 2020. – С. 98–104
4. Идентичность в типовом. – URL: <https://archi.ru/russia/85358/identichnost-v-tipovom> (дата обращения: 04.08.2021). URL: <http://identityintypical.ru/> (дата обращения: 04.08.2021)
5. Гидион, З. Пространство, время, архитектура. – Москва: Стройиздат, 1984. – 455 с.
6. Копылов, Г. Г. Пространственные представления в СМД-методологии: постановка проблемы и анализа карты как инструмента «схватывания» пространства // Вопросы методологии. – 1992. – № 1–2. – С. 39–45
7. Капустин, П. Региональные школы: от проектов к надеждам // Проект Байкал. – № 65. – 2020. – С. 168–171

8. Глазычев, В. Л. Введение к сборнику // Щедровицкий П. Г. и др. Формула развития: сборник статей. – Москва: Архитектура-С, 2005. – URL: <https://archipelag.ru/agenda/povestka/evolution/formula/leading/> (дата обращения: 04.08.2021)

9. Way to Russia. 6 российских городов с новой айдентикой. – URL: <https://skillbox.ru/media/design/city-brand/> (дата обращения: 04.08.2021)

10. Капустин, П. В. Архитектура и Культура: грани взаимодействия в четырех сюжетах // Архитектура и строительство России. – 2018. – № 3 (227). – С. 50–55

11. ARCHIGRAM. Город на время // L'architecture d'aujourd'hui. – 1969. – № 6. – С. 74–75

References

ARCHIGRAM (1969). Instant city. L'architecture d'aujourd'hui, 6, 74–75.

Baudrillard, J. (1997). Gorod i nenavist [City and hatred]. Logos. Philosophy and literature journal, 9, 107–117.

Giedion, S. (1984). Prostranstvo, vremya, arkhitektura [Space, time, architecture]. Moscow: Stroizdat.

Glazychev, V. L. (n.d.). V tsentre oikumeny [In the center of oecumene]. V. L. Glazychev's site. Retrieved August 4, 2021, from https://www.glazychev.ru/publications/articles/1979_v_centre_oikoumeny.htm

Glazychev, V. L. (2005). Vvedenie k sborniku [Introduction to the collection]. In Shchedrovitsky, P. G. et al. Formula razvitiya (collection of articles). Moscow: Arkhitektura-S. Retrieved August 4, 2021, from <https://archipelag.ru/agenda/povestka/evolution/formula/leading/>

Identichnost v tipovom [Identity in typical] (n.d.). Retrieved August 4, 2021, from <https://archi.ru/russia/85358/identichnost-v-tipovom>; <http://identityintypical.ru/>

Kapustin, P. V. (2018). Arkhitektura i Kultura: grani vzaimodeistviya v chetyreh syuzhetakh [Architecture and culture: The faces of interaction in the four stories. Architecture and Construction of Russia, 3(227), 50–55.

Kapustin, P. (2020a). Pilaster: From a small detail to great mysteries. Project Baikal, 17(66), 98–104. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.66.1725>

Kapustin, P. (2020b). Regional schools: from projects to hopes. Project Baikal, 17(65), 168–171. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.65.1703>

Kopylov, G. G. (1992). Prostranstvennye predstavleniya v SMD-metodologii: postanovka problemy i analiza karty kak instrumenta "skhvatvaniya" prostranstva [Space ideas in SMA-methodology: setting of the problem and analysis of the map as a tool of "grasping" the space]. Voprosy metodologii, 1-2, 39-45.

Truntsova, D. (2021, July 8). Way to Russia. 6 Rossiiskikh gorodov s novoi aidentikoi [Way to Russia. 6 Russian cities with new identity]. Skillbox. Retrieved August 4, 2021, from <https://skillbox.ru/media/design/city-brand/>

< Рис. 9. Мы все еще пребываем в пути к новым синтезам того, что едино по природе, но оказалось разделено нашим разумом и воображением

Противоречивая целостность глобального и локального рассматривается как источник транснационального и регионального развития. Важным аспектом глокализации, обеспечивающим «оформление» и внедрение базовых представлений в реальную жизнь, пространством компромисса и построения взаимодействия глобального и локального служит дизайн. Наглядно это демонстрируют современные системы брендинга. Дизайн как научно-образовательное пространство в глокальных дискурсах представляется на опыте работы кафедры дизайна ИРНИТУ.

Ключевые слова: дизайн; глобальное; локальное; глокализация; стратегии брендинга; мировые бренды; кафедра дизайна ИРНИТУ; дизайн-образование. /

The contradictory integrity of the global and the local is viewed as a source of transnational and regional development. Design is an important aspect of glocalization, which ensures the “formulation” and introduction of basic ideas into the real life, and a space of compromise and interaction between the global and the local. It is clearly demonstrated by contemporary branding systems. Design as a scientific and educational space is presented in global discourses through the work of the Design Department of INRTU.

Keywords: design; global; local; glocalization; branding strategies; world brands; INRTU Design Department; design education.

Дизайн как пространство компромисса глобального и локального / Design as a space of compromise between the global and the local

текст

Ольга Железняк
Иркутский национальный исследовательский технический университет /

text

Olga Zheleznyak
Irkutsk National Research Technical University

«Мир миров», в котором мы живем, по М. Я. Гефтеру, представляет собой «совместность несовпадающих векторов развития, <...> взаимопритирку разных культур и цивилизаций» [10, с. 42]. Экспансия глобализационных процессов в разные сферы жизни и деятельности, породившая по всему миру ответную защитную реакцию в виде развития местных инициатив и традиций, делает актуальным исследование проблем взаимодействия этого «мира миров» как глобального и локального, изучение механизмов становления новых норм, влияния транснациональных компаний на жизнь местных/региональных культур.

Разные обозначения этого феномена и его интерпретации – креолизация, «делать что-либо по-туземному», глокализация, гибридизация и пр. – сегодня приобретают значимость и занимают все больше места в теоретических исследованиях и практических разработках как ответ на тотальную глобализацию и возникающее противостояние разрушению осознания пространственных дистанций, ослаблению взаимосвязей между территориями и культурными ресурсами, атрофии идентичности и утрате местных традиций и обычаев [3].

«Несущей конструкцией» этих процессов являются коммуникации, обеспечивающие непрерывную трансляцию интеллектуальных и материальных ресурсов и продуктов по всему миру и экспансию приоритетной культуры. Они нацелены на распространение ценностей, концептов и стандартов, а также культурных продуктов и изделий с использованием различных медиасредств, в т. ч. цифровых, систем образования и массовой культуры, современных технологий и форм рекламы и пр. [12, с. 6].

Экспансия ведущих культур порождает попытки трансформировать коды локальных культур извне, что негативно сказывается на процессах самоощущения и достижения целостности информационной и ментальной идентичности в каждом конкретном регионе. Безоговорочное присвоение кодов и норм глобальных культур возможно в странах, разделяющих аналогичные ценности и способных использовать транскультурные стандарты как собственные. Так, в частности, процесс американизации прежде всего зависит от восприимчиво-

сти местных культур к нормам и артефактам из американской культуры.

В мире глобальных коммуникаций, ориентированных на продвижение транснациональных ценностей, стандартов и кодов, в духе современных трендов и сетевых принципов начинают разрабатываться и внедряться концепции мягкого суверенитета, гуманитарной интервенции, движения этносов к самоопределению. Фактически происходит прорастание мира глобального через мир локальный, их соотнесенность и взаимопроникновение, что воплощается в концепции глокализации [12, с. 7].

Как актуальная целостность социально-экономического и культурного развития глокализация представляет собой сосуществование и взаимодействие разнонаправленных тенденций. Она предопределена тем, что в процессе глобализации вместо слияния и унификации, ожидаемого размывания региональной специфики происходит нарастание тенденций сепаратизма по всему миру, обострение интереса к региональным и национальным отличиям, истокам аутентичности. Более того, исследования глобализационных процессов¹ показывают, что транснациональные и местные тенденции и процессы взаимодополняемы, проникают друг в друга, составляя дихотомию.

Вместе с тем ряд авторов предлагает аналогию глокализации с гибридизацией и/или креолизацией, рассматривая различные версии взаимоотношения этих понятий, отражающих процессы перемешивания, мутации и/или адаптации различных норм, явлений, кодов и пр., создания специфических «миксов», один из компонентов которых непременно должен быть частью локальной культуры. Лежащий в основе этого процесс перманентного смешения культур предопределяет плюралистичность мира и самобытность результатов в различных регионах.

При этом транскультурная конвергенция различных «миров», явлений и процессов, их ассимиляция позволяют территориям не отказываться от собственной идентичности, порождая структурную гибридизацию, появление новых смешанных форм сотрудничества или развитие трансколокальных культур «меланжа» [8].

Особым механизмом становления транскультурных образцов и, одновременно, сохранения и трансляции

¹ Поиски образов и дизайн-кодов для идентификации университетской среды.

Автор Д. Петухова, руководитель М. В. Корелина. Каф. Дизайна ИРНИТУ

1. см. работы R. Robertson, M. Featherstone, S. Lash, A. Hassi, G. Storti, B. Поудометофа, Ю. Ф. Абрамова, А. Н. Лапшина, В. В. Мантатова, А. С. Маршаловой, А. С. Новоселова, Г. В. Черкашина, Н. С. Коноплева, В. А. Лазебного, В. В. Кардашевского и др.

^ МакДоналдс в Москве: погружение глобального бренда в российскую реальность. – URL: https://roomble.mediasole.ru/makdonalds_vypustil_lineyku_letney_odezhdy_i_tekstilya_s_burgerami

^ МакДоналдс в Москве: погружение глобального бренда в российскую реальность. – URL: <https://i.ytimg.com/vi/-sBZL4gWXHs/maxresdefault.jpg>

культурного ресурса места, его генетических кодов можно считать концепцию трансмутационного контакта. Это позволяет при введении в сложившийся региональный континуум нового-иного, осуществляемом через контакт/трансмутацию нового с наличным (существующим комплексом архетипов места и культурных образцов), находить подобию, прототипы нового в уже сформировавшейся системе, используя разные формы их взаимодействия и погружения, отождествления своего с чужим и, напротив, чужого со своим [11].

Модели глокализации, как правило, опираются на сетевые формы коммуникации, способствующие мировому развитию, становлению «мира миров», обеспечению процветания «местностей» [18]. Принимая во внимание тот факт, что ключевая идея глобализации заключается в увеличении мобильности различных потоков (материальных, финансовых, информационных, людских и пр.), наряду с формированием планетарного рынка производства и потребления универсальных товаров, важным становится наличие дифференцированности между «мирами», территориями и культурами [14].

В усилении регионального разнообразия, в транслोकальном слиянии и культурном смешении или гибридизации [3] также заинтересованы и транснациональные корпорации, являющиеся основными движителями и проводниками глобализационных процессов и обладателями глобальных брендов.

Складывающаяся при этом окружающая среда представляет собой глокализирующееся пространство, которое образует «сектор реальной действительности, где главное положение отведено очеловеченным бытом, массово осваиваемым участкам земной поверхности. Глокализация, воспроизводя антропоморфно насыщенные участки земной поверхности, вбирает в себя глобальные очертания сущего и одновременно с этим локализует их конкретными <...> установками» [12, с. 10].

Выступая современной формой отражения существующей реальности, глокальность является неизменной частью планетарной жизнедеятельности человека. Специфическим средством оформления этой реальности, обустройства ее и приведения в соответствие с «мер-

ками человечности» и процессами глокализации может служить пространство дизайна.

Дизайн как неизменная часть современного мира и процессов глокализации

Тотальность дизайна в современном мире, его органическая погруженность в технологии и инновации, а также необходимость соответствия дизайна месту, его одновременное существование в рамках глобального и локального, универсального и уникального превращают дизайн в актуальное пространство для обсуждения современных проблем глокализации, трансмутации глобального в \с локальным и наоборот.

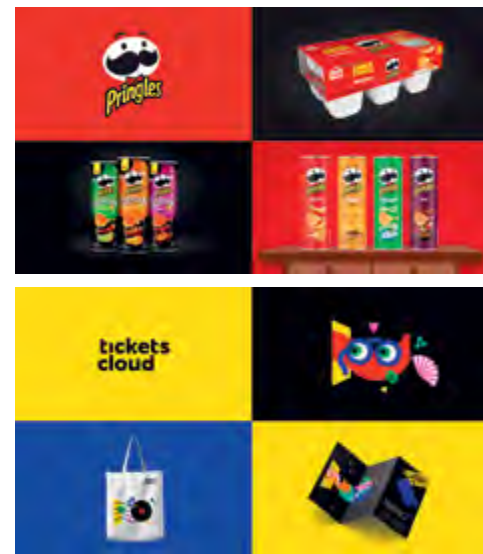
В процессе организации глобального с локальным, необходимости удержания глобального «сложившимся бытоустройством» [12, с. 11], аутентичными нормами устройства жизни и предметно-пространственной среды все более важное значение приобретают местные традиции и обычаи, дизайн-коды среды и национальные культуры.

Происходящие при этом смешение и трансмутация норм затрагивают прежде всего поверхностные элементы культуры, в то время как глубоко укоренившиеся коды культуры зачастую в гибридизацию не вовлекаются [3].

Эти трансформации распространяются на жизнь, стили и развитие трансконтинентальных корпораций и влияют на изменение их имиджевых концептов, ассортимент и дизайн продвигаемой продукции, формы коммуникаций. Даже такие идеологи глобализации, как мировые бренды вынуждены находить новые стратегии развития, учитывающие локализацию, которая становится частью современного представления о брендинге и основой для построения имиджа. В частности, уже с 2012 г. агентством Cohn&Wolfe, входящим в крупнейшую коммуникационную группу мира, проводится рейтинг аутентичных брендов, в котором участвуют более 1600 мировых компаний. Основными критериями и атрибутами аутентичности бренда являются: «подлинность» (имеется в виду уникальность бренда и репутация), его «надежность» и «уважение к потребителю». Самым аутентичным брендом 2021 г. признан глобальный медиа-бренд Disney; в тройку лидеров также вошли BMW и Microsoft.

^ Новый глокальный key-visual бренда «Славянка». – URL: <https://www.sostav.ru/publication/kreativ-bez-algoritmov-formul-i-telepatii-ili-ne-zastavlyajte-klientov-dumat-49635.html>

^ Предложения студии Pixies по ребрендингу популярных брендов на основе архетипов. – URL: <https://www.sostav.ru/publication/dlya-chego-nuzhen-rebrending-12-arkhetipov-breninga-ili-kak-nai-ti-svoi-imidzh-i-otstroitsya-ot-konkurentov-47437.html>

Одним из трендов рейтинга этого года является внимание к местным имиджам и брендам, что оказывается особенно актуальным для стран с высоким ВВП, проявляющим наибольший интерес к «домашним» брендам (Швеция и Великобритания). В Китае и Гонконге одинаковое предпочтение отдается отечественным и мировым брендам; иностранные бренды получают явный приоритет в Индии и Индонезии [1].

В целом глокализация, трансформируя стратегию брендинга, порождает необходимость учета уникальной культуры потребителя. Локализации подвергается сам продвигаемый продукт со всеми компонентами, комплекс коммуникаций и собственно имидж компании. При этом глокализация активно внедряется компаниями, бренды которых традиционно входят в число ключевых проводников глобальных идей, стандартов и продуктов.

Так, московский McDonald's предлагает особую гибкую систему организации среды, функционирования предприятий и продвижения рекламы. Здесь можно часами общаться за чашкой чая или кофе, что недопустимо в классических американских пунктах быстрого питания, поскольку подобный подход препятствует успешному бизнесу.

Кроме того, к концу года для России McDonald's планирует полностью поменять дизайн упаковки, чтобы сделать продуктовую линейку сетевого пакета частью общей графической системы. Авторы новой упаковки (агентство Pearlfisher) полагают, что обновленная версия дизайна бренда создаст «ощущение радости и легкости, благодаря яркой графике» [6]. «Простота и смелость»

предложенного дизайна как новый аутентичный образ символизируют готовность компании к изменениям в соответствии с региональной спецификой и современными трендами. Использование при создании новых элементов бренда близкой к природной цветовой палитры и отказ от применения пластиковых пакетов демонстрируют приверженность компании принципам экологичного природосообразного производства и сбалансированного питания [6].

Развитию этой концепции следует решение интерьера нового МакДональдса в Москве, key-visual которого – «Естественность». Для раскрытия образа используются природный колорит, дерево и кожа, уникальные формы пространственной организации, набор аутентичной мебели с традиционными деревянными стульями и романтичными садовыми лавочками.

Адаптация идеалов быстрого питания в Китае, Юго-Восточной Азии и Индии сопровождается исследованием традиционных вкусов и современных вариаций смешения еды, созданием аутентичных интерьеров и key-visuals, что переводит эти предприятия из ранга закусок быстрого питания в заведения, обслуживающие «верхний средний класс», и демонстрирует приоритет локального, местного «над макдональдизацией, американизацией и глобализацией» [3].

Складывающаяся практика адаптации и \или присвоения брендов, построения взаимодействия культурных кодов, создания новых форм коммуникаций и трансмутация норм выявляют «зеркальные» возможности для продвижения местных брендов на глобальный рынок.

«Восточная» интерпретация мировых брендов китайскими кризйторами. – URL: <https://bigpicture.ru/abibas-i-ego-druzya-populyarnye-brendy-v-kitajskoj-interpretacii>

В качестве примера можно обратиться к экспериментам команды VeGrand, посвященным преобразованию отечественных брендов, их адаптации к ситуации вторжения глобального мира в современную жизнь регионов/территорий. Используя бренд как актуальное средство продвижения территории, форму трансконтинентальных и межрегиональных коммуникаций, часть performance-маркетинга, контекстной рекламы и рекламы на прайс-площадках, дизайнеры «фантазируют» на тему новых форм коммуникации брендов с новой расширенной целевой аудиторией потребителей.

Сегодняшний тренд компании в создании имиджа – это «маркетинг удивления» со стильным дизайном и хорошим юмором, поиски нестандартных, эксклюзивных образов в потоках изображений и коммуникаций. Так, например, существующий дизайн бренда кондитерской фабрики «Славянка», по мнению авторов, довольно архаичен, своим названием «притесняет все остальные этноязыковые общности» [1] и требует редизайна. Идея создания более открытого бренда («Славянка» – это состояние души, «Славянка» бывает разной) трактуется дизайнерами через образы нарочито «восточных» девушек и темнокожих парней с маникюром в гламурной розовой гамме. Такой key-visual представляет собой довольно свободную интерпретацию основного концепта бренда, но наглядно демонстрирует попытку выйти на глобальную площадку, вывести продукт на мировой рынок.

Еще менее корректным погружением в локальную традицию, культуру и обычаи, эпатажными гибридами

мировых брендов с местной реальностью могут служить работы китайских криэйторов. Будучи излюбленным приемом, их вольная игра с названиями популярных брендов, со знаками и логотипами [4] создает безумные глокальные «миксы», где, например, название транснациональной компании Nike приобретает новые интерпретации: «Hike», «Mike» и пр.; Dolce&Gabbana модифицируется в «Dolce&Banana»; Puma в китайской версии бренда превращается в «Fuma» с изображением курящей пумы; в логотипе Starbucks Corporation (версия 1992–2011) образ двуххвостой русалки Сирены вполне ожидаемо заменен вариацией на тему китайского льва, льва-стража и \или демонов, и название Starbucks трансформировано в «Sunbucks».

Несомненно, в такой версии гибридизация не может служить эталоном процесса работы с глобальными брендами, образцом их погружения в местные реалии.

Одним из примеров «адаптированного» бренда, ориентированного на формирование предметно-пространственной среды, можно считать ИКЕА, популярный мировой бренд товаров для дома. Сформированный на основе природосообразной культуры жителей Смоланда с их изобретательностью, прижимистостью и практичным подходом к жизни, этот бренд с функциональным и качественным дизайном сегодня доступен всему миру по довольно низким ценам.

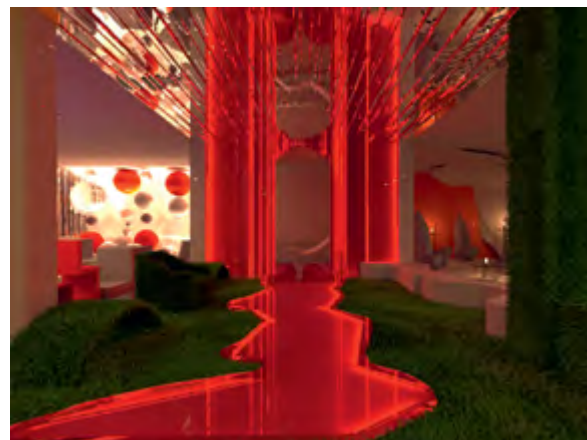
Разнообразная цветовая палитра, отвечающая различным национальным и культурным традициям, широкий ассортимент комфортных, функциональных и экологич-

^ «ИКЕА»: продукция фирмы как компромисс глобального и локального. – URL: <https://style.rbc.ru/impressions/5b4628349a7947546d727026>

< «ИКЕА»: работы региональных мастерских в стиле местных культурных традиций. – URL: <https://searchindia.com/blogs/ikeas-first-india-store-opening-at-hyderabad>

< «ИКЕА»: работы региональных мастерских в стиле местных культурных традиций. – URL: <https://www.ikea.com/ru/ru/this-is-ikea/about-us/missiya-i-biznes-ideya-pub25f05283>

^ Концепты глокального дизайна для городских интерьеров Иркутска.
Авторы А. Хайрутдинова, С. Никитина, руководитель М. В. Корелина. Каф. Дизайна ИРНИТУ

^ Арт-резиденция ИРНИТУ как имиджевое пространство. Фрагмент.
Автор С. Горбунова, руководитель О. Е. Железняк.
Каф. Дизайна ИРНИТУ

ных товаров, общедоступных и пригодных для формирования аутентичной среды и обустройства дома в любом регионе мира, соответствуют концепции «демократичного дизайна», продвигаемой компанией ИКЕА и позволяющей «совмещать возможности поставщика с потребностями заказчика» [10].

Концепция демократичного, но качественного дизайна пронизывает все структурные составляющие компании ИКЕА – от центра разработки дизайна в Эльмхульте и производственных предприятий до деятельности мастерских местных ремесленников, расположенных в Индии, странах Юго-Восточной Азии и др. Продвигать продукцию компании на иностранные рынки, сохраняя основные идеалы бренда, помогает использование системы франчайзинга.

В целом популярность бренда в среднем сегменте во многом предопределена экологическими идеями, демократичностью и профессиональной продуманностью дизайна, возможностью комбинирования и авторского участия разных групп потребителей в создании уникальной среды, а также соотносительностью с базовыми архетипами региональных культур. Согласование продукции и визуального ряда бренда с культурными архетипами привносит в процессы глокализации и развития бренда, его коммуникации с потребителем на разных мировых площадках дополнительный смысловой слой, позволяет более точно отражать суть глобальных и локальных ценностей бренда и его уникальность [2].

Одним из важных современных трендов глокализации оказывается значительный рост влияния высокотехнологичных компаний, поощряющих развитие виртуальной среды, цифровых технологий в целом. Лидерами среди них на сегодня являются Microsoft, Amazon и Apple. Активно развиваясь в интернет-пространстве, феномен глокализации формирует разнообразные технокультурные ландшафты (медиа-, техно-, этно-, финансовые и др. пейзажи), цифровые миры и формы коммуникации. Они служат для исследования компромиссов и разрывов между глобальным и местным/региональным, между экономикой, культурой и социумом, составляют различные пласты глобализации и трансформации культурных потоков [3]. Дигитализация современного мира вообще

играет ключевую роль в дизайн-глокализации, начиная от дизайна виртуального мира и заканчивая дизайном интерьерной и городской среды, а также производством современных товаров и объектов предметно-пространственной среды, в т. ч. через 3D-принтирование как новую технологию создания изделий, приближающую универсальную брендовую продукцию к заказчику.

Не менее актуальным трендом глокализации является эко-дизайн, который способствует построению взаимодействия, нахождению компромисса глобального и локального. Будучи одной из приоритетных концепций в современном дизайне, эко-дизайн определяется как направление, которое базируется на идее защиты глобальных и локальных/региональных аспектов природной и культурной среды, ориентируется на сохранение естественных систем и создание соответствующих взаимосвязей между компонентами. Он содействует становлению компромисса и гармонии между планетарным/космическим масштабом и самым малым локусом, эйдосом места.

Но и роль цифрового дизайна, и значение эко-дизайна («зеленого дизайна») в формировании дихотомии глобальное – локальное, в построении взаимоотношений транснационального и регионального как пространства глокализации требуют отдельного исследования и специального описания.

Дизайн как научно-образовательное пространство и дискурсы глокализации. Опыт работы кафедры дизайна и СНПЦ формирования предметно-пространственной среды ИРНИТУ

Выстраивая модель создания, получения и распространения знаний в ситуации глокализации, сложного взаимодействия глобального и локального, отдельные исследователи [4; 13] предлагают использовать две группы знаний – знания, ограниченные местной средой, и свободно «путешествующие по миру» систематизированные знания. Н. Bathelt, А. Malmberg, Р. Maskell [4], выделяя сферу неявной трансляции знаний и группу знаний, обладающих местными особенностями (так называемого «молчаливого знания»), подчеркивают, что оно принадлежит конкретному региону и формирует-

ся при взаимодействии местных структур бизнеса, ВУЗов и исследовательских учреждений. Во избежание замкнутости региона должны происходить информационный обмен систематизированными знаниями и направленная, целевая коммуникация с внешними контрагентами [13]. Это обеспечивает взаимообмен и циркуляцию знаний, выход региональных знаний на глобальный рынок и погружение универсальных знаний в локальную культуру, что, вероятно, возможно при наличии равного пиетета к глобальному и региональному компонентам целостного пространства.

Ценность глокального знания, осознания сложного взаимодействия и компромиссов, сохранения паритета ценностей транснационального и регионального отмечают Джеффри Брукс и Энтони Нормор [5]. При этом они предлагают лидерам образовательного процесса («современным образовательным лидерам») развивать и внедрять глокальную грамотность, систематизировав все знания по девяти основным направлениям развития глокализации.

В отечественной науке и образовании ситуация в настоящее время характеризуется явным перевесом в пользу ценностей глобального мира, ориентацией на мировые стандарты, на продвижение и признание внутренних достижений на глобальном рынке. В настоящее время приоритетным показателем качества работы становится представление ее за рубежом, публикация в изданиях, индексируемых в международных базах данных Scopus, Web of Science и др. Конечно, это не исключает исследования региональных проблем, обращения к местной специфике, но итогом все-таки должна стать зарубежная презентация результатов.

Начиная с Болонской декларации, в образовательной сфере происходят постоянные изменения, также связанные с встраиванием в мировой, глобальный рынок образовательных услуг и научных исследований. Это сопровождается серьезными структурными преобразованиями в ВУЗах и образовательной системе в целом, повышением роли научных исследований в деятельности ВУЗов, значительным увеличением внимания к наличию ключевых для статуса образовательных учреждений активных международных контактов и усилением интереса к изучению и использованию иностранных языков в ВУЗах.

Современная ситуация в дизайн-образовании и науке одновременно сложнее и проще, но с такими же приоритетами, т. к., с одной стороны, возможность представлять свои проектные работы (в т. ч. образовательные) на мировом рынке стала шире – от участия в международных выставках до дистанционной работы с зарубежными коллегами и заказчиками. С другой стороны, публикации исследований в зарубежных изданиях и изданиях, индексируемых Scopus и WoS, практически невозможны ввиду того, что количество отечественных издательств такого статуса крайне незначительно, а зарубежные публикации стоят чрезвычайно дорого.

Учитывая, что дизайн – это изначально пространство взаимодействия универсального/глобального и уникального/локального, проектные и исследовательские поиски в этой сфере остаются актуальными независимо от складывающихся реалий.

В связи с этим на кафедре дизайна/монументально-декоративной живописи и дизайна им. В. Г. Смагина ИРНИТУ ведутся исследования и проектные разработки по указанной тематике в рамках госбюджетной темы «Пространства культурной идентификации» (руководитель О. Е. Железняк) и в программах деятельности Студенческого научно-проектного центра формирования предметно-пространственной среды (руководители О. Е. Железняк, М. В. Корелина).

ПЛАКАТЫ

РЕКЛАМНАЯ КОНЦЕПЦИЯ

< Концепция бренда
Онлайн-школы САФ.
Фрагмент.
Автор А. Юрьева, руко-
водитель О. Е. Железняк.
Каф. Дизайна ИРНИТУ

Наиболее актуальные дискурсы исследований и художественно-проектной деятельности ближайшего времени посвящены следующим разработкам:

- Современная образовательная среда как пространство трансмутации глобального и локального, построения идентичности в рамках компромисса транснационального и аутентичного (на эту тематику в основном ориентированы работы Студенческого центра в последние годы);
- Образы и знаки города в мировой и отечественной практике – знаковая архитектура и градостроительные концепции, арт-дизайн и знаки места, дизайн-коды среды, информационная среда и графический дизайн в городском контексте, виртуальные миры и системы компьютерного моделирования, городские имиджи и колористика города, знаковые системы в среде современного города, городская реальность и художественные образы города в различных видах искусства, зимний город как имиджевый ресурс территории и др. (цикл художественно-проектных работ и научных исследований представлен на организованной ИРО СД России и ИРНИТУ Международной виртуальной выставке-конкурсе «Образы и знаки города»);
- Городской интерьер и цветовые образы Иркутска как пространства идентичности места, отражения эйдоса, построенные на использовании реальных исследований специфики территории и на основе местных мифов;
- Специфика дизайна и художественно-проектной культуры в целом в эпоху новых информационных технологий;
- Коворкинги как гибридное пространство нового типа, обладающее в равной степени универсальностью и уникальностью, средство джентрификации, и/или «тре-тье место».

Теоретические исследования и художественно-проектные разработки темы идентичности как системы, порождающей и определяющей имидж города и качество среды, ведутся по нескольким базовым направлениям: специфические особенности города как пространства культурной идентификации, обеспечивающие устойчивость территории и формирующие позитивный имидж места; художественно-проектная культура Сибирского региона и отдельных городов как пространство формирования жизнеспособной, художественно-привлекательной среды, повышения качества жизни и создания имиджей урбанизированных и малонаселенных территорий; город как бренд и корпоративный имидж предприятий – условие формирования выразительного облика города и средство коммуникации, продвижения на глобальный рынок и др.

Исследования аутентичной культуры территории в контексте мировой практики, проводимые в рамках госбюджетной темы, положены в основу комплексных научно-проектных разработок для города Иркутска и Байкальского региона для формирования современного развивающегося города, в котором места освоены и означены.

Таким образом, противоречивая целостность глобального и локального является сегодня актуальным источником и потенциалом как транснационального, так и регионального развития и средством продвижения товаров, услуг и культур.

Важным дискурсом глокализационных процессов, обеспечивающим «оформление» и внедрение базовых представлений в реальную жизнь, пространством построения взаимодействия глобального и локального служит дизайн. Наиболее наглядно это демонстрируют современные системы брендинга, в которых проявляется роль и потенциал дизайнера в становлении компромисса глобального и локального, а также показывается обратный процесс специфической интеграции дизайнера и глокальности, изменение стратегий брендинга под влиянием глокализации.

Актуальные возможности использования дизайна в глокальных дискурсах представляет опыт научно-образовательных и проектных разработок кафедры дизайна ИРНТУ и СМПЦ формирования предметно-пространственной среды, которые ориентированы на сохранение и культивирование уникального имиджа Иркутска и идентичности территории, продвижение бренда Иркутска на мировой рынок и встраивание его в транснациональный мир.

Литература

- 100 самых аутентичных брендов. – URL: <https://www.sostav.ru/publication/samye-autentichnye-brendy-21839.html>
- 12 архетипов брендинга, или как найти свой имидж и отстроиться от конкурентов. – URL: <https://www.sostav.ru/publication/dlya-chego-nuzhen-rebranding-12-arkhetipov-brandinga-ili-kak-nai-ti-svoi-imidzh-i-otstroitsya-ot-konkurentov-47437.html>
- Abderrahman Hassi, Giovanna Storti. Globalization and Culture: The Three H Scenarios. // <https://www.intechopen.com/chapters/38348>
- Bathelt H., Malmberg A., Maskell P. Clusters and Knowledge: Local Buzz, Global Pipelines and the Process of Knowledge Creation // Progress in Human Geography. February, Vol. 28. No. 1. 2004
- Jeffrey S. Brooks, Anthony H. Normore. Educational Leadership and Globalization: Literacy for a Glocal Perspective (англ.) // Educational Policy. — 2010-01-01. — Vol. 24, iss. 1. — P. 52—82.
- McDonald's полностью изменит дизайн упаковки в России к концу года. – URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/422521-mcdonalds-polnostyu-izmenit-dizayn-upakovki-v-rossii-k-koncu-goda>

- Mike Featherstone, Scott Lash, Roland Robertson. Global Modernities. – SAGE, 1995-01-01. – 306 с.
- Pieterse J. N. Globalisation as hybridisation // International Sociology, June 1994. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/026858094009002003>
- Актуальные вопросы глобализации: «круглый стол» МЭ и МО // Мировая экономика и международные отношения. – 1999. – № 5. – С. 41–57
- Все об IKEA. – URL: <https://www.ikea.com/ru/ru/this-is-ikea/about-us/missiya-i-biznes-ideya-pub25f05283>
- Железняк, О. О трансмутации «нового в/с наличным» // Проект Байкал. – 2021. – № 67. – С. 24–29
- Коноплёв, Н. С., Лазебный, В. А., Кардашевский, В. В. Феномен духовной глокализации социума как способ действительного преодоления односторонности глобалистики: монография. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2016. – 120 с.
- Лысенкова, М. А. О возрастающей роли глокализации в развитии региональных инновационных систем. – URL: <http://www.mce.su/eng/archive/abstracts/mce25/sect286/doc311038/>
- Транслаботория. Наша федерация будет глобальной // ИНАЧЕ. – 2003. – № 5. – URL: <http://www.inache.net/print/signs/754>

References

- 12 Arkhetipov brendinga, ili kak naiti svoi imidzh i otstroitsya ot konkurentov [12 archetypes of branding, or how to find one's own image and tune out from competitors] (2021, February 23). Retrieved from <https://www.sostav.ru/publication/dlya-chego-nuzhen-rebranding-12-arkhetipov-brandinga-ili-kak-nai-ti-svoi-imidzh-i-otstroitsya-ot-konkurentov-47437.html>
- Aktualnye voprosy globalizatsii: "kruglyi stol" ME i MO [Topical questions of globalization: "round table" of WE and IR] (1999). World economy and international relations, 5, 41-57.
- Bathelt, H., Malmberg, A., & Maskell, P. (2004, February). Clusters and Knowledge: Local Buzz, Global Pipelines and the Process of Knowledge Creation. Progress in Human Geography, 28(1).
- Brooks, J. S., & Normore, A. H. (2010, January 1). Educational Leadership and Globalization: Literacy for a Dulneva, M. (2021, March 3). McDonald's polnostyu izmenit dizain upakovki v Rossii k kontsu goda [McDonald's will fully change the packaging design in Russia by the end of the year]. Retrieved from <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/422521-mcdonalds-polnostyu-izmenit-dizayn-upakovki-v-rossii-k-koncu-goda>
- Featherstone, M., Lash, S., & Robertson, R. (1995, January 1). Global Modernities. SAGE.
- Glocal Perspective. Educational Policy, 24,(1), 52-82.
- Hassi, A., & Storti, G. (2012, August 22). Globalization and Culture: The Three H Scenarios. Retrieved from <https://www.intechopen.com/chapters/38348>
- Ippolitova, N. (2016, April 22). 100 samykh autentichnykh brendov [100 most authentic bands] (2016, April 22). Retrieved from самых аутентичных брендов. – URL: <https://www.sostav.ru/publication/samye-autentichnye-brendy-21839.html>
- Konoplev, N. S., Lazebnyi, V. A., & Kardashevsky, V. V. (2016). Fenomen dukhovnoi globalizatsii sotsiuma kak sposob deistvennogo preodoleniya odnostoronnosti globalistiki: monografiya [Phenomenon of spiritual globalization of the society as a means of efficient overcoming one-sidedness of Globalistics: monography]. Irkutsk: Izd-vo "Ottisk".
- Lysenkova, M. A. (n.d.). O vozrastayushchei roli globalizatsii v razvitiye regionalnykh innovatsionnykh system [On the growing role of globalization in the development of regional innovative systems]. Mathematics. Computing. Education. Retrieved from <http://www.mce.su/eng/archive/abstracts/mce25/sect286/doc311038/>
- Pieterse, J. N. (1994, June). Globalisation as hybridization. International Sociology. Retrieved from <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/026858094009002003>
- Tranlaboratoriya (2003). Nasha federatsiya budet globalnoi [Our federation will be global]. INACHE, 5. Retrieved from <http://www.inache.net/print/signs/754>
- Vse ob IKEA [Everything about IKEA] (n.d.). IKEA. Retrieved from <https://www.ikea.com/ru/ru/this-is-ikea/about-us/missiya-i-biznes-ideya-pub25f05283>
- Zheleznyak, O. (2021). On transmutation of "the new in/with the existing". Project Baikal, 18(67), 36-41. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.67.1751>

*Снятся людям иногда
Голубые города,
У которых названия нет.*

**Песня из к/ф
«Два воскресенья», 1963**

Что ждет нас в будущем? – этот вопрос всегда привлекал внимание и всегда ускользал от ответа. Какие тенденции сегодняшнего дня будут формировать облик городов дня завтрашнего? Иркутские архитекторы, продолжая тему Зимнего города, размышляют о развитии подземной урбанистики. Новосибирцы изучают креативный капитал в качестве главного ресурса роста сибирских городов. Средовой подход к развитию городов, соотношение понятия среды с пограничными концептами стиля, смысла, субстрата исследуют теоретики архитектуры. Вопросы теории прямо соотносятся с повседневной практикой пост-ковидного мира. Изоляция людей друг от друга и срастание жилых пространств с офисными, новые функции и роль общественных пространств – все это нуждается в осмыслении прямо сейчас. Триптих философов из Воронежа, Латвии и Вологды – об этом.

**Елена Григорьева
Константин Лидин**

тренды урбанизации / urbanization trends

*Sometimes, people dream of
Blue cities,
Which have no name.*

**Song from the film
“Two Sundays”, 1963**

What does the future hold for us? This question has always attracted attention and always eluded answering. Which of today's trends will shape the appearance of tomorrow's cities? Irkutsk architects, continuing the theme of the Winter City, reflect on the development of underground urbanism. Novosibirsk citizens study the creative capital as the main resource for the growth of Siberian cities. The environmental approach to urban development and the ratio of the notion of environment with the borderline concepts of style, meaning and essence are studied by theorists of architecture. The issues of the theory are directly related to everyday practice of the post-covid world. Isolation of people from each other and fusion of residential spaces with the office ones, new functions and the role of public spaces need reflection right now. The triptych of philosophers from Voronezh, Latvia and Vologda is about it.

**Elena Grigoryeva
Konstantin Lidin**

Исследуется развитие подземного пространства от истории освоения в первобытном мире до наиболее ярких примеров реализации настоящего времени. Особое внимание уделено освоению подземных пространств и древнего мира и периоду промышленной революции, Новому времени, когда произошел всплеск освоения подземной урбанистики. Затронут вопрос современных тенденций развития подземной архитектуры, которые заключаются в многоцелевом планировании пространства и комплексном освоении недр земли. Статья – первая публикация из цикла по данной теме.

Ключевые слова: подземная урбанистика; освоение подземных пространств; подземная архитектура. /

The article studies the evolution of underground spaces, from the history of their development in the primitive world to the most striking examples of their present-day realization. Particular attention is paid to the development of underground spaces and the ancient world, as well as the period of the industrial revolution, the modern times, when there was a surge in the development of underground urbanistics. The article touches upon modern trends in the development of underground architecture, which involve multi-purpose spatial planning and complex development of the interior of the earth. This article is the first publication of the series devoted to this topic.

Keywords: underground urbanistics; development of underground spaces; underground architecture

Предпосылки формирования подземных пространств / Prerequisites for formation of underground spaces

текст

Анастасия Холявко

Иркутский национальный исследовательский технический университет; Сибирская лаборатория урбанистики

Инна Дружинина

Иркутский национальный исследовательский технический университет /

text

Anastasia Kholiyavko

Irkutsk National Research Technical University; Siberian Laboratory of Urbanistics

Inna Druzhinina

Irkutsk National Research Technical University

Возникновение, развитие и освоение подземных пространств

Освоение подземного пространства началось в эпоху палеолита, путем приспособления первобытным человеком пещеры под жилую функцию за счет примитивных способов: заложение камнями входов, отбивка острых выступов в стене, выпиливание и др. Созданный природой дом в виде пещеры, защищавший от непогоды, оказался пригодным для хранения предметов быта и продуктов питания, служил надежным убежищем.

Освоение человеком природных подземных пустот послужило одним из толчков развития работ по выемки горных пород, от свойств которых зависела возможность использования подземного пространства. Скалистые прочные породы – это не только природный дар, но и основа для первоначальной строительной деятельности человека.

Одним из первых искусственных сооружений в недрах земли считается подземный могильный комплекс Древнего Египта и могильные холмы Индии (II и I тысячелетие до н. э.). К этому же времени относится строительство тоннелей под инженерные коммуникации: тоннель длиной 1,6 км на острове Самос (Греция), подводный тоннель Пхукет под рекой Евфрат (древний Вавилон).

Одним из наиболее ярких примеров подземной архитектуры, дошедших до наших дней, является район древней Каппадокии (ныне Турция). Археологические раскопки в этой местности выявили крупнейший в мире подземный жилой комплекс. На территории 5 тыс. км² каппадокийских долин обнаружено 41 подземное поселение, в которых найдены все принадлежности человеческого обитания: жилые помещения, склады, помещения для содержания скота, церкви, монастыри, пешеходные коридоры, вентиляционные тоннели и трубы, емкости для хранения воды и места захоронений.

Стоит отметить, что пещерные и рукотворные подземные жилые поселения, культовые и военные сооружения обнаружены практически на всех континентах во многих странах мира, в самых различных климатических зонах. Например, комплекс Чуфут-Кале в Крыму, остатки подземных монастырей VI–XIII вв. в Грузии, крупный

подземный городской комплекс пещерного типа Вардзиа (конец XII – начало XIII в., Грузия), включающий около 500 помещений, расположенных в 5-6 ярусах над рекой Кура.

Среди подземных сооружений, в разные века созданных человеком, важное место занимают инженерные коммуникации – канализационные каналы и водопроводы, встречающиеся и сегодня во многих греческих и римских городах. Среди развалин древнегреческого города Элевзиса в неповрежденном состоянии сохранился канал диаметром 1,5 м, который, по расчетам, смог бы удовлетворить и сегодняшние потребности этого города. О высоком уровне подземного строительства древнегреческих инженерных коммуникаций свидетельствуют также дугообразные кирпичи, изготовленные специально для строительства таких каналов.

Но подземные сооружения – это не только законсервированные объекты культурного наследия. В Северном Китае до сегодняшнего дня сохранились функционирующие подземные жилища. В провинциях Хунань, Шенси, Шаньси и Ганьсу их население достигает ориентировочно 10 млн. человек. Поселения располагаются под пашнями и состоят из помещений, вырытых в лессовом грунте. Перед жилыми помещениями создан заглубленный двор, который обеспечивает их естественным освещением и свежим воздухом. Подобная конструкция подземных жилищ с некоторыми модификациями существует сегодня и у коренного населения современного Туниса – берберов, ведущих отшельнический образ жизни.

Однако самым интересным на сегодняшний день примером является использование подземных полупещерных жилищ коренным населением греческого острова Тира (Санторини). Вырубленные в скальных породах полупещеры до сих пор используются островитянами в качестве основного жилья, гостиниц, складов или подсобных помещений. Сегодня это уже не примитивные пещеры, а современные жилища со всеми удобствами, пятизвездочные отели, рестораны, винные погреба и домашние православные церкви.

Использование подземного пространства в гражданском строительстве имеет многовековую историю,

связанную с необходимостью размещения под землей объектов культурно-бытового, коммунального назначения, многочисленных оборонительных, вспомогательных и складских помещений. Последнее занимает значительное место в подземном строительстве разных исторических эпох. Складирование товаров под землей издревле считалось целесообразным: здесь выполнялись важные условия термической стабильности и возможности задействования больших площадей.

Значение этих факторов ценно и с точки зрения жизнедеятельности городов предшествующих эпох: частые войны, пожары, опасность эпидемий и стихийных бедствий. Постоянная угроза длительной изоляции города от его окружения заставляла население городов создавать для себя крупные запасы.

Параллельно с развитием городских подвалов в Средние века развивалось и горное дело. Из комбинации проходческой деятельности и устройства креплений сводов возникло тоннелестроение, а с изобретением взрывчатых веществ открылась возможность для транспортного тоннелестроения.

Подземное строительство стало массовым с развитием рельсового транспорта и создания инженерного оборудования для проведения горных выработок для подземных железных дорог. Создание и развитие горного машиностроения, а затем совершенствование горных технологий дали возможность в конце XIX в. приступить к строительству первых городских подземных дорог (Лондон, 1863; Будапешт, 1896; Париж, 1900).

С началом массовой моторизации и автомобилизации городов появились проекты устройства городских участков железнодорожных линий, в том числе подземных – возникновение метрополитенов.

Мировая практика общественных подземных пространств

Увеличение потоков пассажирского и грузового транспорта в конце XIX в. стало причиной внесения изменений в традиционную планировочную структуру города и характер его застройки. Начался переход к формированию общегородских подземных систем, включающих различные типы подземных сооружений. Одним из первых крупных проектов подобного рода можно считать подземный переход на площади Оперы в Вене, в котором, помимо основной транзитной функции, разместились кафе и магазинчики.

Использование подземного пространства и размещаемых в нем функций существенно отличается в разных странах и городах. Его особенности зависят от исторических, экономических, фактических и изначальных условий развития [1].

Подземный город Монреала (RESO) – это сеть ходов, которая объединяет огромное количество объектов инфраструктуры в центре города и за его пределами. Он известен также как внутренний город и является самым большим искусственно созданным подземным комплексом в мире.

Основной причиной развития подземных строений Токио в Японии является большая перенаселенность и нехватка земли. Обжитые подземные владения Токио сегодня составляют уже более 300 тыс. м². Первый небольшой городок, «упрятанный» под землю, появился в японской столице еще в 1932 г. при станции метро Судате. Освоение подземного пространства с тех пор бурно развивается: в 1990-х гг. сооружено 15 подземных городов. Как правило, все они находятся в районах, прилегающих к крупным вокзалам и пересадочным узлам метрополитена. Это разветвленный комплекс индустрии услуг. Самый большой из них – Яэсу.

Хельсинки (Финляндия) также имеет большой опыт использования подземного пространства и по праву считается «подземной столицей мира». В настоящее время в Хельсинки разведано более 10 млн. м³ подземного пространства, функционирует более 400 подземных сооружений, проложено 220 км технических туннелей, 24 км водных туннелей и 60 км единых сервисных туннелей, которые включают теплоцентрали и системы охлаждения, электрические кабели и телекоммуникационное оборудование [2]. Такое развитие подземной инфраструктуры осуществляется благодаря каменным породам структуры почвы на неглубоком залегании.

Современные тенденции развития подземной архитектуры

Анализ исторического и современного опыта проектирования и строительства подземных сооружений позволил выявить, что на основных этапах своего развития они сопутствовали объединению небольших подземных зон в единую архитектурно-пространственную систему. Причем, на каждом следующем этапе развития, в связи с ростом количества функциональных процессов в подземных комплексах, прослеживается тяготение к многоцелевой эксплуатации пространств и организации качественного уровня предметной среды [3]. Наблюдается постепенное притяжение к компактным архитектурно-планировочным решениям.

Развитию подземной урбанистики сопутствует и особенность пространственной организации подземных сооружений. В отличие от традиционной наземной застройки, в подземных сооружениях нет потребности в существенных разрывах между собой, поэтому они могут простираться на большие территории. Все это способствует существенному повышению общей плотности застройки городских пространств и эффективности ее использования. Подземная архитектура значительно сокращает расходы на энергозатраты: естественные слои земли являются катализатором с высокой тепловой эффективностью, которая обеспечивает до 80% потребления энергии, что, в свою очередь, позволяет сократить расходы на отопление и охлаждение подземного здания в отличие от наземного. Это делает ее экологически привлекательной [4].

Очевидно, что глобальное использование городских подземных пространств поможет городам достигнуть целей устойчивого развития, идеи которого сейчас активно обсуждаются на различных мировых площадках всех уровней. И для оптимального результата необходимо долгосрочное проектирование и развитие.

«Современный город» уже не может не учитывать понятие подземного пространства, так как оно является одним из направлений строительства, позволяющим достичь большей свободы архитектурно-пространственных решений. Два противоположных, но всегда находящихся рядом друг с другом направления вертикального развития города – вверх и вниз – имеют очень важные различия:

- развитие «вверх» увеличивает жилой фонд;
- развитие «вниз» избавляет жилой фонд от второстепенных вспомогательных площадей, что позволяет сделать этот социальный вид архитектуры главным в городе [5].

Данные моменты необходимо учесть при многоцелевом планировании, которое возможно осуществить с помощью прогнозирования. Прогнозирование следует признать основным инструментом проектирования всего городского развития, а также развития всех элементов города, расположенных под землей. Отсюда следует, что при помощи этого инструмента можно наметить пути комплексного развития подземной урбанистики в целом.

ПЕРВОБЫТНЫЙ МИР

ДРЕВНИЙ МИР

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

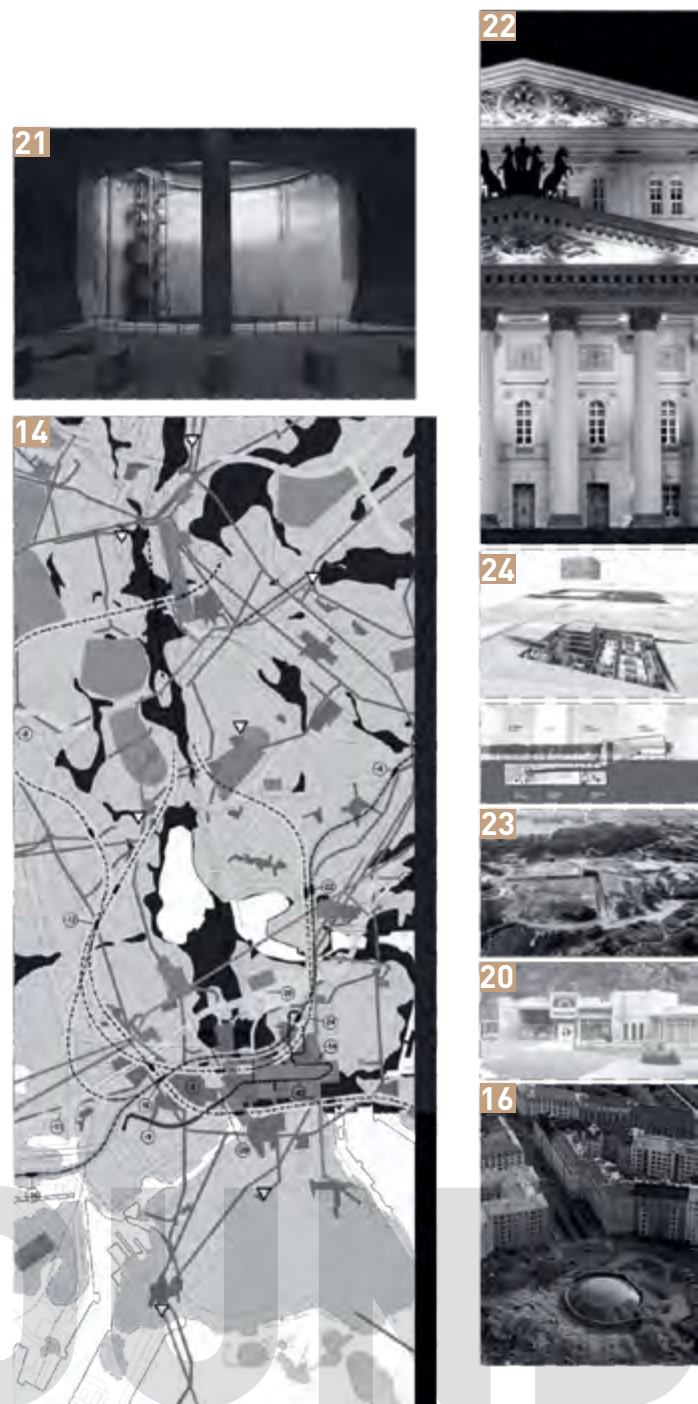
НОВОЕ ВРЕМЯ

НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Литература

1. Беляев, В. Л. Освоение подземного пространства городов в аспекте их устойчивого развития // Вестник МГСУ. – 2014. – № 2. – С. 7–12
2. Демидова, Е. В. Опыт подземного строительства в городе Хельсинки // Академический вестник УРАЛНИИПРОЕКТ РААСН. – 2015. – № 1. – С. 9–14
3. Картозия, Б. А. Освоение подземного пространства крупных городов. Новые тенденции // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). – 2015. – № 1. – С. 615–629

4. Геотехника РОМГГиФ 2020. Вопросы и ответы [Электронный ресурс]. – Москва : Интернет-трансляция в режиме реального времени, апрель-июнь 2020 – URL : <http://rsmgfe.mybb.ru/viewtopic.php?id=16> (дата обращения: 15.03.2021)
5. Шилин, А. А. Освоение подземного пространства (зарождение и развитие) [Электронный ресурс] : учеб. пособие – Москва : Издательство Московского государственного горного университета, 2005. — 307 с. — (Высшее горное образование). – URL : <https://rucont.ru/efd/196229> (дата обращения: 15.03.2021)

- ДО Н.Э.**
- 1 Пещерный город Каппадокия (тер. современной Турции)
  - 2 Ликийские гробницы (тер. современной Турции)
  - 3 Остров Тира (Санторини, Греция)
  - 4 Большая Клоака (Древний Рим)
  - 5 Древнеримские термы (Древний Рим)

- I в. Н.Э.**
- 6 Ад-Дэйр (тер. современной Иордании)
  - 7 Цистерна Базилика (Константинополь/Стамбул, Турция)

- XII в.**
- 8 Подземный монастырский комплекс «Вардзиа» (Грузия)

- XIX в.**
- 9 Дома Второва, Файнберга (Иркутск, Россия)
  - 10 Первое в мире метро, 1865 (Лондон, Великобритания)

- 11 Кельштайнхаус, 1938 (Баварские Альпы, Германия)
- 12 Больница в скале, 1939 (Будапешт, Венгрия)
- 13 Orepassage, 1955 (Вена, Австрия)
- 14 Подземный генеральный план Хельсинки, 1960 (Хельсинки, Финляндия)
- 15 Бункер подводных лодок, 1961 (Балаклава, Крым)
- 16 Церковь Темпелиауки, 1969 (Хельсинки, Финляндия)
- 17 Система пешеходных тоннелей «РАТН», 1970 (Торонто, Канада)
- 18 Подземный Сеул, 1974 (Сеул, Южная Корея)
- 19 Большой Лувр, 1989 (Париж, Франция)
- 20 Олимпийский пещерный зал «Йевик», 1994 (Йевик, Норвегия)

- XX в.**
- 21 Токийский противопоаводковый коллектор, 2006 (Токио, Япония)
  - 22 Реконструкция Большого театра, 2011 (Москва, Россия)
  - 23 Музей Тирпиц, 2017 (Дания)
  - 24 Музей Трои, 2018 (Чанаккале, Турция)

- XXI в.**

Таймлайн развития подземной урбанистики кратко отображает ее историю. Освоение берет свое начало еще с первобытных времен – пещер, которые со временем развития цивилизации разрастались в пещерные города. В средние века подземное пространство находило свое применение в качестве секретных хранилищ и тайных ходов. В период промышленной революции появилось первое метро, которое послужило толчком развития подземной урбанистики. В период Второй мировой войны и особенно в период холодной войны подземные сооружения нашли свое предназначение в качестве бункеров и бомбоубежищ. Со второй половины XX века в крупнейших городах некоторых стран возникла необходимость комплексного освоения подземных пространств, реализация идей которых идет и в наши дни.

References

- Belyaev, V. L. (2014). Osvoenie podzemnogo prostranstva gorodov v aspekte ikh ustoychivogo razvitiya [Development of underground spaces in the cities in the context of their sustainable development]. Vestnik MGSU, 2, 7-12.
- Demidova, E. V. (2015). Opyt podzemnogo stroitelstva v gorode Khelsinki [Underground building practices in Helsinki]. Akademichesky vestnik URALNIIPROEKT RAASN, 1, 9–14.
- Geotekhnika ROMGGiF 2020. Voprosy i otvety [Geotechnics of Russian Society for Soil Mechanics, Geotechnics and Foundation Engineering. Questions and answers] (2020, April-June) [Online streaming]. Moscow.

Retrieved March 15, 2021, from <http://rsmgfe.mybb.ru/viewtopic.php?id=16>

Kartozia, B. A. (2015). Osvoenie podzemnogo prostranstva krupnykh gorodov. Novye tendentsii [Development of underground spaces in large cities. New trends]. Gornyi informatsionno-analitichesky byulleten (research and technological journal), 1, 615–629.

Shilin, A. A. (2005). Osvoenie podzemnogo prostranstva (zarozhdenie i razvitie) [Development of the underground space (beginning and evolution)] [Manual]. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo gosudarstvennogo gornogo universiteta. Retrieved March 15, 2021, from <https://rucont.ru/efd/196229>

Рассмотрены социологические теоретические подходы к пониманию креативного капитала как ресурса развития экономики городов. Изложены методологические подходы к социологическим исследованиям. Представлены данные сравнительного анализа креативного капитала Красноярска и Новосибирска. Сравнительный анализ проводился на материалах реальных социологических исследований, проведенных в 2020 году по единой методике определения квотной выборки. Исследования были реализованы на основе квотной выборки населения города в возрасте 18 лет и старше, достоверность полученных данных составила $\pm 3,5\%$. Авторы делают вывод о том, что имеются различия в характере креативного капитала в Красноярске и Новосибирске. Этот факт должен определять различные стратегии развития креативных индустрий для этих городов.

Ключевые слова: социальный капитал; креативный капитал; источники креативности; креативное потребление; креативный город. /

The article considers sociological theoretical approaches to the understanding of creative capital as a resource for the development of urban economies. It features methodological approaches to sociological research. The data of comparative analysis of the creative capital of Krasnoyarsk and Novosibirsk are presented. The comparative analysis was carried out on the materials of real sociological research conducted in 2020 according to a common methodology for determining a quota sample. The study was carried out on the basis of a quota sample of the city population aged 18 and over. The reliability of the data obtained was $\pm 3,5\%$. The authors make a conclusion that there are differences in the nature of creative capital in Krasnoyarsk and Novosibirsk. This fact should condition different strategies for the development of creative industries for these cities.

Keywords: social capital; creative capital; sources of creativity; creative consumption; creative city.

Креативный капитал сибирских городов / Creative capital of Siberian cities

текст

Надежда Вавилина

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств им. А. Д. Крячкова

Галина Паршукова

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств им. А. Д. Крячкова

Полина Паршукова

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна /

text

Nadezhda Vavilina

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts named after A. D. Kryachkov

Galina Parshukova

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts named after A. D. Kryachkov

Polina Parshukova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

Креатив в XXI веке представляется в определенном смысле территорией прогресса, именно поэтому идеей сегодняшнего дня становится развитие креативных индустрий. К примеру, Европейский Союз принял новый вариант совместной стратегии развития, где креативные индустрии – это путь устойчивого движения в условиях крайне интенсивной смены технологий. Именно этот путь хочется избрать России. Однако насколько это возможно в рамках реального современного социального контекста?

Задача настоящей статьи – дать анализ таких возможностей, осуществить их проверку эмпирическими данными и предоставить обоснование стратегического видения так называемых окон возможностей для современного российского города. Наряду с экономической категорией, понятие «капитал» в социологии используется в описании социальных процессов (рис. 1). Наиболее известными категориями в современной социологии являются понятия «социальный капитал» и «человеческий капитал».

Понятие человеческого капитала (Human Capital) появилось в работах американских ученых Теодора Шульца [1] и Гэри Беккера [2]. Именно за разработку теории человеческого капитала в 1992 году Беккеру была присуждена Нобелевская премия. В самом общем виде человеческий капитал это – знания, образование, здоровье и качество жизни населения.

Социальный капитал определяет качество социальных связей в обществе. Согласно трехфакторной модели Роберта Патнэма [3, 4], социальный капитал включает социальные нормы, социальные связи и доверие. Связь между этими двумя видами капитала исследователями к концу XX века представлялась в следующем виде. Наличие знаний, образования и здоровья еще не обеспечи-

вает развития общества. Необходимо доверие, и именно оно дает потенциал социального взаимодействия, а вслед за этим экономическое процветание сообщества.

При этом степень доверия определяется через уровень демократии в обществе. Именно поэтому главным научным трудом Р. Патнэма принято считать монографию «Чтобы демократия сработала» [4]. Она была написана в соавторстве в 1993 году, и в ней дано системное исследование горизонтальных связей, показана зависимость между качеством развития региона и численностью гражданских инициатив.

Именно разница в такой зависимости объяснялась затем авторами различиями в уровне развития Севера и Юга Италии. Не вдаваясь в анализ методологии изучения, следует, однако, сделать одно возражение по поводу горизонтальных социальных связей. Представляется, что интенсивность их на юге Италии, возможно, даже выше, чем на севере. Но они имеют другой характер, являясь социальным капиталом сообществ и обеспечивая их экономическое развитие. Однако сегодня проблема уже не в уровне социального капитала, который, конечно, формируются на основе доверия развитых каналов взаимодействия. Обеспечивая экономическое развитие, социальный капитал не делает автоматически экономику территории восприимчивой к инновациям. И в этом контексте есть необходимость концептуализации понятия «креативный капитал». В современном научном поле широко употребляемыми являются два понятия – «креативный город» и «креативный класс». Фактически перед нами две парадигмы, базовым различием которых является отношение к «носителям»/обладателям/субъектам креативного капитала. В рамках первой парадигмы субъектом выступают люди, общество и социальные институты. В рамках второй носителями являются город, территория, бизнес и власть.

Своего рода основоположником первой парадигмы можно считать Ричарда Флориду с его теперь уже широко известной теорией «креативного класса». Креативный класс у Флориды характеризуют три «Т»: таланты, технологии, толерантность. Несомненно, это продуктивная конструкция, если учесть, что вообще класс это не только «вещь в себе», но и «вещь для себя». И тогда

> Рис. 1. Понятие социального капитала в социологии

это солидарность положения, солидарность позиций, солидарность действий. Но именно здесь кроется базовая преграда развития такого класса. К примеру, есть в обществе толерантность – есть креативный класс, нет – не возникает креативный класс, а следовательно, нет условий для развития талантов и технологий.

Во второй парадигме, фактическим идеологом которой является Чарльз Лэндри, главным является другое условие креативности: «Суть концепции креативного города заключается в том, что каждое поселение – в какой бы оно ни находилось стране и на каком континенте – может вести свои дела с большей долей воображения, более творческим и новаторским образом» [5]. Это вполне обоснованное утверждение. Но почему не «каждое поселение» имеет возможность креативного развития? Каковы источники креативности?

Ч. Лэндри под источниками креативности понимал следующее: «...должны быть созданы условия, позволяющие думать, планировать и действовать творчески»; «...в городах должны возникать лидеры – люди или организации, которые научатся отдавать другим часть своей власти, чтобы повысить собственную эффективность и собственное влияние».

Именно это понимание источников креативности позволяет сформулировать категорию «креативный капитал».

Более того, формулируя и определяя понятие, мы исходим из необходимости его функционального назначения, а именно необходимости креативного развития. Итак, креативный капитал – это особенности социальной и культурной инфраструктуры, возможности инновационной и креативных сфер (отраслей экономики), которые позволяют привлекать (формировать) представителей креативных профессий. Очевидны три элемента, которые определяют условия формирования креативного капитала, а значит, и креативного развития: наличие особенной инфраструктуры; наличие ресурсов креативных отраслей; наличие представителей креативных профессий. Какие города обладают уже сегодня таким креативным капиталом?

Будирование идеи креативного развития, идущее, как всегда, в российском контексте сверху вниз, привело к тому, что сегодня любой город объявляет себя креативным, начиная от Мышкина и кончая Бердском. Однако для нас важным является именно наличие креативного капитала того или иного городского пространства и сообщество. И в этом случае целесообразно обратиться к исследованиям, имеющим общественную презентацию и экспертную оценку. Два исследования такого типа были проведены в 2018 году. Это «Российские региональные столицы: развитие, основанное на культуре» (Московская высшая школа социальных и экономических наук – МВШСЭН) [6] и «Индекс креативного капитала» (фонд Calvert22 и PwC) [7].

Обследование, реализованное МВШСЭН, на первом этапе включало 55 городов, на втором только 20. Не вошли, по мнению ученых, «очевидные культурные лидеры» – Красноярск, Казань, Владивосток, Нижний Новгород. Особый смысл в рамках исследования креативного капитала имеют данные о распределении городов по направленности культурной политики и интенсивности культурных процессов (рис. 2).

К городам, создающим инновационные культурные продукты, авторами отнесены Екатеринбург, Пермь, Омск, Ижевск, Иваново, Калининград, Ярославль, Норильск, Иркутск, Новосибирск. Для изучения индекса креативного капитала авторами были взяты 15 городов: Москва, Санкт-Петербург, Казань, Екатеринбург, Новосибирск, Тюмень, Краснодар, Владивосток, Калининград, Пермь, Нижний Новгород, Уфа, Омск. При этом расчет индекса осуществлялся на основе пяти групп показателей: город, люди, бизнес, власть, брендинг. Фактически этот подход достаточно близко подходит к нашему определению креативного капитала: речь идет об особых взаимодействиях людей в городе и города с людьми. По итоговому индексу креативного капитала описаны 15 городов, рейтинг распределен следующим образом: Москва, Санкт-Петербург, Казань, Новосибирск и т. д. (табл. 1).

Таблица 1. Итоговый рейтинг индекса креативного капитала, по [6, 7]

Город	Итоговый индекс
Москва	67,58
Санкт-Петербург	67,22
Казань	56,17
Екатеринбург	55,96
Новосибирск	52,81
Тюмень	52,14
Краснодар	50,87
Владивосток	48,78
Калининград	47,92
Пермь	46,18
Нижний Новгород	45,93
Воронеж	45,43
Великий Новгород	45,22
Уфа	43,17
Омск	39,85

При всей значимости данных, полученных в представленных исследованиях [6, 7], речь идет о так называемых агрегированных (расчетных) индексах (показателях), которые, как правило, позволяют строить рейтинги, делать группировки и т. п. Но для понимания характера процесса формирования креативного капитала и принятия на этой основе управленческих решений этого явно недостаточно. Нужны качественные характеристики трех элементов, которые фиксировались в определении понятий, – социально-культурной инфраструктуры, креативных отраслей, креативных профессий.

Из совокупности заявленных городов в представленных выше исследованиях нами были выбраны два города – Красноярск и Новосибирск. Этот выбор обусловлен традиционным научным интересом авторов и других специалистов Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств им. А. Д. Крячкова (НГУАДИ) к проблемам поведения и удовлетворенности жителей сибирских городов, к социально-культурной проблематике городских пространств [8-10]. Кроме того, у авторов есть некоторое несогласие с выводами всероссийского исследования.

Во-первых, в исследовании МВШСЭН [6] Красноярск был отнесен к группе очевидных культурных лидеров,

< Рис. 2. Распределение городов по направленности культурной политики [5]

а Новосибирск определялся как «индустриальная культурная слобода». В исследовании PwC [7] Новосибирск по итоговому индексу креативного капитала занимает пятое место после Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Екатеринбургa, и, таким образом, подтверждается, что эти города обладают особенностями социально-культурной инфраструктуры, необходимой для развития креативного капитала. Во-вторых, в 2020 году авторами именно в этих городах были проведены социологические исследования, позволяющие увидеть возможности креативных отраслей экономики, дать характеристику креативных профессий.

В Новосибирске в декабре 2020 года изучались межнациональные отношения и социокультурное самочувствие населения. Исследование было реализовано на основе квотной выборки населения города 18 лет и старше, достоверность полученных данных составила $\pm 3,5\%$. В Красноярске исследование также проходило в декабре 2020 года и было посвящено изучению состояния коррупции и оценке ее уровня на основе квотной выборки населения в возрасте 18 лет и старше. В ходе интервью фиксировалась занятость респондентов в 20 отраслях. Но для задачи настоящего исследования изучались только семь из них: образование и наука; культура и спорт; связь и интернет; туризм и реклама; общественное питание и бытовые услуги. Названия отраслей составлены в соответствии с квантификацией их государственной статистикой.

В Новосибирске среди всей совокупности опрошенных занятые в этих отраслях составили 28,4%, в Красноярске – 30% (табл. 2). И это позволило рассматривать эту группу как самостоятельный объект, но в сравнении с общей выборкой, которая являлась репрезентативной для городов в целом.

Таблица 2. Сфера деятельности (в % от выделенной группы)

Социально-демографические характеристики	Новосибирск		Красноярск	
	Креативные индустрии	Общая выборка	Креативные индустрии	Общая выборка
Образование, наука	17,3	4,9	18,7	5,6
Культура, спорт	11,5	3,3	6,4	1,9
Связь, интернет	16,5	4,7	2,5	0,8
Реклама	15,1	4,3	3,1	0,9
Туризм	5,8	1,6	2,5	0,8
Общественное питание	16,5	4,7	15	4,5
Бытовые услуги	17,3	4,9	51,8	15,5

Именно эти отрасли большинство исследователей относят к креативным [5], хотя существуют и более широкие представления об их структуре. К примеру, сюда иногда включают финансы и банковское дело, строительство (поскольку там есть архитектура и дизайн) и даже здравоохранение. Если учесть еще и эти отрасли, то среди опрошенных в Новосибирске удельный вес их будет составлять 37,7%, в Красноярске – 44,9%. Не вдаваясь в методологические споры о качестве объекта анализа, возьмем лишь семь отраслей, указанных выше, по поводу которых существует согласие значимого количества ученых.

Анализ социальных и социально-демографических характеристик представителей креативных отраслей в двух городах позволяет увидеть не только, общий «портрет» представителя креативного класса, но и некоторые особые черты в зависимости от города.

Представляется, что наиболее значимыми характеристиками групп, работающих в креативных отраслях, является более высокий уровень образования по сравнению с населением города в целом. Полученные в ходе исследования данные подтверждают это предположение.

Таблица 3. Образование (в % от выделенной группы)

Социально-демографические характеристики	Новосибирск		Красноярск	
	Креативные индустрии	Общая выборка	Креативные индустрии	Общая выборка
Неполное среднее и ниже	0,7	0,9	3,1	4
Среднее полное (10-11 классов)	4,3	5,7	10,9	15,3
Начальное профессиональное (ПТУ, ПУ)	5	5,6	5	7
Среднее специальное (техникум, колледж)	25,9	32,9	35,9	34,8
Незаконченное высшее	20,9	18,5	12	9,1
Высшее	36	28,3	32	29,9
Нет ответа	7,2	8	1,1	0

В Новосибирске доля лиц с высшим и незаконченным высшим образованием в креативных индустриях составляет 56,9%, а среди всех опрошенных – 46,8% (расчеты осуществлялись на основе программного пакета SPSS). В Красноярске 44 и 39% соответственно. Представленные данные позволяют зафиксировать более высокий уровень образования как среди населения в целом, так и среди представителей креативных отраслей в Новосибирске, что далее будет сказываться на определенных социальных позициях креативного капитала в целом.

Аналогичный характер имеет развитие всего профессионального образования, включающего среднее специальное, незаконченное высшее и высшее. В креативных отраслях в Новосибирске работники с таким уровнем составляют 82,8%, среди всего населения – 79,7%; в Красноярске – 79,9 и 73,8% соответственно.

Особый интерес представляют социально-демографические характеристики представителей креативных профессий. В Новосибирске это чаще мужчины, при этом почти 60% всех респондентов в самом продуктивном возрасте – от 30 до 50 лет. Совсем другой портрет такой группы в Красноярске. Здесь 2/3 ее составляют женщины, только треть группы в возрасте от 30 до 50 лет, но зато до 30 лет тоже 1/3, тогда как в Новосибирске представители аналогичной возрастной группы составляют около 20%.

Таблица 4. Уровень дохода (в % от выделенной группы)

Характеристика (примерный доход на одного члена семьи в месяц)	Новосибирск		Красноярск	
	Креативные индустрии	Общая выборка	Креативные индустрии	Общая выборка
до 1 прожиточного минимума (ПМ)	3,6	14,4	32,6	39,9
от 1 до 2 ПМ	42,4	39,9	42,3	34,4
от 2 до 3 ПМ	38,1	30,0	20,6	18,9
3 и более ПМ	15,8	14,3	4,5	6,9

Закономерно, что работники креативных индустрий в Новосибирске имеют более высокий доход. Здесь тех, у кого доход от двух и более прожиточных минимумов на одного члена семьи, больше половины (53,9%), а в Красноярске таких только 25%, то есть в два раза меньше. Но самые радикальные различия фиксируются в величине удельного веса «бедных» – тех, кто имеет доход до одного прожиточного минимума. В Новосибирске в этой группе 3,6% работников креативных отраслей, в Красноярске – 32,6% (почти в 10 раз больше) (табл. 5).

Подтверждает жесткую стратификацию и доходная самоидентификация респондентов. К группам со средним и высшим доходом в Новосибирске себя отнесли 82,7% представителей креативных отраслей, в Красноярске – 57,1%; к группе с низкими доходами – 17,3 и 42,9% соответственно.

Очевидно, что креативный класс в Новосибирске располагает большими ресурсами для своего развития в контексте образования, дохода, социальных связей (возраста) и социального положения (доходная самоидентификация). В классической модели перед нами сложившийся средний класс, имеющий высокий уровень образования, продуктивные доходы, ощущающий себя именно «группой со средними доходами». Креативные индустрии в экономике Красноярска – это, видимо, «периферийные» отрасли, где заняты преимущественно женщины, имеющие низкий доход (75% имеют до двух прожиточных минимумов на одного члена семьи), представляющие сферу бытовых услуг, образования и общественного питания. Скорее, это образ сферы обслуживающих доперестроечных времен.

Таблица 5. Доходные группы (в % от выделенной группы)

Характеристики	Новосибирск		Красноярск	
	Креативные индустрии	Общая выборка	Креативные индустрии	Общая выборка
Группа с низкими доходами	17,3	25,2	42,9	47,8
Группа со средними доходами	71,9	63,5	53,5	49,8
Группа с высокими доходами	10,8	10,4	3,6	2,4

Б. Скиннер утверждал, что необходимо проанализировать средовые факторы, влияющие на поведение человека, а затем создать среду для проявления креативного поведения. Б. Скиннер [11] полагал, что поведение человека определяется факторами генетики и окружения. Для авторов важен вывод о том, что окружение формирует поведение, следовательно, поведение горожан определяется городским пространством. Специалисты Манхэттенского института (<https://www.manhattan-institute.org/>) в своих исследованиях города, городской культуры, экономики и политики активно ссылаются на теорию «разбитых окон» (сформулированную Джеймсом Уилсоном и Джорджем Келлингом в 1982 году), у которой есть и сторонники, и противники. Однако базовый вывод теории Уилсона – Келлинга: окружение города провоцирует нормальное или маргинальное поведение жителей – имеет смысл. Для нас важен вывод о том, что городское пространство формирует модели поведения жителей и гостей города [9, 10], следовательно, креативность городского пространства формирует креативность населения, формируя креативный город, обладающий креативным капиталом.

Авторы, анализируя основные характеристики креативного капитала в двух крупнейших городах Сибири, утверждают, что оба города располагают социальной и культурной инфраструктурой, позволяющей создавать возможности развития креативных отраслей экономики, что, в свою очередь, позволяет формировать группу представителей креативных профессий. Однако уже сегодня очевидны различия этих групп в Красноярске Новосибирске.

Анализ результатов социологических исследований позволяют сделать вывод о наличии значительного креативного капитала в Новосибирске. Используя подход Лэндри по поводу источников креативности, можно

утверждать, что в Красноярске есть лидеры, но это, скорее всего, организации, нужны лидеры-люди. И именно это является здесь ограничением. В Новосибирске есть лидеры-люди, есть условия и возможности. Но для дальнейшего развития возможностей нужны лидеры-организации. Это те окна возможностей, которые определяют различные стратегии развития креативных индустрий для этих городов – Новосибирска и Красноярска.

Литература

- Shultz, T. Human capital in the International Encyclopedia of the social sciences. – New York, 1968. – Vol. 6
- Becker, G. S. Human capital. – New York: Columbia University Press, 1964. – 187 p.
- Putnam, R. Bowling alone: the collapse and revival of American community. – New York: Simon and Schuster, 2000. – 506 p.
- Патнем, Р. Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии / пер. с англ. – Москва : Ad Marginem, 1996. – 287 с.
- Лэндри, Ч. Креативный город / пер. с англ. – Москва: Классика-XXI, 2006. – 399 с.
- Экспертное исследование «Российские региональные столицы: развитие, основанное на культуре» / МВШСЭН, Благотворительный фонд Владимира Потанина. – Москва, 2018. – 24 с.
- Индекс качества жизни в городах России / глобальная сеть компаний PwC. – URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/creative-capital-index.html> (дата обращения: 16.06.2021)
- Vavilina, N. D. Solidarization as a social phenomenon and social process: regional context // Regional Research of Russia. – 2020. – Vol. 10, N 3. – С. 431–442
- Гашенко, А. Е. Теория паттернов в формировании городской среды // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. – 2019. – № 3 (21). – С. 75–88
- Ерохин, Г. П., Паршукова Г. Б. Удовлетворенность жителей городским пространством // Проект Байкал. – 2020. – № 64. – С. 114–117
- Мороз, В. В. Обзор зарубежных теорий креативности // Вестн. ОГУ. – 2016. – № 12 (200). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-zarubezhnyh-teoriy-kreativnosti> (дата обращения: 16.06.2021)

References

- Becker, G. S. (1964). Human capital. New York: Columbia University Press.
- Ekspertnoe issledovanie “Rossiiskie regionalnye stolitsy: razvitie, osnovannoe na culture” [An expert study “Russian regional capitals: culture based development”] (2018). The Moscow School of Social and Economic Sciences, Vladimir Potanin Foundation. Moscow.
- Erokhin, G., & Parshukova, G. (2020). Residents’ satisfaction with the city space. Project Baikal, 17(64), 114–117. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.64.1646>
- Gashenko, A. E. (2019). Teoriya patternov v formirovaniy gorodskoi sredy [Pattern theory in urban environment formation]. Praxema. Journal of visual semiotics, 3 (21), 75–88.
- Indeks kachestva zhizni v gorodakh Rossii [Quality of life index in the cities of Russia] (n.d.). PwC global network. Retrieved June 16, 2021, from <https://www.pwc.ru/ru/publications/creative-capital-index.html>
- Landry, Ch. (2006). Kreativnyi gorod [The creative city]. Moscow: Kalssika-XXI.
- Moroz, V. V. (2016). Obzor zarubezhnykh teorii kreativnosti [Foreign theories of creativity review]. Vestnik OGU, 12(200). Retrieved June 16, from <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-zarubezhnyh-teoriy-kreativnosti>
- Putnam, R. (1996). Chtoby demokratiya srobotala: grazhdanskije traditsii v sovremennoi Italii [Making democracy work: civic traditions in modern Italy]. Moscow: Ad Marginem.
- Putnam, R. (2000). Bowling alone: the collapse and revival of American community. New York: Simon and Schuster.
- Shultz, T. (1968). Human capital in the International Encyclopedia of the social sciences (Vol. 6). New York.
- Vavilina, N. D. (2020). Solidarization as a social phenomenon and social process: regional context. Regional Research of Russia, 10(3), 431–442.

Город в XX веке стал проблемой и вызовом новому, формирующемуся проектному урбанистическому сознанию. Рациональные подходы к городу поначалу сулили светлые перспективы, которые и сегодня можно почувствовать в графических листах Ле Корбюзье или Л. Гильберсаймера, однако мыслить город одной лишь перспективой мог позволить себе только Ренессанс. XX веку нужны всеобъемлющие технологии, но за наиболее совершенной системой расчета, нормирования и контроля должно стоять нечто, продуцирующее саму идею города. Бесплодным технологиям, принятым в качестве инструментов, требуется подпитка со стороны креативных, вдохновляющих, пусть и нестрогих идей. Характер и метаморфозы таких идей обсуждаются в статье.

Ключевые слова: город XX века; идея города; формы мыслимости; урбанизм; этимология урбанистических метафор. /

In the XX century, the city became a problem and challenge to a new, developing urban design consciousness. At first, rational approaches to the city promised bright prospects, which can still be felt today in the graphics of Le Corbusier or L. Hilberseimer. However, only the Renaissance could afford conceiving the city in only one perspective. The XX century needs comprehensive technologies, but the most advanced system of calculation, regulation and control should be based on something that generates the very idea of the city. Fruitless technologies taken as tools need to be boosted by creative, inspiring, although nonstrict, ideas. The nature and metamorphoses of such ideas are discussed in the article.

Keywords: city of the XX century; the idea of the city; forms of conceiving; urbanism; etymology of urbanistic metaphors.

Формы мыслимости города XX века: пространство, субстанция или среда? / Forms of conceiving the city of the XX century: space, substance or environment?

текст

Петр Капустин

Воронежский государственный технический университет /

text

Petr Kapustin

Voronezh State Technical University

Вслед за масштабными метафорами механизма и организма, между которыми шла борьба за владение образом города – города как такового – в XIX столетии и позже, после разоблачений вроде горьковского «города желтого дьявола» и дистопий в духе «Метрополиса» Фрица Ланга, помимо утопий «города-сада» и апологий вроде райтового Broadacre City, воображением, направленным на проблему города, в XX веке владели три основные парадигмы, не всегда получавшие имя, но вполне, кажется, сводимые к понятиям пространства, субстанции и среды. Рассмотрим их в различиях и связях.

Пространство

Фантазм пространства овладел архитектурно-урбанистическим воображением где-то в середине XIX столетия. Вероятно, незабвенный Кристалл-Паллас Джозефа Пакстона послужил тому импульсом и вечным (в точном смысле слова [1]) примером перед глазами. «Пространство» архитекторов и урбанистов скрестилось с пространственно-временными концептами физики начала XX века, впитало в себя пространственные грезы скульптуры и живописи от Сезанна до футуризма, утонуло в «Черном квадрате» и вынырнуло в приморских санаториях Литторио и советских наркоматов, в виллах вроде E-1027 Эйлин Грей. Реальные города, как обычно, остались в стороне от этой гламурной истории приключения идей, но вполне избежать влияния «пространства» им не удалось. Города XX века замышлялись функционально, и, что бы ни предполагалось за этой мутной формулировкой, им было предписано пространственное разнесение «функций», канонизированное Афинской Хартией. А всякое разнесение, по Жаку Деррида, есть «опространствление», *Espacement* – игра в различия и связи.

У В. Даля в «Толковом словаре живого великорусского языка» в статье «Пространство» читаем: «Дай простор! отойди, посторонись... Простору нет, руки не доходят, недосужно, некогда. Ум простор любит. Своя воля велик простор».

Случайна ли связка с волей и жестом (схватить руками) – действием по рассудочному и трудному (с усилием) преодолению пространства? Нет, конечно. Про-странство (через/для/ради) – целевой и волевой заброс, отправ-

ление в странствие. Остранение для какой-то задачи; расталкивание иного (в том числе смыслов) по сторонам со столбовой дороги...

Станции (о них ниже) для пространства – пересадочные точки маршрута, где меняют лошадей (с Петра I таково значение слова «станция», пришедшего из восточноевропейских языков). Здесь нет явленности – все отсрочено, все на отдалении (удаленный доступ). Дазайн (Dasein М. Хайдеггера) откладывается (актуально отсутствует); интенция движения вытесняет всякое наличие, девальвирует подлинность в секвенцию стремительно меняющихся мнимостей – истин-на-час.

Но ведь пространство (как и время) не субстанциально. Похоже, оно было изобретено для освобождения от власти субстанций, для ускользания от их магнетизма, или по крайней мере для пролонгации иллюзии такого – вынужденного вечно повторяться – ускользания.

Таково и пресловутое «клиповое сознание»: ему тесно в Местах, поскольку оно не видит и не понимает их. Чувственное многообразие здесь уже нечему свести и нечем успокоиться. Возникло бы такое сознание вне ангажированности далями «пространства», на утопанных площадках традиции, где обнажились ребра и жилы субстанций? Ответ очевиден. Нет, не могло бы возникнуть. Оттого и все без исключения «пионеры современной архитектуры» предпочитали аморфные дали «пространства» работе с традиционной, а значит, нормированной и даже канонизированной субстанцией и ее легитимными организованностями. Но разве это должно удивлять: если нет ни традиции, ни культуры, остается один выход: заниматься инновациями.

В этом вымышленном ускользании ничего нельзя доподлинно разглядеть, однако нельзя сказать, что здесь нет порядка. Напротив, новый порядок, нарезанный ритмами и метрами от станции к станции горизонтального трансцензуса (т. е. интенции движения вдаль, в воображаемое географии, где таятся чаемые миры Утопии, – ведь эта именно интенция Нового времени противопоставлена традиционному трансцендированию вверх – к миру вышнему), сам кружит голову и усыпляет взгляд.

Изменилась в XX веке и техника взаимодействия со временем: дело не только в том, что его отрезки, так

или иначе освоенные опытом, стали короче, а их протяженность начала выпадать из экзистенциальной масштабности; время присутствия теперь упорно проецируется на карту пространства (т. е. на матрицу отсутствия); аутопоэзис саморазвертывания последовательно замещается погоней за внешней назначенной целью (destination), а значит, и именованностью траекторий извне – так самоопределение переносится на формализованные планы («План А и План В», которые теперь должны всякий раз быть, даже когда их по факту нет, что уже стало мемом в голливудских комедиях), а потом и на пресловутую «дорожную карту». Имманентная событийность и содержательная непрерывность экзистенциального времени оказываются отождествлены с логистикой в пустоте и ее дискретными мероприятиями – пересадочными станциями, наследницами ПРОУНов, где меняют уже не лошадей, но смыслы, где пересаживают сознание.

Еще из В. Даля: «В тленом люди живут, а на просторе (на воле) волки (или волка гоняют) ...».

«В тленом...» Тлен Х. Л. Борхеса – вымышленное, виртуальное пространство – похитил у мест подлинного обитания и их имя, и их субстанциальность, и их темпоральность (временение), а значит, и правду жизни и смерти: «Десять лет тому назад достаточно было любого симметричного построения с видимостью порядка... чтобы заморозить людей. Как же не поддаться обаянию Тлена, подробной и очевидной картине упорядоченной планеты? Бесплезно возражать, что ведь реальность тоже упорядочена...» [2, с. 61].

Видимый и умышленный порядок пространства, требующего для своего употребления хотя бы грубой нарезки «от изготовителя», заместил собою умудренную и неброскую упорядоченность субстанции, в любых деталях не теряющей целостности, вкусы сместились не десять лет назад, гораздо раньше для нас нынешних – в модернистскую эру, но все не вернутся назад, хотя маятник, кажется, уже давно минул свой экстремум.

Пространства не монотонны

«Грек работал воздухом». Нет, это не об одесской черной бирже и некоем греке, торговавшем на ней воздухом, и не о каком-нибудь насосе. Это совершенно точный

термин, под которым нужно понимать, что греческой архитектуре античного периода присущи колоннадные композиции, портик, периптер и т. п. Вот и все. Это и не по-русски, и туманно. ««В этом безумии есть своя система», как сказал Шекспир», – иронизировал над «пространственными увлечениями» своего времени А. К. Буров [3, с. 109]. Пространство стало одной из любимых категорий эпохи модернизма (или, точнее, квазикатегорией, поскольку, в отличие от физики или геометрии, в архитектуре никто специально не проводил должной категориально-понятийной работы, свидетельством чему могут служить апологетические тексты, вроде сочинения Зигфрида Гидиона «Пространство, время, архитектура», 1941). Пространство стало идефиксом модернизма.

Однако европейское пространство никогда не было российским «простором»! Читаем у Мигеля де Серто в «Изобретении повседневности»: «Урбанистические техники, организующие вещи в пространстве, можно возвести к традиции «искусства памяти» (Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб.: Университетская книга, 1997). Способность видеть знание как пространство (где каждой фигуре или функции отведено свое «место») развилась на основе этого искусства; именно оно стало организующим принципом западных утопий, вплоть до бентамовского Паноптикона. Его форма остается неизменной, как бы ни менялись, в зависимости от эпистемы, содержание (прошлое – воспоминания, настоящее, будущее) и направленность конкретных проектов (сохранять или создавать)» [4, с. 26].

Таким образом, «пространство» – это... шкафчики европейской склонности к каталогизации, о которой писал Умберто Эко [5] (и Гастон Башляр; ну и сам Иеремия Бентам, ведь Паноптикон – тоже своего рода «шкафчик»); это такое воображаемое предуготованной гармонии, в котором размещаются вещи и идеи, что-то вроде мнемонической формулы. В этом смысле европейское «пространство» есть продукт интуиции вовсе не архитектурной, но бюрократической, утилитаристской, систематизаторской (линневской); оно есть порождение дисциплинарного разума, и Паноптикон – не экзот на его поле, не маргиналия, а культивируемый плод.

Здесь, как и на едва ли не на каждом шагу нашего дискурса, открывается возможность ветвлений: ведь город как текст, как речь или язык – также центральные метафоры урбанистического воображения XX века, которым отдали дань Р. Барт, У. Эко, Ж. Бодрийяр и многие другие. Но мы вынуждены ограничивать нашу эрудицию, ведь иначе пришлось бы говорить и о парижских (и прочих) ситуационистах, а где они и где рационалистический урбанизм XX века! Форм практикования города (или уж городского поведения, как стали говорить теперь) в XX веке родилось заметно больше, чем форм его мыслимости. Это сравнимо с многообразием речевых практик на базе одного языка. «Ходьба относится к городу так же, как речевой акт – к языку», – утверждает М. де Серто [4, с. 28], и мы не смеем ему возразить.

Субстанция

Концепт субстанции принято рассматривать как антитезу концепту пространства: предполагалось, что пустота и обезличенность, которыми обернулось в городах XX в. пространство, разрешаются субстанциально неким позитивным наполнением и приписанным ему с классической греческой античности значением. Наиболее субстанциальными, т. е. плотными (обладающими плотью) или даже «густыми» (смыслами и значениями), городами стали, несомненно, города и другие урбанистические структуры «неоклассицизма» середины, а потом и конца XX – начала XXI века (т. е. продукты «миметического дизайна» [6] в духе братьев Крие, П. К. Бонтемпи, М. Сафди в Иерусалиме, М. Атаянца и М. Филиппова в Сочи и др.). Но категория шире стилистики, ее воплощения разнообразны и, как всегда, парадоксальны. Разберем этот концепт.

Одно из определений: «субстанция (от лат. *substantia* – сущность, нечто, лежащее в основе) – то, что лежит в основе всего; то, что существует благодаря самому себе и в самом себе, а не благодаря др. и в др.; предельное основание, дающее возможность сводить чувственное многообразие».

Sub – под, ниже чего-то, таящееся в основании. Станция (лат. *statio*) – «стояние; местопребывание».

Субстанция – суть, собственно, подстанция – энергетический и коммуникационный узел, источник здесь

и теперь разливающегося тепла и блага. Это подлинная, но латентная сущность вещей, данных в опыте непосредственного переживания; скрытая суть присутствия (при-частности к сути, пребывания при сути); то, что снимает (сводит) частности не в умозаключении и выводах, но в подлинности бытия, в истоках. Но она всякий раз здесь – под станцией, под местом, под площадкой явленности, она сообщает явлению существование и делает локацию Местом.

Еще из Интернета: «Латинский термин «субстанция» Хайдеггер сводит к греческому слову «усия» и понимает его как «пребывание пребывающего и одновременно само пребывающее». Этот тезис из «Бытия и времени», подвергнутый феноменологической деструкции, звучит так: «Способ, каким человек в своем подлинном существовании пребывает при бытии, есть экстатическое стояние в истине бытия».

Отвергая метафизическую трактовку субстанции, Хайдеггер возводит ее к самому условию присутствия, к *Dasein*. Субстанция – тайна бытия, проступающая в непотаенности Места. Внимание к телесности оказалось противостоящим интересу к пространству, совместить их пока не очень-то удается. И, видимо, такое совмещение как «техническая» задача и составляет основной вызов архитектуре города XXI века.

Однако как быть с субстанциальной же критикой «имитационности» современного неоклассицизма, утверждающей, что произведения гораздо более brutальные (С. Холл, П. Меркли, Э. Соуту де Моура и др.) гораздо ближе к подлинности субстанций, в том числе и самих строительных материалов? Увы, в таких работах мы видим всю ту же игру с «правдивостью», что и 1920-е [7], но вовсе не всплеск подлинности, особенно – подлинности урбанистической. Ведь последняя стала идефиксом городского планирования и застройки XX века после работы Кр. Александера «Город не дерево [8], – симуляция истории и подлинности до сих пор находится под большим вопросом, но уж точно она недостойна спекуляциями с «правдивостью» монолитного бетона и прочими прелестями наивного натурализма. Субстанция города сегодня – и уже довольно давно – не камень и не пространство, но плоть памяти и экзистенции горожан. Перефразируя

известный афоризм эры НТП и характерного для нее расширения предметно-дисциплинарных границ «Физика – это то, чем занимаются физики», можно сказать: город – это то, что практикуют горожане. Такое понимание уже намного превосходит профессиональные и дисциплинарные парадигмы, это – плод средового сознания.

Среда

Средовой подход – одно из центральных постмодернистских интеллектуальных движений. В его формировании принимали участие теория Сложности (синергетика), теория Хаоса, теория Катастроф, – то есть постнеклассическая наука, а также постструктуралистская семиотика, поставившая под вопрос самый знак. Средовой подход органично коррелировал с экологическими представлениями, социологической критикой модернистского градостроительства, художественно-эстетическим плюрализмом 1970–1980-х и феноменологической традицией в философии.

Категория городской среды далека от холодного и отчужденного объективизма, напротив, она предполагает известную долю субъективности в процессах восприятия, освоения, преобразования. Однако это должна быть осознаваемая (рефлектируемая) субъективность, то есть ответственная и открытая, а не слепая и догматическая. Важно и то, что понятие среды формировалось под сильным влиянием философской феноменологии (М. Хайдеггер, Г. Башляр, О. Больноф и др.), а в последней предпринята радикальная критика традиционной естественно-научной схемы так называемого субъект-объектного отношения. Это означает, что при работе со средой вообще неправомерно противопоставлять познающего субъекта и объективно существующий «участок», фрагмент города, а также противопоставлять («сталкивать») проектируемый «объект» (существующий пока еще в виде субъективных представлений и образов) и якобы независимо от него существующее «окружение».

Феноменологический эффект достигается лишь при взгляде на все упомянутое как на нераздельную целостность. Благодаря такой целостности, только и можно говорить об органичном «выращивании» проектного решения из уникальных условий конкретной среды, а об авторе – как о выразителе ценностных потенциалов этой среды. Беда в том, что в методологической структуре практически всех видов проектной активности, до сих пор используемых в профессии и образовании, сохраняет свою власть все та же глубоко укорененная, просвещенческая по происхождению субъект-объектная схема, блокирующая понимание таких феноменов и все время провоцирующая переход мышления на рационально-объективистские стратегии проектного действия. Поэтому среду, городскую среду отождествляют сегодня со всем подряд – с застройкой, благоустройством, пространством и с самим городом. Это неверно, но среда сложна: она требует одновременно и холистического видения, и различительных способностей. Вместе с тем имитировать полноценную «историческую» среду сегодня уже научились, и не всегда такие имитации плохи, но они, увы, всегда «на грани» – на грани неподлинности, китча, манипуляции. Поэтому приходится делать ставку на развитие художественной интуиции, композиционного чутья, общей интеллектуальной и эмоциональной восприимчивости – именно в этих слоях профессиональной культуры сохраняются феноменологические интонации и ценности.

Как бы ни мыслить город сегодня, следы «концептуального каркаса» XX века можно без труда обнаружить в самых смелых идеях и проектах, реконструкциях и прогнозах. И дело не в какой-то особенной силе или удачности концептов XX века, напротив, они могут считаться идейными неудачниками со сложной и превратной

судьбой, а сила их едва позволила им самим стать лишь на время и в отдельных деятельностных ареалах рамками организации некоего, до сих пор с трудом верифицируемого творческого воображения. Но пространство, субстанция и среда являют собою исчерпывающий перечень онтологом города, к которому до сих пор не удалось что-либо прибавить. В этом смысле единственное исключение – идея города как сети, лежащая в основе концепций «умного города», – заметно «провисает» как раз в онтологическом плане: несмотря на технологическую обеспеченность (чего не было ни у одной из рассмотренных идей), она не родила к настоящему времени соответственных конфигураций чувственности и воображения, без которых, видимо, работать с городом вообще не представляется возможным.

Литература

1. Капустин, П. В. Век тотальной редукции // Проект Байкал. – 2019. – № 59. – С. 32–39
2. Борхес, Х. Л. Тлен, Укбар, Orbis Tertius // Х. Л. Борхес. Проза разных лет. – Москва : Радуга, 1989. – С. 50–61
3. Андрей Константинович Буров: Письма. Дневники. Беседы с аспирантами. Суждения современников. – Москва : Искусство, 1980. – 297 с.
4. Серто, М. де. Изобретение повседневности. – Ч. 1. Искусство делать. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. – 332 с.
5. Эко, У. Vertigo: круговорот образов, понятий, предметов. – Москва : Слово, 2009. – 408 с.
6. Капустин, П. В. Миметический дизайн // Архитектура и строительство России. – 2017. – № 4 (224). – С. 114–115
7. Капустин, П. В. Пилястра. От детали к великим тайнам // Проект Байкал. – 2020. – № 66. – С. 98 – 104
8. Alexander, C. A City is Not a Tree // Architectural Forum. – 1965. – Vol. 122, N 1. – P. 58–62

References

- Alexander, C. (1965). A City is Not a Tree. Architectural Forum, 122(1), 58–62.
- Andrei Konstantinovich Burov: Pisma. Dnevniky, Besedy s aspirantami. Suzhdeniya sovremennikov [Andrei Konstantinovich Burov: Letters. Diaries. Conversations with postgraduates. Judgements of contemporaries] (1980). Moscow: Iskusstvo.
- Borges, J. L. (1989). Tlön, Uqbar, Orbis Tertius. In The prose of different years (pp. 50-61). Moscow: Raduga.
- Certeau, M. de. (2013). Izobretenie povsednevnosti. Ch. 1. Iskusstvo delat [The practice of everyday life. Part 1. The arts of making]. Saint Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt Peterburge.
- Eco, U. (2009). Vertigo: krugovorot obrazov, ponyatii, predmetov [The infinity of lists]. Moscow: Slovo.
- Kapustin, P. V. (2017). Mimicheskii dizain [Mimetic design]. Architecture and construction of Russia, 4(224), 114-115.
- Kapustin, P. (2019). A century of total reduction. Project Baikal, 16(59), 32-39. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.59.1428>
- Kapustin, P. (2020a). Pilaster: From a small detail to great mysteries. Project Baikal, 17(66), 98-104. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.66.1725>

В архитектуроведении тема среды муссируется без особого успеха вот уже более полувека. Тематика стиля ушла из архитектуроведения еще в 70-е годы XX века, вытесненная, с одной стороны, средовым подходом, с другой – постмодернизмом. Среда казалась категорией, противопоставленной стилю. Новое, более глубокое понимание стиля предполагает сближение его со средовыми феноменами. Стиль нормативен. Смысл свободно перемещается из области нормативного в область случайного. Все это сближает смысл со средой, которая в равной мере субъективна и спонтанна.

Ключевые слова: стиль; среда; средовый подход; смысл; форма. /

Концепция ССС: стиль, среда, смысл / The SEM Concept: Style, Environment, Meaning

текст

Александр Раппапорт
Союз московских архитекторов; Союз дизайнеров России /

text

Alexander Rappaport
Union of Moscow Architects; Union of Designers of Russia

Исходя из общих соображений о соотношении парадигматики и программирования в архитектуроведении, я пытаюсь исторически и логически обосновать свою новую триаду: стиль, среда, смысл. То, что эта триада родилась, до такого обоснования меня не удивляет. Наша интуиция на то и интуиция, что опережает логику. Но все же со временем она позволяет снять с себя покров тайны и показывает свои исторические и логические основания, что укрепляет нас в ее признании.

Итак, все почему-то началось со среды, но среда – тема, которая муссируется без особого успеха в архитектуроведении вот уже более полувека, так что можно предположить, что выбор ее в качестве одной из категорий подсказан общим настроением.

Особенность моего отношения к среде состояла в том, что я, разделяя интерес к средовому подходу, всегда предпочитал держаться в стороне и даже в некоторой оппозиции. За что заслужил некоторое недоверие со стороны энтузиастов средового подхода (например, Высоковского и Каганова). Этой моей осторожной оппозицией можно объяснить и то, что в состав триады попал «стиль».

Стилем в НИИТАГе занимался А. И. Каплун, и мы обсуждали его книгу «Стиль и архитектура» [1] в Московском союзе архитекторов в середине 80-х годов. Но тематика стиля ушла из архитектуроведения уже в 70-е годы, вытесненная, с одной стороны, средовым подходом, с другой – постмодернизмом. Особенно тяжелый удар по стилю нанес, конечно, постмодернизм, который разрушил казавшийся многим вечным стиль функционализм или конструктивизм.

Среда казалась категорией, противопоставленной стилю и в отношении их социально-исторических коннотаций. Известно, что со стилем в XIX – XX веках связывались разного рода пассеистские и футуристические утопии. Так что среда, на мой взгляд, волей-неволей попадала в утопический контекст. Я пытался поставить знак вопроса по отношению к ее антиутопичности и спрашивал: сама-то среда не станет ли новой утопией?

Интерес к такой постановке вопроса позднее был подстегнут конференцией РААСН на тему «сталинский ампи́р». Я выступал на этой конференции с докладом

«Сталинский ампи́р – гипнотизм и наркотизм стиля», что означало отход от традиционного формально-композиционного или классового исторического понимания стиля в советском архитектуроведении и искусствознании. В этом докладе я противопоставил архитектурный стиль дизайнерской стилистике на основании различия в каналах чувственной феноменологии – в большей степени оптической (дальновидение) для стиля и тактильной для дизайна.

Здесь стоит заметить, что со времен Венской школы сам стиль начал пониматься и как явление оптической культуры, и как феномен тактильной (гаптической) культуры у Ригля и Фидлера [2]. Вельфлин [3] же с его пространственной типологией стилей всегда понимался как теоретик архитектуры, и только сейчас я начал догадываться, что в его понимании архитектура обретала некоторые характерные средовые образы. Продумывая этот свой доклад позднее, я невольно подходил к связи категорий стиля и среды, но уже не в простом их противопоставлении, а в сложном взаимопроникновении.

Эта парадоксальная сложность теперь вырисовывалась как одновременное новое понимание стиля – более глубокое, чем то, что было у Винкельмана или в эклектике XIX века, даже более глубокое, чем это было в конструктивизме и функционализме, и в то же время отход от стиля в сторону средовых феноменов.

Программа возрождения стиля как категории, принятая Венской формальной школой с оговорками, поддерживалась энтузиастами модернистской архитектуры. Даже отказ от категории стиля (в его более ранней трактовке) и выдвижение на первый план категории метода этого возрождения стиля не отменяло. Но постмодернизм нанес по стилю столь мощный удар, что категория среды фактически перестала казаться поставленной к нему в оппозицию и обрела какое-то призрачное автономное самодовление.

Наконец, категория смысла не причастна ни к формальной школе, ни к модернизму и имеет наибольшие связи с постмодернизмом. Но поскольку последний был вообще скорее философским, а не теоретическим движением, то эта категория употреблялась наряду с другими, но никак не обособлялась и не выходила на первый план,

In architectural science, the topic of environment has been widely discussed for more than half a century without much effect. The topic of style was displaced from the architectural science as early as in the 1970s, on the one hand, by the environmental approach, and by postmodernism on the other. Environment seemed to be a category opposing the style. A new, deeper understanding of the style implies bringing it closer to environmental phenomena. The style is normative. Meaning can move freely from the normative to the incidental. All this brings meaning closer to the environment, which is equally subjective and spontaneous.

Keywords: style; environment; environmental approach; meaning; form.

в отличие от категорий значения, знака, текста и контекста. Сама категория смысла столь обиходна и привычна, что ее понятийное содержание всегда казалось стертым и несамостоятельным.

Мне пришлось обратить на него внимание в работе об архитектурной форме 1990 года [4] и затем в попытках вернуть в архитектуроведение интерес к мифу. То, что миф работает не с понятиями, а со смыслами или образами, знают все. Мне же показалось, что роль мифа в архитектуре определяется тем, что он противостоит аналитической рационализации формы и выступает как способ синтеза, недоступный логике.

Нащупав эту функцию мифа, я пытался связать ее с категорией смысла как второй архаической категорией сознания и мышления, рожденной еще в довербальный, допонятийный период развития мышления и закрепленной в архитектурной традиции гораздо сильнее, чем в научной деятельности. Но миф сам по себе мы понимаем как феномен языковой культуры, а его доязыковые основы остаются для нас почти недоступными. Хотя мало кто сомневается в том, что они формировались в масштабах почти геологического времени.

Еще позднее я понял, что категория формы, которую я рассматривал вне связи со стилем, на самом деле очень жестко с ним связана. И то, что формальная школа была движением к новому стилю, это лишний раз подтверждает. Стало быть, мы можем говорить о форме только в контексте стилевых структур, и в какой-то мере это же касается красоты и образа: вне стиля и красота, и образ, и форма теряют свои границы и растворяются в невнятной в формальном смысле среде.

Это наблюдение заставило меня смотреть на стиль по-новому. Терять вместе со стилем и форму, и образ казалось безумием, жертвой, на которую архитектура – сколь бы ни была сильна ее тяга к среде – не может. Пришлось пересмотреть и те ранние работы, в которых я подчеркивал то, что в архитектуре и стиле по сравнению со средой мы имеем более дискретный субстрат. Среды обладают непрерывностью, цельностью, а стили, формы, напротив, придают архитектуре некоторую кристаллическую обособленность, которую я интуитивно

связывал как раз с гуманистическим началом, переживанием достоинства субъекта.

Теперь эти ранние догадки получали мощную поддержку. Кристаллическая природа стиля, характерная для классицизма и конструктивизма [5], не всегда на самом деле доминирует в нем, но в нем наблюдается, как правило, дискретность и телесная нерастворимость форм в среде. Распад стиля вел бы к распаду формы и замены ее в лучшем случае композицией, хотя для того чтобы мыслить самую композицию, ее необходимо артикулировать, а это уже возвращает нас к дискретности и нерастворимости форм.

В итоге я все больше стал убеждаться в том, что утрата стиля не может быть окончательной, что стиль, как форма индивидуации, не может исчезнуть из архитектуры и культуры без катастрофических последствий для них. Задача стала пониматься мной уже не в критике оппозиции стиля и формы, в тех ее конкретных теоретических представлениях, которые выдвинул постмодернизм, а в удержании обеих категорий в равновесии и взаимной дополнительности.

Как только я это понял, я пришел к необходимости новой исторической реконструкции категории стиля, как в виде явной винкельмановской категории, так и в археологических и иных искусствоведческих областях. Генезис же категории оказался связан с историей категорий ордера, порядка, хаоса, космоса и множества иных понятий, вызванных к жизни вербальной рефлексией философского дискурса Античности, Средневековья и Нового времени. Более того, этот генезис требует возвращения к истории видения, мышления, сознания в их связи с возникновением сначала фонетического языка, а затем письменности (неслучайно же сама категория «стиль» происходит из названия пера).

Появление средовой онтологии и феномена средового видения ограничивает доминирование стилевой парадигмы, но не может отменить стиль как один из категориальных столпов мышления и понимания, определяющих всю систему формальных категорий.

После этого я стал по-новому смотреть и на категорию смысла. Эта категория обладает, в отличие от стиля, ясно выраженной субъективной спецификой. Смысл откры-

вается только субъекту, в то время как стиль претендует на объективность (хотя бы историческую). Более того, стиль характеризуется нормативностью, тогда как смысл свободно перемещается из области нормативного в область случайного. Все это сближало смысл со средой, которая в равной мере субъективна и спонтанна.

Формальная дискретность форм и стиля оказывалась в таком случае следствием их нормативности, в то время как среда и смысл оставались в сфере свободной, а порой и неопределенной нормативности.

Смысл же самой среды в таком случае резко менялся: из исторической категории, вытеснившей стиль из мыслительного обихода во второй половине XX века, она становится фундаментальной категорией, которую можно было бы рассматривать на больших исторических дистанциях, чем логически упорядоченные формы космического мирозерцания. Смысл вырастал непосредственно из хаоса и доязыкового освоения мира.

Таким образом, поначалу казавшийся категорией, удобной для интерпретации средовых феноменов, смысл делался универсальной категорией, поглощавшей семиотические понятия знака и значения. В этой перспективе становилось более понятным недоразумение, возникающее в семиотике и логике с категорией смысла. Попытки логической реконструкции смысла от Фреге до Делеза в таком свете выглядели иначе и обещающе. Хотя ясно, что реконструкция смыслового мышления, видения и доязыковых форм сознания остается почти неразрешимой для современной науки.

С этого момента все три категории парадигмы: стиль, среда, смысл (ССС) – стали казаться мне крепко связанными единой проблематикой генезиса. Но значимость этой триады одной только генетической логикой не ограничена. Она мне теперь кажется своего рода одним из ядерных оснований той системы миропонимания, которая возникает на рубеже перехода к глобальной цивилизации.

В этой глобальной цивилизации, где, на первый взгляд, безраздельно начинает царить смешение языков и феноменов, где царствует непрерывность и «сплошность» сред, возникает новая эпохальная проблема космологии, то есть неагрессивного упорядочения и артикуляции смыслов, становление новых масштабов индивидуации.

Прежние типы индивидуации – национальные, племенные, классовые, географические – дополняются и даже оттесняются иными – индивидуальностями личности, то есть персонализацией космоса. С падением тоталитарных идеологических систем становится все яснее, что директивное или нормативное введение стилевых и формальных канонов теряет силу, а распространение стилистической моды управляется иными императивами,

прежде всего соблазном. Но сила соблазна, как и идеологический диктат, тоже ограничена рефлексией, причем именно индивидуальной.

Тут мы вплотную подходим к проблематике масштаба. Распространение стилей в прошлом было явлением экспансии культуры в континентальных масштабах и не сталкивалось с глобальным разнообразием культур в такой степени, в какой оно, несомненно, столкнется в глобальной культуре. Опасность нивелировки культурных форм и стереотипизации мира, как возможной причины планетарной «клаустрофобии», или ощущения культурного гетто земной цивилизации – слишком значимо, чтобы уже сегодня не пытаться понять его природу и механизмы в истории земных цивилизаций.

Проблема архитектуры будущего ставит нас перед необходимостью не только синтеза технической и гуманитарной культуры, но и обеспечения экзистенциальных условий формирования человека как независимого, свободного существа. Свободного и от насилия и от агрессивных соблазнов.

Более конкретные и специфические задачи, уже сегодня просматривающиеся в теоретическом анализе парадигмы СССР, требуют больше места и проработки, чем допускают границы этой заметки.

Литература

1. Каплун, А. И. *Стиль и архитектура*. – Москва: Стройиздат, 1985. – 232 с.
2. Ригль, А. *Современный культ памятников: его сущность и возникновение*. – Москва: V-A-C press, 2018. – 96 с.
3. Вёльфлин, Г. *Основные понятия истории искусств. Проблема эволюции стиля в новом искусстве*. – Москва: Изд-во В. Шевчук, 2013. – 290 с.
4. Раппапорт, А. Г., Сомов, Г. Ю. *Форма в архитектуре*. – Москва: Стройиздат, 1990. – 342 с.
5. Раппапорт, А. Г. *Мысли об авангарде // Проект Байкал*. – 2019. – № 62. – С. 54–57

References

- Kaplun, A. I. (1985) *Stil i arkhitektura* [Style and architecture]. Moscow: Stroizdat.
- Rappaport, A. (2019). Thoughts about the Avant-Garde. *Project Baikal*, 16(62), 54-57. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.62.1543>
- Rappaport, A. G., & Somov, G. Yu. (1990). *Forma v arkhitekture* [The form in architecture]. Moscow: Stroizdat.
- Riegl, A. (2018). *Sovremenniy kult pamyatnikov: ego sushchnost i vzniknovenie* [The modern cult of monuments: Its character and its origin]. Moscow: V-A-C press.
- Wölfflin, H. (2013). *Osnovnye ponyatiya istorii iskusstva. Problema evolyutsii stilya v novom iskusstve* [Principles of art history. The problem of the development of style in later art]. Moscow: Izd-vo V. Shevchuk.

Концепт «средовой подход» в теории архитектуры, градостроительства, дизайна принято употреблять в единственном числе, но его содержание трактуется зачастую по-разному. Опираясь на авторскую концепцию «круга средового знания» и понятийно-терминологический анализ текстов средовой направленности, автор обосновывает оправданность и необходимость говорить о множественности средовых подходов, рассматривает содержание и особенности семи таких анклавов средового знания и практики. Описано ключевое содержание каждого из них, связи с сегментами средового знания, развиваемые проектные стратегии. В связи с утратой «средовым подходом» сингулярности и способности обозначать всю средоориентированную область проектного дела показана целесообразность использования для этого другого зонтичного понятия. Обоснована целесообразность выбора в пользу средового «движения» как понятия, обладающего высокой степенью всеобщности и традицией употребления в архитектуре для идентификации крупных фрагментов.

Ключевые слова: теория архитектуры; средовой подход; средовое движение. /

The concept of “environmental approach” in the theory of architecture, urban planning and design is usually used in the singular, but its content is often interpreted in different ways. Basing on the author’s concept of the “circle of environmental knowledge” and conceptual and terminological analysis of texts with an environmental focus, the author proves the necessity to speak about multiplicity of environmental approaches and considers the content and specific characteristics of seven enclaves of environmental knowledge and practice. The author describes the matter of each of them, connections with segments of environmental knowledge, and the design strategies under development. Due to the fact that the “design approach” has lost its singularity and ability to characterize the whole environment-oriented area of design, the usefulness of another umbrella concept for this is shown. The author demonstrates the necessity to choose the environmental “movement” as a concept that has a high degree of universality and tradition to be used in architecture to identify large fragments.

Keywords: theory of architecture; environmental approach; environmental movement.

«Средовое движение» в архитектуре и смежных областях / “Environmental movement” in architecture and related areas

Введение

Два года назад автор обратился к феномену фрагментации архитектурно-средового знания, использовав для его описания и анализа метафору круга, разделенного на семь сегментов, в каждом из которых бытует свое собственное толкование среды [1]. Уже тогда было понятно, что сегментировано не только знание, но и вся совокупность средоориентированных компонентов архитектуры – язык, мышление, культура, исследовательские стратегии, проектная практика, сфера профессионального образования и т. д. – то есть все то, что в архитектурной литературе принято обозначать концептом «средовой подход». Интерес к предвидимой множественности средовых подходов, стремление сравнить между собой и охарактеризовать элементы этого гипотетического множества, выяснить предпосылки и следствия для архитектуры рассматриваемого явления и вызвали к жизни данное небольшое исследование. Оно состояло, во-первых, в отборе массива «средовых» литературных источников, в анализе понятий, которыми авторы обозначали саму сферу средового на общем фоне архитектурного. Во-вторых, была проверена гипотеза о возможности структурировать всю совокупность избранных текстов с помощью авторской концепции «круга средового знания». В-третьих, каждая группа источников рассматривалась как носитель и выразитель некоторой специфики в трактовке «средового подхода» и близких по смыслу понятий и терминов. Наконец, выделенные подходы сравнивались между собой.

В результате исследования подтверждена гипотеза о том, что средовых подходов несколько, по крайней мере столько же, сколько сегментов средового знания. Их история, содержание, значение, и оценка видов на будущее не совпадают. Учитывая это обстоятельство, использование концепта «средовой подход» для обозначения всей области средоориентированного знания, практики и образования только запутывает ситуацию. Целесообразно употреблять в качестве зонтичного понятие «средовое движение», способное вместить все разнообразие подходов.

1. О множественности средовых подходов

Когда в 1984 г. В. Л. Глазычев сформулировал концепцию деятельностно-средового подхода [2], это была, возможно, самая ранняя декларация склонности средовых подходов к специализации и, тем самым, к диверсификации. А о причинах умножения средовых подходов, хотя и не употребляя этого словосочетания во множественном числе, тогда же, в восьмидесятых, рассуждал А. Г. Раппапорт. Говоря о том, что средовой подход предъясвляет свои «требования, условия и ограничения на проектирование в сфере архитектуры, градостроительства и дизайна» [3, с. 96], он имел в виду проявление подхода во всех трех проектных нишах. Но по сути, он предвидел ветвление этого феномена, исходя из особенностей каждой ниши проектной деятельности, что уже наблюдалось в рассматриваемый период. Другую причину деления мы видим в подчеркиваемой А. Г. Раппапортом дифференциации «внутренней проблематики» средового подхода; он различал «группы вопросов», которые также обособятся далее в самостоятельные подходы. Среди этих групп – «экологическая», «исследовательская, проектная и методологическая», «организации процессов жизнедеятельности», проблематика «восприятия городской среды» и «разработка новых категориально-понятийных средств описания средовых феноменов» [3, с. 97–98].

А. Г. Раппапорт обозначает еще одну предпосылку умножения средовых подходов, когда подчеркивает, что в его рамках «акцент ставится на необходимость научного исследования и художественного эксперимента» [3, с. 97]. Фактически эти две необходимости настолько трудно сочетаются в структуре архитектурной деятельности, что «и» очень быстро превратится в «или»; одни средовые подходы станут преимущественно научно-исследовательскими, а другие – художественно-экспериментальными.

На разнообразии истоков, опор и, как следствие, средовых подходов указывают и другие авторы. О трех «предпосылках» его развития пишет Г. З. Каганов – экологическом движении, системной методологии, реакции на издержки функционального подхода [цит. по: 4, с. 34]. В. Л. Глазычев видит происхождение подхода в кризисе городов «в связи с бурным ростом

текст

Константин Кияненко
Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства;
Московский архитектурный институт;
Российский университет дружбы народов /
text
Konstantin Kiyanenko
Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning;
Moscow Architectural Institute;
RUDN University

Исследование выполнено в рамках Плана фундаментальных научных исследований РААСН и Минстроя России. / Исследование выполнено в рамках Плана фундаментальных научных исследований РААСН и Минстроя России. / The study was carried out as part of the Plan of fundamental scientific research of the RAACS and the Ministry of Construction of Russia.

1. По материалам понятийно-терминологического анализа автором текстов на платформе Электронная библиотека России (e-library.ru). Рассмотрен раздел 67.07.00 «Архитектура».

новых пригородов» в США, в разрушении исторического города в результате массового послевоенного строительства в Европе и в кризисе традиционной культуры [5]. А. В. Боков считает средовой подход «попыткой возврата архитектуры в актуальную культуру, с которой она была насильственно разлучена в 1955 году Н. С. Хрущёвым» [6]. Н. В. Багрова и М. А. Куценкова различают средовой подход как контекстуализм, работу с формой и как «развитие и переосмысление феноменологического направления», в рамках которого среда есть единство окружения и сознания обитателя среды [7]. А. В. Татарченко видит в средовом подходе две «ветви» – ориентированную на сохранение исторической среды (обращается, в частности, к контекстуальному методу) и озбоченную совмещением «представления архитектурно-профессионального сообщества и представления горожан о среде» [8, с. 116].

В не меньшей степени, чем диверсификация истоков и опор, мозаичность средовых подходов объясняется тем обстоятельством, что каждая их версия зародилась и складывалась в противодействии каким-то другим, до- и анти-средовым традициям, методологиям, идеям. Одни средовые подходы сформированы энергией оппонирования «всем подходам тоталитарного градостроительства (типологическому, функциональному...)» [9, с. 159]. Другие состоялись «в критике сциентизма и в уходе в область гуманитарного» [10]. Все противостоят доктрине Современного Движения, почти все – его «научно-инженерному объективизму» [11, с. 6]. В 1960-е годы, как отмечает П. В. Капустин, «средовое движение» именовалось антипрофессиональным, так как было направлено против недейственных методов работы с городом» [12, с. 99]. Одно средовое оппонировало «стилевой парадигме», композиционно-художественному, ансамблевому видению [7], а другое, как мы увидим вскоре, находит опору и оправдание в композиционно-художественном.

Тема противоречий заслуживает нескольких слов как свидетельствующая о серьезной конфликтности отдельных средовых подходов, их несводимости друг к другу. С одной стороны, средовой подход характеризуется как «достаточно неформализованная сумма идей» [3, с. 96], а с другой – как «подход к архитектурному проектированию», активно используемый в «пояснительных записках к проектным решениям», понятия которого «успели прочно закрепиться в нормативно-правовых документах» [7, с. 22]. Одни авторы утверждают, что «средовой подход является экологическим» [13, с. 40], а другие указывают на непреодолимое их отличие: «экологический подход есть развитие натуралистического и естественно-научного подхода», а в средовом подходе «речь идет о среде культурной, семиотической» [14]. Один авторитетный и знающий вопрос специалист полагает, что «с середины семидесятых эта (средовая – Кияненко) тема постепенно утрачивает остроту, внутреннюю энергию и внешнюю востребованность» [6], а другой, не менее авторитетный и знающий, утверждает в середине девяностых, что «средовой подход <...> несет в себе потенциал революционного сдвига в мышлении <...>. Такого рода сдвиг <...> требует длительной работы поколений» [5] и потому – добавим от себя – кое-что средовое, по сути, только начинается. Одни отождествляют средовой подход с системным [13], а другие аргументированно настаивают на том, что первый есть оппозиция второму [11; 14].

В общем, все эти истоки, тянущиеся к современному средовому из глубины десятилетий, все водоразделы, обрамляющие бассейны различного средового видения, все оппозиции, по-своему ориентирующие каждый из фрагментов по сторонам смыслового горизонта архитектурно-

го знания, формируют сложно расчлененный ландшафт, который в совокупности уже не назвать «средовым подходом», поскольку он является их сложной мозаикой.

2. О концепте «средовое движение»

Прежде чем конкретизировать содержание разных средовых подходов, логично определиться с понятием, которое может быть по отношению к ним объединяющим, родовым. В теории архитектуры имеются претенденты на эту роль. Анализ обширного поля текстов показывает наличие, по меньшей мере, десятка таких понятий, значительно уступающих по употребительности «средовому подходу», но имеющих хождение и обладающих разной мерой всеобщности, полноты. Будучи расположены в порядке от наиболее к наименее распространенным, они могут быть представлены следующим образом¹.

Зонтичные понятия средовой теории архитектуры:

- средовой подход
- средовая парадигма
- средовое видение
- средовая стратегия
- средовая концепция
- средовое движение
- средовая методология
- средовая методика
- средовая традиция
- средовая активность

По трем причинам наиболее предпочтительным для обозначения всего множества «средовых подходов» нам представляется концепт «средовое движение». Во-первых, он самый инклюзивный, относится и к заниевым составляющим, и к деятельностным, и к субъективным установкам, и к формализованным инструментариям. Во-вторых, в архитектуре имеется привычка употребления концепта «движение» для обозначения ее крупного фрагмента и этапа (Современное Движение). Наконец, словосочетание «средовое движение» уже имеет хождение в архитектурных текстах, чему есть ряд свидетельств.

Так, В. Л. Глазычев определял «средовое движение» как «крыло общего экологического движения современности» [2, с. 125]. В. А. Никитин и П. В. Капустин прибегали к данному концепту как к синониму «средового подхода» [15; 12]. Г. В. Бакалдина разводит эти понятия, полагая, что «средовое движение» опирается на «средовой подход» как «совокупность принципов и методов» [16, с. 47]. Она же отмечает, что понятие «средовой подход» шире, чем те или иные его «трактовки», предлагая решить эту дилемму по-своему: называть «частные трактовки» средового подхода «средовыми концепциями» [там же]. Нам кажется терминологически более удачной формулировка А. В. Татарченко, отмечающего, что деятельностно-средовой подход формируется в рамках средового движения [8, с. 116]. Остается сделать лишь один, но существенный, шаг: констатировать наличие множества средовых подходов в этих рамках.

3. О внутренней организации «средового движения»

Средовое движение с самого своего зарождения в 1960-е годы представляло собой сосуществование и коэволюцию нескольких средовых подходов. С тех пор они развиваются, сложно взаимодействуют между собой, стремясь к обособлению, иногда к поглощению соседей, перераспределяя сферы влияния, переопределяя границы, заимствуя и переименовая понятия, сотрудничая и конфликтуя. Разные средовые подходы есть продукт глобальных социокультурных постмодернистских и постиндустриальных влияний и процессов, в их проекции на отдельные ниши проектной деятельности (архитектура, дизайн, ландшафт...), отдельные ее анклавы

и аспекты. В основе специфики каждого средового подхода лежит особое видение фигуры человека и механизмов, связывающих его со средой («потребности», «жизнедеятельность», «поведение», «визуальное восприятие»...), собственная предпочитаемая трактовка среды (как «архитектурной», «предметно-пространственной», «жилой», «городской», «окружающей», «искусственной», «природной»...). Раскрытию этих вопросов была, в частности, посвящена одна из прежних наших публикаций о сегментации «круга средового знания» [1]. Данное явление тесно связано с дифференциацией средовых подходов и, таким образом, с внутренней организацией средового движения.

Опираясь на логику «круга средового знания», можно разглядеть следующие актуальные средовые подходы.

Архитектурно-дизайнерский средовой подход получает название от той особенной области российской архитектуры, которую называют «дизайн архитектурной среды» (ДАС), в которой он был зачат и развивается. Он объединяет подходы архитектуры и предметного дизайна, художественной и проектной деятельности с элементами научной (антропометрия, эргономика). Именно к этой версии уместно отнести наблюдение А. В. Бокова, что средовой подход был вызван к жизни необходимостью восполнения дефицита и повышения качества предметного наполнения среды. Здесь складываются собственные проектные стратегии и понятия – художественное, сценарное проектирование, «дизайн-проектирование», «средовой дизайн», а «средовой подход», может трактоваться, в частности, «как сценарный принцип организации предметно-пространственной среды» [17, с. 6]. Теоретически продвинутые представители этого подхода, подобно С. А. Малахову и Е. А. Репиной, преодолевают его границы как деятельности, построенной на приоритете фигуры художника-творца, и перебрасывают мосты к поведенческо-средовому подходу (см. далее), объединяя «линию арт-экспериментов» с иной «парадигмой субъектности проектировщика», имея в виду обращение к идее «соучаствующего» проектирования [18, с. 63].

Архитектурно-социологический средовой подход сложился на стыке теории и практики жилищной архитектуры с социологическими исследованиями «потребностей пользователей». Только после обращения архитекторов к концепту «жилая среда» и разработки методов ее комплексной социальной оценки «потребителями» стали понятны причины неудач досредовых попыток теоретического противостояния проектно-строительной индустриальной унификации. Постиндустриальная ситуация идею диверсификации и идею среды преподносит как единое повествование. Продуктами данного подхода становится «адресное проектирование» и его варианты (каталожное, кастомизированное и др.).

В рыночных условиях гуманизирующий потенциал подхода оказался также востребован, поскольку массовый рынок предпочитает унификацию потребителей и равнодушен к целостному воспроизводству жилой среды в той же степени, что и дорыночное «массовое жилищное строительство».

Градо-культурологический средовой подход опирается на социокультурные исследования города, «городской среды» силами и методами культурологии, культурной антропологии. А оппонирует он функционалистской градостроительной стратегии, представлениям о городе как продукте профессионального и бюрократического манипулирования, диктата «градообразующих предприятий» в пользу естественного развития социокультурных процессов. Городское население, «горожане», их объединения рассматриваются как основная сила гуманного градоустройства, действующая в режимах соучастия

Средовое движение как спектр средовых подходов

Средовой подход	Сегмент круга средового знания	Основное содержание подхода	Проектные составляющие подхода
Архитектурно-дизайнерский	«Дизайн архитектурной среды (ДАС)»	Объединение подходов архитектуры и предметного дизайна в формировании предметно-пространственной среды	Художественное, сценарное, тотальное проектирование «средовой дизайн», «дизайн-проектирование»...
Архитектурно-социологический	«Исследование потребностей пользователей»	Постиндустриальная диверсификация жилой среды на основе учета дифференцированных потребностей	Адресное, кастомизированное проектирование...
Градо-культурологический	«Социокультурные исследования городской среды»	Гуманизация процессов формирования городской среды на основе учета жизни города как социокультурного явления	Проектно-исследовательское соучастие горожан, профессионалов, власти...
Проектно-методологический	«Исследования методологии проектирования»	Осмысление базовых концептов «средового движения», устройства, тенденций развития средовых подходов в архитектуре	Средовое, понимающее проектирование...
Перцептивно-психологический	«Исследования визуального восприятия»	Формирование городской среды с учетом психологических, феноменологических особенностей ее восприятия	Контекстуальное проектирование
Поведенческо-средовой	«Поведенческо-средовые исследования»	Интеграция подходов проектных и социально-гуманитарных дисциплин с целью проектирования построенной среды	Средовое, соучаствующее, включенное проектирование
Архитектурно-экологический	«Архитектурно-экологические исследования»	Естественно-научный учет окружающей, природной среды при проектировании архитектурных объектов и связей между ними	Эко-дизайн, «зеленое», «устойчивое» проектирование

с профессионалами, бизнесом, властью. «Соучаствующее проектирование» городской среды развивается в этой версии средового подхода в России еще с 1990-х годов, то есть до «второго пришествия» идей соучастия в XXI веке.

Проектно-методологический средовой подход обязан своим формированием эволюции проектно-методологического движения, его распространению на средовые, пространственные объекты архитектуры, дизайна, градостроительных инфраструктурных систем и умягчению системно-деятельностной методологии гуманитарным знанием. Он обращен к предпосылкам, методам, целям, конечным результатам – к самой концепции «средового проектирования» в наиболее широком смысле этого

понятия, к изучению проектной культуры и проектного мышления. Если бы понятие Средовое движение было общеупотребительным в предлагаемом нами смысле, можно было бы сказать, что проектно-методологический подход более, чем все остальные, озабочен изучением его общего устройства и развития. Интеллектуальными продуктами этого подхода являются, например, концепция «проектирования без прототипов» А. Г. Раппарта, концепция «деятельностно-средового подхода» В. Л. Глазычева, концепция потребности как «квази-предмета системы кооперированной деятельности архитектора и потребителя» А. П. Зинченко и др.

Перцептивно-психологический средовой подход эксплуатирует в качестве знаниевой основы теорию зрительного восприятия городской среды (физиологию, психологию, феноменологию...). Отношение к человеку как субъекту, воспроизводящему окружающие городские пространства и происходящие в них человеческие взаимодействия «ретиально» (выражение Ю. Палласмы) акцентирует те аспекты среды, которые можно разглядеть. В наиболее прагматической версии этот средовой подход сводится к концепции контекстуализма и методологии контекстуального проектирования: он противопоставляет традиционному архитектурному моделированию архитектурной формы в условных проекциях (фасады, развертки, перспективы) исследование и воплощение того, как происходят процессы информационно-коммуникативного обмена между реальным городом и человеком.

Поведенческо-средовой подход интегрирует подходы проектных сфер, социально-гуманитарных дисциплин и поведенческих наук для изучения связей между «построенной средой» (built environment) и человеческим поведением с целью формирования среды и управление ею. За рубежом этот подход основывается на мощной традиции эмпирических исследований, накопленном обширном и постоянно пополняемом архиве знаний. По сути, там он претендует на охват всего средового знания и практики и может вполне быть принят как синоним Средового движения в употребляемом нами смысле. В России же он наименее развит из всех средовых подходов, поэтому отечественное Средовое движение вынуждено до сих пор полагаться, по большей части, на умозрительные модели человеко-средовых отношений и самой среды, а также на импортируемые из-за рубежа крохи эмпирических знаний, что в равной степени не вполне научно. Проектным продуктом поведенческо-средового подхода является «средовое проектирование» (environmental design), по содержанию никак не совпадающим с российским эндемиком из области ДАС – «средовым дизайном».

Архитектурно-экологический средовой подход долгое время был занят, преимущественно, «окружающей средой» и человеком как биологическим организмом, связями между ними с использованием инструментов естественно-научных дисциплин. В проектной части, в сфере экологического проектирования, «зеленого» проектирования он рассматривает вопросы двустороннего взаимодействия среды и архитектурных объектов, с особым вниманием относясь к защите агентов взаимодействия от неблагоприятных аспектов (с одной стороны, природных явлений на архитектуру, с другой – антропологического влияния на природу). Содержание подхода радикально обновляется в результате становления концепции «устойчивого развития», включающей помимо экологических, как теперь общеизвестно, социально-культурные и экономические аспекты. Однако в практической, научной и проектной деятельности возможности «устойчивого проектирования» (sustainable design) сильно сдерживает традиция разнесения этих трех аспектов по разным областям знания, трудностями

междисциплинарной кооперации и перестройки мышления. Не будь этих проблем, данный подход тоже мог бы – и с большим правом – претендовать на всеобщность.

Заключение

Средовое знание и средовая практика в архитектуре сегментированы, диверсифицированы. Каждый анклав отличен всеми фундаментальными основаниями – от интерпретации базовых теоретических концепций до проектных стратегий – и может быть представлен как отдельный средовой подход.

Каждый из семи средовых подходов «отвечает» за целостное представление некоторой совокупности архитектурного знания и воссоздание определенных профессиональных традиций, сосредоточенных вокруг специфического понимания фигуры человека, концепта «среда», связей между ними и модели воспроизведения целостности.

Все средовые подходы междисциплинарны, но каждый формирует собственные альянсы с избранными дисциплинами-партнерами.

Концепт Средовое движение как самый инклюзивный закономерно претендует на роль объединителя, идентификатора всей совокупности средовых подходов в архитектуре и смежных областях.

Каждый из подходов с разной степенью обоснованности заявляет о своей способности представлять все Средовое движение. И в какой-то перспективе можно вообразить их слияние в единый подход, когда сам концепт Средового движения окажется излишним. Однако, всматриваясь в описанные семь существующих подходов, можно представить, какие усилия по их интеграции потребуются и как далека подобная перспектива.

Литература

1. Кияненко, К. В. Круг средового знания и его сегментация в теории архитектуры // Academia. Архитектура и строительство. – 2019. – № 3. – С. 44–50
2. Глазычев, В. Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. – Москва : Наука, 1984. – 180 с.
3. Рапппорт, А. Г. «Средовой подход» и идеология проектирования // Психология и архитектура = Psychology and architecture : Тез. конф. [Лохусалу (ЭССР), 25–27 янв. 1983. – В 2-х ч.] / Под ред. Т. Нийта и др. – Таллин : Эст. отд-ние О-ва психологов СССР : ТПИ. – 1983. – Ч. 1. – С. 96–98
4. Соловьева, Е. А. Основы средовой психологии. – Санкт-Петербург : СПбГАСУ, 2006. – 188 с.
5. Глазычев, В. Л. Средовой подход в развитии города : Лекция 4 // Избранные лекции по муниципальной политике, 1995 // Сайт памяти В. Л. Глазычева. – URL: www.glazychyev.ru/courses/mp/mp_04.htm (дата обращения: 02.04.2021)
6. Боков, А. В. Среда: вчера, сегодня, завтра // Строительный эксперт: Портал для специалистов архитектурно-строительной отрасли. 8 апреля 2019. – URL: <https://ardexpert.ru/article/15414> (дата обращения: 02.04.2021)
7. Багрова, Н. В., Куценкова, М. А. Особенности современной интерпретации средового подхода в архитектуре // Ползуновский вестник. – 2014. – №1. – С. 22–26
8. Татарченко, А. В. Средовой подход в архитектуре: от теории к реализации // Современные наукоемкие технологии. – 2018. – № 9. – С. 115–119
9. Рапппорт, А. Г., Высоковский, А. А. Среда и архитектура // Городская среда: проблемы существования / под ред. А. А. Высоковского, Г. З. Каганова. – Москва : ВНИИТИАГ, 1990. – С. 157–178
10. Сааков, В. Идеи среды в архитектуре: утраты и поиски знания // Вопросы методологии. – 1994. – № 1–2. – URL: http://priss-laboratory.net.ru/T.E.X.T.S.-/amb-study_1994_ambience-in-architecture.htm (дата обращения: 02.04.2021)
11. Гелла, Е. И. Средовой подход и программы участия в архитектуре 1960–1990 г. : автореф. дисс. ... канд. арх. Спец. 18.00.01. Теория архитектуры, реставрация памятников архитектуры: Харьков. гос. техн. ун-т стр-ва и арх-ры. – Харьков, 1999. – 22 с.

12. Капустин, П. В., Гаврилов, А. И. Проблемы анализа проектно-исследовательских методов взаимодействия человека с городской средой // Научный журнал строительства и архитектуры, 2020. – № 3 (39). – С. 99–110
13. Киншт, А. В. Средовой подход и окружающая среда в архитектуре и градостроительстве: экологический взгляд // Вестник ТГАСУ, – 2017. – № 3. – С. 40–47
14. Генисаретский, О. И. Средовой подход в дизайне и архитектуре: содержание и основные моменты: Выступление в Союзе архитекторов СССР. 22.08.1978 // Prometa. ru. Режим доступа: URL: <http://prometa.ru/olegen/610> (дата обращения: 02.04.2021)
15. Никитин, В. А. Генезис архитектурной культуры. – Тольятти : Междунар. акад. бизнеса и банк. дела, 1997. – 166 с.
16. Бакалдина, Г. В. Генезис понятия «средовой подход» в дизайне // Наука и современность. – 2011. – № 5–1. – С. 45–50
17. Михайлов, С. М., Михайлова, А. С., Дизайн города: основные этапы исторического развития / С.М. Михайлов, А.С. Михайлова, Надыршин, Н. М. // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2014. – № 5 (166). – С. 4–9
18. Малахов, С. А., Репина, Е. А. К вопросу о предмете в дизайне среды // Innovative Project. – 2016. – Т. 1. – № 3 (3). – С. 58–63
- References**
- Bagrova, N.V., & Kushchenkova, M.A. (2014). Osobennosti sovremennoy interpretatsii sredovogo podhoda v arhitekture [Features of the Modern Interpretation of the Environmental Approach in Architecture]. *Polzunovskiy Vestnik*, 1, 22–26.
- Bakaldina, G.V. (2011). Genезis ponyatiya 'sredovoy podhod' v dizaine [The Genesis of the 'Environmental Approach' Concept in Design]. *Nauka i sovremennost*, 5-1, 45–50.
- Bokov, A.V. (2019). Sreda: vchera, segodnya, zavtra [Environment: Yesterday, Today, Tomorrow]. *Stroitelny expert. Portal dlya spetsialistov arhitekturno-stroitelnoy otrasli*. 04/08/19. Available at: <https://ardexpert.ru/article/15414> (accessed: 02.04.2021)
- Gella, E.I. (1999). Sredovoy podhod i programmy uchastiya v arhitekture 1960-1990 [Environmental Approach and Participatory Programs in Architecture 1960-1990]. Avtoref. diss. ... kand. arh. Spets. 18.00.01. *Teoriya arhitektury, restavratsiya pamyatnikov arhitektury*. Harkov.
- Genisaretskiy, O.I. (1978). Sredovoy podhod v dizaine i arhitekture: sodержanie i osnovnye momenty [Environmental Approach in Design and Architecture: Content and Highlights]. *Prometa.ru*. Available at: <http://prometa.ru/olegen/610> (accessed: 02.04.2021).
- Glazychev, V.L. (1984). Sotsialno-ecologicheskaya interpretatsiya gorodskoy sredy [Socio-Ecological Interpretation of the Urban Environment]. Moscow: Nauka.
- Glazychev, V.L. (1995). Sredovoy podhod v razvitiy goroda [Environmental Approach in Urban Development]. Lektsiya 5. *Izbrannyye lektsii po munitsipalnoy politike*. Available at: <https://ardexpert.ru/article/15414> (accessed: 02.04.2021).
- Kapustin, P.V., & Gavrilov, A.I. (2020). Problemy analiza proektno-issledovatel'skikh metodov vzaimodeystviya cheloveka s gorodskoy sredoy [Problems of Analysis of Design and Research Methods of Human Interaction with the Urban Environment]. *Nauchniy zhurnal stroitelstva i arhitektury*, 3(39), 99–110.
- Kinsht, A.V. (2017). Sredovoy podhod i okruzhayuschaya sreda v arhitekture i gradostroitel'stve: ecologicheskii vzglyad [Environmental Approach and the Environment in Architecture and Urban Planning: An Ecological Perspective]. *Vestnik TGASU*, 3, 40–47.
- Kiyanenکو, K.V. (2019). Krug sredovogo znaniya i ego segmentatsiya v teorii arhitektury [The Circle of Environmental Knowledge and its Segmentation in the Theory of Architecture]. *Academia. Arhitektura i stroitel'stvo*, 3, 44–50. DOI 10.22337/2077-9038-2019-3-44-50.
- Malahov, S.A., & Repina E.A. (2016). K voprosu o predmete v dizayne sredy [To the Issue of the Subject in the Design of the Environment]. *Innovative Project*, 1(3), 58–63.
- Mihailov, S.M., Mihailova A.S., & Nadyrshin N.M. (2014). Dizayn goroda: osnovnye etapy istoricheskogo razvitiya [Urban Design: the Main Stages of Historical Development]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 5(166), 4–9.
- Nikitin, V.A. (1997). Genезis arhitekturnoy kultury [The Genesis of Architectural Culture]. Tolyatti: Mezhdunar. Akad. biznesa i bank. dela.
- Rappaport, A.G. (1983). 'Sredovoy podhod' i ideologiya proektirovaniya [Environmental Approach and Ideology of Design]. *Psyhologiya i arhitektura. Tez. konf. V Lohusalu. T. Niit, M. Heidmets, Yu. Kruusvall* (eds.). Tallinn. TPedI im. E. Vilde, 96–98.
- Rappaport, A.G., & Vysokovskiy, A.A. (1990). Sreda i arhitektura [Environment and Architecture]. *Gorodskaya sreda: problemy suschestvovaniya*. A.A. Vysokovskiy, G.Z. Kaganov (eds.). Moscow: VNIITAG. 157–178.
- Sakov, V. (1994). Idei sredy v arhitekture: utraty i poiski znaniya [Ideas of the Environment in Architecture: Loss and the Search for Knowledge]. *Voprosy metodologii*, 1-2. Available at: http://priss-laboratory.net.ru/T.E.X.T.S.-/amb-study_1994_ambience-in-architecture.htm (accessed: 02.04.2021).
- Soloveva, E.A. (2006). Osnovy sredovoy psyhologii [Fundamentals of Environmental Psychology]. SPb: SPbGASU.
- Tatarchenko, A.V. (2018). Sredovoy podhod v arhitekture: ot teorii k realizatsii [The Environment Approach in Architecture: From Theory to Implementation]. *Sovremennyye naukoemkie tehnologii*, 9, 115–119.

^ Яна Лисицина / Yana Lisitsina. Маска. Серия «Карантинные листочки», 2020

^ Яна Лисицина / Yana Lisitsina. Весна, ИФИЯМ. Серия «Карантинные листочки», 2021

Карантинные листочки / Quarantine leaflets

^ Яна Лисицина / Yana Lisitsina. Врачи. Серия «Карантинные листочки», 2020

*Жили, жили – оба на!
Глянь: иные времена....*

**Тимур Шаов. «Иные времена
(Переслушивая Галича)»**

Кризисы, сотрясающие нашу реальность в последние десятилетия, следуют уже так часто, что накладываются друг на друга, как черепица. Линейное развитие второй половины XX века сменилось эпохой кардинальных перемен. В процессе строительства нового мира мы с особой остротой чувствуем необходимость сохранения и осмысления прошлого. Понять новое можно лишь в сравнении с прошлым. Уходящий мир, состоящий из отдельных, изолированных и самостоятельных фрагментов, воплощен в памятниках архитектуры. Образы, приемы, технологии проектирования и строительства приобретают особый смысл и новую актуальность в эти новые времена. Деревянная архитектура Сибири и каменные купеческие дома в Ялуторовске, старинные церкви и авангардный проект Леонидова, руины сталинских лагерей и Корейский сад в Иркутске – все это элементы прошлого, необходимого нам для понимания настоящего. Глокализация, протестуя против унификации вкусов, разрушения семейных отношений, разрушения традиций, набирает силу.

ЕГ, КЛ

*We lived and lived. But then, whoops!
We found ourselves in other times...*
**Timur Shaov. "Other times
(listening to Galich once again)"**

Crises shaking our reality in the last decades happen so often that they overlap each other like roof tiles. Linear development of the second half of the twentieth century gave way to the era of cardinal changes. While building a new world, we strongly feel the need to preserve and comprehend the past. It is possible to understand the new only in comparison with the past. The disappearing world that consists of separate, isolated and self-contained fragments is embodied in monuments of architecture. Images, techniques and practices of design and construction acquire a special meaning and new relevance in these new times. Wooden architecture of Siberia and stone merchant houses in Yalutorovsk, ancient churches and Leonidov's avant-garde project, ruins of Stalin's camps and the Korean Garden in Irkutsk are elements of the past that we need to understand the present. Protesting against the unification of tastes, breach of family relations and destruction of traditions, glocalization is on the rise.

**Elena Grigoryeva
Konstantin Lidin**

актуальное прошлое / a vital past

Глобализация, активное повсеместное внедрение архитектурных форм, приемов, материалов, строительных технологий ставят проблему поиска региональной идентичности, индивидуальности и уникальности стиля в архитектуре. Обращение к истории и традициям региональной архитектуры является одним из путей выявления такой индивидуальности и уникальности. Традиционной для Сибири является деревянная архитектура, которая почти не развивалась стилистически с 1920-х годов. Изучение стилистического формообразования в деревянной архитектуре Сибири конца XIX – начала XX века, и в том числе модерна, поможет выявить особенности местного стиля и культуры. Стиль может быть рассмотрен с позиции философии архитектуры и искусства как уникальное проявление региональной культуры, как один из путей создания (воссоздания) культурной идентичности, индивидуальности и уникальности, как источник информации о разнообразии приемов и форм деревянной архитектуры Сибири.

Ключевые слова: Сибирь; деревянная архитектура; модерн; идентичность; региональная архитектура. /

Globalization and widespread active introduction of architectural forms, techniques, materials and building technologies pose a problem of finding regional identity, particularity and uniqueness of the style in architecture. Consideration of history and traditions of regional architecture is one of the ways to reveal this identity and uniqueness. Wooden architecture is traditional for Siberia. It has hardly evolved stylistically since the 1920s. Studying stylistic formation in wooden architecture of Siberia in the late 19th – early 20th centuries, including modern, will help to identify the peculiarities of the local style and culture. The style can be considered from the point of view of philosophy of architecture and art as a unique manifestation of regional culture, as one of the ways to create (recreate) cultural identity, particularity and uniqueness, and as a source of information on a variety of techniques and forms of wooden architecture in Siberia.

Keywords: Siberia; wooden architecture; modern; identity; regional architecture.

Пути исследования стиля в деревянной архитектуре Сибири / Directions of the research into a style in wooden architecture of Siberia

текст

Евгения Груздева

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств им. А. Д. Крячкова /

text

Evgeniya Gruzdeva

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts named after A. D. Kryachkov

Введение

Стиль включает в себе общность образной системы, средств художественной выразительности, творческих приемов, обусловленную единством идейно-художественного содержания [1] определенного исторического времени. Он выражает эстетические и культурные ценности современной ему эпохи. Но поскольку развитие и изменение общества, а соответственно, его культуры и эстетики происходит непрерывно и в непрерывной взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего, стиль также развивается непрерывно, его границы условны и представляют собой срез определенного момента времени. Понятие современности в стиле также условно, поскольку современность существует в каждый момент времени. Поэтому исследование стиля не носит замкнутый исторический характер, ограниченный географическими и хронологическими рамками. Одна из задач исследования стиля – выявление генезиса и механизмов проявления современности конкретного этапа развития культуры и эстетики.

Стиль конца XIX – начала XX века, называемый в российской искусствоведческой литературе «модерн», – это стиль короткого исторического момента, когда общество окончательно перешло от традиционной формации к модернистской, «современной». Стиль модерн, таким образом, не только стиль искусства и архитектуры определенного времени, но также один из источников понимания и исследования понятия современности, в том числе современности настоящего момента, когда происходит переход от эпохи модерна к эпохе постмодерна.

Деревянная архитектура Сибири не только является признаком традиционной застройки исторических районов, но и в современных условиях остается актуальной для индивидуального жилого строительства. Выявление закономерностей трансформации форм, приемов, принципов стиля модерн в деревянной архитектуре Сибири, традиционной для региона, поможет понять механизмы проявления «современности» начала XX века.

Философия архитектуры

По замечанию М. Фуко, архитектура способна определять жизнь общества, и поэтому она особенно значима для понимания человека, его ценностей и культуры. В своей работе «Надзирать и наказывать» Фуко предпринял

попытку анализа современной культуры сквозь призму архитектуры, анализируя проект тюрьмы «Паноптикум». Суть этого проекта Иеремии Бенета заключалась в создании особой прозрачной среды обитания заключенных, где каждый был бы под постоянным надзором. Хотя сам проект не был воплощен, его мысль повлияла на представление о тюрьмах, изменив общественные практики наказания. Одновременно со своими основными выводами Фуко достиг и другой цели: его инструментальное использование архитектуры выявило культурологический и философский потенциал этой темы [2].

Однако философия архитектуры как полноценная часть философии искусства была бы невозможна без осуществленного авангардом сдвига эстетической парадигмы [2]. Искусство, поставленное в условия существования эпохи механического воспроизведения образа, было вынуждено искать новые пути. Примерно в то же время складываются архитектурные стили конструктивизм и функционализм, утверждающие полностью инженерную эстетику. Сторона архитектуры, которую ранее старались спрятать (связь с прагматическими нуждами человека и общества), превращается в ее главную составляющую. Кубизм и футуризм задали общую эстетическую установку, чрезвычайно близкую тому же, инженерному идеалу. Все это создало более чем благоприятную конъюнктуру для изменения позиции архитектуры в нашем представлении об искусстве.

С другой стороны, деревянная архитектура в большей степени, чем каменная, сохраняет связь между конструктивной основой, функциональностью и формой, что делает ее идеальным объектом для изучения синтеза функции, конструкции и формы с точки зрения философии архитектуры.

Сохранение мира путем сохранения культурного разнообразия

Сегодня часто говорят о поиске идентичности, уникальности, целостности среды. Эти понятия, применяемые для конкретных проектных и не только задач, отражают общемировые тенденции, продвигаемые различными международными организациями.

Таковыми международными организациями, как ЮНЕСКО, ставятся цели устойчивого развития, в том числе за счет сохранения культурного разнообразия. Так, в утверж-

< Рис. 1. Омск,
ул. Мичурина, 48.
Жилой дом

денном ЮНЕСКО документе «Программа и бюджет на 2018-2021 гг.» один из пунктов крупной программы «Культура» звучит: «Охрана, сохранение, популяризация и передача культурного и исторического наследия в интересах диалога и развития» [3].

Также в Резолюции 70-й сессии ООН от 25.09.2015: «Мы сознаем природное и культурное разнообразие мира и признаем, что все культуры и цивилизации могут способствовать устойчивому развитию и выступать в качестве решающих факторов его обеспечения» [4]. Одним из пунктов достижения цели обеспечения открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов указана активизация усилий «по защите и сохранению всемирного культурного и природного наследия» [4].

Таким образом, международным сообществом, ставящим перед собой глобальную цель – «Нести мир в сознание мужчин и женщин», признается, что достижение мира, кроме всего прочего, обеспечивается за счет сохранения культурного разнообразия (особенно важного в эпоху глобализации), изучения, сохранения, популяризации культурного наследия.

Поскольку для Сибири значительную часть материального культурного наследия составляет деревянная архитектура, которая до начала XX века превалировала в застройке городов и в которой сосредоточен опыт многих поколений русских строителей, вполне очевидно ее рассматривать в качестве уникального проявления региональной культуры. Особенно интересна с этой точки зрения сибирская деревянная архитектура конца XIX – начала XX века, в которой проявилось разнообразие форм, приемов и стилей различных регионов России, традиционной сельской и «современной» городской, деревянной и каменной архитектуры. Стилем, способствовавшим такому синтезу и разнообразию, на рубеже XIX – XX веков был модерн, ярко проявившийся в деревянной архитектуре сибирских городов.

Стиль модерн – формальное проявление эпохи модернизации

Стиль модерн, в том числе сибирский, является частью сложных социокультурных процессов, происходивших в XVIII – XX веках. В рамках исследования выделяется несколько понятий слова «модерн».

Название стиля в искусстве конца XIX – начала XX века «модерн» (в русском, английском, испанском языках) идентично названию эпохи, длившейся (по мнению некоторых исследователей) с конца XVII века и до недавнего времени. В данном контексте понятия «модерн» и «эпоха модерна» используются для обозначения достаточно длительного периода, выделяемого в социогуманитарных исследованиях и обозначающего общество нового модернизированного формата (в отличие от традиционного). Словосочетание «стиль модерн» используется для названия стиля в искусстве и архитектуре конца XIX – начала XX века. Авторы [5-7] в рамках исследования социокультурных процессов выделяют такие характерные особенности эпохи модерна, как непрерывный процесс создания нового, противопоставление традиции, разрушение традиционных форм взаимоотношений, индивидуализация, независимость от происхождения в поведении, идеалистическая философия, рационализм, «освобождение» человека от всех прежних форм зависимости и ограничений, а также материализм, эмпиризм, стремление к объективности и универсальности, научной верификации с опорой на естественно-научные дисциплины. Стиль модерн совпадает со временем (и, возможно, является его формальным проявлением), когда данные особенности стали наиболее очевидно проявляться, в том числе в искусстве и архитектуре. В настоящее время мир, по мнению социологов, философов, культурологов, находится на этапе перехода от эпохи модерна к эпохе постмодерна.

Исследование данного феномена искусства и культуры, структуры формального языка стиля модерн позволит глубже понять процессы, происходившие в архитектуре начала XX века (сформулировать систему связей элементов, безусловно относящихся к стилю модерн, с элементами генетически не связанными с модерном, но имеющих отношение к нему за счет трансформации форм и связей).

Рассматривая деревянную архитектуру Сибири рубежа XIX – XX веков в ракурсе развития модернистской культуры, можно отметить, что новые социальные условия и требования внесли значительные изменения в традиционные формы, приемы, строительные технологии деревянной архитектуры.

1. Лозунг Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). – URL: <https://ru.unesco.org/> (дата обращения: 22.07.2020).

Изучение стиля модерн в качестве формального языка архитектуры

На наш взгляд, одним из путей, наиболее глубоко раскрывающих суть стиля модерн, является изучение его в качестве формального архитектурного языка. В данном контексте понятие «формальный» используется в качестве указания на то, что анализируется в основном стиливая форма элементов, понятие «язык» – «знаковая система, используемая для целей коммуникации и познания» [8]. Таким образом, понятие «формальный архитектурный язык» можно трактовать как знаковую систему архитектурной формы.

Уже на протяжении более полувека архитектура и архитектурные стили рассматриваются с позиции языка. Поскольку архитектура, будучи средой для социокультурной жизни общества, в то же время является продуктом, результатом процессов, происходящих в науке, культуре, политике и влияющих на социальные процессы и взаимоотношения, ее формы, конструкции, материалы,

в Рис. 2. Ачинск, ул. Ленина, 22. Усадьба Бородавкина. Конец XIX – начало XX века

планировочные решения неизбежно подстраиваются под изменения в социокультурной среде. Соответственно, в архитектурных формах намеренно или произвольно закладывается информация об особенностях социокультурной жизни, политическом устройстве общества, научных открытиях и технологиях. А подход к архитектуре как к языку, который способен формализовывать, записывать, хранить, передавать, преобразовывать и репрезентировать информацию, оказывается наиболее удобным для расшифровки, интерпретации и описания различного рода информации.

Стиль «...является самопрезентацией личностей, групп и обществ, характеризует и манифестирует принадлежность индивида не только к группе или обществу, но и к их определенной жизненной форме, при помощи которой эти группы или общества чувствуют себя ангажированными в общество» [9]. Таким образом, изучая архитектурные формы как материальные этнографические объекты, можно отчасти узнать об образе жизни, социально-культурном укладе общества. И наоборот, на основе известных социокультурных фактов лучше понять формальные проявления стиля конкретного региона.

Воссоздание культурной идентичности и уникальности путем восстановления языка сибирской деревянной архитектуры

Конец XIX – начало XX века в мировой истории, и особенно для России, стал периодом глобальных перемен, полным драматизма. С точки зрения архитектуры – это время осмысления произошедших перемен в социуме, науке, технике, технологиях, а соответственно, переосмысления предшествующих этапов развития архитектуры и поиска дальнейшего пути развития архитектурной теории и практики. Стиль модерн на основании созданной за многие века архитектуры и новых, современных для того времени технологий, материалов, конструкций (металлических каркасных), архитектурных теорий стал началом создания нового формального языка архитектуры.

В России послереволюционные события значительно изменили некоторые процессы социокультурных преобразований, в том числе в архитектуре. В дальнейшем архитектурная теория и практика в России зависели в большей степени от политических и идеологических представлений, были в значительной степени централизованы, в отличие от предыдущего периода, когда процесс принятия конкретных архитектурных решений был более индивидуализированным и зависел от многих различных факторов. Ситуацию усугубила борьба с «архитектурными излишествами», обесценившая роль визуальной и стиливой составляющей архитектуры.

Таким образом, стиль модерн был уникальным явлением в истории отечественной архитектуры, когда она в большей степени зависела не от политических и идеологических установок, а от потребностей, возможностей и целей различных социальных групп населения. Последствия процессов, происходивших в отечественной архитектуре в XX веке, среди которых утрата идентичности, индивидуальности, целостности и преемственности городской среды, прослеживаются до сих пор, особенно в Сибири. Именно поэтому целесообразно проследить процессы построения формального языка архитектурного стиля, на котором этот процесс прервался.

Сложность в сохранении деревянного наследия как уникального признака сибирской архитектуры усугубляется тем, что достаточно трудно, находясь в рамках материалистической и функционалистской культуры, понимания ценности с точки зрения материальной выгоды, осознать, в чем заключается ценность старой, в значительной степени ветхой, деревянной архитектуры, поскольку ее материальная ценность не явная и опосредованная, а оценка нематериальной ценности требует специальной подготовки и знаний. Особенно в тех случаях, когда историческая застройка немногочисленна.

«В процессе эволюционного развития городов проблема сохранения целостности выходит на первый план, так как в настоящее время все еще сохраняющийся волюнтаристский образ мышления, новые эстетически агрессивные строительные материалы и, наконец, передовые технологии строительства, позволяющие в сжатые сроки возводить здания (быстрее, чем возникает общественное осознание их ненужности или недопустимости), создают благоприятную почву для существования поверхностного отношения к городской среде, к ее хрупким ценностным аспектам. И в итоге – к ее идентичности» [10]. На основании исследований [11] можно предположить, что чем больше в ткани города сохраняется исторической застройки, тем сильнее жители города связывают с ней идентичность города. Объекты культурного наследия являются материальными символами, знаками идентичности, определяют внутреннее единство социальной группы, историческую память, нематериальное наследие [11].

Деревянная архитектура для Сибири является традиционной, но в ней также прослеживаются последствия прерывания исторического развития архитектуры. Позитивистский подход к архитектурной форме, излишне рационалистический, привел к выхолащиванию и обеднению архитектурной формы, к отделению образа от формы и низведение его до концептуализма. «Приоритет технологий в глобализованном сообществе и распространение культа символического потребления создает иллюзию возможности существования пространственных образов за пределами «текста» формы» [12]. Л. А. Аболина и Р. Ю. Федоров отмечают, что приемы деревянной архитектуры Сибири (в частности Енисейска) менялись и совершенствовались до XX века, «когда развитие деревянного зодчества остановилось, а затем в связи с изменением строительных технологий перестало быть народным и попало в полную зависимость от технического прогресса» [13]. Мало кто в настоящее время при строительстве или реконструкции индивидуального деревянного жилого дома обращается к традиционным местным технологиям, приемам строительства и декорирования. Чаще применяются типовые, максимально упрощенные решения, которые можно встретить в большинстве стран мира. Кроме того, в современной архитектуре России, и особенно в Сибири, наблюдается кризис развития стиля. По большей части стиль новых строящихся зданий ориентирован на западные образцы и зачастую игнорирует существующую городскую среду и «генетические» связи с архитектурными традициями.

Сохранение информации о разнообразии приемов и форм деревянной архитектуры Сибири

Благодаря богатству декора и многообразию форм стиль модерн позволил в начале XIX века значительно обогатить деревянную архитектуру сибирских городов за счет новых разнообразных декоративных элементов, максимально раскрыть мастерство и талант сибирских плотников и возможности материала. Но поскольку дерево – материал достаточно хрупкий (с точки зрения его сохранности в течение длительного времени) и недолговечный, особенно маломасштабные элементы декора, образцы уникальной деревянной архитектуры, стремительно исчезают. Поэтому необходима фиксация и изучение этих объектов для сохранения максимально возможной информации и передачи ее последующим поколениям, а также развития формы в современной деревянной архитектуре.

Таким образом, стиль модерн в деревянной архитектуре Сибири необходимо рассматривать с позиций культуры, социума, искусства, истории:

- с точки зрения философии архитектуры и искусства;
- как уникальное проявление региональной культуры, вносящее вклад в сохранение культурного разнообразия мира;

- как формальное проявление эпохи модернизации (эпохи модерна) в зените его развития;
- в качестве формального языка архитектуры;
- как один из путей создания (воссоздания) культурной идентичности, индивидуальности и уникальности путем восстановления языка сибирской деревянной архитектуры;
- как источник информации о разнообразии приемов и форм деревянной архитектуры Сибири.

Литература

1. Большой энциклопед. словарь. – URL: <https://gufo.me/dict/bes> (дата обращения: 01.06.2021)
2. Решикова С. П. Эволюция представлений об архитектуре в философской мысли: Платон, Шопенгауэр, Гадамер // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. Соц.-гуман. науки. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2014. – Т. 14, вып. 4. – С. 83–87
3. Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). Программа и бюджет на 2018–2021 гг.: Генеральная конференция. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000248256_rus (дата обращения: 12.10.2020)
4. Организация Объединенных Наций. Резолюция. Пункты 15 и 116 повестки дня. – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 22.07.2020)
5. Рендл М. В. Социокультурные основания общества модерна: концептуализация идеи «освобождения» индивида // Гуманитарий Юга России. – 2016. – Т. 22, № 6. – С. 142–148
6. Орлова, Э. А. Модерн как культурный стиль // Обсерватория культуры. – 2013. – № 4. – С. 6–25
7. Пигалев, А. И. Другой в дискурсе модерна и транскulturация метафизики // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 2. – С. 51–61
8. Философия: энциклопед. Словарь / под ред. А. А. Ивина. – Москва: Гардарика, 2004. – 1072 с.
9. Устюгова, Е. Н. Стиль и культура: опыт построения общей теории стиля. – 2-е изд. – СПб., 2006. – 260 с.
10. Капустин, П., Асташов, Д. Борисоглебск. Идентичность малого города // Проект Байкал. – 2020. – № 65. – С. 44–49
11. Щенков, А., Антонова, Н. Архитектурное наследие и идентичность русских городов // Проект Байкал. – 2020. – № 65. – С. 27–31
12. Дымченко, М. Е. Форма и материал в архитектуре: противоречия модерна // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. – 2018. – Т. 8, № 2. – С. 194–205
13. Аболина, Л. А., Федоров Р. Ю. Развитие традиций русского народного зодчества на примере деревянной архитектуры Енисейска // Вестник Томского гос. ун-та. – 2016. – № 407. – С. 25–31

References

- Abolina, L. A., & Fedorov, R. Yu. (2016). Razvitiye traditsii russkogo narodnogo zодchestva na primere derevyannoi arkhitektury Eniseiska [Development of traditions of the Russian folk architecture through the example of Yeniseisk wooden architecture]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta*, 407, 25-31.
- Bolshoi entsiklopedichesky slovar [Great encyclopaedical dictionary] (n.d.). Retrieved June 1, 2021, from <https://gufo.me/dict/bes>
- Dymchenko, M. E. (2018). Forma i material v arkhitekture: protivorechiya moderna [The form and material in architecture: contradictions of modern]. *Izvestiya vuzov. Investitsii. Stroitelstvo. Nedvizhimost*, 8(2), 194–205.
- Ivin, A. A. (Ed.) (2004). *Filosofiya: entsikloped. slovar* [Philosophy: Encyclopaedical Dictionary]. Moscow: Gardariki.
- Kapustin, P., & Astashov, D. (2020). Borisoglebsk. Identity of a small town. *Project Baikal*, 17(65), 44-49. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.65.1674>
- Orlova, E. A. (2013). Modern kak kulturnyi stil [Modern as a cultural style]. *Obseratoriya kultury*, 4, 6–25.
- Pigalev, A. I. (2018). Drugoi v diskurse moderna i transkulturiatsiya metafiziki [The other in the discourse of modernity and the transculturation of metaphysics]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i sotsialnye nauki*, 2, 51–61.
- Rendl, M. V. (2016). Sociocultural foundations of modern society: Conceptualization of the idea of “emancipation” of individuality. *Humanities of the South of Russia*, 22(6), 142–148.
- Reshchikova, S. P. Evolyutsiya predstavlenii ob arkhitekture v filosofskoi mysli: Platon, Schopenhauer, Gadamer [Evolution of ideas about architecture in philosophical thought: Plato, Schopenhauer, Gadamer] (2014). *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gos. un-ta. Ser. Sots.-guman. Nauki*, 14(4), 83-87. Chelyabinsk: Izd-vo YuUrGU.
- Shchenkov, A., & Antonova, N. (2020). Architectural heritage and identity of Russian cities. *Project Baikal*, 17(65), 27-31. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.65.1670>
- United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO). Programme and Budget for 2018-2021: General Conference. Retrieved October 12, 2020, from https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000248256_rus
- United Nations Organization. Resolution. Agenda items 15 and 116. Retrieved July 22, 2020, from URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1>
- Ustyugova, E. N. (2006). *Stil i kultura: opyt postroeniya obshchei territorii stilya* [Style and culture: Practices of the formation of common theory of the style] (2nd ed). Saint Petersburg.

Рассмотрена архитектура каменных купеческих зданий, составляющих основу архитектурно-исторической среды центра Ялуторовска. На основе композиционно-стилевого анализа впервые раскрыта специфика стилистических направлений в архитектуре города. Прослежены изменения функционального назначения, первоначального облика исторических объектов и застройки в целом. Приведены материалы комплексных научных исследований и проекта реставрации двух купеческих торговых домов и ранее не публиковавшиеся фотодокументы.

Ключевые слова: архитектура; архитектурный облик города; каменная городская застройка; купечество Сибири; реставрация объектов культурного наследия; Ялуторовск. /

The architecture of stone buildings, built at the expense and with the assistance of merchants and small traders, which form the basis of the architectural and historical environment of the center of Yalutorovsk, was considered. For the first time, on the basis of composition and style analysis of merchant buildings, the specifics of style directions in the architecture of the city were revealed. Changes in the functional purpose, the original appearance of historical objects and development in general were traced. The materials of complex scientific research and restoration project of two merchant trading houses and previously unpublished photo documents are presented.

Keywords: architecture; architectural appearance of the city; stone urban development; merchants of Siberia; restoration of cultural heritage objects; Yalutorovsk.

Купеческая застройка Ялуторовска (XIX – начало XX века) / Merchant development of the city of Yalutorovsk (XIX – early XX centuries)

текст

Александр Клименко

Тюменский
индустриальный
университет

Мария Гайдук

Тюменский
индустриальный
университет/

text

Alexander Klimenko

Industrial University of
Tyumen

Maria Gaiduk

Industrial University of
Tyumen

1. Введение

На формирование уникальной архитектурно-исторической среды сибирских городов XIX – начала XX века существенное влияние оказали местные купцы. Купечество, по сути, являлось «движущей» силой создания и развития различных объектов инфраструктуры как в крупных, так и в малых городах. Основанный в 1659 г. как укрепленная слобода и получивший городской статус в 1782 г., Ялуторовск к началу столыпинских реформ представлял собой «малолюдный» окружной город Тобольской губернии. По статистическим данным за 1862 г., жителей в Ялуторовске значилось 3521 человек, а представителей купеческого сословия насчитывалось 154 мужчин и 184 женщин (или 9,6% от всех жителей), а также было объявлено купеческих капиталов – 1 (второй гильдии) и 44 (третьей гильдии), а также 20 торгующих крестьян по свидетельствам 3-го и 4-го рода [1, с. 92–94]. На средства местных торговцев в историческом центре города построено большинство жилых и общественных зданий.

Безусловный интерес в наши дни представляет анализ исторической застройки города. Исследование купеческих домов позволяет оценить ее потенциал в контексте социально-экономического развития поселений, определить способы ее применения, выявить общие тенденции формирования городской застройки, стилистические направления и необходимость реставрации и консервации памятников архитектуры [2, с. 72].

2. Материалы и методы

Методика данного исследования основывается на принципах историзма и научной объективности, на комплексном анализе авторских трудов, проектных разработок, архивных документов и фотоматериалов из фондов Ялуторовского музейного комплекса [3] и данных натурных обследований.

В работе анализируется сложившаяся под влиянием различных факторов историческая застройка города Ялуторовска на основании комплекса источников (проекты, чертежи, сметы, дореволюционные фотографии), систематизированных авторами по тематическому и хронологическому принципам. Благодаря общелогич-

ческим методам (анализ, синтез, аналогия, обобщение), стилистическому и сравнительному анализу раскрыты ценностные характеристики купеческих зданий города как историко-культурного наследия. Метод графической реконструкции позволил воссоздать утраченные объекты.

3. Обсуждения

В дореволюционное и советское время данная тема, к сожалению, не изучалась. В последние десятилетия история купечества и его роль в застройке городов и сел Западной Сибири все больше привлекает внимание исследователей. В этой связи авторские работы тематически можно объединить в несколько группы: 1) о купечестве и его вкладе в инфраструктуру поселений региона; 2) о градостроительном развитии сибирских городов и, в частности, Ялуторовска и сохранении объектов историко-архитектурного наследия городов (в том числе купеческих домов).

Из работ первой группы большой вклад в исследование социальной, отраслевой и ментальной истории купечества в Сибири внесли томские ученые: В. П. Бойко [4], Е. В. Ситникова, О. В. Богданова, Н. В. Шагов [5]. Ряд исследователей рассмотрел характер торгово-промышленной деятельности купцов [6], их участие в ярмарках и базарах, в формировании торговой инфраструктуры поселений [2; 7].

Среди трудов второй группы можно выделить исследования, раскрывающие архитектуру каменных и деревянных строений, их региональную специфику и стилистические черты в южных поселениях Зауралья [8], типологию застройки сибирских городов [9], специфику градостроительства малых городов юга Западной Сибири [10].

До настоящего времени роль местного купечества в формировании архитектурно-исторического облика Ялуторовска XIX – начала XX в. еще не являлась объектом специального изучения. Наша работа призвана восполнить существующий пробел.

4. Результаты

В конце XIX в. в Ялуторовске насчитывалось 559 домов, из которых только 5 каменных, в их числе Сретенский собор постройки 1777 г., возведенная в честь победы

Статья подготовлена по результатам исследований в рамках проекта «Архитектурный образ региона». / This article is based on the results of research in the framework of the project "Architectural image of the region"

< Рис. 1. а – Сретенский собор (1777); б – Вознесенская церковь (1812). Фото конца XIX – начала XX в.

в Отечественной войне с Наполеоном Вознесенская церковь 1812 г. и здание полицейского управления, построенное в первой половине XIX века предположительно как жилой дом и приобретенное казной в середине века с последующей значительной реконструкцией (рис. 1).

Состоятельные граждане, купцы и предприниматели были основной категорией, всемерно поддерживающей организацию и строительство общественно значимых объектов города. Возведение Вознесенской церкви осуществлялось на частные средства купцов-благотворителей, главным образом Алексея Быкова, а также ялutorовского городского старосты и заседателя приказа общественного призрения. Кроме того, Быков помог городскому управлению с окончанием постройки Сретенского собора, каменного двухклассного уездного училища, внес начальный капитал на содержание приходского училища [11, с. 91].

В этот период центральная часть города представляла собой обширное пространство с крупным двухэтажным объемом Сретенского собора на месте бывшего острога и торговой площадью, в центре которой располагалось характерное каре деревянного гостиного двора, построенное по инициативе и на средства «Общества ялutorовских купцов и мещан» в 1821–1834 гг. Жилую застройку города составляли деревянные, в подавляющем большинстве одноэтажные здания (рис. 2).

Реформа 1861 г. открыла новые возможности для развития местной торговли и промышленности. В частности, Ялutorовский уезд, находясь на юге региона, имел четкую сельскохозяйственную кооперацию – по производству, переработке и продаже сельхозпродукции, маслоделие и мукомольная отрасли. Интенсивно развивалось винокурение, благодаря недорогому сырью, высокой прибыли, быстрой окупаемости издержек [6, с. 23].

В особых географических, политических и социально-демографических условиях торговая и предпринимательская деятельность самого многочисленного сословия Западной Сибири служила катализатором хозяйственного освоения региона [7, с. 34]. Наиболее зажиточная верхушка крестьянства служила одним из основных источников формирования городского купечества. Накопление купеческого капитала отразилось на развитии Ялutor-

^ < Рис. 2. Виды Ялutorовска начала XX в. 1912. Фото Прокудина-Горского

> Рис. 4. а – городская площадь Ялуторовска, на заднем плане здание торгового дома Е. Д. Гусевой; б – перспектива улицы Вознесенской, выходящей на городскую площадь. Фото начала XX в.

ровска. В 1890-е гг. в городе проживало 3330 человек, насчитывалось 356 домохозяйств. В 1908 г. по-прежнему небольшой город имел 4254 жителей, из которых 579 были домовладельцами [12, с. 49]. В городе действовало 4 церкви, синагога, благотворительное заведение, 3 учебных заведения, больница; каменных строений значилось уже 14 [11, с. 90].

Рубеж и первые десятилетия XX в. отмечены дальнейшей активизацией капитальной застройки центральной части города в соответствии с утвержденным в 1858 г. генеральным планом. К рубежу XIX – XX вв. в Ялуторовске сформировалась архитектурно-градостроительная основа исторического центра города. Основные композиционные оси – улицы Вознесенская и Сретенская – были ориентированы на главную доминанту города, Сретенский собор. Застройку улицы Царской, ограничивающей городскую площадь с северо-запада, составили каменные строения обширной усадьбы известной купеческой семьи Колмаковых и двухэтажные торговые дома купцов Пантелеева и Николаевского. С юго-запада по ул. Вознесенской фасад городской площади сформировали двухэтажные каменные здания полицейского управления с характерной пожарной каланчой и торговый дом купчихи И. В. Мясниковой, дополненный одно- и двухэтажными деревянными усадебными строениями (рис. 3).

> Рис. 3. Городская площадь Ялуторовска. Слева здание полицейского управления с пожарной каланчой, напротив – здание торгового дома И. В. Мясниковой. 1918

Северо-восточную сторону площади ограничивал протяженный фасад двухэтажного каменного торгового дома купчихи Е. Д. Гусевой (рис. 4).

Незастроенная юго-восточная сторона городской площади за Сретенским собором открывалась широкой панорамой поймы реки Тобол. По ходатайству и на средства купца И. И. Лагина в 1901 г. часть деревянного каре гостиного двора, обращенная к Сретенскому собору, была заменена на каменное одноэтажное строение «теплого» магазина, что придало определенную статусность главной городской площади (рис. 5).

Из наиболее значительных купеческих построек, имевших градоформирующее значение для центра города, в первую очередь следует выделить комплекс торгово-жилой усадьбы семьи ялуторовских и тюменских купцов Колмаковых, занимавшую угловую часть застройки по улицам Царской и Сретенской. В состав усадьбы входили: крупный двухэтажный жилой дом, поставленный протяженным фасадом по ул. Царской; одноэтажные каменные торговые лавки по улицам Царской и Сретенской; флигель и ряд надворных хозяйственных строений. Подобный усадебный комплекс, принадлежащий семье Колмаковых, был построен и в Тюмени на углу улиц Царской и Голицынской. Но ялуторовская усадьба значительно превосходила построенную в Тюмени как по величине главного особняка, так и по количеству входивших в нее построек. Главный фасад ялуторовского особняка Колмаковых, построенного в 1896 г., имеет презентативную «классицистическую» трехчастную композицию, отмеченную фигурными аттиками, соединенными балюстрадой. Кирпичный декор фасадов основан на разнообразной стилизации различных архитектурных мотивов [8, с. 434]. Подобное пластическое решение имеют и фасады торгового дома Колмаковых в Тюмени. Это позволяет предположить, что заказчик отдавал предпочтение одному архитектору и единому подрядчику при строительстве объектов [9, с. 133].

Среди построек, формировавших застройку городской площади Ялуторовска, высокими архитектурно-художественными качествами обладало здание торгового дома купчихи И. В. Мясниковой, выстроенное в 1896 г. в характерной «краснокирпичной» стилистической манере.

< Рис. 5. а – деревянный гостинный двор Ялуторовска. Фото конца 1890-х; б – каменные постройки гостинного двора, на заднем плане усадьба А. В. Колмакова. Фото начала XX в.

Особую пластику фасадам придавали узкие ступенчатые ризалиты, акцентированные фигурными аттиками, с балконами второго этажа. Декоративное убранство фасадов дополняли рустованный первый этаж, широкий междуэтажный фриз, наличники окон с прямолинейными сандриками и высокий венчающий карниз со стилизованными кронштейнами. Для устройства главного входа в торговый зал использован довольно распространенный прием скошенного угла с усилением фасада балконом второго этажа и развитым фигурным аттиком. Въезд на территорию усадьбы осуществлялся через проездную арку с улицы Вознесенской [13, с. 291].

Особым событием в социально-экономическом развитии региона, в том числе и города Ялуторовска, стало строительство железной дороги Тюмень – Омск. Первоначально трассу железной дороги предполагалось провести на 30 км севернее города, через село Бердюгино. Таким образом, Ялуторовск как центр ведущего уезда Тобольской губернии, поставщика сельскохозяйственной продукции оказывался на значительном удалении от главной транспортной магистрали. Большую роль в изменении маршрута сыграло купеческое сообщество города и особенно К. С. Колмаков, который за собственные средства произвел технические изыскания и лично

доклаживал в департаменте железнодорожных дел в Санкт-Петербурге о выгодах изменения направления железной дороги. В конце 1907 г. Государственной Думой был принят закон о выделении средств для строительства железнодорожной ветки «Тюмень – Омск» через Ялуторовск [14, с. 81]. В 1909 г. начались строительные работы на трассе железной дороги, и в декабре 1911 г. открылось рабочее, а в ноябре 1913 – регулярное движение поездов по магистрали. С началом строительства железной дороги и включением Ялуторовска в систему железнодорожного сообщения между Европейской Россией и всей Сибирью экономическое развитие города и уезда несравнимо активизировалась. Если на начало века (1900) в городе не было промышленных предприятий (все 429 были сосредоточены в округе), то в 1911 г. фабрик и заводов в Ялуторовске насчитывалось уже 16, а в уезде 762 [14, с. 65, 89]. Однако следует отметить, что это были преимущественно мелкие предприятия мануфактурного характера всего с несколькими рабочими. Железная дорога стала основанием для строительства крупных промышленных предприятий. В 1912 г. вступил в строй комплекс паровой мельницы купчихи Е. Д. Гусевой, оснащенной современным оборудованием и электрическим освещением. В комплекс входили вну-

< Рис. 6. Паровая мельница Е. Д. Гусевой: а – фото начала XX в.; б – современное состояние

> Рис. 7. а – уездное духовное училище. Фото начала XX в.;
б – городская управа. Фото 1950-х

шительный четырехэтажный главный корпус мельницы и одноэтажные производственный цех и два склада, выполненные в характерной «краснокирпичной» стилистике промышленной архитектуры (рис. 6).

Сибирское купечество особое значение придавало благотворительной деятельности. Купцы осуществляли пожертвования на нужды города, народного образования, здравоохранения, культуры, церквям. Благотворительность рассматривалась «типичным явлением общественной жизни региона и касалась многих ее сторон» (4, с. 210). Не были исключением и представители купеческого сословия в Ялуторовске. Помимо собственных особняков, торговых и производственных строений, предприниматели жертвовали значительные суммы, а зачастую полностью на собственные средства строили в городе общественно значимые здания. В 1911 г. в Ялуторовске возводится новое здание городской управы. Основную часть требуемой на строительство суммы ссудил купец первой гильдии А. В. Колмаков, он же на собственные средства выстроил в городе больницу, освященную в ноябре 1912 г. За эти и прочие многочисленные благодеяния Ялуторовское городское управление в память о благотворителе постановило присвоить больнице его имя и ходатайствовать о присвоении Колмакову звания «почетный гражданин города Ялуторовска». На средства томского купца И. И. Колосова, уроженца села Кодского Ялуторовского уезда, на ул. Вознесенской построено и открыто при его участии 22 июля 1890 г. одноэтажное каменное здание уездного училища (рис. 7) [8, с. 431]. Значительные суммы на строительство, обустройство и содержание учебных заведений города жертвовали купец Н. Я. Балакшин, купчихи Е. Д. Гусева, И. В. Мясникова и др.

Начавшееся в первые десятилетия XX в. активное социально-экономическое развитие Ялуторовска было приостановлено мировой войной и полностью прервалось в связи с революциями и последующей Гражданской войной. В итоге кардинальных социальных перемен купечество как основной движитель экономического прогресса XIX – XX вв. проиграло в политической борьбе и было ликвидировано как класс.

В советский период в архитектурно-исторической среде Ялуторовска произошел целый ряд крайне негативных изменений. В начале 1930-х гг. в рамках большевистской антирелигиозной кампании были разрушены Сретенский и Вознесенский храмы. Город лишился главных объектов градостроительной пространственной организации. Помимо уничтожения ведущих архитектурных сооружений, что привело к потере визуальной ориентации в городской среде и выразительного силуэта города, была стерта традиционная, устоявшаяся годонимическая навигация. Улица Революции, одна из центральных городских магистралей, первоначально именовавшаяся Старотеграфной в память о монаршем визите 1837 г. наследника престола великого князя Александра Николаевича и в преддверии подготовки к 300-летию Дома Романовых в 1911 г. переименована в Царскую.

После Октябрьской революции 1917 г. улица получила название Революционная, после смерти «вождя всех времен и народов» Иосифа Сталина в 1953 г. улице присвоили его имя, но в 1960 г. после XX съезда партии она получила свое современное название – улица Революции. Современная улица Первомайская прежде называлась Вознесенской по названию стоявшего на ней Храма во имя Вознесения Господня. В 1919 г. ревком большевиков постановил переименовать ее в улицу Первого Мая, и уже 20 апреля 1920 года улицу назвали Первомайской. Этим же постановлением площадь у Сретенского собора получила наименование «Площадь Труда». В шестидесятые годы ее называли «Площадь имени Ленина» где и был установлен памятник вождю. В восьмидесятые памятник за ветхостью убрали, и произошла реанимация старинного названия – Базарная, Рыночная площадь. Улица Сретенская, ведущая к соборной церкви, после смерти вождя пролетариата в 1924 г. была переименована в улицу Ленина. В начале двухтысячных городская Дума в преддверии 350-летия города вернула старой площади имя Сретенская.

В этот период был утрачен, видоизменен либо получил новую функцию целый ряд значимых дореволюционных построек, формировавших своеобразный архитектурный облик центральной части города. Из всего комплекса торгово-жилой усадьбы купца А. В. Колмакова сохра-

< Рис. 8. Общие виды на здания торговых домов Николаевского и Пантелеева.
Фото конца 1950-х

нился лишь главный особняк и фрагмент каменных ворот; в настоящее время в здании располагается администрация Ялуторовского района. Полицейское управление утратило первоначальный облик фасадов и характерную пожарную каланчу на крыше здания, используется как банковское учреждение. Торговый дом купчихи И. В. Мясниковой был достроен новым объемом по ул. Первомайской (бывш. Вознесенской) с имитацией фасадного декора исторического здания; сегодня это здание городского почтамта. На месте деревянного усадебного комплекса купчихи выросло крупное производственное сооружение связи, сегодня принадлежащее Ростелекому.

В 1934 г. началось строительство клуба; последующие реконструкции преобразовали его в Дом культуры – массивное здание, полностью перекрывшее перспективу ул. Ленина (бывш. Сретенской). Бывшие купеческие торговые дома Пантелеева и Николаевского по ул. Революции (бывш. Царской) в 1970-е гг. достроены с имитацией фасадов, образовав таким образом единое строение, используемое в настоящее время городским отделом полиции. То обстоятельство, что объекты культурного наследия были включены в комплекс и обстроены поздними сооружениями весьма невысокого архитектурного качества, привело к утрате большей степени композиционной значимости застройки улицы. В данном случае пристройки поздних объемов с попыткой имитации исторических объектов являют собой негативный пример реконструкции историко-архитектурной среды центра исторического города. Первоначальный облик этих зданий можно представить с помощью приведенных графических реконструкций, выполненных авторским коллективом по результатам комплексных научных исследований и включающих детальное натурное обследование объектов.

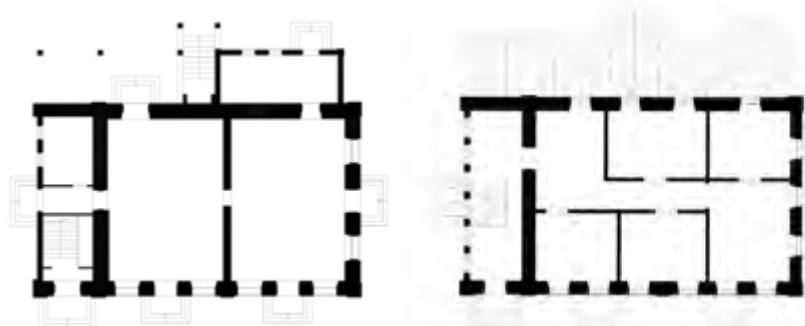
Большую помощь в проектном воссоздании фасадов зданий оказали архивные материалы из фондов Ялуторовского музейного комплекса. Дом купца Пантелеева занимает угловое положение в застройке квартала и является более ранней постройкой, о чем свидетельствует его объемно-планировочная структура и характер декоративного убранства. В большей степени здание отража-

ет переходный этап трансформации характерного и очень распространенного двухэтажного жилого каменного либо деревянного дома в типологически новый объект застройки – «торговый дом». Здание демонстрирует все признаки крупного жилого особняка – основной объем, к которому сбоку выполнена двухэтажная пристройка парадного входа, акцентированная балконом второго этажа. Очень распространенным явлением в жилых домах было наличие на втором этаже входного пристроя – закрытой деревянной веранды. В доме Пантелеева этот элемент также присутствует, скрытый за продолжением кирпичной фасадной стены. Для функционирования здания в качестве торгового дома на первом этаже устроены два крупных торговых зала, разделенных поперечной несущей стеной, выполнены входные проемы по обоим уличным фасадам, а также под всем зданием расположен подвал для хранения товаров. Второй этаж здания имел коридорную систему планировки и использовался хозяевами под жилье.

Дом купца Николаевского, построенный несколько позже, наряду с устоявшимися приемами пластического решения фасадов в «краснокирпичной» стилистике, отражает новые черты архитектурно-планировочной организации здания как «торгового дома» (рис. 8). Расположенное в ряду застройки здание получило развитие в глубину усадьбы. Планировка первого этажа состоит из двух блоков – крупного торгового зала со входом с улицы и блока подсобных и конторских помещений с отдельным входом со двора. Вход в жилые помещения второго этажа осуществляется со двора в самостоятельном деревянном пристрое с одномаршевой лестницей, также отдельный вход имеет лестница, ведущая в подвал для хранения товаров, расположенный под торговым залом. Главный фасад по ул. Революции (бывш. Царской) имеет распространенную симметричную композицию, хотя ось симметрии в данном случае фиксируется очень слабо и определяется главным входом в торговый зал магазина, несколько обособленным центральным окном из семи по второму этажу и группой из трех декоративных столбиков на крыше. Крупные квадратные окна торгового зала на первом этаже нюансно ассоциируются с веяниями «нового стиля» (рис. 9–10).

^ v Рис. 9. Графическая реконструкция дома купца Пантелеева: а – главный фасад; б – боковой фасад; в – план первого этажа; г – план второго этажа

С начала 2000-х гг. в Ялуторовске наметились позитивные тенденции к регенерации его архитектурно-исторической среды. 26 августа 2003 г. был освящен закладной камень к воссозданию утраченного Сретенского собора, 8 июня 2009 г. во вновь отстроенном храме прошла первая Божественная литургия, с 2012 г. храм открылся для посетителей. Город вновь обрел свой духовный и архитектурно-градостроительный центр (рис. 11).

В 2007 г. открылась Православная гимназия по ул. Первомайской (бывш. Вознесенской) в отреставрированном бывшем уездном духовном училище, построенном купцом И. И. Колосовым в 1890 г.: здание вновь вернулось к своему первоначальному назначению. В отреставрированных бывших гостиных рядах разместились музейная экспозиция, введен в действие целый ряд объектов Ялуторовского музейного комплекса.

5. Заключение

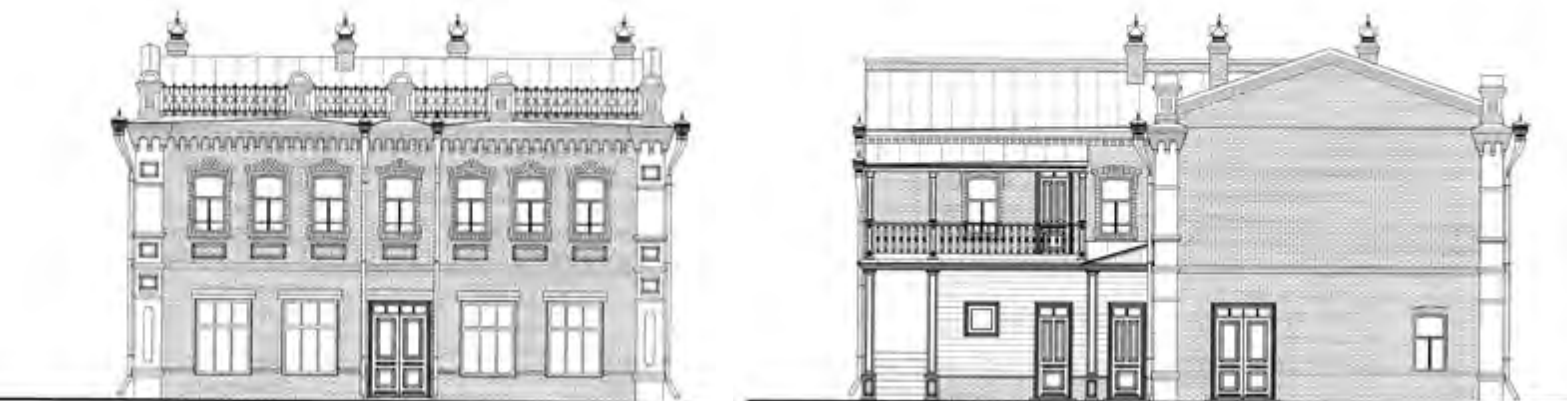
Исследование купеческой застройки дает возможность погрузиться в историческую среду города, понять его самобытный архитектурно-исторический облик. Несмотря на все изменения, дореволюционные постройки Ялуторовска и сегодня являются главными объектами, определяющим своеобразие архитектурно-исторической среды города конца XIX – начала XX века. Наметившийся процесс их возрождения дает основание полагать, что бережное отношение к культурному наследию станет нормой, а городское сообщество продолжит созидательные традиции именитого ялуторовского купечества.

Вопросы сохранения купеческой застройки различного назначения необходимо решать комплексно.

Литература

1. Памятная книжка Тобольской губернии на 1864 год. – Тобольск : Тип. губ. упр., 1864. – 170 с.
2. Гайдук, М. Ю., Ситникова, Е. В. Роль купечества в формировании застройки городов Западной Сибири в XIX – начале XX века (на примере Тюмени и Тобольска) // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. – 2020. – Т. 22. – № 2. – С. 72–89
3. Государственное учреждение Тюменской области «Ялуторовский музейный комплекс» : Документальные коллекции и фотодокументы. – ЯМК-2822, ЯМК-2804/10
4. Бойко, В. П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII – XIX в. Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории : монография. – Томск: Изд-во ТГАСУ, 2009. – 308 с.
5. Бойко, В. П., Ситникова, Е. В., Богданова, О. В., Шагов, Н. В. Формирование архитектурного облика городов Западной Сибири в XVII – начале XX в. и местное купечество (Тобольск, Тюмень, Томск, Тара, Омск, Каинск). – Томск : ТГАСУ, 2017. – 324 с.
6. Задорожня, О. А. Экономическая роль купечества Западной Сибири в последней четверти XIX века // Актуальные вопросы истории Западной Сибири. Сб. науч. трудов. – Сургут: СГУ, 2010. – С. 23–50
7. Щеглова, Т. К. Ярмарки Западной Сибири и Степных областей во второй половине XIX века: из истории российско-азиатской торговли : монография. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 2002. – 234 с.
8. Козлова-Афанасьева, Е. М. Архитектурное наследие Тюменской области : Научный каталог. – Тюмень : 000 «Искусство», 2008. – 488 с.
9. Клименко, А. И., Гайдук, М. Ю. Типология застройки сибирских городов рубежа XIX – XX вв. На примере объектов, построенных на средства купеческой семьи Колмаковых // Архитектура : сборник научных трудов. – Минск : БНТУ, 2019. – Вып. 12. – С. 133–139
10. Горбачев, В. Т., Крадин Н. Н., Крадин, Н. П., Крушлинский, В. И., Степанская, Т. М., Царев, В. И. Градостроительство Сибири. – Санкт-Петербург : Коло, 2011. – 784 с.
11. Ялутур-городок : Историко-краеведческий альманах / под ред. П. К. Белоглазова. – Ялуторовск : филиал «Ялуторовская типография», 2013. – Вып. 8. – 204 с.
12. Памятная книжка Тобольской губернии на 1910 год. – Тобольск : Тип. Губ. упр., 1910. – 270 с.
13. Копылов, В. Е. Окрик памяти : (история Тюменского края глазами

^ в Рис. 10. Графическая реконструкция дома купца Николаевского: а – главный фасад; б – боковой фасад; в – план первого этажа; г – план второго этажа

инженера) : в 2 кн. – Тюмень : ИФ «Слово», 2000. – Книга первая. – 336 с.

14. Летопись. От Елисея Гилева и Петра Ульянова до наших дней / сост. Т. Г. Бурлакова; под ред. П. Белоглазова. – Тюмень : ИД «Три Т», 2009. – 240 с.

References

Beloglazov, P. (Ed.) (2009). Letopis'. Ot Eliseya Gileva i Petra Ulyanova do nashikh dnei [Chronicle. From Elisey Gilev and Petr Ulyanov to the present day]. Tyumen: ID "Tri T".

Beloglazov, P. K. (Ed.) (2013). Yavlutur-gorodok: Istoriko-kraevedcheskii al'manakh [A small town of Yavlutur: Historical and regional anthology], issue 8. Yalutorovsk: filial "Yalutorovskaya tipografiya".

Boiko, V. P. (2009). Kupechestvo Zapadnoi Sibiri v kontse XVIII - XIX v. Oчерки sotsial'noi, otraslevoi i mental'noi istorii [Merchants of Western Siberia at the end of the XVIII-XIX century. Essays on social, sectoral and mental history]. Tomsk: Izd-vo TGASU.

Boiko, V. P., Sitnikova, E. V., Bogdanova, O. V., & Shagov, N. V. (2017). Formirovaniye arkhitekturnogo oblika gorodov Zapadnoi Sibiri v KhVII – nachale KhKh v. i mestnoye kupechestvo (Tobol'sk, Tyumen', Tomsk, Tara, Omsk, Kainsk) [Formation of the architectural appearance of the cities of Western Siberia in the XVII - early XX century. and local merchants (Tobolsk, Tyumen, Tomsk, Tara, Omsk, Kainsk)]. Tomsk: TGASU.

Gaiduk, M. Yu., & Sitnikova, E. V. (2020). Rol' kupechestva v formirovaniye zastroiki gorodov Zapadnoi Sibiri v XIX – nachale XX veka (na primere Tyumeni i Tobol'ska) [The role of merchants in the formation of the development of cities of Western Siberia in the XIX - early XX centuries (using the example of Tyumen and Tobolsk)]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta, 22(2), 72-89.

Gorbachev, V. T., Kradin, N. N., Kradin, N. P., Krushlinskii, V. I., Stepankaya, T. M., & Tsarev, V. I. (2011). Gradostroitel'stvo Sibiri [Urban planning of Siberia]. Saint Petersburg: Kolo.

Gosudarstvennoye uchrezhdeniye Tyumenskoi oblasti «Yalutorovskii muzeinyi kompleks» [State institution of the Tyumen region "Yalutorovskiy museum complex"]. Dokumental'nye kollektzii i fotodokumenty: YaMK-2822, YaMK-2804/10.

Klimenko, A. I., & Gaiduk, M. Yu. (2019). Tipologiya zastroiki sibirskikh gorodov rubezha XIX - XX vv. Na primere ob'ektov, postroennykh na sredstva kupecheskoi sem'i Kolmakovykh [Typology of the development of Siberian cities at the turn of the 19th - 20th centuries. On the example of objects built at the expense of the Kolmakov merchant family]. In Arkhitektura: sbornik nauchnykh trudov (Issue 12, pp. 133-139). Minsk: BNTU.

Kopylov, V. E. (2000). Okrik pamyati (Istoriya Tyumenskogo kraia glazami inzhenera) [The shout of memory (History of Tyumen Krai through the eyes of an engineer)]. Book 1. Tyumen: IF "Slovo".

Kozlova-Afanasyeva, E. M. (2008). Arkhitekturnoye nasledie Tyumenskoi oblasti. Nauchnyi katalog [Architectural heritage of the Tyumen region. Scientific catalogue]. Tyumen: OOO "Iskusstvo".

Pamyatnaya knizhka Tobol'skoi gubernii na 1864 god [Memorandum book of Tobolsk Governorate for the year of 1864] (1864). Tobolsk: Tip. gub. upr.

Pamyatnaya knizhka Tobol'skoi gubernii na 1910 god [Memorandum book of Tobolsk Governorate for the year of 1910] (1910). Tobolsk: Tip. Gub. upr.

Shcheglova, T. K. (2002). Yarmarki Zapadnoi Sibiri i Stepnykh oblastei vo vtoroi polovine XIX veka: iz istorii rossiisko-aziatskoi torgovli [Fairs of Western Siberia and Steppe regions in the second half of the XIX century: from the history of Russian-Asian trade]. Barnaul: Izd-vo BGPU.

Zadorozhnyaya, O. A. (2010). Ekonomicheskaya rol' kupechestva Zapadnoi Sibiri v poslednei chetverti XIX veka [The economic role of the merchants of Western Siberia in the last quarter of the XIX century]. In Aktual'nye voprosy istorii Zapadnoi Sibiri. Sb. nauch. Trudov (pp. 23-50). Surgut: SGU.

в Рис. 11. Вид на воссозданный Сретенский собор. 2020

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90071 / The reported study was funded by RFBR, project number 19-312-90071

Проанализирован опыт графической реконструкции утраченной Новопокровской церкви архитектора Н. М. Соколова в Ростове-на-Дону. Была поставлена цель на основании проведенных историко-архивных исследований документов и сохранившихся изображений, а также натуральных обследований местности провести визуальную реконструкцию утраченного архитектурного объекта исторической архитектуры. Проведено исследование истории строительства Новопокровской церкви. Произведена визуальная реконструкция церкви, утраченной в современных городских условиях.

Ключевые слова: архитектура; визуальная реконструкция; «кирпичный стиль»; псевдорусский стиль; Новопокровская церковь; Ростов-на-Дону; архитектор Н. М. Соколов. /

The article analyses the graphic reconstruction of the lost Novopokrovskaya Church in Rosov-on-Don by architect N. M. Sokolov. The goal was to carry out visual reconstruction of the lost historic building on the basis of historical and archival studying of documents and extant images, as well as field studies. The history of the construction of the Novopokrovskaya Church was studied. The visual reconstruction of the church lost in the modern urban environment was carried out.

Keywords: architecture; visual reconstruction; “brick style”; neo-Russian style; Novopokrovskaya Church; Rostov-on-Don; architect N. M. Sokolov.

Визуальная реконструкция Новопокровской церкви в Ростове-на-Дону/ Visual reconstruction of Novopokrovskaya Church in Rostov-on-Don

текст

Юлия Петрусенко
Южный федеральный университет
Анна Иванова-Ильчева
Южный федеральный университет /

text

Yuliya Petrusenko
Southern Federal University
Anna Ivanova-Ilicheva
Southern Federal University

Введение

Статья посвящена исследованию истории и графическому воссозданию Новопокровской церкви, построенной по проекту ростовского городского архитектора Николая Матвеевича Соколова в 1897 г. Великолепное произведение искусства было разрушено в 1930 г. Сохранились отдельные графические материалы, дающие возможность воссоздать данный объект. В статье на примере утраченного объекта – Новопокровской церкви в Ростове-на-Дону – раскрывается проблема восстановления объекта архитектурного наследия на прежнем месте с учетом существующей застройки. При этом решается задача иллюстрации творческого метода архитектора Н. М. Соколова.

В настоящее время актуальным вопросом историко-архитектурной науки является изучение творчества столичных и провинциальных мастеров архитектуры, которые внесли весомый вклад в развитие архитектуры. Данное направление исследований представляется важным в связи с возросшим интересом к историко-архитектурному наследию второй половины XIX – начала XX вв. как с историко-теоретической, так и практической точки зрения.

Для проведения историко-архитектурного анализа и детального изучения материалов, касающихся заявленной темы, были рассмотрены труды, посвященные истории и архитектуре городов, в которых учился и работал Николай Матвеевич Соколов: Г. В. Барановского [1; 2]; В. Н. Лобжанидзе, Г. Ф. Лаптева [3]; Л. Ф. Волошиновой [4; 5]; А. М. Ивановой-Ильчевой [6]. Авторы опирались на работы исследователей, посвященные историко-архитектурному наследию городов: Г. В. Есаулова, В. А. Черницыной [7]; Г. В. Есаулова [8]; Г. А. Иноземцева, Г. Н. Захарьянц, П. В. Семерина [9; 10]. Были изучены материалы Центрального государственного исторического архива (ЦГИА) Санкт-Петербурга, в частности, личное дело воспитанника Николая Матвеевича Соколова периода его обучения в Институте гражданских инженеров (1880–1885) [11]. С целью уточнения деталей биографии и деятельности Соколова этого периода рассмотрены архивные документы Государственного архива Ростовской области (ГАРО) [12]. Для анализа привлекалась специальная

литература по архитектуре утраченных и сохранившихся православных храмов: публикации Е. И. Малаховского [13], Е. Р. Возняка [14], Л. Крещановского [15].

Методы исследования

Произведена визуальная реконструкция утраченной Новопокровской церкви в современных городских условиях на ее историческом месте. Для этого использованы историко-архивные и натурные исследования, сравнительный, графический и искусствоведческий анализ; метод аналогий. Все исследовательские методы базируются на детальном изучении истории создания, изменении во времени архитектуры Новопокровской церкви; выявлении особенностей творческой деятельности архитектора Н. М. Соколова, отразившихся в архитектуре. В научный оборот впервые вводятся новые фактологические данные об архитекторе Н. М. Соколове, базирующиеся на его личном деле в период обучения в Институте гражданских инженеров, а также материалы Центрального государственного исторического архива (ЦГИА) Санкт-Петербурга [11].

История строительства Новопокровской церкви

Соколов Николай Матвеевич (1859–1906) – последователь рационализма в архитектуре второй половины XIX века, один из известнейших архитекторов Ростова-на-Дону. Но его творчество изучено недостаточно. В формировании исторической части города осталось много памятников, в создании которых Соколов принимал активное участие, будучи на посту городского архитектора с 1887 по 1906 гг.: «<...> под руководством Николая Матвеевича Соколова была упорядочена и перестроена часть города, именуемая «Богатый источник». Сообразно его правам и обязанностям на посту городского архитектора и под его руководством проложены новые улицы, сформированы конно-железная дорога и мостовая, а также запроектировано значительное количество объектов» [16, с. 59]. Большая часть объектов, возведенных по его проектам, причислена к объектам культурного наследия регионального и даже федерального значения. Истоки архитектуры Новопокровской церкви, построенной по проекту Соколова, уходят далеко за пределы будущего Ростова. Первая церковь в честь Покрова Пресвятой Бо-

в Рис. 1. Предполагаемый вид первой ростовской Покровской церкви. Постройка 1762 [13]

< Рис. 2. Чертеж второго Покровского храма [13]

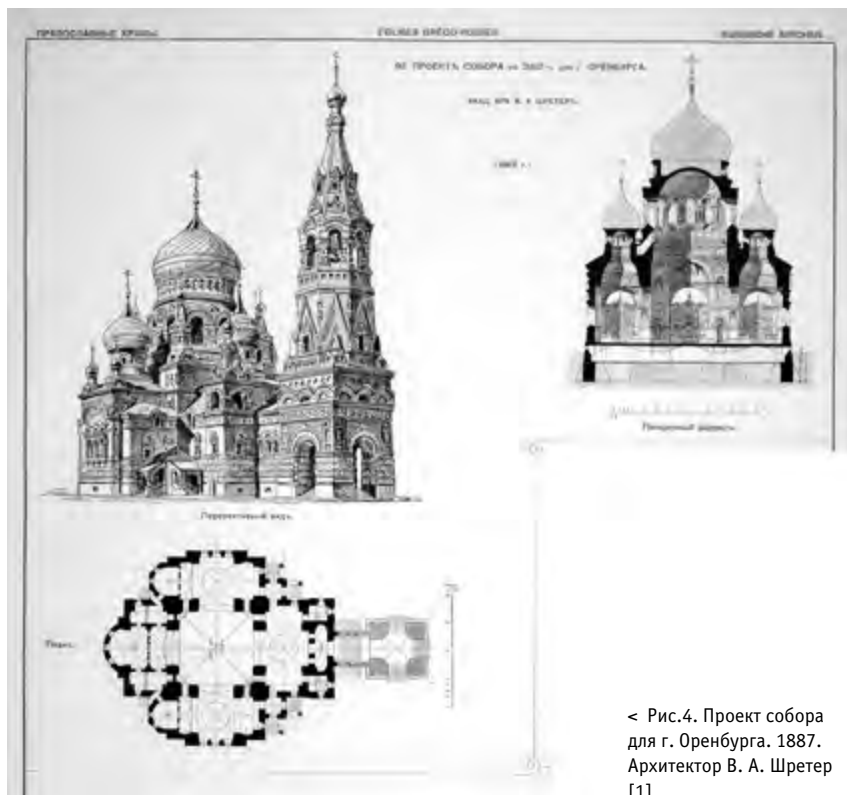
< Рис. 3. Новопокровская церковь. Ростов-на-Дону. 1897. Архитектор Н. М. Соколов [17]

городицы была построена в 1731 г. на территории крепости Святой Анны; крепость располагалась за Черкасском, откуда в народе пошло название церкви – «крепостная». Через тридцать лет церковь была перенесена в крепость Дмитрия Ростовского; при разборке было пронумеровано каждое бревно для наиболее точного восстановления на новом месте. Церковь располагали на самом выгодном месте – в центре крепости. В этот период она была небольшой, деревянной, построенной на средства воинской казны и предназначена в первую очередь для военнослужащих. Облик той деревянной церкви не сохранился. Известно только, что «<...> ростовская церковь повторяла формы храма в крепости Святой Анны» [13, с. 52]. На основании сохранившихся подробных свидетельств можно предположить, что «<...> это был небольшой деревянный крестово-купольный храм, план которого включал паперти с запада, юга и севера и прямоугольную апсиду с востока. Над притвором имелась звонница, а центральный купол покоился на восьмигранном барабане. Над апсидой с двускатной крышей находилась маленькая главка» [2, с. 53]. В 1869 г. организован приход, и вместо военных церковных служителей в Покровскую церковь назначен отец Ф. С. Руднев [13, с. 131]. С увеличением населения возникла потребность и в увеличении размеров церкви. С благословения архиепископа Смоленского и Херсонского преосвященного Никифора в 1782 г. приступили к сооружению нового храма. 24 сентября 1784 г. вновь выстроенную из толстого соснового леса Покровскую церковь освятили [3, с. 131].

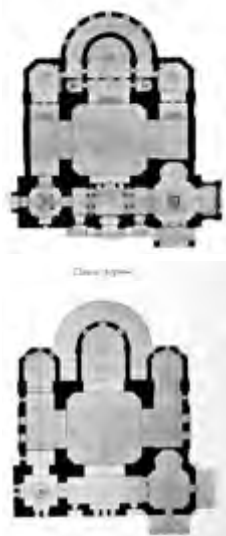
Новая кирпичная трехпрестольная церковь построена по проекту Николая Матвеевича Соколова и получила название Ново-Покровской, а поврежденную вследствие пожара деревянную церковь стали называть Старо-Покровской. Изначально здание Новопокровской церкви (1897) располагалось примерно на углу ул. Большой Садовой и названного в честь церкви Покровского переулка (ныне – переулок Журавлева). Новопокровская церковь поднялась рядом со старой деревянной, простоявшей в Ростове более 100 лет, еще со времен крепости [5]. «Новый каменный Покровский храм был заложен 16 августа 1897 года западнее поврежденного пожаром деревянного храма непосредственно на углу Богатын-

ского переулка (ныне Кировского проспекта) и улицы Большой Садовой» [13, с. 58].

Кроме Покровского престола, храм имел два придела: правый – во имя Святителя Дмитрия, митрополита Ростовского, левый – во имя Святого Великомученика Георгия Победоносца. Внешним видом своим церковь напоминала церковь в Борках [15]. Храм построен в русском стиле, богато украшен кирпичным узором, словно окутан кружевом: «Он имел внушительные размеры: ширина – 16 сажений (34 м), длина – 25 сажений (53 м), высота вместе с крестом – 25 сажений (53) и высота звонницы – 35 сажений (74,5 м)» [13, с. 59]. Облик храма

< Рис.4. Проект собора для г. Оренбурга. 1887. Архитектор В. А. Шретер [1]

сформирован пятиглавием завершений крыши с центральным световым барабаном – основной доминантой и куполом. Приделы имели высокие шатры с главками, самым высоким объемом была двухъярусная звонница с надстроенным шатром [13, с. 59–60]. Интерьер храма имел богатую отделку, ее выполняла фирма Э. Р. Менциони. Художники И. В. Лавров и Я. И. Смирнов расписывали своды, купола и стены храма. Покровский храм – первый в Ростове-на-Дону, полностью оборудованный электрическим освещением. Главный колокол храма весил 300 пудов (5,1 т). Церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы просуществовала неполных четверть века. В 1928 г. ее передали представителям «Живой церкви», т. е. иерархам обновленческого раскола, а затем из-за «сговорчивости» просоветской общины в 1930 г. храм был закрыт и разрушен [13, с. 59]. На месте храма позднее установили столб с городскими часами, а впоследствии построили фонтан. Покровский базар закрыли,

на его месте обустроили сквер. В начале XXI века стали поднимать вопрос о восстановлении храма. Он был открыт 11 ноября 2007 г. по проекту архитектора Г. А. Шевченко. К сожалению, облик современного храма далек от построенного Н. М. Соколовым.

Кроме исторических фотографий, не сохранилось никаких чертежей, дающих нам подробную информацию о Новопокровском храме.

Аналоги Новопокровской церкви: образное сходство и планировочные решения

Авторами проведено исследование по поиску его аналогов с целью восстановления планировочного решения. За основу воссоздания плана церкви были взяты основные габариты, известные из источников, проанализирован абрис плана по старым картам Ростова-на-Дону периода, когда церковь еще существовала.

Исследование основывается на анализе Ю. В. Петрусенко [18] о наставниках Н. М. Соколова – преподавателях Института гражданских инженеров В. А. Шретере и И. С. Китнере. При сравнении творчества педагогов и Соколова упоминается Новопокровская церковь (архитектор Н. М. Соколов) и второй конкурсный проект храма в память императора Александра II (архитектор В. А. Шретер). Подтверждается значительное сходство объемно-планировочного решения рассматриваемых храмов: «В плане храм представлен в виде квадрата с выступающими частями апсиды и придела. Слева к пятиглавому собору примыкала колокольня, завершенная шатром с главкой, окна с фигурным обрамлением, колонки, кокошники придавали храму узорчатый нарядный вид» [18, с. 76].

Для визуальной реконструкции Новопокровской церкви рассмотрен еще один проект преподавателя-наставника Н. М. Соколова – 3-й вариант проекта собора в Оренбурге (1884) архитектора Шретера. Это уже третий его проект; первоначально храм создавался в византийском стиле на конкурс 1879 г. [19, с. 40–41]. Затем был составлен проект на основе проекта В. П. Леонова [19, с. 3; 5]. И только в третьем варианте 1884 г. появилась шатровая колокольня. Проект так и не был реализован из-за нехватки средств.

У выбранных аналогов явно выражено образное сходство и авторство В. А. Шретера, оказавшего большое влияние на Соколова в годы обучения в Институте гражданских инженеров, заложившего основы «рациональной архитектуры», которые прослеживаются во всей практической и теоретической деятельности Н. М. Соколова.

Рассмотрим планировочные схемы упомянутых выше проектов: 3-й вариант проекта собора в Оренбурге (1884) и второй конкурсный проект храма в память императора Александра II, чтобы понять взаимосвязь, проанализировать планировочные решения и вывести схему плана утраченной Новопокровской церкви. Планы каждого из храмов представляют собой трехчастную структуру согласно церковным канонам: притвор, средняя часть храма, алтарь. Притвору предшествует площадка перед входом, именуемая папертью. На площадку обязательно ведут ступени; этот прием возвышения имеет символическое значение – возвышение Церкви над миром.

Следующей за притвором идет средняя часть храма, она располагается между притвором и алтарем. Главнейшей частью любого храма является алтарь, к нему имеют доступ только священнослужители. Алтарь всегда обращается на восток, это связано с символикой церковной архитектуры. Архитектурно-планировочное решение храма задает путь приходящего в храм верующего с запада на восток, от притвора к алтарю, тем самым символизируя движение от тьмы к свету, от зла ко Христу [14]. «Главный алтарь в длину и ширину не должен быть

^ v Рис. 5. Второй конкурсный проект храма на месте, где был ранен император Александр II. 1884. Архитектор В. А. Шретер [20]

^ Рис. 6. Визуальная реконструкция Новопокровской церкви. 3D-модель. Фасад по ул. Большой Садовой, Ростов-на-Дону. 2021. Автор Ю. В. Петрусенко

^ Рис. 7. Визуальная реконструкция Новопокровской церкви. 3D-модель. 2021. Автор Ю. В. Петрусенко

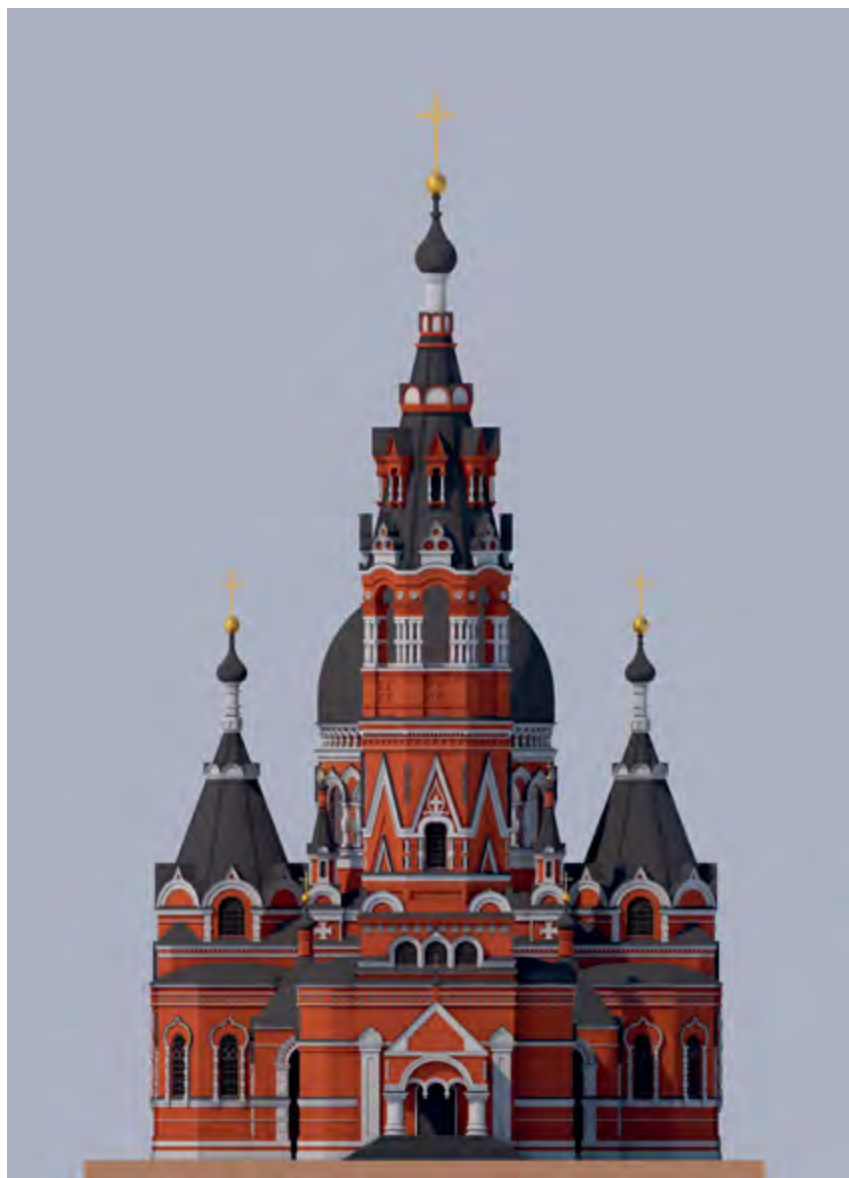
менее трех саженей. В больших храмах размер алтаря может достигать 100–150 м» [21].

Между средней частью и алтарем расположен иконостас. Иконостас, как и алтарь, располагается на возвышении относительного общего уровня пола храма. Данное возвышение именуется солея, на нее входят только ведущие службу или люди, проходящие обряд причастия. Немаловажным качеством храмов являются акустические свойства: исторически сложившиеся пропорции пространства храма, где большое значение имеет высота, оказывают огромное влияние на создание его хорошей акустики. Чтобы звук не пропадал, никогда не делают отверстия над алтарем, хорами и клиросами. В плане алтарь может быть различной формы: полукруг, квадрат, сектор от восьмиугольника, но предпочтение отдается полукругу или алтарю с несколькими гранями [22].

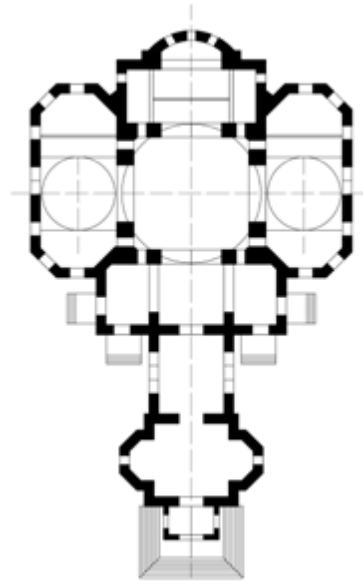
Каждый храм имеет определенный набор помещений, которые подразделяются на основные и вспомогательные. К основным относятся: притвор, алтарь, средняя часть храма, хоры, ризница, пономарня, звонница. Вспомогательные включают комнату отдыха священно- и церковнослужителей, канцелярию, просвирию, склады, туалеты и технические помещения. Главные помещения должны быть четко отделены от вспомогательных. Рассматриваемые нами храмы имеют все вышеперечисленные части и основной набор помещений. Но в проекте Шретера второй конкурсный вариант храма на месте, где был ранен император Александр II, включает дополнительный уровень с хорами. Такой прием осуществляется, когда нет возможности расположить церковные хоры на солее или на открытых галереях, балконах, то устраиваются огражденные помосты в средней части храма. В обычном решении при отсутствии этого уровня церковные хоры размещают в клиросах по бокам солеи. Клиросы отделяются от средней части храма киотами для икон.

Объемно-планировочное решение храмов жестко обуславливалось церковным канонами. Основным типом приходского храма для большого города является церковь с приделами. Способ присоединения приделов играет немаловажную роль в формировании объемно-планиро-

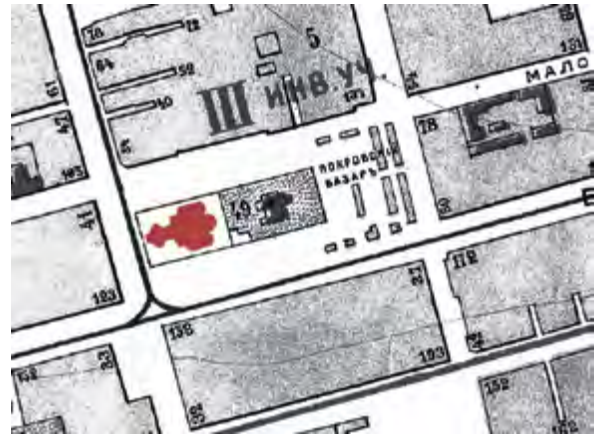
v Рис. 8. Визуальная реконструкция Новопокровской церкви. 3D-модель. Фасад по Кировскому проспекту, Ростов-на-Дону. 2021. Автор Ю. В. Петрусенко

> Рис. 9. Визуальная реконструкция Новопокровской церкви. Схема восстановленного плана. 2021. Автор Ю. В. Петрусенко

< Рис. 10. Визуальная реконструкция Новопокровской церкви. Ситуационный план. Фрагмент карты Ростова-на-Дону. 1902

вочного решения многопрестольного храма (рассматриваемого в нашем случае).

Приделы являются дополнительной частью храма, они позволяют совершать несколько служб одновременно. Каждый придел включает в себя среднюю часть и алтарь; его пространство должно быть отделено от пространства главного храма, а также иметь свою главу с крестом. Максимальный размер придела может быть равен пространству у главного престола. Помимо основных помещений, функционально-планировочная структура храма имеет также подсобные помещения: пономарня, дьяконник, покойница. Дьяконник расположен с южной стороны от алтаря, в нем хранятся священные сосуды и облачения в не богослужбное время. Пономарня ориентирована на север от алтаря, предназначена для приготовления предметов к литургии. В каждом рассматриваемом проекте – проект собора в Оренбурге, второй конкурсный проект храма в память императора Александра II – имеются приделы с двух сторон. Существует несколько вариаций устройства приделов относительно основного объема храма: приделы присоединяются к притвору, к передней части храма; приделы присоединяются к средней части храма, в этом случае алтари притворов располагаются западнее главного алтаря; приделы вписаны в единый объем храма, при этом алтари расположены по одной линии и примыкают друг к другу. Самый распространенным способом расположения приделов является способ, когда они вписаны в единый объем здания. Этот способ возможен только в крестово-купольных и зальных храмах [14]. В рассматриваемых проектах соборов видно, что приделы присоединены к средней части храма, а алтари приделов находятся не на одной линии, но расположены западнее относительно главного алтаря.

Система рассматриваемых храмов крестово-купольная, ее основу составляет прямоугольный объем, образованный стенами здания. Внутри расположены свободно стоящие четыре столба, соединенные со стенами и между собой арками, несущими своды. Четыре столба образуют средокрестие храма. Завершение каждого из рассматриваемых храмов сформировано пятиглавием с центральным световым барабаном и куполом, приделы имеют в обоих случаях шатровые завершения. Отличие второго

конкурсного проекта храма на месте, где был ранен император Александр II, заключается в наличии двухъярусной звонницы с надстроенным шатром.

В результате исследования и детального рассмотрения архитектуры двух храмов по проектам В. А. Шретера можно сделать вывод, что по образу и объемному решению, расположению определенных частей и элементов у храмов имеются явные характерные черты, следовательно, и планировочные решения аналогичны. Тем самым на основе аналогов рассмотренных храмов нами составлена схема плана Новопокровской церкви, вписана в ее историческое место на карте города Ростова-на-Дону 1902 г., создана 3D-модель и расположена уже в современной структуре города Ростова-на-Дону с того ракурса, который удалось восстановить на основе исторических фотографий.

Выводы

Визуальная реконструкция утраченного объекта исторической архитектуры требует решения ряда взаимосвязанных задач:

1. осмысление ценности и значимости данного объекта, подтверждающей необходимость проведения мероприятий по его географическому воссозданию;
2. определение достаточности научной информации по объекту, имеющихся историко-архивных данных, графических материалов, материалов натурных обследований;
3. оценка доступности для обследования места расположения утраченного памятника;
4. выбор методов исследования и визуальной реконструкции.

При графической реконструкции здания Новопокровской церкви использованы следующие методы:

1. результаты натурных обследований места, где располагался утраченный объект;
2. сохранившиеся материалы, описывающие объект исследования;
3. изучение исторических фотографий и метод фотограмметрии;
4. Исследование творческого метода архитектора, создавшего объект – Н. М. Соколова.

Литература

1. Барановский, Г. В. Архитектурная энциклопедия второй половины XIX века : в 7 т. – Санкт-Петербург : Издание журнала «Строитель», 1902–1908. – Т. 1. Архитектура исповеданий, 1902. – 449 с.
2. Барановский, Г. В. Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров (Строительного училища) 1842–1892. – Санкт-Петербург : Типо-литография К. Л. Пентковского, 1893. – Вып. 1. – 400 с. : ил.
3. Лобжанидзе, В. Н., Лаптев, Г. Ф. Путешествие по старому Ростову. – Ростов-на-Дону: Донагрейн, 1997. – 186 с.
4. Волошинова, Л. Ф. Перекресток столетий. Судьбы улиц, площадей, зодчих. – Ростов-на-Дону : Донской издательский дом, 2004. – 224 с. : ил.
5. Волошинова, Л. Ф. Счастливый человек // Новая городская газета. – 1998. – 13–19 февраля. – С. 6–7
6. Иванова-Ильичева, А. М. Рационалистические тенденции в архитектуре городов Нижнего Дона и Приазовья второй половины XIX – начала XX вв. : На примере Таганрога, Ростова-на-Дону и Нахичевани-на-Дону, Новочеркасска. – Москва, 2000. – 359 с. : ил.
7. Есаулов, Г. В., Черницына, В. А. Архитектурная летопись Ростова на Дону. – Ростов-на-Дону, 1999. – 303 с. : ил.
8. Есаулов, Г. В. Архитектура Юга России: от истории к современности: Очерк. Монография. – Москва : Архитектура, 2016. – 568 с.
9. Захарьянц, Г. Н., Иноземцев, Г. А., Семерин, П. В. Ростов-на-Дону [К 200-летию со дня основания. 1749–1949]. – [Ростов н/Д] : Ростиздат, 1949 (тип. им. Калинина). – 380 с. : ил.
10. Список используемых источников опубликован в статье Петрусенко, Ю. В., Иванова-Ильичева, А. М. Дом трудолюбия П. Р. Максимова в Ростове-на-Дону // Проект Байкал. – 2021. – № 68. – С. 164–167
11. ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 2. Д. 555
12. ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 563
13. Малаховский, Е. И. Храмы и культовые сооружения Ростова-на-Дону, утраченные и существующие. – Ростов-на-Дону, 2006. – 240 с.
14. Возняк, Е. Р., Горюнов, В. С., Семенов, С. В. Архитектура православных храмов на примере храмов Санкт-Петербурга. – Санкт-Петербург : СПбГАСУ, 2010. – 77 с.
15. Крещановский Л. Историческая записка о Покровской церкви. – Ростов-на-Дону : Типография Донского Акционерного общества, 1907. – 99 с.
16. Петрусенко, Ю. В., Иванова-Ильичева, А. М. Реставрация Дома И. О. Шендерова в Ростове-на-Дону // Проект Байкал. – 2020. – № 65. – С. 58–63
17. Новопокровская церковь. 1900–1902. Россия, Ростовская область, Ростов-на-Дону, Кировский район: [сайт] / Retro View of Mankind's Habitat – URL: <https://pastvu.com/p/166838> (дата обращения: 10.12.2020)
18. Петрусенко, Ю. В. Влияние «зодчих-наставников» на творчество архитектора Николая Матвеевича Соколова // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова. – 2019. – № 8. – С. 73–80
19. Зодчий. Журнал архитектурный, художественно-технический и сельских построек. // 1879. – № 1. – 130 с.
20. Зодчий. Журнал архитектурный и художественно-технический. Орган С.-Петербургского общества архитекторов. СПб. Сборник конкурсных проектов храма на месте покушения на жизнь императора Александра II-го. - ценз. 1884. – Л. 47; 48
21. Антонов, В. В., Кобак, А. В. Святые Санкт-Петербурга : Ист.-церков. энцикл. в 3 т.– Санкт-Петербург : Издательство Чернышева, 1994.
22. Настольная книга священнослужителя : Т. I–VIII. – Москва : Изд. Московской Патриархии, 1988. – Т. VI. – 880 с.

References

- Antonov, V. V., & Kobak, A. V. (1994). Shrines of St. Petersburg. Vols. 1-3. Saint-Petersburg: Chernyshov Publishing House.
- Baranovsky, G. V. (1893). Jubilee collection of information about the activities of former pupils of the Institute of Civil Engineers (Construction School) 1842-1892. Issue 1. St. Petersburg: Tipo-litografiya K. L. Pentkovskogo.
- Baranovsky, G. V. (1902). Architectural encyclopedia of the second half of the XIX century. 1902-1908. Vol. 1. Architecture of confessions. Saint-Petersburg: Stroitel.
- CSHA SPb. F. 184. Inv. 2. File 555.
- Esaulov, G. V. (2016). Architecture of the South of Russia: from history to the present. An essay. Monograph. Moscow: Architecture.
- Esaulov, G. V., & Chernitsyna, V. A. (1999). Architectural chronicle of Rostov-on-Don. Rostov-on-Don.
- Ivanova-Ilyicheva, A. M. (2000). Rationalistic trends in the architecture of the cities of the Lower Don and the Azov region of the second half of the XIX-early XX centuries: On the example of Taganrog, Rostov-on-Don and Nakhichevan-on-Don, Novocherkassk. Moscow.
- Kreschanovsky, L. (1907). Historical note on the Intercession Church. Rostov-on-Don: Printing house of the Don Joint-Stock Company.
- Lobzhanidze, V. N., & Laptev, G. F. (1997). Journey through old Rostov. Rostov-on-Don: Donagrain.
- Malakhovsky, E. I. (2006). Temples and religious buildings of Rostov-on-Don, lost and existing. Rostov-on-Don.
- Novopokrovskaya church.1900-1902. Russia, Rostov region, Rostov-on-Don, Kirovsky district. Retro View of Mankind's Habitat. <https://pastvu.com/p/166838> (Accessed 10.12.2020)
- Petrusenko, Y. V. (2019). The influence of «architects-mentors» on the work of architect Nikolai Matveevich Sokolov. Bulletin of V. G. Shukhov BSTU (No. 8, pp. 73-80). Belgorod.
- Petrusenko, Y., & Ivanova-Ilicheva, A. (2020). Restoration of I. O. Shenderov's House in Rostov-on-Don. Project Baikal, 17(65), 58-63. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.65.1676>
- Petrusenko, Y., & Ivanova-Ilicheva, A. (2021). The House of Diligence in Rostov-on-Don. Project Baikal, 18 (68),164-167. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.68.1818>
- SARR. F. 301. Inv. 10. File 563.
- Table book of the priest (1988). Vol. 6. Moscow: Publishing House of the Moscow Patriarchate.
- Voloshinova, L. F. (1998, February 13-19). A happy man. Novaya gorodskaya gazeta (pp. 6-7).
- Voloshinova, L. F. (2004). The Crossroads of Centuries. The fate of streets, squares, and architects. Rostov-on-Don: Don Publishing house.
- Voznyak, E. R., Goryunov, V. S., & Sementsov, S. V. (2010). Architecture of Orthodox churches on the example of the churches of St. Petersburg. Saint-Petersburg: SPbGASU.
- Zakharyants, G. N., Inozemtsev, G. A., & Semerin, P. V. (1949). Rostov-on-Don. Rostov-on-Don: Rostizdat.
- Zodchii [The architect] (1879).
- Zodchii [The architect] (1884).

В статье анализируется ранее неизвестный проект Института статистики И. И. Леонидова, фасады которого находятся в коллекции парижского Центра Помпиду. Проект времени апогея творчества архитектора существенно дополняет наши представления о его эволюции. После рассмотрения вопроса подлинности новых материалов проект анализируется в контексте творчества И. И. Леонидова и советской архитектуры 30-х гг. в целом. Ключевые слова: И. И. Леонидов; конструктивизм; Институт статистики; Наркомтяжпром. /

The article is about the unpublished project of I. I. Leonidov, whose facades are found in the collection of the Pompidou Center. The project of the years of Leonidov's creative apogee significantly complements our understanding of the evolution of the architect's creativity. In addition to describing and evaluating the reliability of available materials, the project is placed in the context of both Leonidov's work and Soviet architecture of the 1930s in general. Keywords: I. I. Leonidov; constructivism; Institute of Statistics; Narkomtyazhprom. /

> Рис. 1. Реконструкция торцевого фасада, соответствующая листу инв. № АМ 1997-2-233

Проект Института статистики И. И. Леонидова (1929–1930) / Ivan Leonidov's Institute of Statistics (1929–1930)

текст
Петр Завадовский
Московский архитектурный институт /
text
Petr Zavadovsky
Moscow Architectural Institute

Предварительные соображения: обнаружение и вопрос подлинности

Ковидные рестрикции, ограничивая нас в привычных контактах, в то же время предоставляют шанс завязать новые, мысль о которых в «нормальное время» не пришла бы в голову. Так, незапланированный досуг и виртуальное пространство Фейсбука свели меня с французским архитектором Лораном Бодуэном (Laurent Beaudouin), профессором в Ecole d'Architecture Paris Val de Seine, Paris.

На его странице я заметил изображения, ранее мне не встречавшиеся: два фасада, подписанные «И. И. Леонидов. Институт статистики, 1929–30 гг.» [1]. В ответе на мой вопрос об источнике их происхождения, г-н профессор адресовал меня к Центру Помпиду. И действительно, на сайте Центра Помпиду я нашел оба фасада: короткий (торцевой) фасад 0,191 × 0,293 м [2] (далее – лист 1) и длинный (продольный) фасад, инв. № АМ 1997-2-234, 0,2 × 0,296 м [3] (далее – лист 2). Оба листа – «гуашь на черном картоне. Поступили в 1997 из галереи Алекса Лахмана». Линки к оригиналам, публиковать которые рискованно из-за копирайта правообладателя, даны в примечаниях.

Характер изображенного на них сооружения вносит определенные коррективы в сложившиеся представления об эволюции творчества архитектора. Они достаточно существенны, чтобы, вкупе с их практически полной неизвестностью специалистам, вызвать в качестве первой реакции сомнения в подлинности данных артефактов, которая нуждается в оценке до рассмотрения данных изображений по существу.

1.1. Визуальный анализ: размер, сохранность и стиль
Сопоставление материала и размера листов из Центра Помпиду с данными каталога известных оригиналов Леонидова, составленного А. П. Гозаком [5, с. 34–35], демонстрирует их соответствие практике И. И. Леонидова поздних 1920-х гг. В этом отношении близкой аналогией листов из Центра Помпиду являются планы «варианта Б» проекта Клуба нового социального типа 1928 г.: 181 × 232 у клуба и 191 × 293 у института. Здесь будет уместно заметить, что графические листы Леонидова, так

монументально выглядящие на журнальных иллюстрациях, в оригинале являются, по существу, миниатюрами.

Внешний вид картонок со сглаженными потертостями на углах и повреждениями с краев сходен с состоянием известных нам оригиналов Леонидова. Стиль и графическая манера изображений также укладываются в наши представления о графике Леонидова рубежа 1920–1930-х гг. Таким образом, первичный визуальный анализ не дает аргументов против подлинности этих артефактов. Это единственные материалы проекта (и приписываемые Леонидову произведения), находящиеся в коллекции Центра Помпиду.

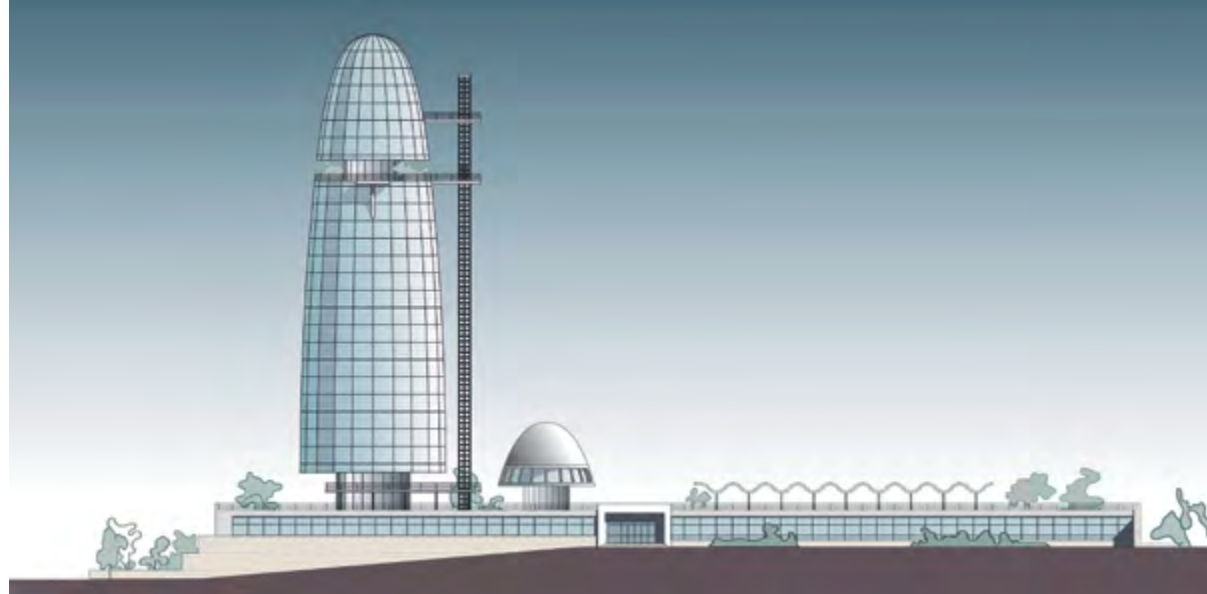
1.2. Институт статистики в отечественных источниках
В журнале «Современная Архитектура» (СА) в течение 1929–1930 гг. Леонидов лидирует по количеству и полноте публикаций, однако какой-либо проект Института статистики даже не упоминается. В тексте первой послевоенной монографии о Леонидове П. А. Александрова и С. О. Хан-Магомедова 1972 г. вскользь упоминается Институт статистики в качестве «конкурсного проекта» [4, с. 32]. Однако какие-либо свидетельства о самом конкурсе и других конкурсных проектах Института статистики на сегодняшний день отсутствуют. В более поздних изданиях, посвященных Леонидову, в частности, претендующем на полноту «полном собрании работ Леонидова» А. П. Гозака и А. И. Леонидова [5, с. 32] и в последней большой монографии С. О. Хан Магомедова о Леонидове [6, с. 362] проект Института статистики присутствует только строкой в списке работ архитектора.

1.2. Датировка проекта

Центр Помпиду датирует свои фасады 1929–1930 гг. Все отечественные публикации дают 1929 г. В аннотации к Госкаталогу указан 1930 г. Следовательно, без проведения дополнительных исследований уточнить датировку Центра Помпиду не представляется возможным.

1. Авторский замысел и предварительная публикация
Композицию института составляют два параболических объема – многоэтажная башня сигарообразных очертаний и низких купольный объем, поставленные на призматический 1–2-этажный стилобат. Интересной

< Рис. 2. Реконструкция продольного фасада, соответствующая листу инв. № АМ 1997-2-234

v Рис. 3. Институт статистики. Реконструкция Lanini, Antoni, Barsanti, Benvenuti, Guadagni; с любезного разрешения авторов

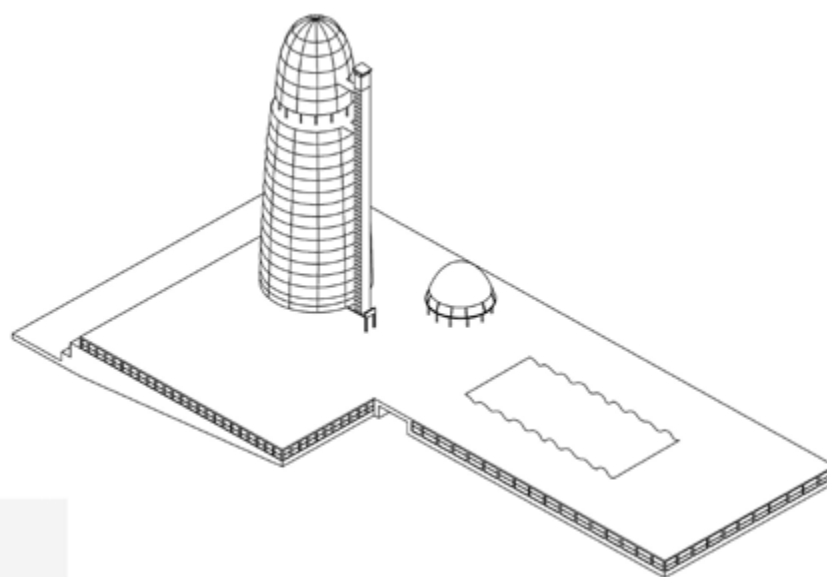
особенностью обоих параболических объектов является их грибообразная форма. Она предполагает конструкцию несущего ствола с консольно-отходящими от него плитами перекрытий, новаторскую для своего времени, но едва ли тогда осуществимую.

Масштаб оригинальных чертежей близок к 1:1000. Исходя из этого, общая высота сооружения составляет 102 м. Нижний диаметр башни – 28 м, а габариты стилобата – 100 × 214 м.

Обращения к правообладателю остались без ответа, и ввиду отсутствия разрешения на использование репродукций, условием публикации заметки о проекте стало изготовление изображений, передающих замысел Леонидова в иной графической манере; таким образом, это позволяет избежать претензий со стороны правообладателя.

Оригиналы Леонидова выполнены в присущей архитектору концептуально-эскизной манере, обусловленной также их миниатюрным размером, и имеют между собой ряд несоответствий: слегка различны размеры башни, малого купола и стилобата; ряд элементов, имеющих на одном листе, опущен на другом. Вытекающая из этого необходимость объединения двух проекций, уточнений и конкретизации неясных мест придает задаче элемент реконструкции авторского замысла.

Характер изображения башни взят с продольного фасада; малый купольный объем, его размеры и высотное отношение к башне – с торцевого. Высотные размеры стилобата в оригинальных фасадах заметно различаются. Для стилобата на новых чертежах приняты средние значения. Если судить по деревьям, закрывающим центральную часть стилобата на торцевом фасаде и расположенных не перед ним, а в глубине объема, там должен располагаться курдонер с двумя крыльями по бокам. В качестве навеса над входом в глубине двора использовано волнообразное покрытие, видимое на продольном фасаде. На обоих фасадах присутствует мотив ступенчато спускающейся стены. В реконструкции эти стены показаны в сетке швов облицовки, присутствующей во всех известных случаях использования Леонидовым этого мотива. Характер изображения зелени, насколько возможно, следует манере Леонидова.

Итоговые изображения (рис. 1 и 2) с сопроводительным текстом были опубликованы порталом Арх. ру [7].

Краткое описание и предложение реконструкции Института статистики также появляется в книге профессора Пизанского университета Луки Ланини «Lo spazio cosmico di Leonidov» (первое издание – декабрь 2020 г.) [8, с. 37]. Профессор Ланини основывает свою реконструкцию на поляроидных снимках, полученных им из Москвы (согласно нижеизложенному рассказу Н. Л. Павлова, сделанных покупателем фасадов в конце 1970-х и оставленных на память продавцам). В реконструкции проф. Л. Ланини также присутствует неизбежный элемент интерпретации. Обращает на себя внимание Г-образная форма стилобата, не находящая подтверждения в нововыявленном генплане Леонидова (рис. 3).

2. Дискуссия и предварительные выводы

Публикация на Арх. ру от 20 апреля 2020 г. вызвала оживленную дискуссию на страницах Фейсбука [8].

2.1 Были высказаны сомнения в корректности новых изображений, не соответствующих «стилю Леонидова», оскорбивших вкусы ценителей леонидовской графики. Умышленность этих различий и их необходимость была мною обоснована выше и в дальнейшем нашла понимание.

2.2 Профессором МАРХИ О. Г. Максимовым было высказано сомнение в подлинности оригиналов, исходя из формально-композиционных соображений: «Мог ли архитектор-мыслитель и мастер графической композиции взять и посадить на подиум рядом с высотным объемом его почти точную верхнюю часть, сохраняя то же конструктивное решение? <...> Зачем, почему??? Нонсенс!».

2.3 Профессор МАРХИ Е. Б. Овсянникова опубликовала следующее мнение профессором МАРХИ Н. Л. Павлова, близко знакомого с семьей Леонидова и специализирующегося на его творчестве:

«1. Перечерчено добросовестно, но, как всегда, без понятия...»

2. В подлиннике действительно два купола – эта тема есть еще в ранних клубах.

3. По свидетельству Иры, эти два эскиза были проданы во второй половине 70-х, во время безденежья, когда Андрей не работал, какому-то голландскому ..., который оставил две небольшие фотографии, чуть ли не Полярюид. Так они попали на Запад.

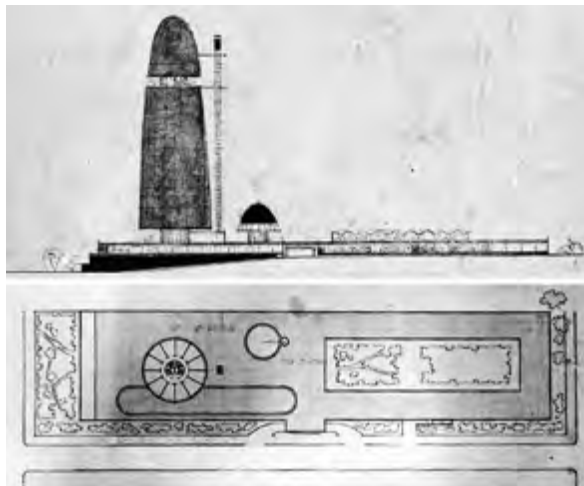
4. Во время подготовки выставки к столетию Леонидова, я эти фото отсканировал, и они даже где-то публиковались.

5. Насколько я знаю, это проект клуба – от 1947 г.

6. Проект Центрального Дома статистики, упомянутый Адамовым в перечне работ в нашем юбилейном сборнике, в перечне работ у Александрова не упоминается, мне он также неизвестен».

Свидетельство проф. Л. Н. Павлова очень ценно в части подтверждения подлинности фасадов и информации об обстоятельствах вывоза их из СССР. Однако ряд оценок вызывают вопросы: «У Александрова (то есть в книжке 1972 г. – П. 3.) «институт статистики» упоминается не только в списке работ, но и в тексте [4, с. 32, 123]. А авангардистский проект с 20-этажной башней трудно спутать с проектом клуба 1947 года.

2.4 Аргументом, на мой взгляд перевешивающим чашу весов в пользу существования проекта Института статистики и подлинности рассматриваемых фасадов, стал чертеж генплана Дома ЦСУ СССР в коллекции ГНИИМА им. А. В. Щусева (номер в Госкаталоге 6970722). Чертеж подписан: «Дом ЦСУ СССР. Конкурсный проект, арх. И. Леонидов 1930 г.» (рис. 4).

> Рис.4. Генплан Дома ЦСУ СССР из ГНИИМА (внизу) полностью соответствует фасаду из Центра Помпиду (вверху; дан в негативе)

Генплан вполне соответствует имеющимся фасадам. Остается надеяться, что дальнейшие исследования позволят выявить другие материалы проекта. В настоящее время можно сделать следующий вывод из состоявшегося обсуждения: два фасада из коллекции Центра Помпиду highly likely являются подлинными и принадлежат проекту Дома ЦСУ СССР или Института статистики 1929–1930 гг. Поскольку все большие проекты Леонидова 1927–1931 годов были конкурсными, Дом ЦСУ едва ли был исключением. Таким образом, само наличие проекта Леонидова является единственным свидетельством проведения конкурса на Дом ЦСУ СССР, о котором до сих пор не ничего было известно. Из этого мы и будем исходить в дальнейших рассуждениях.

3. Проект Института статистики в контексте творчества Леонидова до 1932 года и архитектуры советского авангарда

Проект принадлежит к апогею конструктивистского периода творчества архитектора (1927–1931 гг.). Ему предшествует проект Клуба нового социального типа 1928 г.; он выполнен одновременно с проектом Дома промышленности и, видимо, несколько ранее – проектов для Магнитогорска и Дворца культуры Пролетарского района. Проект Института статистики, несомненно, представляет не меньший интерес, чем любой другой из знаменитых проектов Леонидова, составивших его репутацию иконы авангардного модернизма. Композицию института составляют два параболических объема, поставленные на развитый стилобат. Разберем композицию института поэлементно.

4.1. Параболический купол на «ножке»

Меньший объем представляет собой параболический купол с лентой остекления по низу, знакомый нам по проекту Клуба нового социального типа. Оба проекта, с двумя сходными по форме, но различными по размеру параболическими объемами, достаточно близки, чтобы считать «клуб» прямым предшественником «института» (рис. 5). Уже Хан-Магомедов предположил приоритет Леонидова в использовании параболического купола. Этот приоритет могли бы оспорить только Михаил Барщ с Михаилом Синявским в своем Планетарии. Но купол Планетария первоначально мыслился ими как полусферический, а его окончательная параболическая форма появилась уже после 1928 г., которым датируется проект Леонидова [4, с. 41] (рис. 5). Параболический купол в характерной леонидовской трактовке был воспроизведен и Игнатием Милинисом в конкурсном проекте клуба «Серп и Молот» 1929 г. [10, с. 55], а также, возможно, самим Ле Корбюзье в конкурсном проекте парижского Пале Токио 1935-го [11, с. 55]. Характерной чертой параболических объемов в обоих проектах является грибообразный характер – оторванность от земли с постановкой на заглубленную остекленную «ножку». Эта черта куполов в проекте Клуба до сих пор оставалась незамеченной, и лишь проект Института статистики заставляет нас задуматься о его значении для Леонидова. В дальнейшем мы не раз столкнемся с установкой на аналогичные «ножки» уже гиперболоидов: в эскизах к проекту НКТП, леонидовских вазах в Кисловодске, его проектах киосков. Таким образом, данное решение, при всей его конструктивной проблематичности в случае крупных сооружений, не является случайным для Леонидова.

4.2. Стилобат. Параболоид на стилобате как тип

Идея плоской плиты-стилобата со стоящим на ней подчеркнуто выразительным объемом нам сегодня представляется очевидной, одной из стандартных для архитектуры «современного движения» композиционных схем. Между тем у нее, как и у всего, есть начало – и И. И. Леонидов

< Рис. 5. Параболический купол на стилобате: фасады «Клуба нового социального типа» (вар. А), 1928 г. (внизу) и Института статистики, 1929 (вверху)

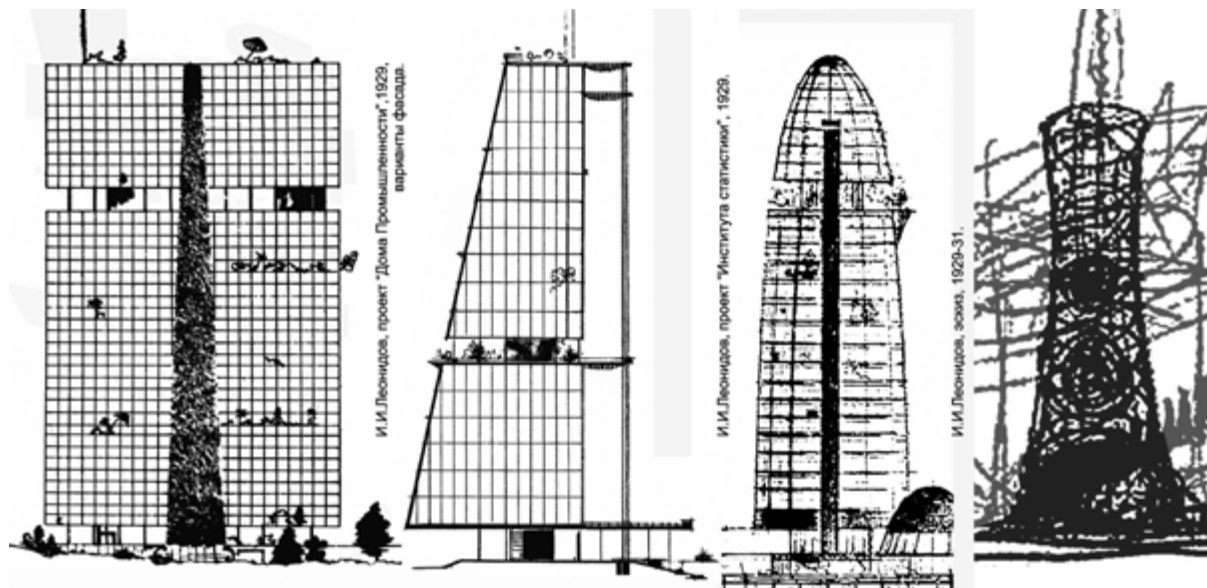
принадлежит к числу наиболее вероятных претендентов на авторство. Сама концепция стилобата восходит к глубокой древности и в первые десятилетия XX века входит в репертуар традиционалистов. Это легко увидеть на примере конкурса на Дворец Советов, в котором она редка среди авангардистских предложений, но обычна среди традиционалистских и закреплена итоговым проектом. Оговорку следует сделать для проекта Гинзбурга-Гассенфлуга, где параболический объем большого зала поставлен на квадратный стилобат, во многом повторяющий центральный комплекс проекта Клуба нового социального типа («вариант А» И. И. Леонидова). Именно этот проект Леонидова, как мне представляется, и является зародышем всех дальнейших «объемов на стилобате» архитектуры «современного движения».

Это еще один (помимо куполов) аспект, в котором Институт статистики является непосредственным развитием проекта Клуба нового социального типа: абстрактная

квадратная плита стилобата клуба превращена здесь в первый пример развитого 1–2-этажного стилобата, на который поставлены оба параболических объема. И приемы архитектурной проработки стилобата предвосхищают центральный в творчестве Леонидова конкурсный проект Наркомтяжпрома 1934 г. Вытянутый прямоугольник плана стилобата Института с внутренним двором – прямой предшественник стилобата НКТП в проекте 1934 г. Присутствующий на обоих фасадах Института ступенчатый мотив – несомненный зародыш ступенчатых торцов трибун и лестниц Наркомтяжпрома.

4.3. Параболическая башня

Второй объем, сигарообразная параболическая башня – беспрецедентен в предыдущем творчестве архитектора. Тем не менее, ряд черт сближают ее с архитектурой башни в конкурсном проекте Дома Промышленности.. Помимо характерных, вынесенных наружу ажурных конструкций подъемника с перекинутыми к зданию мостика-

< Рис. 6. Башни Леонидова 1929 г. – Дом промышленности и Институт статистики и первые эскизы гиперболической башни

ми, объединяющей их чертой является разрыв на верхней трети высоты. Как и само разнообразие форм стеклянных башен, в архитектуре мирового модернизма этот прием войдет в реальную практику лишь через полвека. Еще позже будет по достоинству оценена леонидовская свобода оперирования формой, оплодотворив творцов неомодернизма 2000-х (рис. 6). К ряду леонидовских башен добавлен эскиз гиперболической башни из блокнота рубежа 1920–1930 гг., превосходящий все тот же Наркомтяжпром. В целом переход Леонидова от призматических решений к объемам более сложной геометрии и затем иррациональным скульптурным формам является опережающим проявлением общих закономерностей эволюции архитектуры модернизма.

Новаторское конструктивное решение проекта института также опережает свое время на десятилетия, хотя в 1929 г. вряд ли было осуществимо. В отличие от остальных

своих башен, решенных в каркасе, Леонидов здесь предлагает несущее ядро с консольно-расходящимися от него плитами перекрытий. Благодаря такому решению Леонидов переходит от корбюзиянского «дома на столбах» к грибовидной форме сооружения, опирающегося на обнаженную снизу «ножку» конструктивно-коммуникационного ствола.

Размышляя о возможном смысле, вкладывавшемся Леонидовым в параболическую форму башни, можно высказать два предположения:

1. Дирижабль.

Именно в 1929 г. в проектах Леонидова, например, конкурсном проекте памятника Колумбу появляется дирижабль, который с этого момента становится излюбленным элементом леонидовского стаффжа. Более того, нетрудно определить, о каком именно дирижабле идет речь! Сравнение изображений убеждает нас в том, что это – Graf Zeppelin LZ-127, построенный в 1927 г. и в течение долгого времени остававшийся самым большим, современным и быстроходным. Помимо многочисленных фото, Леонидов мог видеть этот дирижабль и «вживую», во время его приземления в Москве 10 сентября 1930 г. И желание уподобить форму башни наиболее впечатляющему символу технического прогресса своего времени выглядит логично и правдоподобно.

2. График.

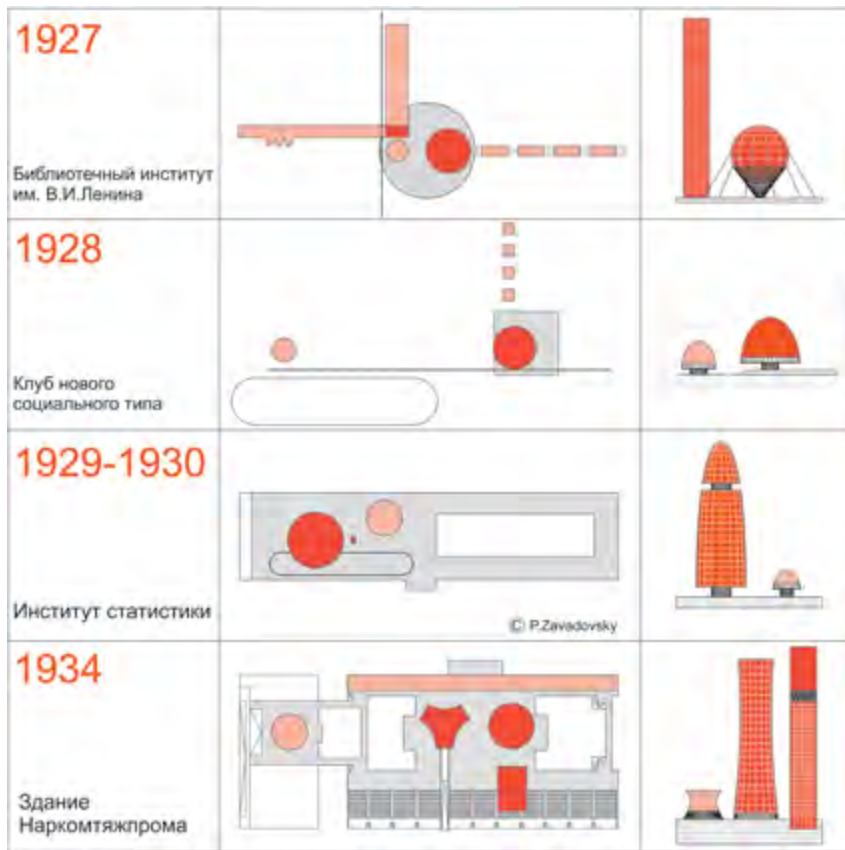
Пристрастие к параболам (и затем – гиперболам) могло быть следствием и свойственной Леонидову эстетизации математических кривых, о чем известно из его реплики в одной из «творческих дискуссий» 1934 г.: «Если эта кривая – графическое изображение процесса движения <...>, то это уже не произвольная линия, а вызывающий восхищение график, несущий в себе красоту» [12, с. 33]. И сегодняшние эпидемические графики хорошо иллюстрируют связь параболических кривых со статистикой. Возможно, для Леонидова имели вес оба соображения, и здесь мы видим раннее проявление многослойной образности, характерной для поздних проектов Леонидова, прежде всего – Наркомтяжпрома.

4. Проект Института статистики в контексте творчества Леонидова после 1932 г. Институт статистики и Наркомтяжпром

Творчество Леонидова распадается на две отчетливо различимые части – до и после 1932 г. И видимая внезапность перехода от одного периода к другому, небольшое количество признаков, превосходящих этот переход, значительно смягчается вновь выявленным проектом Института статистики.

Для позднего Леонидова характерна игра вогнутых и выпуклых форм, которой подчинено как его архитектурное творчество, так и мебельный дизайн. Формальный язык этого периода и его неоклассические и архаично-египетские корни были мной представлены в недавней статье [13, с. 112–119]. Парные параболические купола и гиперболические объемы залов, парные «выпуклые» и «вогнутые» вазы заставляли предполагать и возможную парность башен. Однако гиперболическая башня проекта НКТП 1934 г. до сих пор оставалась без пары, если не считать странного ракетообразного сооружения в проекте Колхозного клуба с залом на 800 мест 1935 г.

Параболическая башня Института статистики восполняет эту лауну, будучи прямой предшественницей гиперболической башни проекта НКТП 1934 г. В башне

^ Рис. 7. Развитие типа общественного ансамбля в творчестве И. И. Леонидова 1927–1934 гг.

института мы видим в зародыше все черты знаменитой ростральной башни НКТП: светопрозрачность, вынесенный наружу подъемник, даже намеченную на фасаде консольную трибуну, предшественницу «грибов-чаг», облепляющих гиперболическую башню Наркомтяжпрома. Более того, в блокнотах Леонидова 1929–1931 гг. имеет ряд эскизов гиперболических сооружений, свидетельствующих о временной близости, если не одновременно зарождения обеих форм (рис. 6, 4).

Другим элементом проекта Института статистики, предвосхищающим проект Наркомтяжпрома, далее развитый в проектах клубов и сооружений Южного берега Крыма, является прямоугольный стилобат со ступенчатыми краями, которые в поздних проектах Леонидова приобретут отчетливо архаизирующий характер, адресующий нас к зиккуратам и ападанам древности.

5. Формально-стилистическая эволюция творчества И. И. Леонидова периода 1927–1934 гг. Попытка реконструкции

Авангардистский период творчества И. И. Леонидова уместается в семь лет, разделяющих два крупнейших проекта архитектора и его общепризнанных шедевра – проекта Библиотечного института им. В. И. Ленина 1927 г. и Наркомтяжпрома 1934 г. При этом проект Наркомтяжпрома до сих пор воспринимался скорее «гениальным прозрением», чем логическим продолжением предыдущего творчества Леонидова. Проект Института статистики существенно дополняет наши представления о творческой эволюции Леонидова, во многом восстанавливает ее единство и позволяет понять его логику, попытка реконструкции которой представлена в таблице на рис. 7:

1. 1927 г. В дипломном проекте Библиотечного института им. В. И. Ленина центром открытой, развивающейся по осям координат композиции, являются сфера и башня-призма, стоящие на круглой площадке. Площадка, представляющая собой одноэтажное сооружение, полуврезанное в склон, является зародышем будущих леонидовских стилобатов.

2. 1928 г. Проект Клуба нового социального типа, «вариант А». Композиция сохраняет открытый характер. Преемственность с Институтом Ленина подчеркивает пунктирный ритм модульных павильонов. Главных элементов композиции также два, но оба – параболические купола. Большой купол стоит на не вполне сформировавшемся квадратном стилобате.

3. 1929–1930 гг. Проект Института статистики. Два параболических объема на «ножках», один из которых является офисной башней, непосредственно преемственны с проектом Клуба. Все элементы композиции, включая овальную беговую дорожку, собраны на кровле прямоугольного стилобата с внутренним двором и осевым размещением входов. Впервые у Леонидова появляется архаизирующий мотив ступенчатой стены.

4. 1934 г. Конкурсный проект Наркомтяжпрома.

Стилобат Наркомтяжпрома – многоэтажный прямоугольник с внутренними дворами и осевыми портиками, является прямым развитием стилобата Института статистики. Ступенчатые стены получают свое обоснование как торцы трибун. Добавленный мотив акведука делает историческую адресность решения несомненной.

Параболические формы – купол и башня заменены своими инверсионными вариантами – гиперболическим объемом клуба и гиперболической башней.

Литература

1. URL: <http://www.beaudouin-architectes.fr/2011/08/ivan-leonidov/> (дата обращения: 12.03.2021)
2. URL: <https://www.photo.rmn.fr/C.aspx?VP3=SearchResult&IID=2C6NUORATNGA> (дата обращения: 12.03.2021)
3. URL: <https://www.photo.rmn.fr/C.aspx?VP3=SearchResult&IID=2C6NUORYZQXS> (дата обращения: 12.03.2021)
4. Александров, П. А., Хан-Магомедов, С. О. Иван Леонидов. – Москва: Стройиздат, 1972. – 127 с. : ил.
5. Gozak, A., Leonidov, A. Ivan Leonidov. – London : Academy ed., 1988. – 216 : ил.
6. Хан-Магомедов, С. О. «Иван Леонидов» из серии «Кумиры авангарда», Москва: фонд «Авангард», 2010.-С.367.
7. Завадовский, П. К. Неизвестный проект Ивана Леонидова : Институт статистики, 1929. – Архи.ру, 20.04.2020 г. – URL: <https://archi.ru/russia/86073/neizvestnyi-proekt-ivana-leonidova-institut-statistiki--god> (дата обращения: 12.03.2021)
8. Lanini, Luca. Lo spazio cosmico di Leonidov. – Siracusa : LetteraVentidue Edizioni S.r.l., 2020. – 121 p.
9. URL: <https://www.facebook.com/elena.ovsyannikova.524/posts/3080017315393020> (дата обращения: 12.03.2021)
10. Чепкунова, М. Р., Аметова, М. Р. Архитектор Игнатий Милинис. От конструктивизма к модернизму. – Москва : ГМА им. А. В. Шусева; Кучково поле, 2019. – 208 с.
11. Le Corbusier. L'Ouvre Complete. Volume 3. – Basel : Birkhauser. – 176 p.
12. Леонидов, И. И. Палитра Архитектора // Архитектура СССР. – 1934. – № 4. – С. 32–33
13. Завадовский, П. К. Иван Леонидов и стиль «Наркомтяжпром» // Проект Байкал. – 2019. – № 62. – С. 112–119

References

- Alexandrov, P. A., & Khan-Magomedov, S. O. (1972). Ivan Leonidov. Moscow: Stroizdat.
- Beaudouin, L. (2011). Ivan Leonidov. Retrieved March 12, 2021, from <http://www.beaudouin-architectes.fr/2011/08/ivan-leonidov/>
- Chepkunova, M. R. & Ametova, M. R. (2019). Arkhitektor Ignaty Milinits. Ot konstruktivizma k modernizmu [Architect Ignaty Milinits. From constructivism to modernism]. Moscow: GMA im. Shchuseva; Kuchkovo pole.
- Gozak, A., & Leonidov, A. (1988). Ivan Leonidov. London: Academy ed.
- Khan-Magomedov, S. O. (2010). Ivan Leonidov. In Kumiry avangarda (p. 367). Moscow: fond "Avangard".
- L'agence photo (n.d.a). Retrieved March 12, 2021, from <https://www.photo.rmn.fr/C.aspx?VP3=SearchResult&IID=2C6NUORATNGA>
- L'agence photo (n.d.b). Retrieved March 12, 2021, from <https://www.photo.rmn.fr/C.aspx?VP3=SearchResult&IID=2C6NUORYZQXS>
- Lanini, Luca (2020). Lo spazio cosmico di Leonidov. Siracusa: LetteraVentidue Edizioni S.r.l.
- Le Corbusier. L'Ouvre Complete. Volume 3. Basel: Birkhauser.
- Leonidov, I. I. (1934). Palitra arkhitekora [Architect's palette]. Arkhitektura SSSR, 4, 32-33.
- Ovsyannikova, E. (2020, May 10). Facebook. Retrieved March 12, 2021, from <https://www.facebook.com/elena.ovsyannikova.524/posts/3080017315393020> (дата обращения: 12.03.2021)
- Zavadovsky, P. (2019). Ivan Leonidov and the "Narkomtyazhprom" Style. Project Baikal, 16(62), 112-119. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.62.1544>
- Zavadovsky, P. K. (2020, April 20). Neizvestnyi proekt Ivana Leonidova: Institut statistiki, 1929 [Unknown project by Ivan Leonidov: Institute of Statistics, 1929]. Archi.ru. Retrieved March 12, 2021, from <https://archi.ru/russia/86073/neizvestnyi-proekt-ivana-leonidova-institut-statistiki--god>

Рассматриваются материалы семи экспедиций, совершенных автором статьи и его коллегами-архитекторами в течение 2012–2021 гг. по местам сталинских лагерей, располагавшихся на территории от Якутска до Магадана. Исследователями выполнена фотофиксация остатков лагерных строений разных типов, уникальных по своей конструкции деревянных мостов, описание рудников, где заключенные добывали вольфрам и другие важные для обороны страны ископаемые. Представлены обмеры мостов, лагерных строений, объектов гражданского назначения и авторские фотографии названных объектов.

Ключевые слова: сталинизм; репрессии; Черный прижим; мосты; Заячья петля; рудник Аляскитовый; Бутугычаг; Сеймчан. /

The article presents the materials of seven expeditions made by the author and his fellow architects from 2012 to 2021 around Stalin's prison camps located in the territory from Yakutsk to Magadan. Researchers performed photographic record of the remains of camp buildings of various types and wooden bridges with unique design, described mines where prisoners mined tungsten and other minerals essential to the defense of the country. The article presents measurements of bridges, camp buildings, civil objects and author's photographs of the given objects.

Keywords: Stalinism; repression; Black Clamp; bridges; Hare loop; the Alaskite mine; Butugychag; Seimchan.

Экспедиции по местам сталинских лагерей: от Якутска до Магадана / Expeditions around Stalin's prison camps: from Yakutsk to Magadan

текст

Николай Крадин

Тихоокеанский государственный университет /

text

Nikolai Kradin

Pacific National University

Автор фотографий

(кроме 2, 14, 17, 20 и 27)

Н. П. Крадин /

Photos (except 2, 14, 17, 20 and 27) by N. P. Kradin

Еще в середине 1970-х гг., обучаясь на архитектурном факультете в Хабаровском политехническом институте, будущие архитекторы И. А. Николаев и Н. Н. Алексеев в каникулярное время летом колесили в Якутии на велосипедах по гулаговским дорогам и местам: у них появилась потребность увидеть то, что происходит и происходило в других местах. В 2012 г., спустя много лет, они стали инициаторами проведения первой полноценной научной экспедиции, которая составила семь этапов (2012, 2013, 2015–2018 и 2021 гг.). О первой из них автором уже сделаны публикации [1–4]. В настоящей статье рассматриваются материалы последующих шести экспедиций, в результате которых появилось немало новых находок и открытий. За семь этапов исследований накопилось огромное количество материалов, поэтому авторы планируют издать монографию, в которой будут собраны фотографии, описания, обмерные чертежи, архивные и другие важные документы. Не все участники экспедиций принимали участие в семи ее этапах; таких было четверо: Н. П. Крадин, Н. Н. Алексеев, И. А. Николаев и И. И. Шишигин. В пяти экспедициях участвовал И. И. Игошин, в четырех – В. Г. Колосов, в двух – С. А. Дыминский и З. В. Игошина. Печально и грустно, но двое участников нашей экспедиции уже покинули этот мир: С. А. Дыминский (1957–2015) и И. И. Игошин (1952–2018).

Официально расстояние от Якутска до Магадана, которое преодолевали исследователи – 2025 км. На самом деле оно было значительно большим, поскольку часто приходилось отклоняться от основной дороги к местам расположения отдельных лагерных пунктов и других важных и интересных в историческом плане объектов. Некоторые сложные участки преодолевались пешком, поскольку подвезти к нужным местам на легковых машинах практически не было возможности: мешали огромные глыбы камней и отсутствие даже подобия какой-либо дороги. Такие наиболее трудные и сложные пешие многокилометровые «прогулки» совершались к особенно важным в историческом отношении лагерям Бутугычаг и Аляскитовый. Нас поражало тогда безлюдное и беззвучное пространство на территориях того и другого лагерей.

Добираясь к пунктам своего назначения, из Якутска мы выезжали на трассу «Колыма», проходившую мимо поселка Теплый Ключ, где на короткое время всегда останавливались у Юрия Шабалкина, давнего друга нашего коллеги Иннокентия Николаева. Знаком этих окрестностей, рыбак и охотник, Юрий часто давал нам полезные советы. К сожалению, в последней нашей поездке 2021 г. его не оказалось дома.

Хочется представить основных членов экспедиции, принимавших участие во всех семи ее этапах. Их, как уже отмечалось, было четверо.

1. Крадин Николай Петрович (р. 1938), профессор, доктор архитектуры, член-корреспондент РААСН, Заслуженный архитектор РФ, Почетный гражданин города Хабаровска, Заслуженный деятель науки Хабаровского края.

2. Николаев Иннокентий Афанасьевич (р. 1954), главный архитектор ООО РПИИ «Якутпроект», Заслуженный архитектор РФ, профессор МААМ, лауреат Государственной премии в области архитектуры.

3. Шишигин Иван Ильич (р. 1953), генеральный директор ОАО РПИИ «Якутпроект», Заслуженный архитектор Республики Саха (Якутия), член-корреспондент МААМ.

4. Алексеев Николай Николаевич (р. 1959), с 2016 г. заведующий кафедрой Северо-Восточного Федерального университета в Якутске, Почетный архитектор РФ (2012), Почетный архитектор Якутии.

Нельзя не назвать еще одного из активнейших наших участников, принявшего участие в четырех (2015, 2016, 2017 и 2018) этапах экспедиции – это Владимир Колосов из Магадана, не знавший о наших первых поездках. Именно ему принадлежит заслуга поиска спонсоров, которые безвозмездно предоставляли нам транспорт или горючее для машин. Он прекрасно знал места по всем направлениям от Магадана. Более того, он являлся выпускником архитектурного факультета Тихоокеанского государственного университета в Хабаровске. В общем – во всех отношениях наш человек: прекрасный рассказчик и сочинитель стихов, отменный работника, знаток истории Магадана и его окрестностей, умеющий интересно и складно писать. В Магадане несколько лет назад был построен, освящен и торжественно открыт великолепный

< Рис. 1. Сеймчан. Здание аэровокзала

православный храм, по размерам один из самых крупных на всем Дальнем Востоке, а автором проекта этого культового православного шедевра является именно наш коллега Владимир Григорьевич Колосов. О нем много можно рассказывать, даже книгу написать.

В одной из газетных публикаций 2018 г. он отмечал: «Человеческая жизнь, как говорят, не стоила и ломаного гроша. Но проделанная людьми гигантская по своим масштабам работа не перестает удивлять и в наши дни. До сих пор стоят мосты из дерева уникальнейшей конструкции, построенные в годы Дальстроя, а также другие здания и сооружения. И наша задача – как можно больше зафиксировать таких объектов, чтобы в дальнейшем находить средства на их реконструкцию и содержание. Это наша с вами история. Потерять ее – значит предать забвению целые поколения искалеченных человеческих судеб. Поэтому мы решили продолжить работу историко-архитектурной экспедиции и осуществить в этом году ее шестой этап. За зиму и начало весны, в ходе совместной переписки с коллегами, уточнили планы предстоящего этапа экспедиции, скорректировали график маршрута и начали тщательную подготовку к ней. Большую работу проделали наши якутские коллеги, в частности, они в ходе неоднократных совещаний договорились с Управлением Федеральной дороги «Колыма, Р-504» (руководитель Андреев Николай Иванович) о выделении нам автомобиля УАЗ-459 и высокопроходимого транспорта типа Кунг Урал. А наш коллега из Якутска отменный водитель Архипов Петр Петрович подготовил к прохождению по маршруту своими силами автомобиль УАЗ-459. По опыту проведения прошлых этапов мы убедились, что самое благоприятное время для экспедиции – это август. В этот период чаще всего бывают минимальным уровень воды в реках и устойчивая погода, без дождей. Согласовали начало стартового выхода экспедиции, установили его на середину августа. В основном экспедиции проходят на личные средства ее участников. Здесь и покупка продовольствия, и снаряжения, и заправка автомобилей в дороге, а также покупка авиабилетов до Якутска и обратно. В зависимости от маршрута на прошедших этапах находили и спонсоров. Большое им всем спасибо за оказанную помощь» [5]. К этим словам без всяких

оговорок присоединяются и все члены экспедиции – якутские и хабаровские.

В экспедиционных исследованиях в 2015 г. нам довелось сделать остановку в Сеймчане, где до сих пор сохраняется своеобразное по своей архитектуре деревянное здание аэровокзала. По первоначальному назначению оно уже давно не используется. Построенный в 1943 г., аэропорт Сеймчан внес весомую лепту в победные сражения Великой Отечественной войны: он находился на северной трассе, через которую в 1943 г. из Америки перегнали почти восемь тысяч самолетов по маршруту Фербенкс-Марково-Сеймчан-Якутск-Краснодар. Со временем здание важного аэропорта устарело, и много лет оно практически пустовало. Его предполагали даже снести, однако этому активно воспротивилось местное население, и его сохранили как памятник истории и культуры. В настоящее время здесь размещается пост метеонаблюдений. Нам удалось выполнить не только натурное обследование этого исторического сооружения, но и его обмеры, а также детальную фотофиксацию (рис. 1).

Остановимся на описании наиболее интересных объектов. Это известные крупные лагеря Бутугычаг и Аляскитовый, в которых не только находилось большое количество заключенных, но их силами проводились работы по добыче важных в стратегическом отношении полезных ископаемых. В лагере находились и простые люди, и выдающиеся личности: среди заключенных в Бу-

< Рис. 2. С. П. Королев – зэк Бутугычага

> Рис. 3. Дорога к лагерю Бутугычаг

v Рис. 4. У предупредительного знака

тугычаге отбывал срок будущий выдающийся конструктор космических кораблей Сергей Павлович Королев (рис. 2). Нет смысла говорить о его заслугах – они общеизвестны. Но в жизни этого выдающегося инженера были и трагические страницы: незаслуженные обвинения, пребывание в лагерях, в том числе и в Бутугычаге, который по сути дела представлял собой целый лагерный комплекс, протянувшийся на три километра и просуществовавший почти 20 лет (1937–1956).

На месте будущего лагеря еще в 1936 г. геолог Б. Л. Федоров открыл богатое оловорудное месторождение, запасы которого сулили добычу ценного для страны стратегического металла в течение многих лет. В результате разведки местности, технических и научных обоснований именно здесь вскоре появился рудник под названием «Бутугычаг», а также лагерный поселок такого же названия. Из имеющихся материалов известно, что заключенные работали без всяких средств защиты, подвергались радиации и гибли после этого сотнями. На смену одним приходили другие партии осужденных, и так продолжалось на протяжении многих лет.

Нам дважды (2015 и 2016) довелось исследовать Бутугычаг, этот исторический объект сталинских времен. Часть пути удавалось проехать на автомобилях, но когда дорога превращалась в сплошное нагромождение камней (рис. 3), мы шли пешком. Путь оказался нелегким, и далеко не все сумели его преодолеть. Иногда около тропы появлялась зелень, а метрах в ста можно было увидеть даже медведя, на самой же тропе – его свежие следы. В некоторых местах до сих пор радиационный фон был выше допустимой нормы. О внимании и осторожности напоминали поставленные на тропе знаки; беспечность в таких случаях недопустима (рис. 4).

Все постройки в Бутугычаге выполнены из камня, включая тюремные здания, производственные сооружения и другие строения. На окнах зданий имелись обязательные в таких случаях металлические решетки, сделанные из толстых прутьев (рис. 5). Ячейки в них были небольшими – примерно 20 × 20 см; протиснуть

< Рис. 5. Бутугычаг. Окно тюремной камеры

^ Рис. 6. Остатки здания

^ Рис. 7. Свалка обуви заключенных

ся в такую ячею не мог даже ребенок. Да и куда было бежать, если вокруг на десятки и сотни километров не было никаких поселений – безжизненная и безлюдная местность. Но в лагере имелись и постройки с крупными оконными и дверными проемами – как правило, здания производственного или административного назначения. Остатки подобного рода построек в виде развалин тоже сохранились на территории Бутугычага (рис. 6). Здесь же можно видеть и свалку обуви убитых и умерших заключенных (рис. 7), и следы добычи руды в виде высоких отвалов – настоящие горы и сопки (рис. 8, 9). Сама местность Бутугычага – это какой-то лунный, безлюдный, возможно, даже космический пейзаж. Здесь не слышно голосов, не видно птиц и даже мелких зверушек – одна только звенящая пустота; лишь в траве иногда стрекочут кузнечики. Хочется поскорее уйти от этой жути, окунуться в привычный мир звуков и голосов. Именно такое впечатление он произвел на нас не только в первый раз в 2015 г., но и во второй, когда мы посещали его в 2016 г.

С эвенкийского языка слово «Бутугычаг» означает «долина смерти»: здесь находились богатые залежи урановой руды с высокой концентрацией урана. Его излучение приводило к гибели все живое. Но именно здесь и добывали стратегически важный и смертоносный элемент, ставший вскоре основой для создания атомной бомбы. Известный российский поэт Анатолий Жигулин (1930–2000), отбывавший срок в Бутугычаге, создал о нем несколько стихотворений, а также описал и само кладбище, находившееся у ручья с названием Бес. Мы приводим строки его весьма красноречивых воспоминаний об этом кладбище, опубликованные в книге «Черные камни».

«Кто опишет после моей смерти кладбище в Бутугычаге? Кладбище – это вечный мавзолей, созданный природой и людьми. И никак его не разрушить. Сжечь нельзя – гореть нечему... И вывезти это кладбище нельзя – египетская работа, и дорог нет, и высота над уровнем моря около 3000 метров. Широкая, покатая седловина между сопками, левее Центрального лагпункта. Там и находится кладбище (или, как его называли, Аммоналовка – в той стороне был когда-то аммональный склад). Неровное плоскогорье. И все оно покрыто аккуратными,

ровными, насколько позволяет рельеф местности, рядами едва заметных продолговатых каменистых бугорков. А над каждым бугорком, на крепком, довольно большом деревянном колышке – обязательная жестяная табличка с выбитым дырчатым номером... И лежат на этом номерном кладбище многие мученики. Сколько их? Никто не считал» [6, с. 47].

На окраине Бутугычага находился и женский лагерь под названием «Вахханка», на месте которого во время экспедиций мы побывали дважды. И именно здесь до сих пор сохраняются те самые деревянные столбики с жестяными номерками, которые описывал в своих воспоминаниях Анатолий Жигулин. Сделанные фотоснимки кладбища позволяют воочию убедиться, что собой представляли захоронения (рис. 13), хотя с тех пор прошло уже более 70 лет. На кладбище появилось много высоких деревьев, заслоняющих могильные холмики и столбики над ними, а выросшая трава не только затрудняет поиски бывших холмиков, но и скрывает столбики с табличками, причем многие таблички уже давно отвалились и исчезли.

v Рис. 8. Бутугычаг. Фрагмент пейзажа

> Рис. 9. Сопки отвалов

^ Рис. 10. Схема лагеря Бутугычаг

Немало интересного найдено экспедицией и на знаменитом руднике «Аляскитовый», расположенном в 110 км от Усть-Неры и являвшемся конечным пунктом магаданской трассы. Расположенный в долине реки Арангас (левый приток р. Эльги), Аляскитовый был тупиковым пунктом трассы от Магадана. В просторечии его иногда называли просто Аляска. В гулаговский период на руднике заключенные добывали вольфрамовую руду и золото – очень важные для страны в стратегическом отношении полезные ископаемые. Среди лагерников этот рудник совершенно не случайно получил весьма красноречивое название «Долина смерти». В Аляскитовом был сформирован целый поселок для сотрудников, которые обслуживали лагерь. В центре поселка на площади, как и в других подобных местах, в обязательном порядке были установлены бюст «вождя всех народов», а также столб с громкоговорителем. На этой же площади располагались и наиболее важные для лагеря постройки: контора руд-

ника, клуб, столовая, магазин, домики для вольнонаемных работников, а поблизости имелось и просторное кладбище. Все остальное – за колючей проволокой. В глубине гор рядами стояли бараки с заключенными, располагались шахтный двор и площадки штолен. Практически вся основная часть работы заключенных проводилась под землей. Заключенные, добывая вольфрам, олово и золото, работали в штольнях без каких бы то ни было средств защиты, подвергались радиации, а вскоре умирали, как и в Бутугычаге. Бригады в штольнях сменяли одна другую через непродолжительное время (от одной до полутора недель). Весь безжизненный пейзаж лагерных зон «украшали» лишь установленные повсюду многочисленные сторожевые вышки. Всего, как известно из имеющихся документов и материалов, лагерный поселок Аляскитовый просуществовал 12 лет (1945–1957).

Рудник Аляскитовый мы посетили лишь однажды: только когда в 2018 г. в наше распоряжение был предоставлен высокопроходимый автомобиль с опытным водителем, это удалось сделать. Обходя территорию рудника, мы видели развалины разных строений, следы труда заключенных, суровый и в то же время остающийся загадочным безжизненный пейзаж (рис. 11–12). Нам даже пришлось заночевать здесь. Аляскитовый, без сомнения, произвел на всех нас едва ли не самое сильное впечатление.

Продолжая тему ГУЛАГа, отметим, что силами заключенных строились мосты, производилась отсыпка новых дорог. В первую очередь осуществлялось строительство грунтовой дороги между Якутском и Магаданом, а также возведение уникальных по своей конструкции деревянных мостов. Много раз проезжая по этой трассе, мы всякий раз делали остановки у того или иного моста, выполняли его обмеры и фиксировали фотокамерами. Дорога строилась в 1930-е гг. тоже силами заключенных. Это была невероятно трудная работа – вгрызаться в скалы, отсекая лишнее, чтобы сделать своеобразную полку для дороги. Такие участки дороги, проходящей у основания скал, называли прижимами: Черный прижим, Желтый прижим и др. Низкие, часто болотистые места засыпали гравием и грунтом; спустя некоторое время все сделанное засасывало бездонная пропасть болота, и надо было трясину засыпать снова и снова, пока не достигался

^ Рис. 11. Аляскитовый. Отвалы переработанной породы

^ Рис. 12. Участники экспедиции в Аляскитовом

нужный результат. Охранники не давали заключенным возможности даже как следует отдохнуть, подгоняя всех, словно скотину. Дорога оказалась настолько сложной, что ее достраивали довольно длительное время, возводя теперь уже новые, современные мосты, особенно в 2010-е гг., в том числе и во время проведения наших экспедиций. В течение почти десяти лет (2012–2021) мы наблюдали, как менялась и изменилась эта дорога, приобретая современный цивилизованный облик. На смену деревянным мостам появились более современные по конструкции, долговременные, выполненные из бетона; многие протяженные участки дороги уже заасфальтированы или покрыты другим прочным материалом. Если в своей первой экспедиции в 2012 г. мы были вынуждены много раз останавливаться из-за проколов колес, то в 2018 г. проехали весь путь от Якутска до Магадана практически без подобного рода происшествий и приключений.

Питались и спали мы тоже почти всегда на природе, часто в условиях, весьма и весьма далеких от городской цивилизации: спали частенько на «каменных перинах», а обед могли устроить непосредственно на дороге (если ее можно назвать таким привычным для горожан словом). Ухабы, камни, неровности и пыль – вот отличия таких дорог. Все это приносило своеобразную экзотику, но главным для нас были поиски, полученные впечатления и результаты. Чистый и свежий воздух, солнце, встречи и общение с новыми людьми, открытия, новые находки – вот, пожалуй, то, за чем мы ехали в такую даль и неизвестность и что нас привлекало.

В процессе нескольких последних экспедиций мы стали чаще и подолгу останавливаться у заброшенных деревянных мостов, чтобы выполнить их обмеры, сделать зарисовки, фотографии и описания. Архитектура и строительство этих уникальных мостов связаны с именем одного инженера – интереснейшего человека, пострадавшего в годы сталинских репрессий – Эриха Андреасовича Герлингера (рис. 20) (в некоторых более поздних источниках и публикациях и среди односельчан отчество указывается как Андреевич). Он происходил из немцев Поволжья; родился 18 сентября 1913 г. в городе Маркштадте

^ Рис. 13. Женское кладбище Вакханка

< Рис. 14. Рудник Аляскитовый. Сторожевая вышка

^ Рис. 15. Деревянный мост

(с 1941 – город Маркс) Саратовской губернии, учился в немецком педагогическом институте, жил в г. Энгельсе. Был арестован органами НКВД якобы за антисоветскую агитацию в ноябре 1937 г. и осужден сроком на 10 лет. Его дальнейшая судьба стала легендой. После ареста он оказался в Магадане, столице архипелага ГУЛАГ; затем его перебросили вместе с отрядом заключенных в район под названием «Пристань Хандыга» Дальстроя НКВД. С тех пор он практически 40 лет трудился на колымской трассе, сооружая дороги и деревянные мосты через многие бурные ручьи и речки (рис. 15–17). Эриха Герлингера реабилитировали уже после смерти «вождя народов», а вскоре за полезную деятельность по строительству мостов даже наградили несколькими медалями.

По его проекту построены довольно крупные мосты через несколько рек: Агаякан, Куйдусун, Менкюле, Росомаха, Сунтар, Терех и другие ручьи и речки. Теперь вместо грунтовых дорог проложена новая трасса с новыми бетонными мостами (рис. 18, 19), а многие из деревянных мостов в большинстве своем так и остались рядом как напоминание потомкам об инженерах, строивших здесь в трудные предвоенные годы мосты и дороги. Давние

деревянные мосты можно видеть и в настоящее время, проезжая по новой трассе и новым прочным, уже бетонным мостам. Эти прежние крепкие мосты сделаны из лиственницы, которая практически не подвержена гниению и как строительный материал прочна и долговечна. Даже сегодня их бревна прочные, без всяких дефектов. От удара по стволу топор отскакивает, как от пружины; рубить такое бревно тоже бессмысленно, а справиться с ним сможет, видимо, только бензопила, да и то с трудом. Мы как архитекторы не оставили без внимания эти уникальные инженерные сооружения почти вековой давности: не только фиксировали их на пленку, но и выполняли их обмеры (рис. 27–31).

В экспедиции 2017 г. мы решили установить у одного из таких мостов Э. А. Герлингера, у места под названием «Заячья петля» памятный знак-напоминание всем, кто проезжает мимо, что остатки его инженерной мысли – мосты не следует сжигать, используя на дрова во время ночевок; их надо беречь как памятники инженерного искусства. Целый день мы соорудили памятный столб. Разумеется, в Якутске заранее нами была изготовлена памятная доска, которую мы прочно закрепили на столбе,

v Рис. 16. Мосты через сухие ручьи

v Рис. 17. Мост у перевала Заячья петля

^ Рис. 18. Фрагмент новой дороги с мостом

^ Рис. 19. Строительство новой дороги и мостов

^ Рис. 20. Строитель мостов Э. А. Герлингер

врытом в землю и укрепленном в основании пирамидой из камней (рис. 24). На доске, прикрепленной в верхней части памятного столба, перечислены фамилии участников всех этапов экспедиции. Судя по имеющейся информации, памятный знак сохраняется в целости спустя уже четыре года после его установления; он не поврежден, и возле него довольно часто останавливаются проезжающие мимо туристы и даже водители-дальнобойщики, а особенно те, кто видит необычный памятный знак впервые. Здесь люди частенько фотографируются, оставляя себе память об этом историческом месте, а прочитав текст, кое-кто наверняка спускается немного вниз от дороги и интересуется остатками одного из таких мостов, расположенного в зарослях кустов на месте прежней грунтовой дороги.

Факт проведения экспедиций зафиксирован и в Магадане, в главном памятнике этого города – «Маске скорби» (рис. 27), выполненном выдающимся советским и американским скульптором Эрнстом Неизвестным (архитектор Камиль Казаев). Памятник, конечно, далеко не всеми воспринимается однозначно. Он действительно сложен для восприятия, и многие его просто не понимают. На лицевой стороне памятника-Маски представлено полушарие мозга – блок памяти у человека. Собственно Маска – лоб, нос и брови образуют крест, из левого глаза течет слеза в виде людских голов. В пустой левой глазнице – импровизированный колокол, а под ней – номер заключенного 937. На ее обратной стороне, в нише, находится неканоническое распятие и скульптура молодой плачущей женщины, выполненные из бронзы – символы страданий и скорби. Внутри Маски, в нижней ее части имеется небольшое пространство, где на прочной бетонной стенке укреплены разные тексты-посвящения. Мы тоже закрепили там металлическую табличку с перечнем фамилий всех членов наших экспедиций. Эту сложную работу с успехом и качественно выполнил большой умелец Иннокентий Афанасьевич Николаев.

Прошло три года с момента окончания нашей последней экспедиции. И вот в начале 2021 г. я получаю письмо из Якутска от своих коллег с вопросом: Петрович, а не поехать ли нам еще раз в экспедицию? Предложение было сделано всерьез. Разумеется, я не мог отказать-

ся: в меня верили мои друзья. Коллектив был тот же; к нам присоединился еще Владимир Александрович Васильев, вице-президент Союза архитекторов России, председатель Дальневосточной организации СА России. На фестивале ДВ-Зодчество-2021 наши якутские друзья пригласили Васильева в экспедицию и при этом взяли с него твердое слово, что он согласен и обязательно примет участие в этой, надеюсь, что уже действительно последней экспедиции. По пути мы побывали в уже знакомых для меня местах, посмотрели музеи деревянного зодчества под открытым небом, видели, как ветшают

< Рис. 21. В. В. Носырев в процессе обмеров моста

^ Рис. 22. Опорная конструкция одного из мостов

^ Рис. 23. Структура связей опоры моста

деревянные храмы, оборонные амбары и другие строения прошлых времен...

Так состоялась короткая, седьмая по счету экспедиция, в конце которой нас пригласили посетить Ленские столбы, дать некоторые консультации и рекомендации. Дело в том, что с берега реки Лены решено пробить пешеходную тропу непосредственно к Ленским столбам, чтобы туристы смогли ими любоваться не только снизу, непосредственно от реки, а еще и сверху. Идея очень привлекательная, однако после приготовленной для этого прохождения просеки мне показалось, что слишком утомительно и скучно будет туристам, особенно пожилого возраста, идти полтора или два часа вверх, ничего практически не видя перед собой – одни лишь кустарники и деревца. По моему мнению, тропа должна быть обустроенной, вымощенной твердым покрытием, со скамейками для отдыха через определенные промежутки; здесь должны быть хотя бы один или два туалета. Все это необходимо не только для туристов пожилого возраста, но и для молодых людей.

В заключение экспедиции в Якутске состоялся осмотр достопримечательных мест, а также встреча с коллегами-архитекторами, на которой мы рассказали о своих наиболее важных и интересных путешествиях и поделились впечатлениями от всего увиденного – и в экспедиции, и непосредственно на Ленских столбах.

> Рис. 24. Члены экспедиции у поставленного ими знака у одного из мостов

Литература

1. Крадин, Н. П. Архитектура сталинских лагерей в Якутии // Проект Байкал. – 2014. – № 42. – С. 154–162
2. Крадин, Н. П. Дальлаг в Якутии: экспедиция по местам сталинских лагерей // Мой университет. Журнал Тихоокеанского государственного университета. – 2013. – № 1 (13). – С. 102–109
3. Крадин, Н. П. Суровые дороги Дальлага // Забайкальский рабочий. – 2013. – 25 янв. (№12 / 26230). – С. 5. Там же. – 2013. – 31 янв. (№ 16 / 26234). – С. 6
4. Крадин, Н. П. Сталин и тоталитаризм: помпезная архитектура, репрессии и зарубежная критика // С.Т.А.И. : Среда, территория, архитектура, прикладное искусство. Развитие и современные проблемы : материалы международной научно-практической конференции. – Венеция-Триест, 2014. – С. 17–21
5. Колосов, В. Г. Рудник Аляскитовый. Историко-архитектурная экспедиция освоения Колымского тракта: Дневник поездки по памятным местам Магаданской области // Колымский тракт. – 2018. – 14 ноября (№ 44–46 / 1022–1024)
6. Жигулин, А. Черные камни. – Москва : Книжная палата, 1989. – 288 с.

References

- Kolosov, V. G. (2018, November 14). Rudnik Alyaskitovyi. Istoriko-arkhitekturnaya ekspeditsiya osvoeniya Kolymy skogo trakta: Dnevnik poezdki po pamyatnym mestam Magadanskoj oblasti [Alaskite mine. Historical and architectural expedition of the development of the Kolyma Highroad: A diary of the trip around historic sites of Magadan Oblast]. *Kolyma Highroad*, 44–46(1022–1024).
- Kradin, N. P. (2013a). Dallag v Yakutii: ekspeditsiya po mestam stalinskikh lagerei [Dallag in Yakutia: An expedition around Stalin's prison camps]. In *My University. Journal of Pacific National University*, 1(13), 102–109.
- Kradin, N. P. (2013b). Surovye dorogi Dallaga [Rough roads of Dallag]. *Zabaikalsky rabochii*, 12(26230), 5; 16(26234), 6.
- Kradin, N. (2014a). Architecture of Stalin's prison camps in Yakutia. *Project Baikal*, 11(42), 154–163. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.42.804>
- Kradin, N. P. (2014b). Stalin i totalitarizm: pompeznaya arkhitektura, repressii i zarubezhnaya kritika [Stalin and totalitarianism: pompous architecture, repressions and foreign criticism]. S. T. A. I.: Environment, territory, architecture, applied arts. Development and current problems: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (pp. 17–21).
- Zhigulin, A. (1989). *Chernye kamni* [Black stones]. Moscow: Knizhnaya palata.

^ Рис. 25. В. Г. Колосов в процессе обмеров моста

^ Рис. 26. Обмеры и фотофиксация моста членами экспедиции

v Рис. 27. Э. Неизвестный, арх. К. Казаев. Памятник «Маска скорби» в Магадане

Описана история разработки и создания первого в России «Корейского сада» на базе университетского Иркутского ботанического сада в суровых климатических условиях Байкальской Сибири. Особенности выбора растений и ландшафтной специфики представляют этот сад как уникальный этноботанический объект – культурное и природное наследие Кореи, экологический и гуманитарный ресурс для науки, образования и мероприятий международного сотрудничества.
 Ключевые слова: корейский сад; университет; Иркутск; Каннин; растения; ландшафтный дизайн. /

The history of the first «Korean Garden» design, development and establishment within the Irkutsk State University Botanic Garden in the harsh climatic conditions of Baikalian Siberia is described. The peculiarities of the selection of plants and landscape arrangements represent this garden as a unique ethnobotanical object – the cultural and natural heritage of Korea, an ecological and humanitarian resource for science, education and international cooperation.
 Keywords: ethnobotanical garden; university; Irkutsk; Gangneung; plants; landscape design

Первый Корейский сад в России / The First Korean Garden in Russia

текст

Виктор Кузеванов
Иркутский
государственный
университет

Алексей Пономарев
МКУ г. Иркутска
«Городская среда»
Сергей Калюжный

Иркутский
государственный
университет

Йонг-Шик Ким
Чоллипо Арборетум /

text

Victor Kuzevanov
Irkutsk State University

Alexey Ponomarev
MKU "Urban Environment"

Sergey Kalyuzhny
Irkutsk State University

Yong-Shik Kim
Chollipo Arboretum

Введение

История разработки и создания Корейского сада в Иркутске как первого такого сада в России берет начало с 2007 г. [1–4]. В ходе выполнения стратегии развития и модернизации Иркутского госуниверситета, начиная с 2006 г., были реализованы проекты создания различных ландшафтных участков и садов типа Японского сада, Аптекарского огорода, Садовой терапии, Зооботанической коллекции или контактного зоопарка и т. п. на базе университетского Ботанического сада [5; 6]. Было запланировано устройство этноботанического Корейского сада, учитывая, во-первых, сходство культуры и генотипа корейской нации с местным бурят-монгольским этносом в регионе Байкальской Сибири около озера Байкал, и, во-вторых, существующий социальный запрос от многочисленной местной корейской диаспоры в городе Иркутске.

Из трех великих цивилизаций Восточной Азии Корея часто оказывалась в тени своих соседей – Китая и Японии [7], а достижения поколений корейцев в прикладных научных исследованиях, искусстве, архитектуре долгое время оказывались мало известны за рубежом. Корейские традиционные сады – важная для выживания народа часть корейской культуры – оставались неизвестными и скрытыми от тех, кто находится за пределами Кореи. Исторически корейцы создавали свои сады и как убежища от повседневных забот и стрессов, места необычайной красоты, спокойствия и силы, гармонично встроенные в природу [8].

Идея многофункционального этноботанического проекта Корейского сада в Иркутске – первого в России, кроме очевидного эколого-ботанического назначения, имела также следующие ценностные гуманитарные аспекты [4]:

1) междисциплинарная ресурсная площадка культурного российско-корейского сотрудничества на всех уровнях для развития взаимовыгодных международных связей в области науки, образования, экологии, архитектуры, культуры и др., включая использование сада для языковой практики студентов в двух Корейских центрах при двух институтах Иркутского государственного университета;

2) доступ к потенциалу природных ресурсов Кореи и акклиматизация новых видов растений в условиях сурового климата Иркутска, включая обмен информацией о лечебных и иных полезных свойствах корейских растений;

3) развитие гражданского общества через вовлечение студенческой молодежи в волонтерское движение в области охраны природы и культуры;

4) развитие взаимопонимания через международный туризм и отдых.

Цель настоящей работы состояла в том, чтобы на примере создания Корейского сада в Иркутске проанализировать и описать возможности создания особого этноботанического сада с национальной спецификой как экологического и гуманитарного ресурса на территории Ботанического сада для науки, образования и международных культурных мероприятий.

В задачи работы по его созданию включали следующие подходы, методы и материалы: 1) изучение истории и примеров построения традиционных корейских садов в Республике Корея и сбор сведений об опыте их создания вне ее территории для возможности применения в суровых климатических условиях Байкальской Сибири в «Сердце Азии»; 2) научная и общественная апробация «идеи корейского сада» как уникального этноботанического объекта для Сибири в ходе разработки ряда ландшафтных проектов с привязкой к разным участкам земли для выбора практически выполнимого рационального варианта; 3) включение дизайна в генеральный план и практическое использование ботанического сада; 4) мобилизация необходимых материальных и нематериальных ресурсов с помощью подходов менеджмента изменений, современного маркетинга и вовлечения волонтеров и «интересантов» в проект; 5) подбор подходящего набора растений и материалов и построение ландшафта Корейского сада; 6) оценка перспективы развития и эффективности использования созданной ландшафтной модели Корейского сада, интегрированного в Ботанический сад Иркутского государственного университета.

Результаты и обсуждение. Варианты ландшафтного дизайна разрабатывали при консультировании и под-

Introduction. The history of development of the "Korean Garden" in Irkutsk, the first such garden in Russia dates back to 2007 [5, 11, 12, 14]. In the course of the implementation of the development strategy of the Irkutsk State University after 2006, a number of projects have been planned to create new landscapes and gardens such as the "Japanese Garden", "Apothecary Garden", "Garden of Horticultural Therapy", "Zoo-Botanical Collection, or Contact Zoo", etc. on the basis of the University Botanic Garden [10,16]. The idea of an ethnobotanical "Korean Garden" originated because of the cultural links between the Korean nation and the local Buryat-Mongolian ethnic group in the Baikalian Siberia region near Lake Baikal; and, secondly, an existing social demand from the numerous local Korean diaspora people in the city of Irkutsk.

Of the three great civilizations of East Asia, Korea has often found itself in the shadow of its neighbors - China and Japan [2]. The achievements of generations of Koreans in applied scientific research, art, and architecture have received little recognition abroad. Korean traditional gardens, an important part of Korean culture, also remained unknown and hidden from those outside Korea. Historically, Koreans

держке сотрудников Генерального Консульства Республики Корея в Иркутске, Корейского Национального Арборетума в Сеуле (Korean National Arboretum), Чоллипи Арборетума при финансовом содействии Иркутского отделения Русского географического общества, Губернского собрания Иркутской области, Международного молодежного форума «Байкал-2015», а также солидной финансовой поддержке мэрии южнокорейского города Каннын (кор. 강릉시, 江陵市, Gangneung-si) провинции Канвондо Южной Кореи как главного спонсора. Поэтому созданный сад получил полное официальное название – «Корейский сад города Каннын», или «The Gangneung Korean Garden» (강릉시 한국 정원). До начала обустройства Корейского сада его проект и основополагающие идеи были предварительно апробированы на научных конференциях международной Сети Восточно-Азиатских Ботанических Садов в Корее [4], молодежном форуме «Байкал-2015» и с участием представителей корейской диаспоры в Иркутске. По замыслу авторов, Корейский сад должен был иметь форму капли, росинки, олицетворяя Корею, называемую в мире «Страной утренней свежести».

< Схема зонирования и космоснимок дорожек и основных ландшафтных объектов "Корейского сада города Каннын" в Иркутске. Ландшафтный дизайн разработал архитектор А. Пономарев под научным руководством В. Кузеванова. Координаты 52°15'50.42"С, 104°14'43.75"В. Дата 13.04.2018. Космический фотоснимок Google Earth / Zoning scheme and satellite image of paths and main landscape objects of the "Korean Garden of Gangneung" in Irkutsk. The landscape design was developed by the architect A. V. Ponomarev under the scientific supervision of V. Ya. Kuzevanov. Coordinates 52°15'50.42"N, 104°14'43.75"E. Date 04/13/2018. Satellite photo Google Earth

Ключевыми событиями, определившими необходимые и достаточные условия для длительного процесса от задумки до создания первого Корейского сада в России, были:

- 1) 1995 год – зарождение идеи устройства «Корейского сада» на базе ресурсов Ботанического сада ИГУ и включение в долгосрочные планы развития;
- 2) 2006–2007 годы – включение Корейского сада в концепцию развития ИГУ в ходе общероссийского конкурса «инновационных университетов»;
- 3) 2008 год – создание «Корейского сада» включено в «Справочник инвестора Иркутской области» как часть проекта реконструкции Ботанического сада ИГУ [2] и в Стратегию развития Иркутской области представлено на международных выставках в России, Франции, Голландии и Германии;
- 4) 2010 – проект поддержан на уровне Корейского Национального Арборетума в Сеуле и Международной сети ботанических садов Восточной Азии (East Asia Botanic Gardens Network);

в Первые этапы развития проекта Корейского сада при посещении ИГУ делегацией Республики Корея в 2013 г. Руководители корейской делегации д-р Чжун Хван Шин, директор Корейского национального арборетума, и д-р Ен Шик Ким, почетный профессор Университета Юннам, презентовали концепцию для представителей ИГУ и местных органов власти

have been creating their gardens as shelters from everyday worries and stresses, as landscapes of extraordinary beauty, tranquility and strength, harmoniously embedded in nature [6].

The multifunctional ethnobotanical project "The Korean Garden" in Irkutsk was designed to deliver the following social and cultural roles [14]:

- 1) An interdisciplinary convening facility for Russian-Korean cooperation at all levels, in the fields of science, education, ecology, architecture, culture, etc., including the use of students for language practice in two Korean centers and at the Institute of Philology and Media Communications of Irkutsk State University;
- 2) Access to the natural resources of Korea and the acclimatization of new plant species in the harsh climate of Irkutsk, including the exchange of information on the medicinal and other useful properties of Korean plants;
- 3) Development of civil society through the engagement of youth volunteers in the field of nature and cultural protection;
- 4) Development of international tourism and recreation.

The objective of this study was to analyze and describe the process of creating a nationally themed ethnobotanical garden with a specific ecological and cultural identity.

5) 2012 год – делегация Корейского Национального Арборетума во главе с директором д-ром Джун Хван Шин (Joon Hwan Shin) и профессором Йонг-Шик Ким (Yong-Shik Kim) выполнила экспертную оценку перспектив создания «Корейского сада» в Иркутске. В итоге было получено одобрение Правительства Республики Кореи;

6) 2014–2015 годы – разработка целевого проекта создания «Корейского сада» поддержана российскими грантами Иркутского отделения Русского Географического Общества, Губернского Собрания Иркутской области и целевой субсидией Правительства России как проект, занявший 1-ое место на конкурсе Международного молодежного форума «Байкал 2020»;

7) 2016 год – после доклада о проекте «Корейского сада» на Международной конференции в Сеуле представлена целевая субсидия мэрии города-побратима Каннин и Генерального Консульства Республики Кореи в Иркутске. Начало натуральных ландшафтных работ

The **tasks** of its creation included the following **approaches, methods and materials**: 1) A study was made of the design and construction of traditional Korean gardens along with available information about their construction and operation in the harsh climatic conditions of Baikalian Siberia, the "Heart of Asia"; 2) It was necessary to develop both scientific and public approval for the concept of the "Korean garden" as a unique ethnobotanical object for Siberia; 3) Incorporation of the design into the master plan and operations of the Irkutsk Botanic Garden; 4) Location and mobilization of necessary materials and support resources using approaches of change management, modern marketing and the involvement of volunteers and stakeholders (as interested parties) in the project; 5) Selection of suitable plants and materials and construction of the landscape of the "Korean Garden"; 6) Assessing the use and effectiveness of the "Korean Garden" as an integral asset for the Botanic Garden of Irkutsk State University.

Results and discussion. Options for landscape design were developed in consultation with the staff of the Consulate General of the Republic of Korea in Irkutsk, the Chollipo Arboretum, the Korea National Arboretum in Pocheon. Financial support was received from the Irkutsk Branch of the Russian Geographical Society, the Provincial

на территории Ботанического сада ИГУ с участием сотрудников и волонтеров [4].

8) 8 октября 2017 год – открытие первого в России Корейского сада в Ботаническом саду ИГУ с участием общественности и мэрии Иркутска, российско-корейского общества дружбы, руководителей мэрии города Каннин (Республика Корея) и Генерального Консульства Республики Корея в Иркутске;

9) 2018–2021 годы – использование «Корейского сада» для различных российско-корейских культурных и эколого-ботанических мероприятий (Праздник Сакуры, День Посадки Деревьев, Фестиваль Холодной Пищи, День Корейской Письменности и др.), включенных одновременно в планы учебно-практических занятий студентов различных подразделений университета.

Assembly of the Irkutsk region, the International Youth Forum "Baikal-2015" as well as solid financial support from the South Korean City Hall of Gangneung (Korean 강릉시, 江陵市, Gangneung-si) of South Korea's Gangwon Province as the main sponsor. The Korean garden received its full official name as the "Korean Garden of Gangneung City", or "The Gangneung Korean Garden" (강릉시 한국 정원). Initially the project was evaluated at international scientific conferences of the East Asia Botanic Gardens Network in Korea [14], the Youth Forum "Baikal-2015" and with the Korean diaspora representatives in Irkutsk. As conceived by the authors, the "Korean Garden" was to have the shape of a drop, a dewdrop, personifying Korea as country, which is called the "Land of Morning Calm" in the world.

The key events that determined the essential and sufficient conditions for the long process from the idea to the creation of the first "Korean Garden" in Russia were:

1) 1995 – the genesis of the idea for the organization of the "Korean Garden" on the basis of the resources of the Botanic Garden of Irkutsk State University and its integration in long-term development plans;

2) 2006–2007 – the incorporation of the «Korean Garden» project in the development concept of ISU in the course of the All-Russia competition of "innovative universities";

Оказались весьма важными подходы менеджмента изменений и современного маркетинга, в том числе обретение публичной поддержки и публичного сопровождения проекта в средствах массовой информации. Все этапы разработки и создания «Корейского сада» широко описывались в местных и федеральных средствах массовой информации. В многочисленных выступлениях и лекциях для научной и экологической общественности освещались и гласно обсуждались перспективы создания Корейского сада как экологического, гуманитарного и этноботанического объекта, имеющего научно-образовательное значение.

Характеристики идентичности

Традиционный Корейский сад – это особый ландшафтный объект, сочетающий в себе простые элементы природы с духовной и материальной корейской культурой, имеющей более чем двухтысячелетнюю историю, и опирающейся на «мораль, праведность и практическую этику», где природа является не столько олицетворением изящества и красоты, сколько ресурсом для духовного и умственного развития, практическим инструментом для достижения гармонии духа и тела [9; 10]. Корейская экономика с уровня самой отсталой в мире страны после Второй мировой войны развивалась особенно быстро (с уровня ВВП менее 50 долларов на душу населения в год до 28606 долларов в 2019 г. [11]). Такое ускоренное развитие привело к парадоксальному росту городского населения до 90% и к общей деградации окружающей среды, включая загрязнение атмосферы, воды и почвы. Богатство разнообразия растений и местообитаний в Корее в значительной степени ухудшилось и находится под серьезной угрозой из-за высокой плотности населения и быстрой индустриализации, а также незаконного сбора дикорастущих растений для декоративных, лечебных и пищевых целей [12]. В результате различных видов человеческой деятельности природные территории Кореи были сильно фрагментированы и сейчас выживают только как особо охраняемые экологические «зеленые острова-анклавы», окруженные сильно модифицированными пахотными и промышленными землями. Поэтому растет число ботанических садов и арборетумов,

играющих важную роль в природоохранном воспитании и экологическом образовании населения, сохранении биоразнообразия растений и культуры садоводства [13; 14]. После бурного экономического развития 1970-х гг. в Корее «идея сада» становится все более популярной. Например, богатые бизнесмены теперь владеют роскошными приусадебными садовыми участками, и эта тенденция распространилась на приусадебные участки среднего класса. В последние годы в связи с интересом к феномену бурного технологического развития Республики Корея как в самой стране, так и за рубежом также начал расти общий интерес к восточной культуре и к традиционным корейским садам, которые европейская цивилизация открыла относительно недавно. Корейцы стали заново открывать для себя многие исчезающие садовые традиции в подборе и укладке камней, размещении посадок деревьев. В последние два десятилетия в некоторых городах Франции, Германии, Швеции, Мексики, Турции, Египта, Канады, США, Украины были созданы традиционные корейские сады, пока еще немногочисленные по сравнению с китайскими или японскими [https://clck.ru/X2wDx].

К сожалению, большинство корейских ботанических садов и дендрариев имеют очень ограниченную способность сочетать свои проекты дизайна и развития с традиционной корейской культурой. В настоящее время, например, только Chollipo Arboretum, Wando Arboretum и Garden of Morning Calm в Республике Корея владеют и сохраняют традиционную корейскую ландшафтную архитектуру [15].

Очень немногие из старинных корейских садов сохранились до наших дней из-за сложной и трудной истории корейского народа, из-за многочисленных войн и разрушительных набегов японцев и китайцев. Считается, что по стилю устройства и предназначения корейские сады во многом схожи с китайскими или японскими, а в целом их можно подразделить на несколько групп: 1) дворцовые сады; 2) частные сады в резиденциях состоятельных граждан; 3) цветочно-декоративные сады при сельских домах и в городских предместьях; 4) фруктово-огородные сады в деревнях; 5) павильонные сады общественных мест в городе; 6) сады при буддий-

^ Каменный фонарь на открытой площадке для публичных мероприятий

3) 2008 – the "Korean Garden" is included in «The Investor's Directory of Irkutsk Oblast» as part of the reconstruction project of the Botanic Garden of Irkutsk State University (http://bogard.isu.ru/articles/2008/irkutsk_spravochnik_investora_2008.pdf) and in the Development Strategy of Irkutsk Oblast presented at international exhibitions in Russia, France, Holland and Germany;

4) 2010 – the project was supported by both, the Korea National Arboretum in Pocheon and the East Asia Botanic Gardens Network;

5) 2012 – a delegation of the Korea National Arboretum, headed by Director Dr. Joon Hwan Shin and Professor Yong-Shik Kim, performed an expert assessment of the prospects for creating a "Korean Garden" in Irkutsk. As a result, the approval of the Government of the Republic of Korea was obtained;

6) 2014–2015 – the development of the «Korean Garden» project was awarded with Russian grants from the Irkutsk Branch of the Russian Geographical Society, the Provincial Assembly of the Irkutsk Oblast and a targeted subsidy from the Government of Russia as the project received 1st award in the competition at the International Youth Forum «Baikal 2020»;

7) 2016 – after the the presentation of the «Korean Garden» project at the International Conference in Seoul, a targeted subsidy was

provided by the Mayor's office of the sister city of Gangneung and the Consulate General of the Republic of Korea in Irkutsk. The beginning of full-scale landscape works on the territory of the Botanic Garden of the ISU with the participation of employees and volunteers (http://bogard.isu.ru/articles/2016_korea/Korean.pdf)

8) October 8th, 2017 – opening ceremony of the first in Russia "Korean Garden" within the Botanic Garden of Irkutsk State University with the participation of the general public of Irkutsk, the Russian-Korean Friendship Society, heads of the Mayor's office of the sister city of Gangneung (Republic of Korea) and the Consulate General of the Republic of Korea in Irkutsk;

9) 2018–2021 – the regular use of the «Korean Garden» for various Russian-Korean cultural, ecological and botanical events (Sakura Festival, Arbor Day, Cold Food Festival, Korean Hangul Day, etc.), simultaneously included in the plans of educational and practical exercises for students of various university departments.

An important part of the development process was generating public support for the garden. Special attention was given to promoting the project's social, scientific and cultural benefits within the public of Irkutsk. All stages of the development and creation of the «Korean Garden» were well described in local and federal media. This was deliv-

ских храмах; 7) сады при аристократических школьных образовательных заведениях в городах (совонные сады); 8) сады вокруг погребальных мест членов королевской фамилии; 9) потаенные (секретные) сады, рассчитанные на уединение двух человек (например, для встреч на высшем уровне глав государств, двух крупных чиновников или для уединения влюбленной пары).

Несмотря на очень богатую флору и фауну с экологическими и ландшафтными пейзажами Корейского полуострова, изрезанного горными скальными массивами, из-за чрезвычайно ограниченной площади плодородной земли и ее высокой ценности, в отличие от европейской цивилизации с ее обычными большими рекреационными и продуктивными садами, большие сады оказывались недоступны для основной массы бедных жителей страны, которые могли создавать лишь небольшие сады в каменистом ландшафте. Корейский сад воспринимался не только как природное украшение жилища, а как естественное

продолжение уюта семейного очага. По сравнению с размерами традиционных садов в Китае или в Японии масштаб типичного корейского сада намного меньше, поскольку этот сад буквально «прилеплен» к дому, а ограниченное количество деревьев и кустарников приходилось выбирать символически. Именно поэтому большие сады в истории Кореи на самом деле не были популярны, и лишь королевские семьи и представители богатых семейств высшего сословия на обширных землях могли содержать свои крупные сады и наслаждаться ими.

Считается, что основная ландшафтная структура традиционного корейского сада находится в контексте прилегающих скал, холмов, ручьев и зданий и, в отличие от садовых стилей Китая и Японии, хорошо гармонирует с природой [16]. Дорожки в традиционном корейском саду обычно не прямые, а зигзагообразные и извилистые с разным типом каменистого мощения или деревянные, что тоже является их характерным ландшафтным отличием.

Несмотря на различия по назначению, корейские сады весьма натуральны и просты, но все они обязательно включают следующие опорные элементы: извилистые дорожки, небольшие холмы, напоминающие горы, пространство маленького «сада камней», ручьи или речки, водоемы, бассейны, водопады, мостики, сосны, грушевый, яблоневый сад, другие плодоносящие и декоративные деревья, а также немногие пищевые и декоративные травянистые культуры. В качестве основных материалов для строений типа павильонов и беседок для времяпровождения, рисования, отдыха или для игр в шахматы в окружении красивых растений используются преимущественно бамбук, сосна, камни, песок, керамическая глазурованная плитка, а особенно тщательное внимание уделяется расположению крупных камней, которые считаются главными элементами построения ландшафта традиционного корейского сада.

Хотя Корея, Китай и Япония исторически связаны во многих отношениях и имеют глубокую связь общего культурного наследия, эти страны имеют некоторые отличия своих культурных традиций и имеющихся ресурсов. Считается, что со сценической точки зрения, эти три страны из-за различий в образе жизни и ус-

в Главные ворота и ограждение Корейского сада / The main entrance gate and fence of the Korean Garden

ered through targeted marketing, including mass media promotion, and workshops and lectures for scientific and environmental community.

Garden Characteristics and Identity. The "Korean Garden" is a special landscape tradition that combines simple elements of nature with the spiritual and material Korean culture. This style, more than two thousand years old, and is based on "morality, righteousness and practical ethics", where nature is not so much the embodiment of grace and beauty, but a resource for spiritual and mental development, a practical tool for achieving harmony of spirit and body [4]. The Korean Garden is a means of exploring the history and culture of Korea [13]. The Korean economy has demonstrated remarkable growth since the 1950s, growing from one of the world's least advanced economies to a global tech super power (from a GDP level of less than \$50 per capita per year to \$ 28,606 in 2019 [3]). Paradoxically, this accelerated development has led to a dramatic increase in the urban population of up to 90% and to widespread environmental damage, including pollution of the air, water and soil. This has driven a heavy decline in biodiversity and the extinction of a number of species. Plant diversity has suffered from urbanization and habitat loss as well as the illegal collection of wild plants. The richness of flora and habitat diversity in Korea has significantly deteriorated and is seriously threatened

by high population density and rapid industrialization, as well as the illegal collection of wild plants for ornamental, medicinal and food purposes. As a result of various types of human activities, the natural areas of Korea, including 22 national parks, have been severely fragmented and survive only as protected ecological "green islands-enclaves" surrounded by highly modified cultivated and industrial lands [8]. As a response to environmental loss, there has been a huge investment in botanical gardens and arboreta, created as agents of educational and environmental change, with a specific responsibility for plant biodiversity conservation and preservation of horticultural traditions [7, 15]. After the booming economic development of the 1970s in Korea, the "garden idea" is becoming more and more popular. For example, wealthy businessmen now own luxury home gardens, a trend that has spread to middle-class home gardens in recent years, in connection with the interest in the phenomenon of rapid technological development of the Republic of Korea both in the country itself and abroad. A general interest in oriental culture and in traditional Korean gardens, which European civilization has opened relatively recently, has also begun to grow. Koreans are beginning a renaissance of public and civic horticulture and rediscovering a horticultural heritage. Korean garden design has become a benign agent of diplomacy. In the last two decades, cities of France, Germany, Sweden, Mexico,

в Устрашающие шаманистские деревянные идолы «Чансын» (Поксу) - особые обереги и защитники, символы «духов места» Корейского сада / The frightening shamanistic wooden idols "Changseng" (Poksu) are special amulets and protectors, symbols of the "spirits of the place" of the Korean Garden

Turkey, Egypt, Canada, USA, Ukraine have created traditional «Korean gardens» [https://clck.ru/X2wDx].

Unfortunately, most Korean Botanic Gardens and Arboreta have very limited ability to combine their design and development projects with traditional Korean culture. Currently, for example, only the Cholipo Arboretum, the Wando Arboretum, Anmyondo Arboretum, Sejong National Arboretum, Daegu Arboretum, the Garden of Morning Calm own and maintain traditional Korean landscape architecture [9].

Very few old Korean gardens have survived due to many wars and invasions over the centuries. It is believed that in terms of the style and purpose of the "Korean gardens", in many respects, are similar to the Chinese or Japanese ones, but in general they can be subdivided into several groups: 1) palace gardens; 2) private gardens in the residences of wealthy citizens; 3) flower and decorative gardens at rural houses and suburbs; 4) orchards in villages; 5) pavilion gardens of public places in the city; 6) gardens at Buddhist temples; 7) gardens at aristocratic educational institutions in cities (sowon gardens, 서원); 8) gardens around the burial places of the royal family members; 9) secluded (hidden, secret) gardens, designed for the privacy of two people (for example, for summits of state leaders, or two senior officials, or for the privacy of a couple in love).

Despite the very rich flora and fauna of the ecological and scenic landscapes of the Korean Peninsula, indented by mountain rock massifs, due to the extremely limited area of fertile land and its high value, large gardens turned out to be inaccessible to the majority of the poor people of the country, who could create only small gardens in the rocky landscape. This is in stark contrast to European civilization with its common large recreational and productive gardens. The Korean garden was perceived not only as a natural decoration of the home, but as a natural continuation of the comfort of the family hearth. Compared to the size of traditional gardens in China or Japan, the scale of the typical "Korean garden" is much smaller, as this garden is literally "stuck" (attached) to the house, and the limited number of trees and shrubs had to be chosen symbolically. This is why large gardens were not really popular in Korean history, and only royalty and wealthy upper-class families on vast estates could maintain and enjoy their large gardens.

It is believed that the main landscape structure of the traditional "Korean garden" is in the context of adjacent cliffs, hills, streams and buildings, and unlike the garden styles of China or Japan, it harmonizes well with nature [17]. The paths in the traditional "Korean garden" are usually not straight, but zigzag and winding with different types

ловий окружающей среды имеют разные направления духовной ориентации садов: нерегулярную асимметрию, открытость и ориентирование вовне для традиционного корейского домашнего сада, а для японского – вовнутрь, тогда как китайский имеет двустороннюю ориентацию, или симметричность [17]. Поэтому устройство традиционного корейского сада воплощает философию приспособления к естеству природы, слияния с природой, а не философию подчинения природы. Поэтому в отличие, например, от японских и китайских закрытых садов во дворах, традиционные корейские сады выглядят преимущественно как открытые природные пространства за невысокими ограждениями или без них. При этом такие традиционные сады служат вполне прагматическим задачам выращивания пищевых и лекарственных растений, являются комфортными местами семейного отдыха и времяпровождения. Корейские сады традици-

онно имеют глубокую символичность, выражающуюся через камни, воду и растения. Считается, что излюбленная корейская сосна – это символ долголетия, цветущие магнолии – символ благополучия и достатка и т. п. Бытует мнение, что корейский сад с его многообразием ландшафта и элементов должен выглядеть естественнее, чем сама природа.

Согласно традиции, основные ландшафтообразующие древесные растения национальных корейских садов – это вечнозеленые хвойные виды (сосна, можжевельник и др.), бамбуки, дубы, красиво цветущие (магнолия, груша, вишня, яблоня, рододендроны, азалии) и некоторые другие сопутствующие декоративные, орехоплодные и плодово-ягодные растения [8]. К моменту начала работы живая учебно-научная коллекция Ботанического сада ИГУ насчитывала более 3,5 тысяч видов растений, из которых около 70 видов-интродуцентов рассматривались как подходящие для Корейского сада. Поэтому в создаваемый Корейский сад на площади около 1,3 тыс. м² вошли следующие основные коллекционные растения из регионов российского Дальнего Востока, Кореи и Северного Китая, которые за много лет до этого момента были успешно интродуцированы в Ботаническом саду ИГУ (табл. 1). Их культивированию способствовал благоприятный, более теплый микроклимат юго-западного склона Кайской горы, где расположены все растительные коллекции Ботанического сада ИГУ.

Таблица 1. Древесные и травянистые растения, используемые для проекта Корейский сад» (список видов) / Table 1. Woody and herbaceous plants used for the «Korean Garden» project

Латинские названия / Latin names	Английские названия / English names	Русские названия / Russian names
Древесные растения / Woody plants		
<i>Berberis koreana</i> Palib.	Korean Barberry	Барбарис корейский
<i>Corylus heterophylla</i> Fisch. ex Trautv.	Common hazel	Лещина разнолистная

v Деревянный мостик через сухой ручей / Wooden bridge over a dry stream

of stone or wooden paving, which is also a characteristic landscape difference.

Despite the differences in purpose, the "Korean gardens" are very natural and include the following elements: winding paths, small hills resembling mountains, the space of a small "rock garden", streams or rivers, water reservoirs, pools, waterfalls, bridges, pines, pear, apple orchards, other fruit-bearing and ornamental trees, as well as a few edible and ornamental herbaceous plants. Bamboo, pine, stones, sand, glazed ceramic tiles are mainly used as the main building materials for pavilions and gazebos, spaces for recreation, drawing, relaxing or playing chess, surrounded by beautiful plants. Careful attention is paid to the location of large stones, which are considered the main elements of landscape construction of a traditional "Korean garden".

Although Korea, China and Japan are historically linked in many ways and share a deep cultural heritage, these countries differ in their own cultural traditions and resources. It is believed that from a scenic point of view, these three countries, with their differing lifestyles and environmental conditions, have different directions of spiritual orientation of their gardens. For instance, irregular asymmetry, openness and outward orientation for the traditional Korean home garden, and for the Japanese – inward orientation, while Chinese has

a two-way orientation, or symmetry [1]. Therefore, the arrangement of the traditional "Korean garden" embodies the philosophy of adapting to the nature core, merging with nature, and not the philosophy of subordinating nature. Therefore, for example, in contrast to Japanese or Chinese indoor gardens in the yards, traditional "Korean gardens" look predominantly as open natural spaces with or without low fences. At the same time, such traditional gardens serve quite pragmatic tasks of growing food and medicinal plants, are comfortable places for family recreation and pastime. The Korean Gardens traditionally have deep symbolism, expressed through stones, water and plants. The Korean pine is a symbol of longevity, and the blooming magnolias are a symbol of well-being and prosperity. There is an opinion that the Korean garden should look more natural than nature itself with its variety of landscapes and garden elements.

Traditionally, a selection woody plants characterizes the national Korean gardens: these include evergreen conifers (pine and juniper), bamboos, oaks, beautifully flowering trees and shrubs (magnolia, pear, cherry, apple, rhododendron, azalea) and some other accompanying decorative, nut and fruit-and-berry plants [6]. By the time the work began, the living educational and scientific collection of the ISU Botanic Garden included more than 3.5 thousand plant species, of which

<i>Crataegus maximowiczii</i> C. K. Schneid	Crataegus Maximowiczii	Боярышник Максимовича
<i>Euonymus maackii</i> Rupr.	Euonymus Maackii	Бересклет Маака
<i>Fraxinus mandshurica</i> Rupr.	Manchurian ash	Ясень маньчжурский
<i>Juglans mandshurica</i> Maxim.	Manchurian walnut	Орех маньчжурский
<i>Pinus sylvestris</i> L.	Scots pine	Сосна обыкновенная
<i>Prinsepia sinensis</i> (Oliv.) Oliv. ex Bean	Chinese prinsepia	Принцепия китайская
<i>Prunus mandshurica</i> (Maxim.) Koehne	Manchurian Apricot	Абрикос маньчжурский
<i>Pyrus ussuriensis</i> Maxim. ex Rupr.	Ussuri pear	Груша уссурийская
<i>Quercus mongolica</i> Fisch. ex Ledeb.	Mongolian Oak	Дуб монгольский
<i>Spiraea japonica</i> L.	Japanese spiraea	Спирея японская
<i>Spiraea media</i> Schmidt	Medium spiraea	Спирея средняя
<i>Syringa reticulata</i> subsp. amurensis (Rupr.) P.S.Green & M.C.Chang	Amur lilac subspecies	Сирень сетчатая подвид амурский, амурская сирень (трескун)
<i>Viburnum burejaeticum</i> Regel & Herd.	Viburnum bureinskaya (Buryat)	Калина буреинская
<i>Viburnum sargentii</i> Koehne	Viburnum Sargentii	Калина Саржента
<i>Vitis amurensis</i> Rupr.	Amur grape	Виноград амурский

Травянистые растения /Herbaceous plants		
<i>Aruncus dioicus</i> var. kamtschaticus (Maxim.) Hara	Kamchatka goat's beard, or Asian goat's beard	Волжанка двудомная разновидность камчатская
<i>Athyrium filix-femina</i> (L.) Roth	Feminine cochedron	Кочедыжник женский
<i>Chrysanthemum × koreanum</i> Hort.	Korean garden chrysanthemum	Хризантема корейская
<i>Hemerocallis middendorffii</i> Trautv. & C. A. Mey.	Middendorf Daylily	Лилейник Миддендорфа
<i>Iris halophila</i> Pall.	Saline iris	Ирис солончаковый
<i>Iris sibirica</i> L.	Siberian iris	Ирис сибирский
<i>Matteuccia struthiopteris</i> (L.) Tod.	Common ostrich-plant	Страусник обыкновенный

Корейский сад расположили в северной стороне Ботанического сада ИГУ на менее загруженной части Большого дендрария, на которой уже присутствовали коллекционные посадки многих крупномерных корейских растений, где разместили информационные стенды около входных ворот. Сад выполнен в традиционном корейском стиле с невысоким деревянным ограждением, с извилистыми дорожками. В него включены ключевые элементы: массивные главные входные ворота, беседка, различные скамейки, светильники, малые архитектурные формы (деревянные шаманистские идола «Чансын», сад камней, деревянный бассейн и др.), каменные мостики и деревянные переходы, водоем и сухой ручей, дорожки из камня и дерева, обереги «Соттэ». Из стволов местных сибирских сосен были изготовлены и вырезаны особые обереги и защитники «Чансын» (Поксу) – символы «духов места» в виде фаллических тотемов и одновременно шаманистских устрашающих деревянных изваяний. Часть материалов привезена из Кореи, например, 1) черепица в национальном стиле; 2) обереги «Соттэ» из шести парящих уток на шестах, изготовленных из древесины,

> Проведения публичных мероприятий празднования национального «Дня Корейской письменности, 한글날» в 2019 году / Hosting public events to celebrate the National Korean Hangul Day (한글날) in 2019

которые традиционно устанавливаются около входа в жилую зону поселения.

Схема зонирования территории включает: А) активную зону сада для посетителей (место для активного отдыха, двигательной активности, игр и т. п.); В) пассивную зону (рекреационная зона для спокойного отдыха и созерцания); С) входную зону около ворот (вводная и ориентационная зона с площадкой, информационными стендами и небольшой деревянной сценой для публичных мероприятий). Дорожно-тропиночная сеть и некоторые архитектурные элементы различимы даже на космических фотоснимках.

Сохранение культуры и природы. Кроме использования в учебно-научных целях для студентов-биологов Иркутского госуниверситета, учащихся и слушателей двух Корейских центров в структуре госуниверситета (в Международном институте экономики и лингвисти-

ки ИГУ и в Институте филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций ИГУ), Корейский сад также обрел множество других природопользователей. Преподаватели ИГУ и студенты, изучающие корейский язык, регулярно проводят здесь различные гуманитарные мероприятия совместно с Российско-корейским обществом дружбы, Иркутской областной общественной организацией «Центр корейской культуры» и многочисленными представителями корейской диаспоры, проживающими в регионе. Например, ежегодное празднование Дня Корейской Письменности и Дня Посадки Деревьев с большим количеством приглашенных, для которых при участии Генерального Консульства Кореи проводятся выступления и знакомство посетителей с традиционной корейской кухней и лечебными растениями, что имеет прямое отношение к вопросам рационального природопользования и использования биоразнообразия растений. Например, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций ИГУ на своей территории в центре города при помощи Ботанического сада также устроил мини-сад из корейских растений. Кроме того, экскурсии и производственную практику в рамках различных дисциплин здесь проходили студенты Братского госуниверситета, Иркутского государственного аграрного университета, Иркутского национального исследовательского технического университета, проводятся экскурсии для школьников, учащихся колледжей и средних учебных заведений региона. Несомненно, он будет в дальнейшем расширен и использоваться как мультидисциплинарный учебный предмет в процессе обучения по таким дисциплинам, как география, экономическая ботаника, фармакогнозия, менеджмент, ландшафтный дизайн, искусствоведение, изобразительное искусство, кулинарное искусство и др.

Заключение

По аналогии с другими корейскими садами мира, в практику использования «Корейского сада города Каннин» в Ботаническом саду ИГУ уже входит традиционная корейская музыка, танцы, представления, каллиграфия, национальная кулинария, чайная церемония и т. п., что будет способствовать его расцвету, поддержанию долговременных связей с ботаническими садами, арбо-

about 70 introduced species were considered suitable for the "Korean Garden". Therefore, created on an area of about 1.3 thousand square meters of "The Korean Garden" included the following main collection plants from the regions of the Russian Far East, Korea and Northern China, which had been successfully introduced in the Botanic Garden of ISU many years before (Table 1). The planting was facilitated by the favorable warmer microclimate of the southwestern slope of the Kaiya Mountain, where all the plant collections of the Botanic Garden of the Irkutsk State University are located.

The "Korean Garden" is located in the northern corner of the ISU Botanic Garden on the quieter side of the "Big Arboretum". This area already had important plantings of many large Korean plants, and information stands were placed near the entrance gate. The garden is designed in a traditional Korean style with a low wooden fence and winding paths. It includes key elements: massive main entrance gates, a gazebo, various benches, lamps, small architectural forms (wooden shamanistic idols "Changseng", a rock garden, a wooden bath, etc.), stone bridges and wooden walkways, a pond and a dry stream, paths made out of stone and wood, "Sotte" amulets. Special amulets and protectors "Chansyn" (Poksu) – symbols of the "Spirits of the place" – in the form of phallic totems and frightening shamanistic wooden

statues were carved from the trunks of local Siberian pines. Some of the materials were brought from Korea, for example, 1) tiles in the national style; 2) wooden "Sotte" amulets of six soaring ducks on poles, which are traditionally installed near the entrance to the residential area of a settlement.

The zoning scheme of the territory includes: A) an active zone of the garden for visitors (a place for outdoor activities, physical activity, games, etc.); B) passive zone (recreational area for quiet rest and contemplation); C) the entrance area near the main gate (introductory and orientation area with a platform, information stands and a small wooden stage for public events). The network of paths/trails and some architectural elements are discernible even in space photographs.

The Conservation of Culture and Nature. The Korean Garden is a venue for cultural activities. The International Institute of Economics and Linguistics at ISU and at the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications at ISU use the «Korean Garden» as a teaching resource. ISU teachers and students studying the Korean language regularly hold various activities here together with the Russian-Korean Friendship Society, the Irkutsk Regional Public Organization "Center of Korean Culture" and numerous representatives of the Korean diaspora living in the region. Events include: the

ретумами и университетами Кореи, взаимовыгодному сотрудничеству двух народов.

Мы принимаем во внимание тот факт, что лучший способ достижения устойчивого социально-экономического развития – это продвижение устойчивых отношений между людьми, растениями и окружающей средой, которые могут быть продемонстрированы в таких этноботанических садах, как Корейский сад для обоюдного обмена садовыми инновациями и трансфера экологических технологий между людьми по всему миру.

Благодарности: Авторы благодарят д-ра М. Маундера и журналиста О. Ю. Сорокину за вклад в редактирование и помощь при переводе статьи на английский язык.

Литература

1. Кузеванов, В. Я. Развитие Иркутского Ботанического сада как рекреационно-туристического объекта международного уровня (информационный буклет). – Иркутск : ИГУ, 2007. – 4 с. [Электронный ресурс]. – URL: <<http://https://clck.ru/X2rSk>>
2. Справочник инвестора Иркутской области : Специальное издание к V Байкальскому экономическому форуму. – Иркутск : Изд-во «Время странствий», 2008. – 86 с. – URL: <<https://clck.ru/X2rek>>
3. Кузеванов, В. Я., Пономарев, А. В. Создание корейского сада в г. Иркутске в «Сердце Азии» (Proposed Korean Garden Creation Irkutsk in "The Heart of Asia"). – Иркутск : Издано при поддержке Русского географического общества, 2015. – 10 с. – URL: <<https://clck.ru/X2rm9>>
4. Ponomarev A., Kuzevanov V., Son Il-Suk. The Korean Garden Project for Irkutsk, Siberia. A Multifunctional Ethnobotanical Resource for Conservation and International Cooperation. In: Sharing Experience in Management and Education in Botanical Gardens and Arboreta. Proceedings of the International Symposium of East Asia Botanic Garden Network, Seoul, Republic of Korea, July 6th-9th, 2016. Seoul : Publisher "Korea National Arboretum and Korea Association of Botanical Gardens and Arboreta", 2016. – P. 131–140. – URL: <<https://clck.ru/X2rnv>>
5. Сизых, С. В., Кузеванов, В. Я., Песков, В. П., Белозерская, С. И. Садовая терапия: использование ресурсов ботанического сада для социальной адаптации и реабилитации. – Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 2006. – 47 с. – URL: <<https://clck.ru/X2rpN>>

6. Kuzevanov V., Matsushima H., Yamada T., Szykh S., Ponomarev A. First Japanese Garden in the Heart of Asia. // Project Baikal, 2015. - Vol.46. - P. 110-115. – URL: <<https://clck.ru/X2rsb>>

7. Голосова, Е. В. Проблемы формирования и становления восточно-азиатских и западноевропейских садов и парков под влиянием садоводческих традиций Китая: автореферат дис. ... доктора сельскохозяйственных наук / Моск. гос. ун-т леса. – Москва, 2011. – 47 с.

8. Hong K. P. Korea's Gardens: The Beauty of Natural Harmony. Korea, November 2013. - P. 6-13. – URL: <<https://clck.ru/X2rxe>>

9. Heo K. Gardens of Korea: Harmony with Intellect and Nature, London, 2005. -159 p.

10. Matthews J. Traditional Korean Gardens // Landscape Outlook, 2012. – P. 12–16. – URL: <<https://clck.ru/X2s63>>

v Традиционная Корейская беседка, характерная для северных районов Республики Корея / Traditional Korean gazebo, typical for the northern regions of the Republic of Korea

annual celebration of "Korean Writing Day, or Hangul Day (한글날)" and "Arbor Day, or Sikkogil (식목일)" on April 5th when visitors are introduced to traditional Korean cuisine and medicinal plants and the linked themes of crop diversity and land management. The Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications of the ISU within its city center has set up a mini-garden of Korean plants. Excursions and practical training are held at the «Korean Garden» by students of the Bratsk State University, Irkutsk State Agrarian University, Irkutsk National Research Technical University. In addition there are regular excursions for schoolchildren, students of colleges and secondary educational institutions from the region. Undoubtedly, the "Korean Garden" will be widely used as a cross-disciplinary educational facility for many disciplines including geography, ethnobotany, economic botany, pharmacognosy, management, landscape design, fine art and art history, etc.

Conclusion.

We plan to strengthen the cultural or ambassadorial role of the "Korean Garden of Gangneung City" by developing a calendar of teaching and performances, including traditional Korean music, dance, calligraphy, national cuisine and tea ceremony, cooking, etc., which

will contribute to its flourishing, maintaining long-term relations with universities, botanic gardens and arboreta in Korea, and ultimately beneficial cooperation between the two peoples.

We propose that a good way to achieve sustainable socio-economic development is to promote sustainable relationships between people, plants and the environment, which can be demonstrated in ethnobotanical gardens such as «The Korean Garden» for mutual exchange of horticultural innovations and transfer of environmental technologies. Such gardens facilitate cultural exchange, celebrate the role of plants and landscape in culture and are facilities for promoting a sustainable future.

Acknowledgments: The authors thank Dr. Mike Maunder and Mrs. Olsy Sorokina for their great contribution to the article and for the assistance with the translation into English.

11. Григорьев, Л., Павлюшин, В., Кулаев, Н. Республика Корея: успехи и проблемы развития // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. – 2019. – № 43, апрель. – 20 с. – URL: <<https://clck.ru/X2s8R>>
12. Kim Y. S. Conservation of plant diversity in Korea. // Landscape and Ecological Engineering, 2006. – Vol. 2. – P. 163-170. – URL: <<https://clck.ru/X2sBx>>
13. Jackson P. W. 2014. The Global Strategy for Plant Conservation – an opportunity and responsibility for Korean botanic gardens and arboreta (in Korean only). // Journal of the Korean Association of Botanical Gardens and Arboreta (KABGA), January 2014. - Vol. 41. - P. 28-35. – URL: <<https://clck.ru/X2sFQ>>
14. Shin H. T., Kim S. J., Sung J. W. Key words analysis of arboretum and botanical garden using big data. // Journal of Forest Recreation, 2020. – Vol. 24(2). – P.1-10.
15. Kim Y.-S. Introduction to Chollipo Arboretum Foundation, Republic of Korea. // Hortus Botanicus, 2018. - Vol. 13. - P. 23-36. – URL: <<https://clck.ru/X2sN5>>
16. Васильев Г.Э. 2018. К вопросу изучения особенностей планировки садов Кореи // Вестник ландшафтной архитектуры, 2018. – № 13. – С. 9–13. – URL: <<https://clck.ru/X2sY5>>
17. Ahn G. B. Comparison of characteristics of traditional gardens among Korea, China and Japan. // Landscape Design, P. 16–27. In Landscape Architecture. Dami Publishing Company, Seoul, 2002. – 250 pp.

References

1. Ahn G.B. 2002. Comparison of characteristics of traditional gardens among Korea, China and Japan. Landscape Design, p. 16-27. In Landscape Architecture. Dami Publishing Company, Seoul. 250 p.
2. Golosova E.V. 2011. Problems of the formation and design of East Asian and West European gardens and parks under the influence of the horticultural traditions of China. Dissertation Thesis.... Doctor of Agricultural Sciences / Moscow State Univ. of Forestry. Moscow - 47 p.
3. Grigoriev L., Pavlyushin V., Kulaev N. 2019. Republic of Korea: successes and development problems. Bulletin on Current Trends in the World Economy. April 2019, No. 43. - 20 p. <<https://clck.ru/X2s8R>>
4. Heo K. 2005. Gardens of Korea: Harmony with Intellect and Nature, London - 159 p.
5. Investor's Directory of the Irkutsk Oblast. 2008. "Special edition for the Baikal Economic Forum" Irkutsk: Publishing house "Time of wanderings", 2008. - 86 p. <<https://clck.ru/X2rek>>

6. Hong K. P. 2013. Korea's Gardens: The Beauty of Natural Harmony. Korea, November 2013. - P. 6-13. <<https://clck.ru/X2rxe>>
7. Jackson P. W. 2014. The Global Strategy for Plant Conservation – an opportunity and responsibility for Korean botanic gardens and arboreta (in Korean only). Journal of the Korean Association of Botanical Gardens and Arboreta (KABGA), January 2014, Vol. 41. - P. 28-35. <<https://clck.ru/X2sFQ>>
8. Kim Y. S. 2006. Conservation of plant diversity in Korea. Landscape and Ecological Engineering Vol.2. - P 163-170. <https://clck.ru/X2sBx>
9. Kim Y.-S. 2018. Introduction to Chollipo Arboretum Foundation, Republic of Korea. Hortus Botanicus, Vol. 13. - P. 23-36. <<https://clck.ru/X2sN5>>
10. Kuzevanov V., Matsushima H., Yamada T., Szykh S., Ponomarev A. 2015. First Japanese Garden in the Heart of Asia. Project Baikal, Vol.46. - P. 110-115. <<https://clck.ru/X2rsb>>
11. Kuzevanov, 2007. Development of the Irkutsk Botanic Garden as a recreational and tourist object of international level (information booklet). Irkutsk: ISU.- 4 p. <<https://clck.ru/X2rSk>>
12. Kuzevanov V., Ponomarev A. 2015. Creation of a Korean garden in the city of Irkutsk (Proposed Korean Garden Creation in «The Heart of Asia»). Irkutsk : Published with the support of the Russian Geographical Society. - 10 p. <<https://clck.ru/X2rm9>>
13. Matthews J. 2012. Traditional Korean Gardens. Landscape Outlook. - P. 12-16. <<https://clck.ru/X2s63>>
14. . Ponomarev A., Kuzevanov V., Suk S.I. 2016. The Korean Garden Project for Irkutsk, Siberia. A Multifunctional EthnoBotanical Resource for Conservation and International Cooperation. In: Sharing Experience in Management and Education in Botanic Gardens and Arboreta. Proceedings of the International Symposium of East Asia Botanic Garden Network, Seoul, Republic of Korea, July 6th-9th, 2016. Seoul: Publisher "Korea National Arboretum and Korea Association of Botanic Gardens and Arboreta". - P. 131-140. <<https://clck.ru/X2rnv>>
15. Shin H T., S. J. Kim and J. W. Sung. 2020. Key words analysis of arboretum and botanical garden using big data. Journal of Forest Recreation, 24(2). – P.1-10.
16. Szykh S.V., Kuzevanov V.Ya., Peskov V.P., Belozerskaya S.I. 2006. Horticultural therapy: using the resources of the botanic garden for social adaptation and rehabilitation. Irkutsk: Publishing House of Irkutsk State University. - 47 p. <<https://clck.ru/X2rpN>>
17. Vasiliev G.E. 2018. On the study of the peculiarities of the layout of the gardens of Korea. Bulletin of landscape architecture. No. 13. P. 9-13. <<https://clck.ru/X2sY5>>

*И две тысячи лет – война,
Война без особых причин.*

«Звезда по имени Солнце» (группа «Кино»)

На протяжении всей своей истории человечество воюет почти непрерывно. Города планировались и жили либо как крепости, способные держать оборону, либо как проницаемые структуры, которые можно быстро восстановить после разрушения. Люди, профессионально предназначенные для войны, всегда составляли особую касту и вызывали к себе особенное отношение. На наших глазах происходит небывалое – война меняет свой характер, становится необъявленной, невидимой, гибридной. Как город, его облик и функции будут реагировать на новые концепции войны? Как мы должны сохранить, изучить и осмыслить военный опыт предыдущих эпох, опыт воспитания «людей войны», воплощенный в архитектуре военных училищ?

Иркутск исторический не так давно потерял комплекс Красных казарм, связанный с историей Порт-Артура, и опять здесь неспокойно. Правда, со зданием юнкерского училища все в порядке: Министерство обороны взяло его под свою опеку и преобразует в суворовское училище. Но за сохранение в точности такого же здания кадетского корпуса развернулась настоящая война – в залах судов, общественных структурах.

Как обычно, мы не пытаемся закрыть эти вопросы, спрятаться от неудобных тем, но начинаем их обсуждение в серии статей.

ЕГ, КЛ

*And two thousand years of war.
The war without any special cause.
“The star called the Sun”
(band Kino)*

Throughout its history, humanity has been fighting almost constantly. Cities were designed either as fortresses capable to hold the fort, or as permeable structures, which can be quickly restored after destruction. People, whose profession is meant for war, have always been a special caste and evoked a special attitude. We are witnessing an unprecedented process: the war changes its character, becomes undeclared, invisible, hybrid. How will a city, its appearance and functions respond to the new concepts of the war? How should we preserve, study and comprehend the military experience of the previous eras, the experience of educating “people of war” embodied in architecture of military schools?

Not so long ago, historic Irkutsk lost the complex of Red Barracks related to the history of Port Arthur. The place is troubled again. While there is no problem with the building of the military school (the Ministry of Defense took it under their wing and is transforming it into the Suvorov School), there is a real war for preservation of exactly the same building of the cadet corps, which is fought in courts and public structures. As usual, we don't try to take these issues off the table or to hide away from inconvenient topics, but start discussing them in a series of articles.

**Elena Grigoryeva
Konstantin Lidin**

город и война / city and war

> Рис. 1. Цветная ксилография с видом средневековой Вероны из «Liber Chronicarum», составленной Хартманом Шеделем в 1493 г. Опоясанный крепостной стеной город визуализирует отношения внешнего и внутреннего пространств как противостояния локальной целостности и полноты, обращенной своими ландшафтными и архитектурными высотами к Небу (то есть к обители Духа, к Богу), и окружающей враждебной пустоты

В статье развивается тема города как визуального дискурса, уже нашедшая ранее отражение в публикации «Невидимая Москва» [1]. Влияние войны на концепты видимости/невидимости города и на их отношения анализируется с точки зрения мифо-ритуальных практик. Инверсии видимого и невидимого рассмотрены в контексте эволюции символизма города под влиянием военных угроз.

Ключевые слова: город; война; видимое; невидимое; мифология; символизм; визуальный дискурс; репрезентация. /

The article focuses on the city as a visual discourse. This topic was previously studied in the article "Invisible Moscow" (Salmin, 2018). The impact of the war on the concepts of visibility / invisibility of the city and their relationship is analyzed from the point of view of mytho-ritual practices. Inversions of the visible and invisible are considered in the context of evolution of the city's symbolism under the influence of the military threats.

Keywords: city; war; visible; invisible; mythology; symbolism; visual discourse; representation.

Город и война / The city and the war

текст

Леонид Салмин

Уральский архитектурно-художественный университет /

text

Leonid Salmin

Ural State University of Architecture and Art

Видимо–невидимо

В сегодняшнем мире мы часто слышим: «Увидеть – значит поверить». Вероятно, поэтому неодолимо притягивает все, что в силу тех или иных причин является для нас невидимым, включая и такие большие объекты, как города. Если невидимое мало, мы ищем такой инструмент видения, который позволит его увеличить. Если невидимое далеко, мы стремимся его приблизить. Если оно неохватно велико, мы ищем способ «широкого» восприятия. Во всех случаях превращения невидимого в видимое мы ищем такую физическую, социальную или мифологическую оптику, которая даст нам возможность поверить в реальность невидимого. И это понятно. Ведь в видимое мы уже верим. В невидимое же нам еще только предстоит поверить, сделав его видимым.

Сравнение городов мира по степени внятности и эффективности их визуальной репрезентации позволяет условно разделять их на «видимые» и «невидимые». Различие между видимыми и невидимыми городами заключается в объеме, формах и содержании осуществляемого ими самими визуального дискурса, в исторической, культурной, художественной, поэтической «самопроговоренности», в том, как сами города рассказывают о себе, в первую очередь, средствами визуальной речи.

Различая видимые и невидимые города именно по этому критерию, мы можем также понять, что видимость и невидимость находятся в постоянной взаимной инверсии: видимое при определенных условиях становится невидимым, а невидимое, наоборот – видимым. На грани видимого и невидимого строится сюжет жизни практически любого города.

Например, европейский средневековый город, опоясавший себя крепостной стеной, стремится укрыться от внешнего взгляда, стать невидимым для возможного врага. Однако внутри себя он стремится быть достаточно видимым для собственного населения и с этой целью обустроивает свои внутренние картины преимущественно средствами архитектуры и пространственной организации. Если мыслить город средневековья в окружающем ландшафте, то крепостная стена становится своеобразной осью поляризации его визуального дискурса.

А вот для современного европейского мегаполиса быть видимым важно как внутри, так и снаружи. Поэтому его визуальный дискурс опирается на все возможные сегодня средства зрительной репрезентации – от архитектурно-пространственного облика и средств наружной рекламы, выносящей в экстерьер улицы содержимое интерьерных внутренних пространств, до круглосуточного вуайеризма камер видеонаблюдения, делающих видимым любой потаенный уголок городского пространства. В отличие от средневекового города в мегаполисе наших дней ось поляризации визуального дискурса проходит не по линии крепостной стены, а скорее по линии социально-экономических или юридических ограничений на процесс тотальной экспансии средств видеонаблюдения.

Как на исторических, так и на современных примерах мы можем наблюдать, что город практически всегда обнаруживает определенное смещение вектора зрительной репрезентации в сторону «видимости» или, напротив, «невидимости». Для этого есть множество причин. Ниже мы попробуем разобрать некоторые историко-семиологические особенности урбанистической оптики, некоторые значимые символические категории и образы, определяющие визуальный дискурс города в контексте войны как одной из важнейших исторических детерминант отношений видимости и невидимости.

Увидеть сверху

Город как объект завоевания всегда наиболее ярко обнаруживает драматическую борьбу видимого и невидимого. В свете угрозы или непосредственно в ходе войны город стремится сделать себя невидимым для врага, скрыть от глаз противника свои богатства и святыни, свои ресурсы жизнеобеспечения и свои реальные оборонительные возможности. Враг же, напротив, прилагает разнообразные усилия к тому, чтобы сделать все это видимым для себя, уязвимым, доступным для завоевания. В борьбе города и внешнего завоевателя преимущество имеет тот, кто, сам оставаясь невидимым, делает противника видимым для себя.

Ключевую роль в этом всегда играло использование особенностей ландшафта, прежде всего – естественных высот. С одной стороны, возвышенность (гора или холм)

< Рис. 2. Противопоставление плотного тела города враждебной пустоте окружающего ландшафта отчетливо прочитывается в гравюрном изображении вида баварского Нордлингена. В отличие от многих городов европейского средневековья Нордлинген был построен не на возвышенности, а внутри естественного кольца – кратера, возникшего в этом месте метеорита 15 млн. лет назад

как место расположения города делает его видимым, хорошо обозримым со всех сторон (а потому потенциально уязвимым), с другой же стороны такое возвышенное положение дает защитникам города преимущества кругового обзора прилегающих территорий. В древности обороняющийся город разрешает это противоречие возведением высокой крепостной стены, которая становится для него главным средством невидимости. Дополнительные возможности визуального контроля окружающего пространства предоставляют высотные архитектурные сооружения внутри самого города – колокольни соборов, башни, высокие дома – все те точки, откуда город и окружающий его ландшафт предстают как бы с птичьего полета, в ракурсе, позволяющем одновременно охватить взглядом город как целое, как план. Именно такая визуализация, такой взгляд на город сверху, позволяющий увидеть его как грядущую добычу, во всей наготе скрытых за крепостной стеной подробностей – мечта завоевателей всех времен.

Война артикулирует два главных вектора визуальной риторики города: вертикальный – горный, обращенный, прежде всего, к высшему Творцу и Защитнику, и горизонтальный – вектор брэнного противостояния земным угрозам и напастям. Именно крест, образованный этими двумя символическими векторами, европейский город несет на себе сквозь время и толщи истории.

Война безусловно предпочитает план города его виду. На протяжении всей истории городов война стимулирует поиск, а в XX веке, наконец, – создание и применение средств наблюдения за городом сверху – от аэростатов, воздухоплавательных аппаратов и авиации до сложнейших спутниковых систем. Вид города, открывавшийся взгляду средневекового вооруженного воина пехоты, не отличался от того, что видел обычный путник. Воин на коне, чей зрительный горизонт чуть выше, мог узреть немногим больше. В представлениях средневековья лишь небесные обитатели – от птиц до ангелов – могли созерцать город как целое.

Открытость и возвышенность

Итак, в преддверии и во время войны город старается стать невидимым, тогда как завоеватель стремится

максимально визуализировать его, запастись как можно более полными и точными зрительными образами города – от видовых зарисовок отдельных фрагментов до детального плана его устройства. В контексте войны визуальный дискурс города резко поляризуется и одновременно, в едином пространстве порождает инверсии видимого и невидимого, открытого и закрытого. Открытость и закрытость (видимость и невидимость) города становятся не только важнейшими факторами выбора тактики его завоевания: они выступают правовыми и этическими категориями ведения войны в целом. Так, например, Гагская конференция 1907 года приняла положение «О законах и обычаях сухопутной войны», в котором вводится правовое понятие «Открытый город». Таковым считался город, который одной из воюющих сторон объявлялся незащищенным и потому не мог стать театром военных действий. Статья 25 гагского положения запрещала атаковать или подвергать бомбардировке незащищенные города. Таким образом, видимый, открытый глазу город в контексте войны мыслился как безоружный, как этически неприемлемый объект военного насилия.

Примечательно, что во время Второй мировой войны статус «Открытого города» имели Рим и Париж. Риму – городу возвышенного положения, городу на холмах – свойство видимости, открытости, а значит, и незащищенности присуще имманентно не только в силу его ландшафтных особенностей, но гораздо более – в силу величайшего значения, которое этот город имел для всей европейской истории с момента его основания до наших дней. Рим, переживший за свою жизнь не одно поколение завоевателей, настолько стар, что для военного взгляда он весь как на ладони. Опыт многочисленных войн давно превратил его в театр военных действий в самом прямом, сценографическом смысле. Если и есть в Риме что-то невидимое, то оно где-то внутри, далеко за фасадами великолепных архитектурных декораций. Знаменитый фильм Роберто Росселлини «Рим – открытый город» – как раз про это невидимое. Герои прячутся, гестапо ищет. Всего лишь случай (дети взорвали ночью недалеко от дома цистерну с бензином) делает невидимое видимым. Затем, опять же волею случая (участники

Сопротивления нападают на автоколонну), происходит обратная инверсия. Третья инверсия невидимого и видимого становится драматической развязкой сюжета – все герои погибают.

Париж – тоже «Открытый город». Устремившийся ввысь не только древними каменными башнями Нотр-Дам, но и стальными кружевами Эйфелевой башни, увенчавший вершину Монмартрского холма куполами базилики Сакре-Кер, этот город завоевал право быть видимым, открытым даже во время самой страшной войны. Когда в июне 1940 года Адольф Гитлер совершил свой «невидимый» визит в столицу поверженной Франции, в программу его экскурсии были включены несколько важнейших парижских возвышенностей. Первая – старый парижский холм Трокадеро, точнее, сложившийся на его вершине к концу тридцатых годов XX века ансамбль площади Трокадеро и дворца Шайо. Отсюда, свысока, Гитлер созерцал величественную перспективу, украшенную вертикалью

Эйфелевой башни, за которой разворачивалась впечатляющая панорама значительной части Парижа. Любопытно, что когда-то другой завоеватель Европы – Наполеон – планировал построить на этом возвышенном месте грандиозный Дворец Короля Рима (по-видимому, тема города на холмах – возвышенного, видимого – не давала покоя многим поколениям завоевателей).

Второй «возвышенностью» на пути парижской экскурсии рейхсканцлера была Эйфелева башня. По техническим причинам (получившим, разумеется, символическое толкование) Гитлер не смог подняться на верхнюю площадку сооружения, дабы окинуть поверженный Париж с высоты его главной вертикали, высказавшись, однако, в том смысле, что завоевавшему Францию незачем завоевывать Эйфелеву башню.

Наконец, третьей возвышенной точкой маршрута, его кульминацией стал Монмартрский холм, откуда открывается такой грандиозный и целостный вид на город,

^ Рис. 3. Гравюра с изображением средневекового Нюрнберга замечательно демонстрирует диалектику видимости-невидимости города-крепости. Содержимое внутреннего пространства города, невидимое для врага за высокой крепостной стеной, передается с необычайной иконографической тщательностью. Ни пространственная удаленность, ни размывающая видимость дальней атмосферная оптика не в силах ослабить внимание автора изображения к деталям городского тела. Подобная иконография вида города как бы предвосхищает его план

^ Рис. 4. На гравюрном плане Нюрнберга мы находим город как единовременно видимое целое. Здесь с зоркостью парящего орла и дотошностью бесстрастного каталогизатора автор представляет все те подробности города, которые так нелегко запечатлеть на его виде с пешего, наземного горизонта

^ Рис. 5. На этой фотографии, сделанной с самолета, запечатлен грандиозный ансамбль сооружений парижской Всемирной выставки 1937 г. Крылья дворца Шайо «обнимают» территорию экспозиции, фланкированную вдоль набережной Сены развернутыми навстречу друг другу павильонами СССР (слева) и Германии (справа). Когда летом 1940 г. Гитлер стоял на высокой смотровой площадке дворца Шайо (отмечена красной точкой), павильонов выставки уже не было, но павший город продолжал быть мировым урбанистическим шоу

какой доступен лишь вольным птицам или неприменимым в ситуации «Открытого города» силам люфтваффе. Именно здесь Гитлер, по свидетельству сопровождавшего его главного архитектора Третьего Рейха Альберта Шпеера, сказал, расчувствовавшись: «Увидеть Париж было мечтой всей моей жизни. Не могу выразить, до чего я счастлив, что сегодня эта мечта сбылась!»

Увидел – победил

Таким образом, даже в условиях войны город может оставаться видимым, предстая в своей открытости, обнаженности и незащищенности воплощенной мечтой завоевателя. Визуальный дискурс города в контексте войны противоречив и парадоксален. Военная победа над городом находит выражение в разнообразных формах его видимости и невидимости. Завоеватель снисходительно (то есть снисходя до него взглядом и милостью своей) позволяет городу оставаться видимым при условии его унижения, когда павший распластан где-то внизу, у ног победителя. Но если город оказывает сопротивление, если всем видимым своим обликом и невидимым духом противостоит захватчику, то главное желание завоевателя – стереть этот город с лица земли, сделать его абсолютно невидимым. Именно такой план осуществили в апреле 1937 года бомбардировщики легиона «Кондор» в отношении сакрального для населения Страны Басков городка Герника. Именно такой план несколькими годами позже Гитлер имел в отношении осажденного Ленинграда.

История крупнейших авианалетов на города в период Второй мировой войны – от разрушительнейших нацистских бомбардировок Варшавы (сентябрь 1939) и Роттердама (май 1940) до союзнических воздушных атак на Кельн (май 1942), Гамбург (июль 1943) и Дрезден (февраль 1945) – это совершенно особый период в проявлении города как визуального дискурса. Авианалет не просто сближает полномасштабное видение города и процесс его уничтожения, он ставит между ними краткий дефис, актуализуя формулу Юлия Цезаря «Veni, vidi, vici» (пришел, увидел, победил). История сокрушительных бомбардировок Второй мировой – свидетельство того, что в контексте Войны «увидеть» значит «победить»,

что глаз завоевателя не только видит город, охватывает его целиком, но может испускать в ответ огненные лучи, выжигающие дотла весь урбанизированный ландшафт, ровняя с землей все его архитектурные возвышения.

В наше время зафиксированные в фотодокументах виды нещадно разбомбленных городов периода Второй мировой войны вызывают вопрос: в чем был смысл столь разрушительного воздействия на город? Было ли такое очевидно планомерное уничтожение жилой квартальной ткани продиктовано соображениями военной необходимости? Ведь по некоторым данным, например, в британо-американских бомбардировках таких городов, как Дрезден или Гамбург, лишь не более двух процентов бомбовой мощи приходилось на объекты нацистской военной инфраструктуры. Ответ напрашивается сам собой: бомбардировки (для всех воевавших сторон) в огромной мере решали мифосимволические задачи инверсии видимого и невидимого. Как бы странно это ни звучало, но с точки зрения городского визуального дискурса бомбардировки явились ритуальной формой девизуализации города: военные авианалеты были, помимо всего прочего, одним из проявлений глобальных визуальных практик XX века.

Рефлексии уничтожения

На ближайшие послевоенные десятилетия эти практики нашли широчайшее и разнообразнейшее продолжение в искусстве фотографии. В урбанистической иконографии XX века всевозможные виды разбомбленных городов, усыпанных останками недавнего быта свежих руин заняли место, огромное как по количеству изображений, так и по силе воздействия на сознание зрителя. Фотография разбомбленного, разъятого на части, искаленного тела города стала способом его визуального самопроговаривания, самоосознания. Для целого ряда европейских городов документальные фотопортреты их изувеченных ландшафтов стали символической точкой отсчета в активном и весьма успешно продвигавшимся своем новом образе – города, возродившегося из пепла, вновь ставшего видимым. Сегодня в любом сувенирном киоске Кельна можно приобрести изображение лежащего в руинах города с единственной уцелевшей двойной

^ Рис. 6. Гитлер в Париже на смотровой площадке дворца Шайо. Выполненная его личным фотографом Вальтером Френцем фотография полна иконографического символизма: позади фюрера павший Париж и его главная вертикаль. Слева – главный зодчий Третьего Рейха архитектор и будущий рейхсминистр Альберт Шпеер, справа – главный ваятель, скульптор Арно Брекер

^ Рис. 8. Руины Кельна после союзнических бомбардировок в мае 1942 г. Не тронутая бомбардировками вертикаль кафедрального собора сохранилась лишь благодаря тому, что исполняла функцию навигационного ориентира для самолетов. Этот вид города в послевоенное время стал одним из самых знаменитых его иконографических образов

v Рис. 7. Один из видов Варшавы накануне чудовищной нацистской бомбардировки (сентябрь 1939 г.). Фото снято с борта разведывательного самолета Фокке-Вульф сил Люфтваффе. Его узнаваемая тень, упавшая на кровлю храма – потрясающее проявление визуального дискурса города в контексте войны. Метафора столкновения божественного и сатанинского в образе, соединившем видимый храм и взирающую на него с неба невидимую «птицу смерти»

вертикалью колоколен Кафедрального собора. Смысл сохранения и популяризации этого страшного образа состоит именно в том, чтобы в заданной им системе координат обозначить современный Кельн как видимый, открытый, бессмертный город.

Схожий опыт демонстрирует Берлин, который принято считать самым разбомбленным городом Второй мировой войны (более 67 тысяч тонн бомб было сброшено на него авиацией союзных сил). Картины разгромленного Берлина, вероятно, более популярные в победившем СССР, нежели в побежденной Германии, стали во многом отправной точкой его послевоенного визуального дискурса. В советской киноэпопее режиссера Михаила Чиаурели «Падение Берлина» мифологический образ побежденного города опирается на архетип отношений Города и Неба в форме выдуманного исторического события. В поверженный и освобожденный Берлин на сияющем

серебристыми крыльями самолете прилетает Сталин. Он спускается с небес на землю прямо перед Рейхстагом и сходит по трапу в ослепительно белом кителе не то генералиссимуса, не то святого. Навстречу ему с радостными приветствиями устремляется светящаяся счастьем интернациональная толпа народов.

В советском фольклорно-мифологическом дискурсе Берлина как «логова фашистского зверя» центральное место принадлежит руинам Рейхстага. Особое значение приобрела ставшая каноническим сюжетом история водружения знамени на его купол. Эта визуализация победы сконцентрировала множество символических смыслов, и в первую очередь, смысл обезглавливания чудовищного врага. Хотя в мае 1945 года купол Рейхстага еще сохранялся в виде полуразбитого остова, следующие полвека здание простояло без купола. Образ невидимого купола, купола-призрака (этакого «всадника без головы») был визуализирован Норманом Фостером, осуществлявшим с 1995 года архитектурную реконструкцию и восстановление здания. В пространстве между двумя взаимопротиворечащими визуальными дискурсами Берлина (немецким и советским) Фостер нашел удивительно точное решение, вписав Рейхстаг сразу во все важнейшие символические контексты.

Любопытно, что за несколько месяцев до начала фостеровской реконструкции Рейхстаг стал объектом грандиозной арт-игры в видимое-невидимое. Лидер мирового лэнд-арта Христо Явашев, получив на то разрешение Бундестага, полностью затянул здание серебристой пленкой. В визуальном дискурсе Берлина, актуализирующем современное и историческое, это стало двойной метафорой невидимости: в возникшем артефакте соединились образ упаковки и образ маскировки. Упакованность и замаскированность воплотили две разных формы невидимости города – мирную и военную.

В конце Второй мировой войны мифо-ритуальная практика визуального уничтожения города методом буквального стирания его с лица земли завершилась кошмарным атомным апофеозом. Опыт американских бомбардировок Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 года довел сюжет инверсии видимого и невидимого до поистине сатанинского идеала: в условиях войны живой

^ Рис. 9. Эта фотография Дрездена, разрушенного бомбежкой британских ВВС в феврале 1945, – один из его самых выразительных иконографических памятников. Образ разрушенного города, увиденного с высоты (но не холодными глазами пилота бомбардировщика, а сострадающим взглядом Ангела) включает в визуальный дискурс Дрездена историко-символическое и религиозно-духовное измерения

^ Рис. 10. Разрушенное здание Рейхстага в мае 1945 г.

город, мгновенно увиденный с высоты неба как целое во всем многообразии его частей, мгновенно же и полностью уничтожается с помощью всего одной бомбы. И тут же в качестве рефлексии произведенной девизуализации города незамедлительно происходит документальное визуальное запечатление свежих руин.

ЗАТО невидимые

Выводя город на грань видимости-невидимости, война артикулирует не только тему открытого города, но в равной степени и тему города закрытого. Город в позиции защиты, обороны, противостояния стремится к закрытости, к невидимости. Для многих городов такая закрытость – их историческая судьба. Но речь не столько о городах, в разные исторические периоды окружавших себя крепостными стенами или рядами инженерных заграждений, сколько о городах, изначально созданных для целей военного противостояния и сокрытых в недоступных континентальных глубинах. Нам, живущим в постсоветской России, понятие «Закрытый город» говорит о многом. Это понятие – важная часть урбанистической истории страны. В недавнем прошлом невидимыми оставались не только территории, но даже скрытые за странными цифровыми псевдонимами имена таких городов.

Закрытые города Урала – пример одной из самых молодых разновидностей невидимого города. И хотя эти города никогда не подвергались осаде, нападению или бомбардировкам, их исторический генезис неразрывно связан с войной. Они изначально создавались (зачастую на основе уже существующих поселений) как тыловая опора державного военного противостояния. В основе закрытых городов (в современной государственной терминологии – ЗАТО, закрытые административно-территориальные образования), как правило, лежат ключевые производственные предприятия оборонного комплекса, деятельность которых связана с производствами, технологиями и продуктами, составляющими предмет государственной тайны. Формировавшиеся и развивавшиеся как научные и производственные центры по созданию ядерного оружия, закрытые города Урала – места, где рождается самое мощное и разрушительное оружие, определяющее военное могущество

страны. Посему эти города с момента своего появления включены не только в сюжет противостояния внешнему, иноземному врагу, но и в конспирологический сюжет секретной закрытости от собственного населения.

Полувековая игра советских закрытых городов в невидимость основывалась на целом ряде факторов их девизуализации. Во-первых, само географическое местоположение таких городов, размещение в глубине континентальных территорий определяло их труднодоступность, исключительную визуальную удаленность. Во-вторых, административное обеспечение режима закрытости, до сего дня выражающееся в километрах заборов и колючей проволоки вокруг поселений, в ограничении въезда-выезда и прочих средствах девизуализации, сделало их призрачными, виртуальными для большинства населения страны. Наконец, особую роль в формировании образа закрытых городов как невидимых сыграл их ядерный имидж. Особый род связи этих городов с атомной бомбой – вершиной развития средств девизуализации урбанистического ландшафта – определил и характер их собственной невидимости. Осознающие себя вождельными для врага военными целями, закрытые города отсекали как горизонтальные векторы их наземного восприятия, так и вертикальные векторы гипотетически возможного наблюдения за ними с небесной высоты. Десятилетиями они обматывали себя заборами и контрольно-следовыми полосами, они старательно окапывались, опуская главный горизонт своей тайной жизни ниже уровня земли. Их виды и планы никому не ведомы; за всю свою историю они не получили почти никакого иконографического отражения.

В наши дни, когда интернет-сервисы типа Google Maps позволяют не только объять любой закрытый город орлиным взором с высоты небес, но и, прибегнув к помощи кнопки «zoopt», взглянуть в детали его наземного устройства, стремление такого города к невидимости напоминает поведение страуса, зарывающего в песок органы собственного зрения. В ситуации фантастического роста возможностей глобальной оптики всей планетарной поверхности, в условиях все более и более видимого мира закрытые города испытывают состояние фрустрации, вызванное конфликтом между их собствен-

> Рис. 11. Рейхстаг, увенчанный прозрачным куполом в результате реконструкции, проведенной Норманом Фостером

ной генетической программой невидимости и глобальным вуайеризмом современного мира.

Сюжет закрытого города прожит в нашей стране не только малыми городами, имеющими официальный административный статус «ЗАТО». Практически любой российский промышленный город на протяжении всего советского периода жил как закрытый для постороннего взгляда, невидимый урбанистический муравейник, день и ночь работающий на войну. Утверждаясь в статусе уральской столицы и желая быть открытым миру современным мегаполисом, Екатеринбург (не имевший официального статуса ЗАТО) сталкивается сегодня с проблемой преодоления собственного генокода. Заложенный в глубине континента город-крепость, Екатеринбург несет сюжет закрытости, невидимости через всю свою историю. Видимое и невидимое взаимодействуют и взаимопреобразуются здесь благодаря ключевым сим-

волическим кодам уральского ландшафта. Горнодобыча и переработка недр исторически определили тяготение города к подземельям, к скрытым, невидимым богатствам места. На протяжении почти всей своей истории Город стремится под землю. По сей день «андерграундные» екатеринбургские сюжеты (от подземных ходов Харитоновской усадьбы до кровавого подвала Ипатьевского дома) вызывают особый трепет у населения. И все же главный ген устойчивой невидимости Екатеринбурга – военный. Здесь из века в век добывался оружейный металл, производились различные комплексы вооружения. Город понимал сам себя как тыловую опору страны, которая должна быть надежно укрыта от врага. Стремление к невидимости растворено в крови этого города подобно тому, как свойственно оно профессиональному снайперу.

> Рис. 12. Рейхстаг, ставший невидимым в арт-акции Христо Явашева

> Рис. 13. Вид Хиросимы после атомной бомбардировки 6 августа 1945 г.

Свое стремление к невидимости, утверждение собственной закрытости для врага Екатеринбург (в советское время Свердловск) закреплял в соответствующих мифах, активно использующих ткань реальных событий. Например, в 1960 году большой резонанс получила словно бы специально срежиссированная история со сбитым над Свердловском американским самолетом-разведчиком. Его пилот, Френсис Гэри Пауэрс стал вполне символическим персонажем, чья попытка увидеть невидимое, охватить вражеским взором закрытый уральский город завершилась лишенной романтизма поимкой где-то на огородах деревни Косулино. Ставший героем международного скандала, мгновенно обретший всемирную известность невидимый дотоле Пауэрс был всего через полтора года обменен советским руководством на другого «бойца невидимого фронта» – советского разведчика Рудольфа Абеля. Подобные сюжеты, способствовавшие укреплению мифологии военного противостояния, накрепко связали Екатеринбург, как и многие малые закрытые уральские города, со смыслами невидимости как сопротивления. И это слышится даже в обозначающей их сегодняшней аббревиатуре «ЗАТО»: да, мы невидимы, «ЗАТО мы делаем ракеты...»

Пост-война

В наши дни, когда на дворе уже третье десятилетие XXI века, тема войны в контексте инверсий видимости и невидимости города существенно трансформировалась. Вероятно, можно даже говорить о новой – поствоенной визуальной культуре. Конечно, мы и сегодня видим, как война воспроизводит глубоко архаичные визуальные практики в отношении городов и урбанизированных ландшафтов. Но такие практики (как, например, в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года или в Пальмире в мае 2015 года) имеют подчеркнuto мифо-ритуальный характер и связаны с направленной на общественное устрашение девизуализацией культурных ценностей и образов преимущественно европейской городской цивилизации. Этот террористический вызов, разумеется, продолжает традицию войны как борьбы за «картинку». Но в условиях, когда мир городов полномасштабно присутствует в информационном пространстве как онлайн-визуализация

подробнейше оцифрованного ландшафта, значение такой «картинки» резко возрастает. В то же время «гибридизация» войны, ее уход от ограниченного набора визуальных стереотипов былой военной истории к безграничному плюрализму образов предвосхищает новый поворот темы «Город и Война».

Еще более этот поворот обозначается в связи с тем, что силами войны нынче становятся совершенно новые субъекты. Прожив уже год в условиях войны с невидимым смертельным вирусом, можно с уверенностью утверждать, что в условиях этой новой реальности концепт видимости/невидимости, как и в целом визуальный дискурс города, требуют кардинального переосмысления.

Литература

1. Алябьев, А. Н. Хроника воздушной войны :: стратегия и тактика. 1939–1945. – Москва : Центрполиграф, 2006. – 494 с. : ил.
2. Салмин, Л. Невидимая Москва. К проблеме города как визуального дискурса // Проект Байкал. – 2018. – № 55. – С. 46–50
3. Фуко, М. Нужно защищать общество : Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. – Санкт-Петербург : Наука, 2005. – 312 с.
4. Шпеер, А. Воспоминания / пер. с нем. С. Фридлянд, И. Розанова. – Москва : Захаров, 2010. – 678 с.
5. Virilio, P. Bunker Archeology. – Editions du Demi-Cercle, 1994. – 214 p.
6. Virilio, P. Guerre et cinema. – Editeur Cahiers du cinéma, 1991. – 147 p.

References

- Alyabyev, A. N. (2006). *Khronika vozduzhnoi voyny: strategiya i taktika. 1939-1945* [Chronicle of the air war: strategy and tactics. 1939-1945]. Moscow: Centerpoligraf.
- Foucault, M. (2005). *Nuzhno zashchishchat obshchestvo: Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezh de France v 1975-1976 uchebnom godu* [Society must be defended: Lectures at the Coll ge de France, 1975-1976]. Saint Petersburg: Nauka.
- Salmin, L. (2018). *Invisible Moscow. The issue of a city as a visual discourse. Project Baikal, 15(55), 46-50.* <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.55.1280>
- Speer, A. (2010). *Vospominaniya* [Recollections] (S. Friedland, & I. Rozanova, Trans.). Moscow: Zakharov.
- Virilio, P. (1991). *Guerre et cinema*. Editeur Cahiers du cinema.
- Virilio, P. (1994). *Bunker Archeology*. Editions du Demi-Cercle.

Статья посвящена комплексу Иркутского кадетского корпуса (училища), необоснованно выведенного Службой по охране объектов культурного наследия Иркутской области из состава памятника регионального значения, Государственного реестра объектов культурного наследия. Не соглашаясь с официальным мнением чиновников, авторы раскрывают историко-культурный потенциал этого ансамбля, доказывают его историко-мемориальную, градостроительную, архитектурную, ландшафтно-рекреационную ценность. Ключевые слова: Иркутск; кадетский корпус; юнкерское училище; ИВВАИУ; суворовское училище; объект культурного наследия; Госреестр ОКН. /

The article is devoted to the complex of Irkutsk cadet corps (school), which was unreasonably withdrawn from the list of monuments of regional significance and the State Register of Cultural Heritage Sites by the Service for the Protection of Cultural Heritage of the Irkutsk Region. Disagreeing with the opinion of officials, the authors reveal the historical and cultural potential of this ensemble and prove its historical, memorial, town-planning, architectural, landscape and recreational value.

Keywords: Irkutsk; cadet corps; military school; Irkutsk Higher Military Aviation Engineering School; Suvorov School; cultural heritage site; State Register of Cultural Heritage Sites.

Кадетское, юнкерское, авиатехническое, суворовское... / Cadet, military, aerotechnical, SUVOROV...

текст

Анна Сидоренко
Институт «Наследие»
Алексей Чертилов
Иркутский национальный
исследовательский техни-
ческий университет /

text

Anna Sidorenko
Heritage Institute
Alexei Chertilov
Irkutsk National Research
Technical University

фото

Игорь Бержинский,
Анна Сидоренко. 2021 /
photos by
Igor Berzhinsky,
Anna Sidorenko, 2021

Предисловие

Столичный в прошлом статус Иркутска обязывал возводить здания для органов государственной власти; соответственно, необходимы были и объекты военной инфраструктуры. В начале XVIII века наиболее заметным после Иркутского острога в связи с очередной угрозой вооруженного конфликта с Китаем стало возведение на краю городской застройки, к юго-востоку последнего городского оборонительного сооружения в виде тына – палисада (сегодня – линия ул. Карла Маркса). Сразу за ним на незастроенной тогда территории расположили вновь прибывший полк, поэтому место стали называть «Солдатская слобода». После разбивки здесь кварталов улицы также именовались «Солдатскими». Впоследствии воинские объекты размещали в основном на окраине города либо в окрестностях.

Для иркутских властей расквартирование войск всегда было большой проблемой. Но особенно тяжелым стало начало XX века, перед Русско-японской войной, когда в 1899 г. Российская империя ввязалась в военную кампанию по подавлению «боксерского восстания» в Северном Китае. Это вызвало большие передвижения на Восток воинских подразделений, а основным перевалочным пунктом за Уралом стал Иркутск. Помещений для их размещения в городе катастрофически не хватало, приходилось срочно решать вопросы строительства казарм и других объектов военного ведомства. События и печальные последствия Русско-японской войны закрепили эту тенденцию. Так на протяжении XIX – начала XX столетий в столице Восточной Сибири появилось большое количество недвижимости военного назначения: Участнические, Белые и Красные казармы, казармы Енисейского и Иркутского запасных пехотных батальонов, Заиркутский военный городок, Воинская площадка и станция Батарейная на Транссибе, склады Красного Креста, Военный госпиталь в Рабоче-Знаменском предместье и др.

Одновременно возникла необходимость принять меры по совершенствованию военного образования. Еще в 1872 г. приказом по Военному ведомству было учреждено Иркутское юнкерское училище, открытое 20 сентября 1874 г. Заведение готовило младшие офицер-

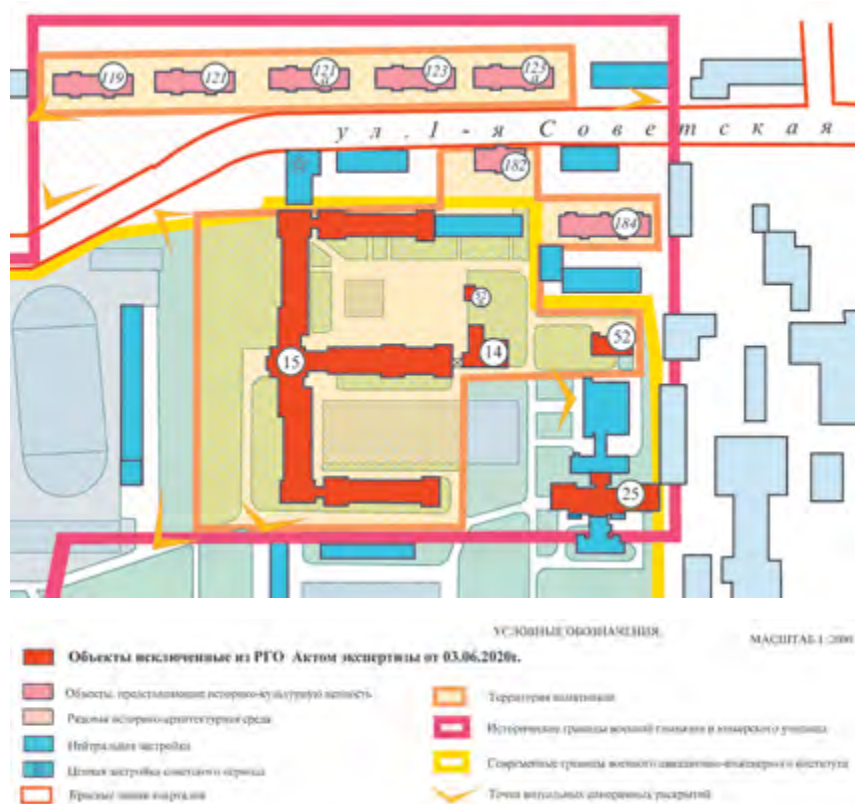
ские кадры не только для сибирских воинских частей, но и для всей России. В 1910 г. его статус повысили, реорганизовав в Иркутское военное училище. В 1888 г. в Иркутске открывается «приготовительная» школа Сибирского кадетского корпуса (базируется в Омске), а в 1913-м на его основе – Иркутский кадетский корпус (училище). В годы Гражданской войны оба были расформированы.

Эти два училища имеют много общего: географическую привязку, историю создания и строительства, начинавшуюся в 1910-е, историю эксплуатации, продолжавшуюся 80 лет и ликвидацию в начале XXI века. Иркутские кадетский корпус и юнкерское (военное) училище были построены вчерне (не оконченны) недалеко друг от друга в самый разгар Первой мировой войны, и они сразу задумывались как единый ансамбль. После забвения в 1920-е территории и комплексы училищ объединили, возродив в 1931-м как военно-учебное заведение и изменив его профиль: была основана 4-я Иркутская военная школа авиационных техников (4-ВШАТ). Сохраняя этот профиль, не раз меняя статус, наименование (школа, училище, институт), оно просуществовало до начала 2009-го, когда потомок 4-ВШАТ – Иркутское высшее военное авиационное инженерное училище (ИВВАИУ) – по непонятным иркутянам соображениям было переведено далеко на запад и присоединено к Воронежскому военному авиационному инженерному университету. А фактически – ликвидировано.

Огромный, интереснейший в историко-архитектурном отношении военно-учебный комплекс Министерством обороны был брошен на произвол судьбы, то есть на разграбление, а фактически – на уничтожение. За прошедшую дюжину лет практически все здания разорили. Сегодня они представляют унылое зрелище, являясь своего рода памятником российской бесхозяйственности и негосударственного подхода в сбережении как ценнейших объектов недвижимости, так и своей величественной военной истории.

Вдобавок на территории военного городка сохранились большие незастроенные участки. Частично это лесопарк, то есть качественное рекреационное публичное пространство, столь необходимое для жителей района.

> «Комплекс построек военного училища и кадетского корпуса. Историко-архитектурный опорный план-схема». Фрагмент с кадетским корпусом (И.В. Калинина, 2003). Красным цветом отмечено дополнение схемы в 2020 г.

На эти «пустоты» нашелся инвестор: к настоящему времени разработан проект планировки территории с уплотнением ее застройки высотными жилыми зданиями.

Тогда же, в 2020 г., «для уточнения состава "Комплекса построек военной гимназии (кадетское училище) и юнкерского училище" <...>», состоявшего уже в Государственном реестре объектов культурного наследия (ОКН), в охранном статусе регионального значения экспертом А. Н. Прокудиным, аттестованным Министерством культуры РФ, создается Акт государственной историко-культурной экспертизы [1]. На основании отрицательного заключения Акта Службой по охране объектов культурного наследия Иркутской области (далее – Госорган) ряд составляющих комплексы исторических элементов бывших кадетского корпуса и юнкерского училищ было не включено в Госреестр ОКН. В юнкерском комплексе «пропало» три здания-памятника. А кадетский исчез весь, пять объектов: «Главное здание бывшего Кадетского корпуса (училища)» (позже – казарма), «Заразный лазарет» (столовая), «Баня для кадет» (баня-прачечная), «Баня для служащих и прачечная кадет» (продовольственный склад) и «Ледник и погреб для кадет» (склад). И это не «деревяшки», а капитальные кирпичные здания. По нашему мнению, произошло незаконное исключение этих памятников истории и культуры из Госреестра. Дело в том, что в Акте экспертизы отсутствует их обязательное изучение и пообъектная историко-культурная оценка, чего требует федеральное законодательство [2, ст. 28, 29, 30; 3, пункты 2, 11, 17].

Необходимо отметить: в 2003 г. по заказу того же Госоргана уже была выполнена научно-исследовательская документация «Комплекс построек Военного училища и Кадетского корпуса. Историко-архитектурный опорный план-схема», в которой дано обоснование ценности всего комплекса и его составляющих. (исполнители – иркутские специалисты: историк Н. Г. Бубис и архитектор И. В. Калинина). На основании документа Госорганом был определен состав ансамбля, куда вошли комплексы кадетского и юнкерского училищ, включая жилые здания для офицерского состав и служащих. В 2020-м эксперт эти оценки и определенный Госорганом состав ансамбля во внимание во многом не принял.

Кроме того, проектом планировки, разработанным до Акта экспертизы или одновременно с ним, на месте бывшего кадетского училища была запланирована новая общеобразовательная школа, крайне необходимая в этом районе. В том же 2020-м было принято решение о создании в Иркутске на базе части заброшенных построек ИВВАИУ суворовского училища, т. е. часть военного имущества должна была вернуться в эксплуатационный оборот в надлежащем состоянии. Но почему-то этому помешал кадетский корпус, поэтому его следовало снести.

Все сказанное вынудило нас разбираться в этой непростой ситуации, выполнить экспресс-исследование, попытаться дать историко-культурную оценку одному из интереснейших сибирских военно-учебных комплексов – бывшему Иркутскому кадетскому корпусу (училищу).

Краткая история [1; 7–16]

В императорство Николая II было учреждено девять кадетских корпусов; последним такое начальное военно-учебное заведение было образовано в 1913-м в Иркутске. До этого здесь с 1888-го на Шелашниковской ул. (ныне – Октябрьской Революции) была открыта «приготовительная» школа Сибирского кадетского корпуса, воспитанники которого по завершении первого курса отправлялись для дальнейшей учебы в Омск. По окончании кадеты возвращались в Иркутск, продолжая обучение в местном юнкерском училище. Переезды вызывали значительные неудобства и расходы, в связи с чем было решено создать в Иркутске кадетский корпус. Одновременно прорабатывался вопрос об учреждении в Иркутске юнкерского училища, которое в 1910-м было преобразовано в военное училище.

В 1910–1912 гг. обсуждается необходимость постройки специального городка для юнкеров и кадетов в Иркутске, согласовываются взаимодействия между военным ведомством, губернскими и городскими властями, производится отвод земли, составляется проектная документация, сметы. В 1910-м Иркутская городская Дума выделила участок 16 десятин на возвышенном правом берегу Ангары, недалеко от реки Ушаковка; его передача состоялась в 1914-м. Годом ранее, в 1913-м учредили Ир-

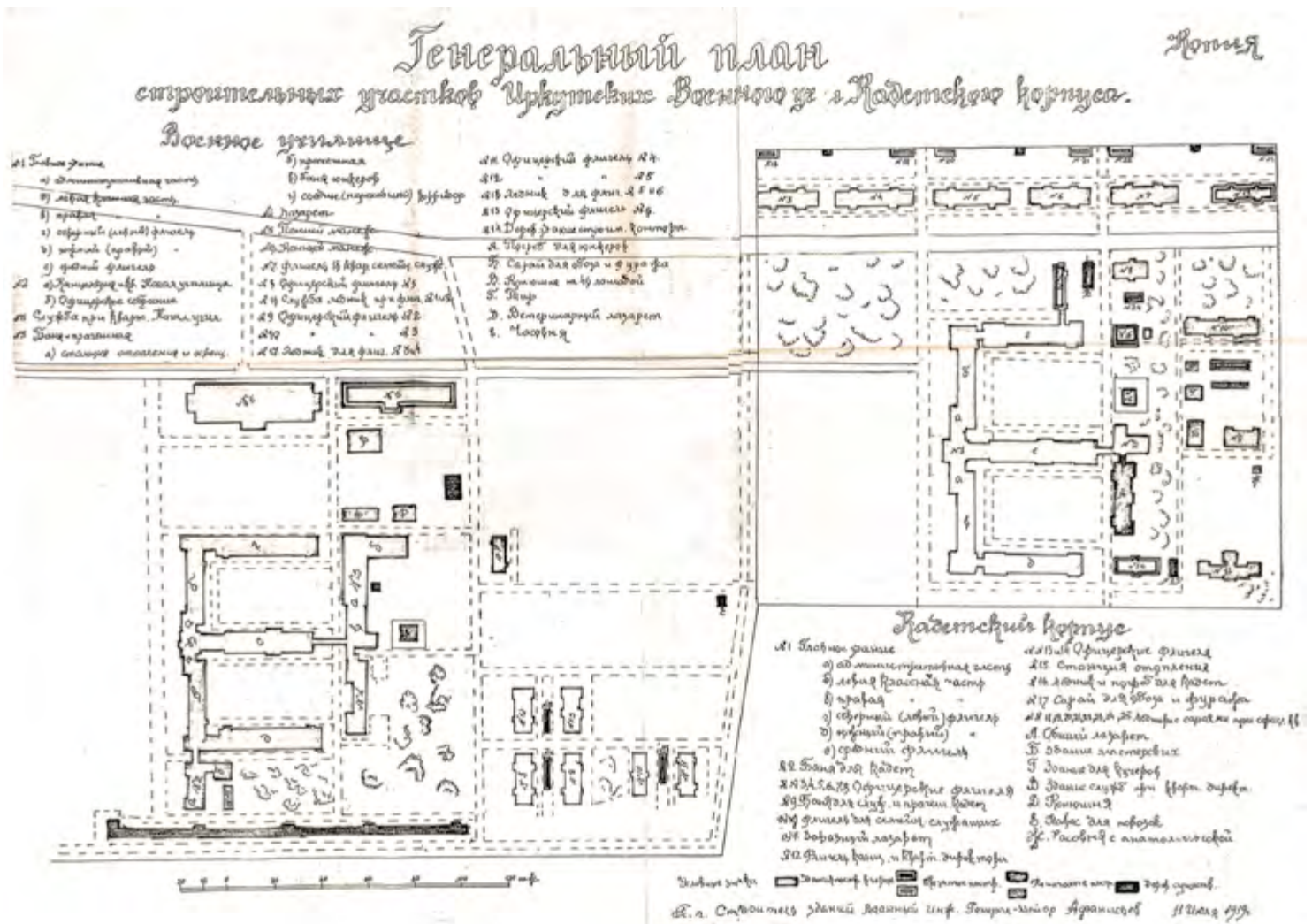
кутский кадетский корпус. В 1912-м г. поблизости от него был подобран участок и для юнкерского училища.

Работы по возведению первых объектов на территории будущего военного городка № 19 начались в самый разгар жестокой империалистической войны, в 1915–1917 гг. Среди них самое крупное на то время здание в Иркутске площадью свыше 19 тыс. м² – главный корпус кадетского училища. Немногим ему уступало в размерах и главное юнкерское здание. Работы по возведению начались летом 1915-го с привлечением местных и иногородних рабочих, а после мобилизации большого контингента в армию – силами китайцев, военнопленных, беженцев и ссыльнопоселенцев.

В начале 1916-го 70 кадет старшего возраста, не окончив учебу, отправились на германский фронт. Оба училища прекратили свое существование в январе 1919 г. Незадолго до этого, к лету 1918 г. кадетский корпус перешел из военного ведомства в гражданское. В июле того же года в Иркутск вступили антибольшевистские

войска. Верховный правитель России А. В. Колчак, сам бывший кадет, покровительствовал Иркутскому кадетскому корпусу. Последнее, что он мог сделать для кадетов, офицеров и их семей – эвакуировать их. Эшелон отправился Транссибом во Владивосток. В 1922 г. эвакуация осуществлялась дальше, в Китай. 22 ноября преподаватели с семьями, кадеты погрузились на миноносец «Лейтенант Дыдымов». На следующий день корабль попал в жестокий шторм и через несколько часов затонул со всеми, кто находился на его борту. Перед гибелью на миноносце были подняты сигнальные флаги: «Погибаем, но не сдаемся». Капитан находившегося недалеко транспортного судна наблюдал в бинокль драматическую сцену: море почти поглотило корабль, а на боевом посту героически стоит маленький кадет, сжимая в руках винтовку...

Строительство остановилось в связи с революционными событиями весной 1917 г. Для возобновления начатого строительства в 1919 г. военным инженером генерал-майором Афанасьевым составляется «Генераль-

^ «Генеральный план строительных участков Иркутских Военного и Кадетского корпусов». 1919

< М. М. Иманаев. Ворошилов в Иркутске. На фоне незавершенного кадетского корпуса. Картина хранилась в музее (клубе) ИВВАИУ. Утрачена с другими экспонатами в пожаре 2017 г.

v Фрагмент декоративного оформления дворового фасада главного здания кадетского училища. Наличник оконных проемов с эмблемой ВВС

ный план строительных участков Иркутских Военного уч. и Кадетского корпуса». На нем обозначены незавершенные 13 объектов, несколько начатых, но недостроенных, а также планировавшихся строений. В 1920-м г. стройку попытались возобновить, но безуспешно.

Во время Гражданской войны и послевоенной разрухи в 1920-е никакие работы не велись, недостроенные объекты (основная часть), были законсервированы. Таким образом, военные учебные заведения по прямому назначению практически не использовались; только в каких-то зданиях до 1924 г. размещалась Иркутская пехотная школа командиров Красной армии. Была сделана еще одна попытка реанимации: в 1925-м здания училищ передали в ведение Иркутского университета, в 1926-м составлен план использования зданий под различные факультеты. Но финансирование не было открыто, и под гражданское учебное заведение здания также не использовались. В дальнейшем объекты подвергались разграблению, стали ветшать.

Второй строительный период наступил в 1929–1930-е. Он связан уже с авиационной школой (позже – училищем). Новую жизнь военно-учебный комплекс обрел после объединения территорий и объектов кадетского и юнкерского училищ. В советский период в стране остро стоял вопрос о размещении за Уралом военного авиационно-технического образовательного учреждения. Во время инспекторской поездки в 1929 г. в район боевых действий на Китайско-Восточной железной дороге председатель Реввоенсовета СССР, нарком по военным и морским делам К. Е. Ворошилов посетил Иркутск. Было принято решение о продолжении строительства учебных корпусов для дислокации военной авиационной технической школы, первой в Сибири и на Дальнем Востоке, в связи с чем территорию передали в ведение Наркомата обороны.

Объем работ по восстановлению неоконченных и строительству новых объектов был чрезвычайно большим, окончание строительства отодвигалось. В конце 1930-х главным образом достроили и отремонтировали имеющийся фонд. В 1931-м 4-ю Иркутскую военную школу авиационных техников разместили в корпусах бывших кадетского и юнкерского училищ. На протяжении 1940-х

в связи с Великой Отечественной войной и ее последствиями никакие строительные работы на территории городка не производились.

Значительное развитие территории стало возможным в 1960-е – 1970-е; к тому времени она называлась «Военный городок № 19». Тогда за пределами исторических комплексов бывших кадетского и юнкерского училищ активно строятся новые объекты учебной инфраструктуры, жилые дома, общежития для военнослужащих. Территория благоустраивается, озеленяется, появляются стадион, учебный авиационный парк, другие необходимые объекты. В 1995 г. Иркутское высшее военное авиационное инженерное училище (ИВВАИУ) признало себя наследником Иркутского военного училища. На протяжении 80 лет (1929–2009) здания, сооружения, территория бывших кадетского и юнкерского училищ оставались единым комплексом военного авиационного учебного заведения.

С 2008 г. и по сей день на территории бывшего Иркутского кадетского корпуса, в части северного крыла главного здания размещается военная часть специального назначения № 55433. После перевода ИВВАИУ в Воронеж (2009) начался второй период запустения зданий и сооружений. Из-за попустительства властей здесь не раз случались пожары, частично уничтожившие деревянные перекрытия, крыши. В настоящее время общее состояние объектов комплекса разное: от удовлетворительного (флигели офицеров и служащих) до неудовлетворительного и аварийного (главные здания).

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ОЦЕНКА КОМПЛЕКСА Комплекс Иркутского кадетского корпуса (училища, 1915–1917 гг.)

Иркутский кадетский корпус (училище) изначально расположили на окраине Иркутска, на первой повышенной террасе к востоку в Нагорной части города, недалеко от притока Ангары реки Ушаковка, на левом ее берегу. С западной стороны одновременно с ним был построен комплекс Иркутского юнкерского (военного) училища. В советское время оба комплекса были объединены и составляли общую территорию, огороженную капитальным забором. Историческими доминантами являются оба главных учебных корпуса училищ. Дальнейшее расшире-

^ Здание главного здания Владикавказского кадетского корпуса, по образцу которого производилось планирование и постройка юнкерского и кадетского училищ в Иркутске. Почтовая открытка нач. XX века

^ Бархин Григорий Борисович (1880–1969), доктор архитектуры, профессор, теоретик архитектуры, градостроитель, член-корреспондент Академии архитектуры СССР, Заслуженный деятель науки и техники РСФСР; городской архитектор Иркутска (1910-е)

^ Артюшков Александр Петрович (1867–1938), иркутский губернский архитектор (1898–1904, 1924), иркутский губернский инженер (1904–1905), художник [5, с. 12–15], руководитель стройки кадетского и юнкерского училищ на первом этапе (1915–1917)

ние города в XX столетии, в отличие от дореволюционной застройки Иркутска, происходило без четко очерченных границ кварталов и прямоугольной трассировки улиц, сохраняя статус периферийной.

С юго-западной стороны недалеко расположен другой крупный ценный историко-архитектурный комплекс – «Красные казармы» (1910-е гг.), выявленный объект культурного наследия, частично уничтоженный в 2010-е.

Сегодня общая территория двух исторических комплексов окружена, частично внедряясь в нее, городской застройкой второй половины XX – начала XXI века, административно она входит в Октябрьский округ. Из крупных градообразующих объектов к юго-востоку в отдалении расположен Иркутский аэропорт.

Участок кадетского училища, первоначально почти квадратный в плане, составлял около 17,5 га. Комплекс имел схожую, но более простую планировку, чем юнкерское училище. По функциональной типологии оба училища были близки по составу зданий (учебные, служебные, казармы, жилье для офицеров и служащих). Объекты обоих иркутских учебных военных заведений построены как единый архитектурный ансамбль. Но на первом этапе композиционно, пространственно два комплекса между собой не были связаны, как и в настоящее время. В основу планировок комплексов обоих училищ положен принцип регулярности с одинаковой ориентацией по сторонам света, с четким функциональным зонированием. Все вспомогательные постройки кадетского училища хозяйственно-бытового и медицинского назначения (бывшие заразный лазарет, баня для кадет, баня для служащих и прачечная кадет, ледник и погреб) расположены за главным зданием восточнее, в глубине участка. Другие постройки не сохранились и/или не были построены согласно плану 1919 г.

Военное авиационно-техническое учебное заведение (1930-е – 2009 гг.)

В 1920-е территории кадетского и юнкерского училищ объединили. Функциональное назначение большей части рассматриваемых объектов кадетского училища при перепрофилировании под военное авиационное учебное заведение было кардинально изменено: главный корпус

стал казармой, баня для служащих и прачечная кадет – продовольственным складом. Здание заразного лазарета значительно реконструировано, расширено, превращено в столовую.

В советское время по территории комплекса бывшего кадетского училища была проложена одна из главных улиц тогдашнего Октябрьского района Иркутска – 1-я Советская (сегодня – Советская). Таким образом, небольшая северная часть с офицерскими жилыми флигелями из военного ведомства отошла городу.

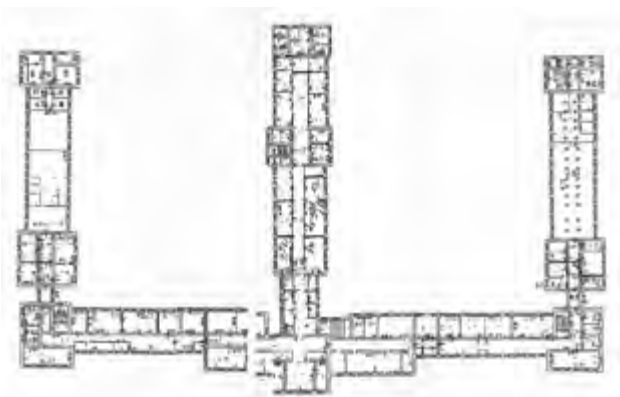
Изначально комплексы училищ закладывались с большим резервом территории вокруг, что позволило в дальнейшем качественно дополнять их новыми объемами, необходимыми для функционирования училища без ущерба для исторических планировки и здания. Развитие инфраструктуры военного городка № 19 проводилось по мере преобразования учебного заведения, поэтому его отличается соответствие потребностям как военнослужащих, так и гражданского населения. Заслугой военных является то, что комплексы бывших обоих училищ кардинально не реконструировались, сохранили первоначальную объемно-планировочную композицию.

Старые границы объединенной территории двух училищ уменьшены, часть незастроенных участков, в т. ч. с историческими зданиями (жилые флигели), переданы городу. В результате в исторических границах во второй половине XX века появились трехэтажные и типовые пятиэтажные жилые дома, а в начале XXI столетия – высотные (вдоль ул. Ядринцева). Утраты в комплексе составляют в основном законченные вчерне к 1920 г. постройки хозяйственно-бытового назначения (здания «мастерских», «для кучеров») и недостроенные¹ (возможно, они и не были достроены: два офицерских флигеля, «ледники с сараями при офицерских флигелях», «флигель канц. и кварт. директора», «станция отопления», «сарай для обоза и фуража»).

В 2020 г. на основе части бывших построек ИВВАИУ (комплекс юнкерского училища) решено создать суворовское училище. С южной стороны комплекса находится обширный участок сложной конфигурации, на котором расположены полигоны, склады, хозяйственные объекты, гаражный кооператив.

1. Постройки определены по «Генеральному плану строительных участков Иркутских Военного и Кадетского корпусов» 1919 г.

^ Недостроенный главный корпус кадетского училища. Дворовый фасад. Фото 1920-х

Историческая и мемориальная ценность Иркутских кадетского и юнкерского училищ

Главные корпуса Иркутских кадетского и юнкерского училищ выполнены с применением проекта Владикавказского кадетского корпуса с привязкой к местным условиям известными архитекторами, внесшими большой вклад в развитие архитектуры Иркутска и Приангарья – Г. Б. Бархиным и А. П. Артюшковым. Бархин в годы Первой мировой войны занимал должность городского архитектора Иркутска и по долгу службы и требованию военного времени проектировал, строил объекты военного назначения, как и другие иркутские архитекторы, инженеры. Артюшков непосредственно руководил стройкой.

Основные объекты комплекса, возведенные, учитывая бушевавшую Первую мировую войну, за очень короткие сроки, относятся к одному дореволюционному строительному периоду – 1915–1917. Это могли сделать только выдающиеся руководители, специалисты высокого уровня.

За годы своего существования в стенах ИВВАИУ, в том числе бывших кадетского корпуса и юнкерского училища, было подготовлено свыше 80 тысяч военных авиационных специалистов (инженеров-механиков, инженеров-электромехаников и радиоинженеров), 27 генералов, десятки докторов и кандидатов наук, профессоров и доцентов, сотни руководителей инженерно-авиационных служб ВВС России.

В годы Великой Отечественной войны школа готовила авиационных механиков на бомбардировщики Ту-2, штурмовики Ил-2 и Ил-10, истребители Ла-5, Ла-7 и Як-3. Вся война курсанты работали на оборонных предприятиях Иркутска: авиационном, патронном, заводе тяжелого машиностроения. 77 самолетов и 299 двигателей отремонтировали они за эти годы. В 1942-м на фронт под Сталинград были направлены два подразделения курсантов под командованием майоров Г. А. Павлова и В. И. Самодая, позднее участвовавших в разгроме японской Квантунской армии. 14 воспитанников училища были удостоены звания Героя Советского Союза [15].

Сказанное выше дает уверенное основание для включения комплексов бывших кадетского и юнкерского

училищ в Госреестр ОКН как минимум и в качестве памятников военной истории.

Градостроительная ценность Иркутских кадетского и юнкерского училищ

Историко-градостроительной ценностью объединенного комплекса бывших Иркутских кадетского корпуса и юнкерского училищ в первую очередь является профессиональная реализация замысла размещения, организации и развития на протяжении нескольких десятилетий двух военных учебных заведений как единых ансамблей в лесопарке с полным набором инфраструктуры для учебного процесса и жизнеобеспечения курсантов, проживания офицеров-преподавателей и служащих.

Объемно-планировочные решения комплексов кадетского и юнкерского училищ схожи, они характерны как для неоклассицизма в целом, так и для военных объектов того времени в частности. Застройка исторических комплексов сохраняет ценную историческую планировочную структуру. Изначально расположенные на периферии города, планировочно и композиционно обособленные комплексы обоих училищ в советский период развития были удачно объединены качественным зеленым пространством со спортивным ядром в центре, имеющим важное рекреационное значение для данного района города. У этой территории есть особенность – отсутствие традиционного для городских планировок рубежа прошлых веков сплошного или разреженного фронта застройки улиц. Главные Ш-образные в плане здания обоих училищ представляют собой нехарактерные для Иркутска, редко встречающиеся очень крупные планировочные элементы с протяженными основными корпусами и протяженными же поперечными крыльями-пристройками.

И бывший Иркутский кадетский корпус (училище), и бывшее Иркутское юнкерское (военное) училище в комплексе с жилыми флигелями и служебными постройками являются ценными опорными элементами градостроительного ансамбля «Комплекс построек военной гимназии (кадетское училище) и юнкерского училища», градоформирующими элементами города Иркутска.

> Вид на главный корпус бывшего кадетского училища от центральной еловой аллеи

Функциональные назначение и ценность Иркутских кадетского и юнкерского училищ

Территория военного городка № 19 изначально была выделена для строительства военных учебных заведений – кадетского и юнкерского училищ, но лишь через десять лет после постройки они стали востребованы, когда в 1931 г. в Иркутске создали военную авиационно-техническую школу и ей передали объединенную территорию и недостроенные здания училищ. Таким образом, комплекс зданий с самого начала имел военную образовательную функцию.

На протяжении практически 80 лет (1929–2009) это был самый крупный в Сибири и на Дальнем Востоке образовательный комплекс государственной значимости с непрерывным процессом образования и проживания как учащихся, так и преподавательского состава, служащих в закрытом военном городке с полным набором собственной инфраструктуры. Все это время здания, сооружения, территория бывших кадетского и юнкерского училищ оставались единым комплексом, менялся лишь его статус и соответственно наименование – от школы до высшего инженерного училища, института. Но вплоть до ликвидации ИВВАИУ в 2009 г. у него оставалась первоначальная функция, после чего большинство зданий военно-образовательного комплекса, в первую очередь главные и самые крупные, снова оказалось заброшено.

Изначально заложенные объемно-планировочные параметры главных корпусов, служебные и хозяйственные постройки, обширная территория с открытыми зелеными пространствами и сегодня позволяют без ограничений приспособить оба исторических комплекса для значимого государственного, муниципального, военного или гражданского назначения. При этом необходимо учитывать историческое функциональное военно-образовательное назначение территории и комплексов зданий, безусловно представляющих культурную ценность.

Ландшафтно-рекреационная ценность городка № 19 (ИВВАИУ)

На территории комплекса военного городка № 19 изначально спланированы зеленые «пустоты», однако со временем часть из них была застроена. Но и в наше время

здесь сохраняются большие открытые пространства. Раньше это была ведомственная, закрытая территория, сегодня – почти неохраняемая. Часть открытых пространств представляет из себя неорганизованный и не благоустроенный общедоступный лесопарк, дошедший до нас еще со времени освоения Нагорной части города в начале XX века и представлявший тогда в основном лиственные перелесья, тогда же дополненный самосевами, в т. ч. тополями.

В бытность военного учебного заведения между двумя комплексами бывших обоих училищ силами военнослужащих и жителей городка спланирована и организована рекреационная парковая связь посредством зеленых зон со спортивным ядром – открытым стадионом.

Особую ценность представляет фрагмент лесопарка с насаждениями вдоль главного здания кадетского корпуса, основу которого составляет центральная еловая аллея с включениями других деревьев и кустарников. Этой частью качественного, редкого для Иркутска зеленого пространства активно и с благодарностью пользуются не только жители военного городка, но и иркутяне из его окрестностей. Вдоль южного фасада главного здания кадетского училища посажен ряд крупного кустарника – клена ясенелистного, вдоль северного фасада южного крыла – еловый ряд.

Историко-культурная оценка элементов комплекса Иркутского кадетского корпуса (училища)

Исторический комплекс построек Иркутского кадетского корпуса (училища) занимает северо-восточный угол военного городка № 19 (ИВВАИУ). Комплекс в общей сложности состоит из 12 объектов. По четной стороне к югу по ул. Советской сгруппировано пять объектов, связанных с проживанием курсантов и исключенных в 2020 г. Госорганом из Госреестра ОКН. Названия даны первоначальные, времени кадетского и юнкерского училищ 1915–1920; в скобках указано вторичное название периода военно-авиационного учебного заведения 1930–2009 гг.; адресные номера соответствуют данным Госоргана:

- 1) Главное здание Иркутского кадетского корпуса, училища (позже – казарма), № 176/15;
- 2) Заразный лазарет (позже – столовая), № 176/25;

в Казарма ИВВАИУ, ранее – главное здание Иркутского кадетского корпуса (училища). Фото 2003 г.

- 3) Баня для кадет (позже – баня-прачечная), № 176/14;
- 4) Баня для служащих и прачечная кадет (позже – продовольственный склад), № 176/52;
- 5) Ледник и погреб для кадет (позже – склад), № 176/52-а.

Общая дата строительства комплекса: 1915–1920; 1929–1930-е гг.

Рядом с ними к северо-востоку находятся два здания, также относящиеся к историческому комплексу, но сегодня функционально с ним не связанные (муниципальные жилые дома). Это бывшие флигели для офицеров и семейных служащих (ул. Советская, № 182 и № 184). Еще пять подобных зданий – офицерские флигели – расположены севернее на противоположной нечетной стороне ул. Советская (№№ 119-а-Б, 121-В, 121-а, Г, 123-Д; 123-а-Е); они были построены в один ряд и с одинаковым интервалом для Иркутского юнкерского училища. Все семь жилых зданий состоят в Государственном реестре объектов культурного наследия (регистрационный № 381721283000005), поэтому в настоящей работе не рассматриваются.

Главное здание Иркутского кадетского корпуса (училища, позже – казарма)

Монументальные главные здания кадетского и юнкерского училищ ориентированы одинаково; основные объемы по оси север-юг стоят на расстоянии более 500 м друг от друга. Оба занимают центральное положение на своих первоначальных участках, оба двух-трехэтажные. К основному объему примыкают три параллельных крыла примерно одинаковых габаритов, образуя в плане букву «Ш». Стены выполнены из красного кирпича, опираются на фундаменты из местного песчаника. Объемно-планировочная композиция кадетского училища повторяет композицию учебного корпуса юнкерского с небольшими отличиями. К основному корпусу длиной около 200 м с восточной стороны через зауженные объемы переходов примыкают три крыла. Важной составляющей в планировочном и функциональном решении являются два полноценных плаца, лежащих между крыльями, «во дворах».

Все объемы переменной этажности. В планировке центральных частей крайних крыльев заложен принцип свободной планировки. В среднем крыле преобладает коридорный тип. Деревянные перекрытия покоятся на рамных опорных конструкциях (стоечно-балочная система), уникальных для Иркутска того времени. Балки выполнены из разных материалов: основой является металл (двутавр), одетый в бетон, столбы кирпичные.

Помещения с высокими потолками освещены большими окнами. Уникальными для Иркутска являются изначально зальные помещения (по длинной стороне до 50–55 м), в большей части основного объема и кры-

^ Общий вид центральной части западного главного фасада с главным входом с Ю-З

< Пример оформления дворового выхода в переходе между главным объемом и крылом-пристройкой

^ Общий вид основного объема с тыльной стороны, фрагмент дворового фасада

^ Пример сопряжения основного объема с крылом (средним) через переход

2. Утвержден Постановлением Администрации Иркутска от 25.02.2021 № 031-06-118/21

лях интерьеры эффектно организованы несущими в два ряда колоннами, связанными поперек балками; таким образом, потолки представлены редкими для местной архитектуры не декорированными кессонами с профилем несложной формы.

Декоративное оформление фасадов кадетского училища во многом повторяет архитектуру фасадов главного корпуса юнкерского училища, здесь используются те же элементы и композиционные построения. Однако в архитектуре кадетского училища видны следы поспешного строительства: полуколонны центрального портика не получили завершения, не имеют капителей, все фасады не оштукатурены. Часть оконных проемов оформлена нишами с арочным завершением. Главный (западный) фасад основного объема КУ выделяется повышенным центральным монументальным портиком с шестью ложными полуколоннами.

Главное здание – композиционная доминанта комплекса. Это редкий для Сибири пример профессиональной архитектуры общественного здания – образовательного военного учреждения с интерпретированным применением ранее разработанного проекта, с авторской привязкой к местным условиям. Как и похожее главное здание Иркутского юнкерского училища, оно является единственным в своем роде, выделяется среди прочей застройки Иркутска (не только военной, но и гражданской) внушительными габаритами, четким построением общей объемно-планировочной композиции и фасадов, отличаясь лишь деталями планировки и декоративным убранством. Уникальны интерьеры с арочными дверными и оконными проемами, рамной стоечно-балочной системой, кессонными потолками, что позволяет использовать здание практически под любые функции. Оно обладает самостоятельной историко-культурной ценностью, его необходимо вернуть (включить повторно) в Государственный реестр объектов культурного наследия в качестве памятника истории и культуры регионального значения.

Заключение

В 2020 г. практически весь комплекс бывшего Иркутского кадетского корпуса (училища), пять из семи сохранив-

шихся построек (за исключением двух жилых флигелей для офицеров и служащих) Службой по охране объектов культурного наследия Иркутской области был исключен (по версии Госоргана – «не включен») из Государственного реестра объектов культурного наследия народов РФ. Среди них самое крупное в Иркутске (19 тыс. м²) общественное здание, возведенное в дореволюционный период – главное здание Иркутского кадетского корпуса, служившее на протяжении 80 лет в качестве казармы военного учебного авиатехнического заведения. Весь этот комплекс наравне с комплексом Иркутского юнкерского (военного) училища представляет историко-культурный интерес как ансамбль военного-учебного назначения, постройки которого объединены исторически, территориально, функционально и композиционно. Поэтому с действиями Государственного органа охраны наследия невозможно согласиться.

Комплекс обладает и мемориальной, и исторической, и градостроительной, и архитектурной ценностью. Минимум три из исключенных построек бывшего кадетского училища – «Главное здание» (позже – казарма), «Баня для служащих и прачечная кадет» и «Ледник и погреб для кадет» – несомненно, представляют самостоятельную историко-культурную ценность. Поэтому они должны быть в Госреестре ОКН, охраняться государством в первую очередь как памятники военной истории. Для того, чтобы определиться с двумя другими – «Баня для кадет» и «Заразный лазарет», по ним необходимо выполнить более детальные историко-архитектурные исследования и дать оценку, рекомендации.

Оба комплекса училищ являются достойными образцами не особенно распространенного в Иркутске стиля неоклассицизм. Уже по этим двум критериям их надо признавать памятниками архитектуры.

Территория бывшего военного городка № 19 (ИВВАИУ), его застройка представляет интерес и для изучения истории строительства, градостроительного развития Иркутска, в частности, подобных городков, которых здесь сохранилось еще несколько.

К сожалению, в «Акте государственной историко-культурной экспертизы объекта культурного наследия "Комплекс построек военной гимназии (кадетское училище)

и юнкерское училище" <...>, составленным в 2020 г. аттестованным экспертом А. Н. Прокудиным, не исследованы постройки кадетского училища; им не дана квалифицированная историко-культурная оценка, и они не были им рекомендованы для включения в Госреестр ОКН. Еще недавно входившие в реестр памятники истории и культуры регионального значения оказались перед реальной угрозой уничтожения.

Одновременно на месте главного здания бывшего кадетского училища, то есть с его сносом, проектом планировки этой территории² предусмотрено строительство муниципальной общеобразовательной школы. Главное здание училища (казарма), по оценке специалистов, абсолютно подходит для приспособления под образовательное заведение любого профиля – школу, училище, вуз с соблюдением всех современных строительных и других норм, в нем можно разместить все необходимые элементы инфраструктуры, включая спортплощадку. Уничтожить капитальный, монументальный, с мощными стенами, не в аварийном состоянии, и, кроме того, представляющий историко-культурную ценность объект недвижимости для того, чтобы на его месте построить другой объект недвижимости? По-хозяйски, по-государственному ли это?

В настоящее время идет судебный процесс по возвращению объектов комплекса бывшего Иркутского кадетского корпуса (училища) в Госреестр ОКН. Но даже если окончательное решение суда будет отрицательным, Иркутская региональная организация Союза архитекторов России и Иркутское региональное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры намерены добиваться возвращения или включения повторно этого комплекса в Госреестр. Проведенное экспресс-исследование выполнено как обоснование для достижения этой цели.

Литература

1. Акт государственной историко-культурной экспертизы выявленно-го объекта культурного наследия: «Казармы (жилище дома) Военного ведомства: всего пять построек (Иркутская область, г. Иркутск, Советская ул., 119-а, лит. Б; 121, лит. В; 121-а, лит. Г; 123, лит. Д; 123-а, лит. Е) в целях обоснования целесообразности включения данного объекта в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации; объекта культурного наследия «Комплекс построек военной гимназии (кадетское училище) и юнкерское училище» (Иркутская область, г. Иркутск, ул. Советская, 176, 182) в целях уточнения сведений об объекте культурного наследия, включенном в реестр, о выявленном объекте культурного наследия (эксперт А. Н. Прокудин, 2020 г.)
2. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ (последняя редакция). – КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 07.09.2121)
3. Постановление Правительства РФ от 15 июля 2009 г. № 569 «Об утверждении Положения о государственной историко-культурной экспертизе» (с изменениями и дополнениями). – Гарант. – URL: <https://base.garant.ru/195985/#friends> (дата обращения: 07.09.2121)
4. Астраханцев, О. Н., Петрушин, Ю. А. Печатные издания Иркутского военного училища как источник истории подготовки военных кадров в Восточной Сибири // Вопросы теории и практики журналистики. – 2018. – Т. 7. – № 4. – С. 660–671
5. Лыхин, Ю. П., Крючкова, Т. А. Иконописцы, мастера и художники Иркутска (XVII век – 1917 год). Биобиблиографический словарь. – Иркутск, 2000. – С. 12–15
6. НИД «Историко-архитектурный опорный план-схема «Комплекс построек Военного Училища и Кадетского Корпуса», расположенный по адресу: г. Иркутск, Октябрьский р-н, ул. Советская, №№ 119-123, 176, 182, 184» (ЧП Калинина; исп. архитектор И. В. Калинина, историк Н. Г. Бубис). – Иркутск, 2003
7. Полюх, В. М., Стаханов, В. Г. Не прерывать традиций нить. Краткий исторический очерк Иркутского высшего военного авиационного инженерного ордена Красной звезды училища имени 50-летия ВЛКСМ (1931–1991) / под ред. Б. И. Рожкова. – Иркутск : ИВВАИУ, 1991. – 301 с.
8. Скорикова, Н. А. История планирования и застройки военного

городка № 19 в Иркутске // Известия Лаборатории древних технологий. – 2017. – Т. 13. – № 1. – С. 132–147

9. История училища ИВВАИУ. – URL: <http://ivaii.irk.ru/history.html> (дата обращения: 05.01.2017)

10. URL: <https://www.ogirk.ru/wp-content/uploads/sm-issue-print/2020/11/13-32-2.pdf> (дата обращения: 31.08.2021)

11. URL: khalinin.livejournal.com/3070.html (дата обращения: 01.09.2021)

12. URL: <https://weacom.ru/articles/photoreports/167970> (дата обращения: 01.09.2021)

13. URL: <https://tass.ru/sibir-news/9193069> (дата обращения: 25.08.2021)

14. URL: http://irkipedia.ru/content/barhin_grigoriy_borisovich (дата обращения: 25.08.2021)

15. URL: http://irkipedia.ru/content/irkutskiy_voennyi_aviacionnyy_inzhenernyy_institut (дата обращения: 29.08.2021)

16. URL: <https://www.academia.edu/43751351/> (дата обращения: 29.08.2021)

References

Astrakhantsev, O. N., & Petrushin, Yu. A. (2018). Printed publications of Irkutsk military school as a history of military cadres training in Eastern Siberia. *Theoretical and practical issues of journalism*, 7(4), 660–671.

Federal Law "On cultural heritage sites (monuments of history and culture) of the peoples of the Russian Federation" (2002, June 25).

No. 73-FZ (last edition). Consultant Plus. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/

Grab, I., Zhadanova, K. F., & Pastukhova, S. V. (n.d.). Architect G. B. Barkhin: Little-known pages of his creative biography. *Academia*. Retrieved August 29, 2021, from <https://www.academia.edu/43751351/>

Irkipedia.ru (n.d.). Barkhin, Grigory Borisovich. Retrieved August 29, 2021, from http://irkipedia.ru/content/irkutskiy_voennyi_aviacionny_inzhenerny_institut

Khalinin (2013, January 27). Vladikavkaz cadet corps – past history... Beginning. Retrieved September 1, 2021, from <https://khalinin.livejournal.com/3070.html> (дата обращения: 01.09.2021)

Lykhin, Yu. P., & Kryuchkova, T. A. (2000). *Icon painters, masters and artists of Irkutsk (XVII century - 1917)*. *Biobibliographic Dictionary* (pp. 12–15). Irkutsk.

NID "Historical and architectural reference plan-scheme "The complex of buildings of the Military School and the Cadet Corps" located at 119-123, 176, 182, 184 Sovetskaya Street, Oktyabrsky district, Irkutsk" (PE Kalinin; architect I. V. Kalinina, historian N. G. Bubis) (2003). Irkutsk.

Official information (2020, November 11). Retrieved August 31, 2021, from <https://www.ogirk.ru/wp-content/uploads/sm-issue-print/2020/11/13-32-2.pdf>

Polyukh, V. M., & Stakhanov, V. G. (1991). Do not interrupt the thread of tradition. Brief historical sketch of the Irkutsk Higher Military Aviation. *Engineering Order of the Red Star School named after the 50th anniversary of the AULYCL (1931-1991)* (B. I. Rozhkova, Ed.). Irkutsk: IVVAIU.

Resolution of the Government of the Russian Federation (2009, July 15). No. 569 "On approval of the Regulations on the State Historical and Cultural Examination" (with changes and additions). *Garant*. <https://base.garant.ru/195985/#friends>

Shipitsin, K. (2016, January 22). IVVAIU, the lost value of Priangarie. What happened to the prestigious school? *Weakom.ru*. Retrieved September 1, 2021, from <https://weacom.ru/articles/photoreports/167970>

Skorikova, N. A. (2017). History of planning and development of the military town No. 19 in Irkutsk. *Journal of Ancient Technology Laboratory*, 13(1), 132–147.

TASS (2020, August 13). Suvorov's School will be built in Irkutsk in the place of discontinued Aviation School. Retrieved August 25, 2021, from <https://tass.ru/sibir-news/9193069>

The act of the state historical and cultural examination of the revealed cultural heritage site: "Barracks (residential buildings) of the Military department: only five buildings (Irkutsk region, Irkutsk, Sovetskaya Street, 119-a, lit. B; 121, lit. V; 121-a, lit. G; 123, lit. D; 123-a, lit. E) in order to justify the advisability of including this object in the unified state register of cultural heritage sites (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation; cultural heritage site "Complex of buildings of the military gymnasium (cadet school) and the military school" (Irkutsk oblast, Irkutsk, 176, 182 Sovetskaya Street) in order to clarify information about the cultural heritage site included in the register, about the identified cultural heritage site (expert A. N. Prokudin) (2020).

The history of IVVAIU School. Retrieved January 5, 2017, from <http://ivaii.irk.ru/history.html>

http://irkipedia.ru/content/barhin_grigoriy_borisovich (дата обращения: 25.08.2021)

Статья представляет итоги квалификационной работы «Реновация территории ИВВАИУ с разработкой фрагмента комплекса построек военной гимназии в Иркутске». Характеризуется исторический контекст, градостроительное расположение и территориальное размещение проекта университетского кампуса и приемы, позволяющие повысить плотность застройки и пешеходную доступность объектов инфраструктуры, что делает городскую среду более комфортной. Дается определение реновации, ее основные характеристики.

Ключевые слова: реновация; военная гимназия; городская среда; исторический контекст; инновационные технологии; междисциплинарные исследования. /

The article presents the results of the qualification work "Renovation of the territory of Irkutsk Higher Military Aviation Engineering School with the development of a fragment of the military gymnasium complex in Irkutsk". The historical context, urban planning and space location of the university campus and techniques are described. They allow increasing the density of buildings and pedestrian accessibility of infrastructure facilities, which makes the urban environment more comfortable. The definition of renovation and its main characteristics are given.

Keywords: renovation; military gymnasium; urban environment; historical context; innovative technologies; interdisciplinary research.

Военная гимназия в Иркутске / Military Gymnasium in Irkutsk

текст

Анастасия Синькова

Иркутский национальный исследовательский технический университет

Роман Селиванов

Иркутский национальный исследовательский технический университет /

text

Anastasia Sinkova

Irkutsk National Research Technical University

Roman Selivanov

Irkutsk National Research Technical University

Тема университетского кампуса представляется наиболее перспективной. Она обусловлена:

1. Необходимостью создания специальной площадки для обсуждения проблем окружающей среды и устойчивого развития общества;
2. Возрастающей ролью профессионального образования в области экологии и инновационных технологий;
3. Необходимостью проведения междисциплинарных исследований и укрепления связей между образованием, разработкой инновационных проектов и их внедрением.

Выбор места определяется:

1. Выгодным градостроительным расположением с точки зрения пешеходной доступности, пролегания маршрутов общественного транспорта, близости к загородным рекреационным ресурсам;
2. Близостью аэропорта как центра международных коммуникаций, предполагающего размещение вблизи него центров научной и деловой активности;

3. Историческим контекстом (размещение образовательного учреждения инженерно-технического профиля).

Проект позволит создать условия для эффективной научно-исследовательской деятельности и привлечь студентов и ученых из других регионов, а также восстановить существующий архитектурный памятник, воссоздать связь с историей места [1].

В составе проекта разработана общая концепция планировки и застройки территории [1]. Представлены ситуационная схема и схема территории в границах улиц Советская, Ядринцева, Ширямова, включающая жилые и общественные зоны. На схеме выделены памятники культурного наследия – комплекс построек военной гимназии.

Хронологический анализ застройки

1912. Вычислительный центр.

1920–1930-е гг. В конце 1920-х гг., после визита в Сибирь, К. Е. Ворошилов подписал приказ о размеще-

> Рис. 1. Схема инвентаризации [9]

> Рис. 2. Опорный план территории

< Рис. 3. Ситуационная схема. Схема границ территории

нии военной гимназии авиационных техников в Иркутске. В 1931 г. организация была учреждена, начаты проектные работы. Существующие здания восстановлены и отремонтированы.

1950-е гг. Возобновление строительства нового жилого фонда, реконструкция старых зданий. Ограждение территории. Постройка хозяйственных объектов. Широкое применение камня как основного материала.

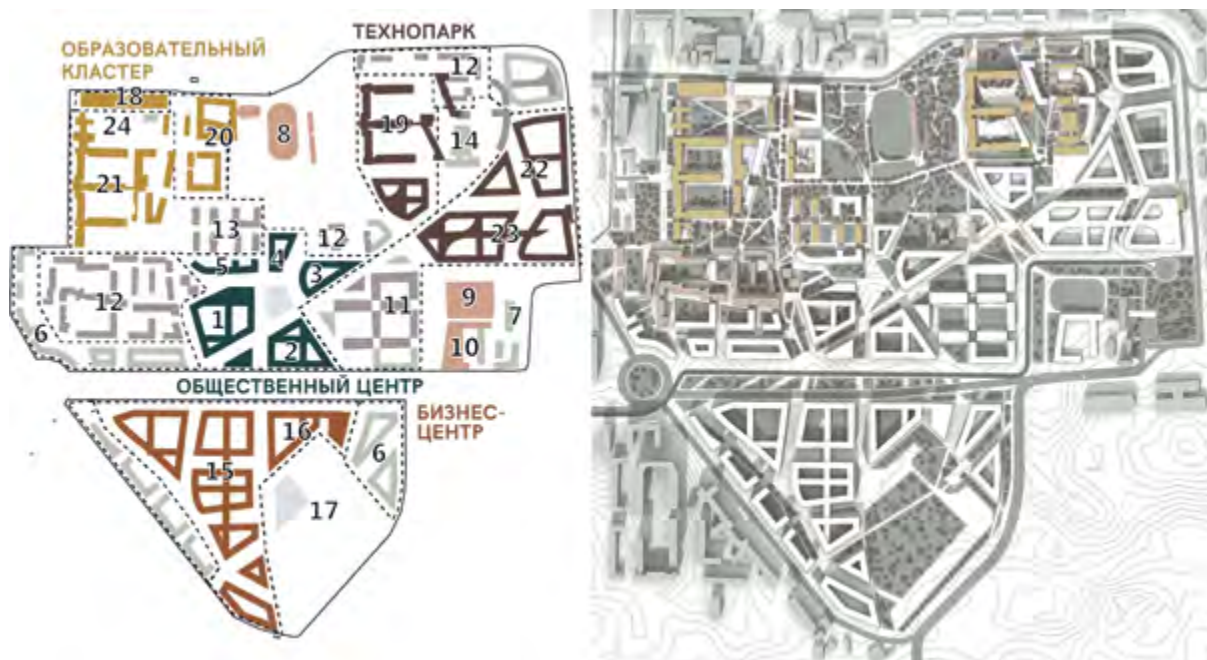
Весна 1976 – осень 1980 гг.:

- построены 3 жилых пятиэтажных дома № 181, 182, 183 (панельные);
- возведены 3 трансформаторных подстанции, столовая (на схеме инв. № 177);
- построено караульное помещение с гауптвахтой;
- реконструировано одно из жилых зданий дореволюционной постройки под детский сад (на схеме инв. № 11);
- реконструировано под офицерское общежитие одно из зданий дореволюционной постройки (на схеме инв. № 12);

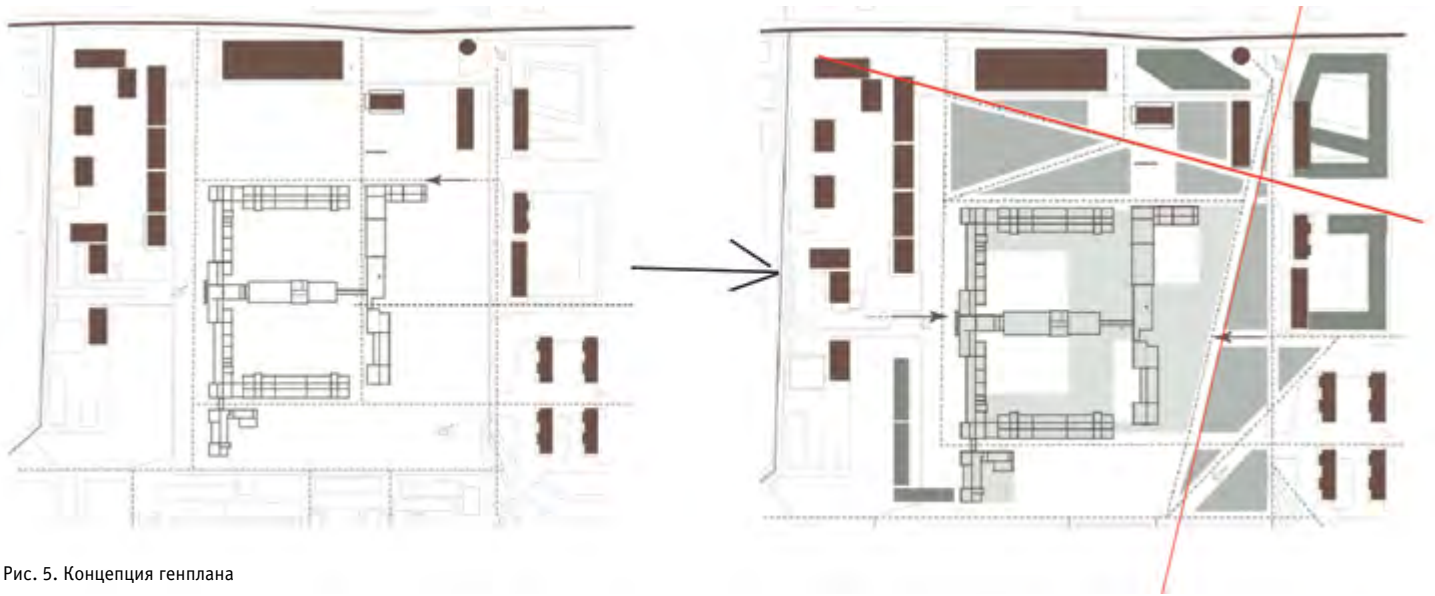
- построена автомобильная дорога;
- построен КПП (на схеме инв. № 203);
- построена станция испытания авиационных двигателей МИСС (на схеме инв. № 207);
- возведен учебный корпус для кафедры № 11;
- начато строительство поликлиники (на схеме инв. № 189) (заброшено);
- тренажерный корпус (на схеме инв. № 211);
- пожарное депо (на схеме инв. № 188);
- стоянки для самолетов.

Вблизи столовой располагались необходимые склады (на схеме инв. № 172, 174), два овощехранилища (на схеме инв. № 127, 164), квашпункт, в котором квасилась капуста и мариновались другие овощи (на схеме инв. № 171).

1983 г. Постройка двух пятиэтажных жилых зданий (панельные) (на схеме инв. № 190, 191).

^ Рис. 4. Схема застройки. Генплан

^ Рис. 5. Концепция генплана

^ Рис. 6. Фотофиксация объекта: существующее состояние

^ Рис. 7. Цикл организации процесса в проектируемом комплексе

^ Рис. 8. Генплан

Начало 1990-х гг. Постройка подземного тир-манежа в зоне стадиона. В его составе находится спортивный зал с дорожкой для бега (100 м). Здание со стороны входа на стадион включает кабинеты, раздевалки и два подземных этажа (инв. № 210).

1993 г. Постройка здания для дипломного проектирования [9].

Опорный план территории содержит существующие памятники архитектуры, жилую застройку (кроме ветхой) и здания общественного назначения. В зависимости от окружающих территорию районов города выявлены факторы, влияющие на ее функциональное зонирование. На территории находится комплекс построек военной гимназии (военный институт), который имеет статус объекта культурного наследия регионального значения, рег. номер 381721283000005.

На выбранной территории выявлен ряд проблем:

1. низкая плотность застройки;
2. несбалансированное функциональное зонирование, нарушенная планировочная структура, слабо выраженные связи;
3. наличие неблагоустроенных территорий, обладающих высоким градостроительным потенциалом;
4. статус зоны отчуждения;
5. изношенный жилой фонд;
6. наличие заброшенных объектов.

Концепция генплана предполагает создание максимально удобной планировочной структуры для выбранной функции – кампуса [1; 2; 3; 4; 5]. Была использована решетка с модулем 90 м, на которой основана застройка (объемы массы), и система связей (пустота), структурирующая застройку на кварталы сложной формы. Рисунок улиц основан на существующих точках входа на территорию с обеспечением максимально коротких связей.

Генплан включает несколько ключевых зон:

- образовательный кластер;
- общественный центр;
- бизнес-центр;
- технопарк.

Этажность застройки не превышает шесть этажей.

В рамках проекта реновации разработан фрагмент территории, включающий здания военной гимназии (кадетское училище), являющееся ОКН регионального значения. Выбранная тема реновации – инновационный учебный центр [1; 6; 7]. Это комплекс зданий, осуществляющих научно-исследовательскую и образовательную функции. Направленность – инновационные технологии в области решения проблем окружающей среды. Городу необходим инновационный центр, так как в регионе сложилась неблагоприятная экологическая ситуация, которая может быть скорректирована за счет внедрения более совершенных технологий в производстве и быту.

Задачи проектирования:

1. Пространственная организация: перепланировка, пристройка новых корпусов и объединение их в единый комплекс.
2. Поддержание разработанной концепции генплана.
3. Гармоничное сочетание исторической и современной архитектуры.

Исторический анализ

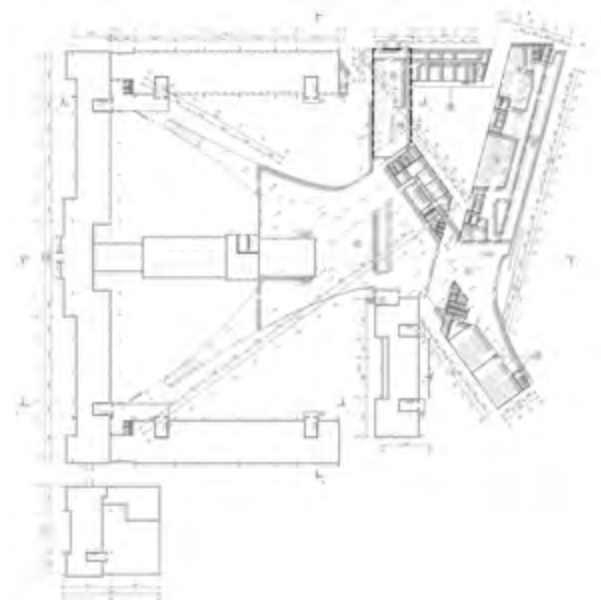
Начало постройки относится к 1915 г. и связано с реорганизацией Иркутского юнкерского училища. Строительство комплекса новых зданий для военного училища и кадетского корпуса прервалось в 1917 г. и возобновилось в конце 1920-х.

«Здания Иркутского кадетского корпуса предполагалось строить по проекту Владикавказского кадетского корпуса. Здания для обоих иркутских учебных заведений (юнкерского училища и кадетского корпуса) должны были составить единый архитектурный ансамбль. Территории, отведенные под строительство, были расположены рядом, их разделяла небольшая речка, впадавшая в реку Ушаковку. <...> Руководство стройкой было поручено одному из самых известных иркутских архитекторов, гражданскому инженеру Александру Петровичу Артюшкову» [8].

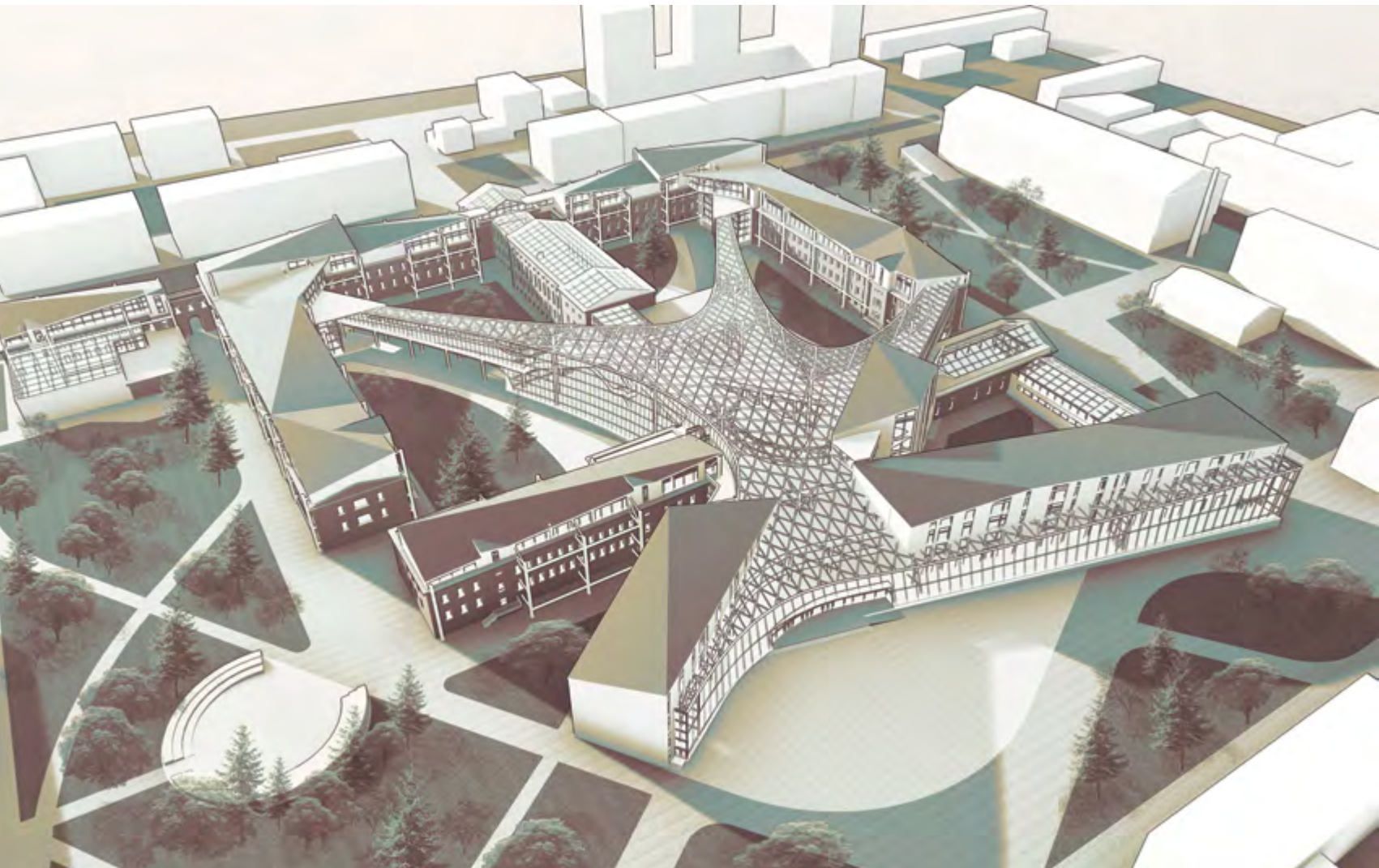
На рис. 5 представлено существующее и проектируемое решение генплана. Предлагается сформировать отсутствующий восточный фасад, создать пространство перед ним. Дополнительные направления позволят более

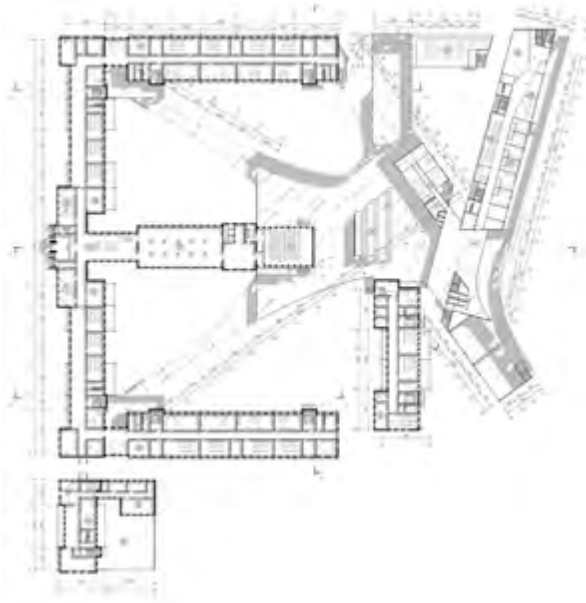
^ Рис. 9. Зонирование комплекса по направленности исследований

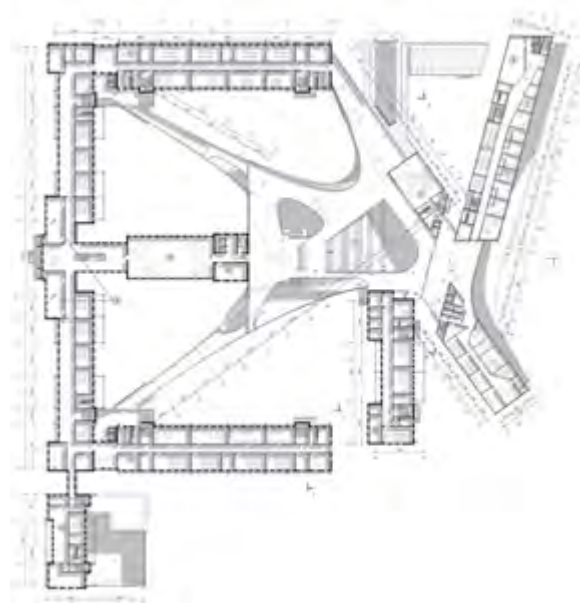
^ Рис. 10. План -1 этажа

^ Рис. 11. Общий вид

^ Рис. 12. План 1 этажа

^ Рис. 13. План 2 этажа

полно и динамично отобразить фасады здания при движении сквозь территорию.

Этапы формообразования:

1. Определение основных подходов к зданию (с улицы и с территории кампуса).
2. Выявление формы, акцентирующей вход.
3. Формирование блоков.
4. Выявление связей между всеми частями здания, отталкиваясь от расположения вертикальных коммуникаций в Главном корпусе.
5. Формирование контура атриума.

Проект реновации включает: новые объемы; пристроенные объемы; частичное изменение планировки; увеличение этажности за счет надстройки 1–2 этажей.

Согласно генплану, здание имеет расположенные на одной оси два входа, с востока и запада. Исторический вход ориентирован на запад (ул. Ядринцева)

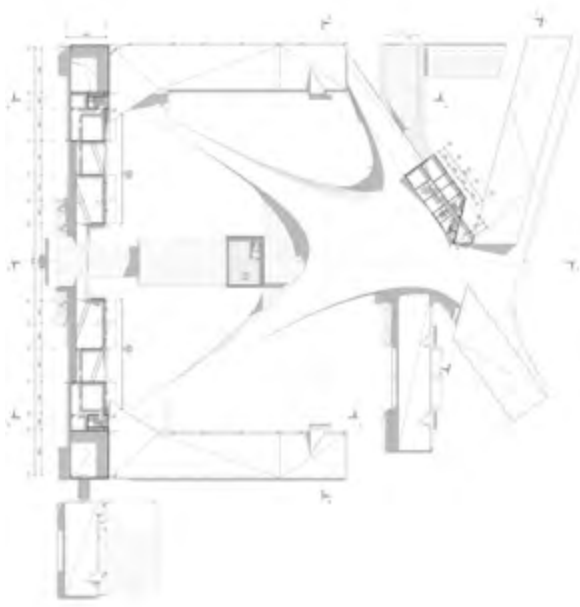
и находится ближе к выходу из подземной парковки, восточный вход раскрывается в сторону общественного центра территории и расположен ближе к остановке городского транспорта. На территории запроектированы малые архитектурные формы, различные типы покрытия, организован автомобильный проезд и подземная парковка под сквером. Обеспечены пожарные проезды вдоль всего здания и подъезды для обслуживающей техники, площадки для сбора мусора.

Направленность исследования [9]:

- рациональное использование и мониторинг природных ресурсов;
- энергетика (возобновляемые источники энергии, разработка биотоплива, совершенствование технологий добычи чистой энергии);
- рециклинг и безотходное производство (разработка методов переработки отходов производства);

^ Рис. 14. План 3 этажа

^ Рис. 15. План 4 этажа

> Рис. 16. Перспективные ракурсы

– правовое и финансовое регулирование вышеперечисленных задач.

Цикл процесса разработки и внедрения инноваций включает следующие этапы: фундаментальные исследования в конкретной области, прикладные исследования и эксперименты, тестирование полученной разработки, производство/внедрение.

Главными функциями инновационного центра являются:

1. Учебная (большая часть главного корпуса).
2. Научно-исследовательская (междисциплинарный исследовательский центр и отдельные лаборатории).
3. Административная (управление).
4. Общественная (общественные пространства, столовая, библиотека, коворкинги и др.).

Особенное значение в концепции архитектурного решения занимает переход между архитектурой разных эпох, возникающий при движении вдоль центральной оси здания. Новые конструкции, выполненные из стекла и бетона, контрастируют со старинной кирпичной кладкой, которая становится доминирующим материалом, когда посетитель проходит сквозь прозрачный атриум и попадает внутрь главного корпуса. Понижение территории к северо-востоку обусловило формирование дополнительного уровня ниже отметки первого этажа исторического здания на 3,5 м. Разность в отметках уровней этажей старого и новых зданий не превышает 1 м и компенсируется пологими пандусами, расположенными в пространстве атриума. В каждом блоке имеются собственные лестничные клетки типа Л1, ведущие непосредственно наружу, а также лифты. Между лестничными клетками выдержано нормативное расстояние [10; 11; 12; 13]. Посетитель попадает во входной вестибюль с восточной стороны в уровне 1 этажа. Оттуда имеется доступ в северный, восточный, южный новые корпуса, в один из старых корпусов, а также в центральный атриум. Во входном вестибюле расположены гардероб и помещение охраны.

На 1 этаже размещены библиотека и читальные залы, блок лекционных аудиторий, блок столовой с подсобными помещениями, административные помещения –

офис бизнес-инкубатора, отдел международных связей, кадровая служба, бухгалтерия и др. помещения для большого потока и скопления людей. В центральном атриуме расположен амфитеатр. За амфитеатром находятся лестницы, по которым можно попасть на 1 этаж исторической части здания – в конференц-зал на 100 чел. На 1 и 2 этажах новых корпусов запланированы основные учебные помещения, лаборатории, кафедры факультетов. На 1 этаже главного корпуса в зоне входной группы расположены гардероб, помещение охраны, буфет.

Из входного вестибюля имеется доступ в выставочный зал, по центральной лестнице на второй этаж – в парадный зал, северное и южное крылья главного корпуса (учебная часть). Из южного крыла предусмотрен отдельный вход в бывшее здание штаба, выполняющее функцию экспериментального и опытно-конструкторского центра.

На 2 этаже перекрытие атриума связывает остекленными галереями все здания. Его центральная часть с амфитеатром является главной общественной зоной. В исторической части расположены парадный зал, в обычное время являющийся лаунж-зоной, через которую можно перемещаться между атриумным пространством и учебной частью. В уровне 2 этажа имеется переход в бывшее здание штаба.

В северном блоке на 1–3 этажах находится междисциплинарный исследовательский центр. В надстройке [15; 16] размещены учебные лаборатории и аудитории для самостоятельных занятий, в северной и южной частях главного корпуса – две отдельных лекционных аудитории.

На четвертом этаже административного (западного) блока находятся кабинеты управляющей группы, ученого совета, переговорная. В центральной части, в блоке парадного зала устроен зимний сад. Для залов дипломного проектирования предназначены надстройка главного корпуса, мансарда.

Вывод

В ходе разработки архитектурно-планировочного раздела проведена работа по сбору исходных данных о территории, в том числе исторические сведения о существующем памятнике архитектуры и хронологическом порядке

его изменений. Приведено градостроительное обоснование идеи размещения комплекса инновационного центра на данной территории, а также решения по генеральному плану [17].

Выявлены существующие проблемы пространственной организации территории и предложены пути их решения. В процессе разработки концепции сформированы пространственные, планировочные и функциональные составляющие в соответствии с главной идеей проекта [17].

Литература

1. Увайсаева, А. Г. Реновация территорий как разновидность инвестиционных проектов // Российское предпринимательство. – 2014. – № 8 (254). – С. 139–147
2. Зобова, М. Г. Современные аспекты архитектурно-градостроительного проектирования университетских кампусов // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – № 3 (178). – С. 243–248
3. Овчинникова, Н. А., Крыгина, А. М. Экологическая реконструкция университетских кампусов // Энергоэффективность, ресурсосбережение и природопользование в городском хозяйстве и строительстве: экономика и управление : материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции. – Волгоград : ВолГУ. – 2017. – В 2-х ч. – С. 87–94
4. Половцев, И. Н. О зонировании проектируемого университетского кампуса // Инженерный вестник Дона. – 2014. – № 4. – 14 с.
5. Голуб, Е. И. Наука для жизни: как университетские кампусы могут изменить город // Деловой Петербург [сайт]. – 2018. – URL: https://www.dp.ru/a/2018/06/27/Nauka_dlja_zhizni (дата обращения: 25.02.2020)
6. Дальневосточный федеральный университет [сайт]. – URL: <https://www.dvfu.ru> (дата обращения: 11.12.2019)
7. Ендовицкая, А. Г. Студенческий кампус: инфраструктура безопасности // Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники. – 2017. – № 1. – 4 с.
8. Скорикова, Н. А. История планирования и застройки военного городка № 19 в Иркутске // ИРНИТУ: Известия Лаборатории древних технологий. – 2017. – Т. 13. – № 1. – С. 132–147
9. 7 перспективных профессий в области экологии // Общероссийская педагогическая газета. – Издательский Центр ЮНИПресс [сайт]. – URL: <https://после-уроков.рф/8-perspektivnyh-professij-v-oblasti-jekologii/> (дата обращения: 22.03.2020)
10. СП 1.13130.2009. Свод правил. «Системы противопожарной защиты. Эвакуационные пути и выходы». (Утв. Приказом МЧС России от 25.03.2009 № 171) (ред. от 09.12.2010). – Москва : Консультант-Плюс. – 72 с.
11. Российская Федерация. Законы. «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений». Федеральный закон от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ [принят Государственной Думой 23 декабря 2009 года : одобрен Советом Федерации 25 декабря 2009 года]. – Москва : Гарант
12. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ [принят Государственной Думой 4 июля 2008 года : одобрен Советом Федерации 11 июля 2008 года]. – Москва : Гарант
13. Перечень национальных стандартов и сводов правил (частей таких стандартов и сводов правил), в результате применения которых на обязательной основе обеспечивается соблюдение требований Федерального закона «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» (с изменениями на 7 декабря 2016 года)
14. Бадьин, Г. М., Сычев, С. А. Современные технологии строительства и реконструкции зданий. – БВХ-Санкт-Петербург, 2013. – 288 с. : ил. – (Строительство и архитектура)

15. Здания школ и образовательных организаций со стальным каркасом. – Москва : Аксиом Графикас Юнион, 2019. – 60 с. : ил.
16. Ведомственные строительные нормы : Правила оценки физического износа жилых зданий. ВСН 53-86(р) (утв. Приказом Госгражданстроя при Госстрое СССР от 24.12.1986 N 446). – Москва : КонсультантПлюс. – 54 с.
17. Макогон, Л. Н., Селиванов Р. А. Методика выполнения выпускной квалификационной работы по специальности «Архитектура» : учеб. пособие. – Иркутск : Изд-во ИРНИТУ, 2018. – 94 с.

References

- Badin, G. M., Sychev, S. A. (2013). Modern technologies of construction and reconstruction of buildings. SPb: BVKh-Petersburg.
- Departmental building codes. Rules for assessing the physical deterioration of residential buildings. VSN 53-86 (p) (approved by the Order of the State Civil Construction under the USSR State Construction Committee No. 446 (1986, December 24).
- Endovitskaya, A. G. (2017). Student campus: security infrastructure. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, 1.
- Golub, E. I. (2018). Science for Life: How University Campuses Can Change the City. Delovoy Petersburg: Network Journal. https://www.dp.ru/a/2018/06/27/Nauka_dlja_zhizni (date of access: 25.02.2020).
- Federal Law No. 123-FZ "Technical Regulations on Fire Safety Requirements" (2009, July 22). Moscow: Garant.
- Federal Law No. 384-FZ "Technical Regulations on the Safety of Buildings and Structures" (2009, December 30). Moscow: Garant.
- Likhacheva, P. (n.d.). 7 promising professions in the field of ecology ("After lessons" - site of the All-Russian pedagogical newspaper). Publishing Center UNIPress, network resource. <https://after-lessons.rf/8-perspektivnyh-professij-v-oblasti-jekologii/> (date of access: 22.03.2020).
- Makogon, L. N., & Selivanov, R. A. (2018). Methodology for performing final qualifying work in the specialty "Architecture": textbook. Irkutsk: Publishing house IRNITU.
- Official site of the Far Eastern Federal University (n.d.). Network resource. <https://www.dvfu.ru> (date of access: 12/11/19)
- Ovchinnikova, N.A., & Krygina, A. M. (2017). Ecological reconstruction of university campuses. FGBOU VO "YuZGU", Kursk, Russia, article in the conference proceedings (pp. 87-94).
- Polovtsev, I. N. (2014). On the zoning of the projected university campus. Engineering Bulletin of the Don, No. 4
- Skorikova, N.A. (2017). The history of planning and development of the military town No. 19 in Irkutsk. Irkutsk National Research Technical University, Bulletin of the Laboratory of Ancient Technologies, 13(1), 132-147.
- SP 1.13130.2009 "Fire protection systems. Evacuation routes and exits" (2009, March 25). Russian Emergency Ministry Order No. 171 (revised at 09.12.2010). Moscow: KonsultantPlus.
- Steel-framed school and educational buildings. (2019). Engineering Center of the Steel Construction Development Association. Moscow: Axiom Graphics Union.
- The list of national standards and sets of rules (parts of such standards and sets of rules), as a result of which, on a mandatory basis, compliance with the requirements of the Federal Law "Technical Regulations on the Safety of Buildings and Structures" is ensured (with amendments) (2016, December 7).
- Uvaisaeva, A.G. (2014). Renovation of territories as a kind of investment projects. Russian Entrepreneurship, 8 (254), 139-147.
- Zobova, M.G. (2015). Modern aspects of architectural and urban planning design of university campuses. Bulletin of the Orenburg State University, 3(178), 243-248.

в Рис. 17. Западный фасад

На основе анализа государственных образовательных стандартов, законодательного контекста их разработки и принятия рассматривается пореформенная история стандартизации архитектурного образования с акцентом на трансформации квалификационного портрета архитектора как совокупности его квалификационных характеристик. Прослеживается эволюция стандартов последнего десятилетия – «эры ФГОС». Проводится сравнение отечественного ФГОС бакалавра «поколения 3++» с международным стандартом архитектора МСА/UIA. Делается вывод о целесообразности перехода в России к международным принципам и моделям стандартов образования – стандартов профессиональной архитектурной практики.

Ключевые слова: государственные образовательные стандарты; архитектурное образование; история развития; межкультурный анализ. /

Basing on the analysis of the Federal State Educational Standards (FSSES) and the legislative context of their development and approval, the post-reform history of the standardization of architectural education is viewed with the focus on the transformation of a qualification portrait of an architect as a set of the architect's qualification characteristics. The article traces the evolution of standards of the last decade, the "age of FSSES". The national FSSES of the bachelor degree of the "generation 3++" is compared with the UIA international standard of an architect. The author makes a conclusion whether it is practicable for Russia to use international principles and models of educational standards, the standards of architectural professional practice.

Keywords: state educational standards; architectural education; history of development; cross-cultural analysis.

Эра ФГОС: портрет архитектора в рамке образования / The age of FSSES: Portrait of an architect in the frame of education

текст

Константин Кияненко

Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства;

Московский архитектурный институт; Российский университет дружбы народов /

text

Konstantin Kiyanenko

Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning; Moscow Architectural Institute; RUDN University

Введение

Сейчас уже трудно себе представить, что каких-нибудь четверть века назад все в архитектурном образовании было иначе. Педагоги занимались преподаванием, работой со студентами больше, чем написанием и непрерывным переписыванием раздражающе малопонятных и мгновенно устаревающих учебно-методических документов. К моменту появления новых министерских требований к образованию старые успевали хотя бы раз воплотиться в полном цикле учебного процесса. Аккредитация выявляла не факт соответствия этих самых требований упомянутым ранее документам, то есть одним бумагам другим, а способность студентов качественно решать профессионально значимые задачи. Возглавляли комиссии по аккредитации не безымянные чиновники Минобра, а авторитетные, всеми уважаемые лидеры российского архитектурного образования, которым для достоверной оценки качества студента и школы в целом достаточно было взглянуть на десяток рукодельных клаузур, а кое-кому – и на одну единственную. Образовательные стандарты той поры обращались к архитектуре, изъяснялись языком накопленной профессиональной и академической культуры, не требовали расшифровки каждого второго написанного слова и не содержали ошибок и опечаток чуть ли не в каждом первом. А фигура «дипломированного специалиста» как выпускника архитектурной программы была куда более понятной, чем все то, что за нею последовало в стандартах эры ФГОС (федеральных государственных образовательных стандартов).

Как одно превратилось в другое? Поскольку в небольшой статье невозможно аналитически рассмотреть данный транзит в целом, попытаемся проследить его на материале частного, но, пожалуй, ключевого аспекта – того, как в высшем образовании в ходе реформ новейшего времени менялся квалификационный портрет¹ архитектора – информационный, дидактический, методологический, этический фундамент образования. Основное внимание будет уделено периоду начиная с 2010 года, откуда и ведет свой отсчет эра ФГОС. Однако без обзора предшествовавших двух десятилетий не обойтись. Нас будет интересовать общая логика прописывания квалификационного портрета, череда «набросков», возникаю-

щих в связи с принятием все новых стандартов, а также то, как выглядит последний продукт этой эволюции, ныне взирающий на нас со страниц новейшей версии ФГОС, и как он соотносится с официально рекомендованным Международным союзом архитекторов (UIA) стандартом профессионализма в архитектурной практике.

Исследование построено как хронологическое рассмотрение событий, понятийно-терминологический анализ текстов стандартов и подстилающих их документов – законов, приказов, постановлений российской власти, а также как сравнительный анализ отечественных и международных стандартов.

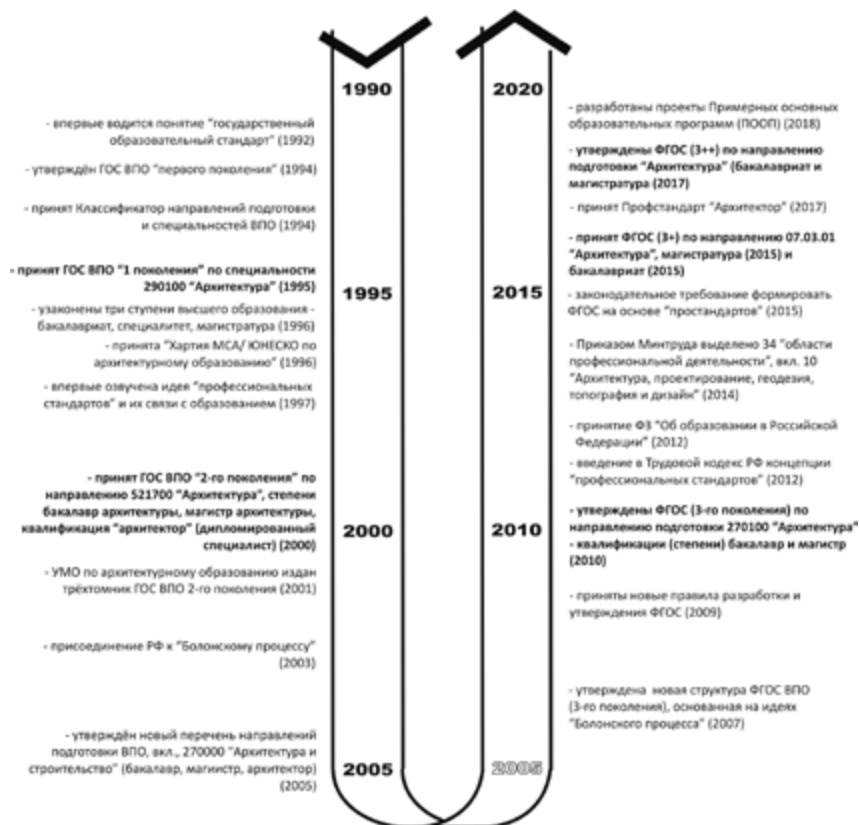
Что было

Стандартизация в образовании, в том числе архитектурном, была всегда. Но само понятие «государственный образовательный стандарт» в пореформенной истории страны прозвучало лишь в 1992 году (рис. 1). Первым постсоветским законом об образовании был установлен статус государственного образовательного стандарта, воспринимавшегося как инструмент скорее либерализации, чем ужесточения, поскольку вводил «федеральный и региональный (национально-региональный) компоненты, а также компонент образовательного учреждения» [1], провозглашал автономность образовательных учреждений, право педагогов на выбор форм и методов преподавания. Этот закон был вскоре воплощен в Государственном образовательном стандарте как базовом регламенте, установившем, в частности, требования к структуре уровня высшего профессионального образования, включая двухлетнее «неполное высшее образование», четырехлетнего бакалавра и шестилетнего магистра или специалиста [2]. Одновременно был принят неоднократно затем переименованный классификатор направлений подготовки и специальностей высшего профессионального образования, которым архитектура была отнесена к рубрике «Строительство и архитектура». На этом фундаменте и возвели первый российский стандарт архитектурного образования.

Государственный (но еще не федеральный) документ – ГОС ВПО первого поколения, как его принято неофициально называть, – появился на свет в 1995

1. Под квалификационным портретом понимается совокупность квалификационных характеристик, описывающих ожидаемые обществом, профессией, рынком, студентом, архитектурной школой и другими носителями квалификационных требований профессиональные качества архитектора и/или выпускника архитектурной школы (что не обязательно должно совпадать).

> Рис. 1. Хронология основных пореформенных событий в развитии стандартизации архитектурного образования

году. Его автор – Московский архитектурный институт (МАРХИ) – фактически пожертвовал для национального стандарта своим учебным планом того времени. Стандарт запомнился основательной характеристикой архитектуры как специальности, сферы профессиональной деятельности, ее объектов, которыми были названы «элементы искусственной материально-пространственной среды... такие как интерьер, здание (сооружение), группа зданий, квартал, населенный пункт, город, агломерация, а также цифровые, словесные, графические, объемные и другие модели этих элементов» [3]. В дальнейшем это широкое определение объекта с некоторыми изменениями передавалось от одного поколения стандарта к другому. Описание квалификационных требований к архитектору было фундаментальным, можно сказать «возрожденческим» («обладает общей культурой», «знаком с основными учениями в области гуманитарных и социально-экономических наук», «имеет целостное представление о процессах и явлениях... в неживой и живой природе», «знает этические и правовые нормы...»). Одновременно «архитектор», порожденный этим ГОСом, должен был стать профессионалом, способным на многое – от осмысления сущности и социальной значимости своей будущей профессии до проектирования, моделирования, постановки целей, решения задач, оценки результатов, кооперирования с коллегами, управления коллективом, смены своей профессиональной траектории.

Квалификационные требования формулировались понятным и весьма действенным языком: «иметь представление» (например, «о глобальных экологических процессах»), «знать» (например, «состав и характер социально-демографических данных...») и «уметь» (например, «проводить предпроектный анализ»). Обучали будущего архитектора шесть лет по невообразимым сегодня восьми специализациям («градостроительство», «архитектура жилых и общественных зданий», «архитектура промышленных зданий и сооружений», «архитектура сельских населенных мест», «теория и история архитектуры», «реставрация и реконструкция архитектурного наследия», «ландшафтная архитектура», «районная планировка и генеральные планы городов»), которые

еще не были обоснованно или необоснованно отсечены от тела архитектуры либо просто преданы забвению.

Сочетание обязательных и элективных дисциплин (список последних и сегодня может быть полезен при разработке учебного плана) обеспечивало высокую вариативность учебного процесса и разнообразие квалификационных «кликов» выпускников при сохранении единства базового образования.

Федеральный закон 1996 года ввел три ступени высшего профессионального образования – бакалавриат, специалитет и магистратуру [4]. В том же году был опубликован международный документ, оказавший значительное влияние на архитектурное образование в мире и – некоторое – в России – совместная Хартия Международного союза архитекторов (МСА – UIA) и ЮНЕСКО по архитектурному образованию [5]. В дальнейшем документ много раз переиздавался, квалификационные характеристики архитектора несколько изменялись без ущерба для сути дела. Его современная версия будет рассмотрена далее. В Хартии 1996 года впервые содержались согласованные на международном уровне формулировки квалификационных требований к архитектору, выраженные в понятиях «знания», «понимание», «умения», «навыки», «компетентности», «способности». Именно эти два документа повлияли на ГОС ВПО так называемого второго поколения, разработанный к 2000 году. Новый стандарт, как и предыдущий, создавался в МАРХИ, формально коллективом ведущего вуза, учебно-методическим объединением (УМО) по архитектурному образованию, а фактически проф. Н. Ф. Метленковым под руководством проф. А. В. Степанова и сотрудниками аппарата УМО. Амбициозный настрой разработчиков и руководства МАРХИ был таков – попытаться представить этим стандартом все лучшее, что было на тот момент накоплено отечественной архитектурной школой. Для этого собирали и обобщали учебные планы из разных уголков все еще обширной страны². Через год институту, УМО и авторам удалось издать три тома стандарта в бумажном виде с «архитектурным» качеством и на достойном полиграфическом уровне (рис. 2).

ГОС ВПО второго поколения нацеливал архитектурную школу на «подготовку дипломированного специалиста»

2. Об этом говорил Н. Ф. Метленков в разговоре с автором статьи.

> Рис. 2. Три тома стандартов 2000 года хотя и не лишены недостатков, но по качеству «квалификационного портрета» архитектора в целом превосходят все последующие стандарты

с присвоением ему квалификации архитектора, архитектора-дизайнера или архитектора-реставратора [6]. Квалификационная характеристика выпускника унаследовала все формулировки предыдущего ГОС – определение архитектуры как области деятельности, объектов, видов и задач профессиональной деятельности всех трех названных специалистов. Квалификационные требования к ним были сформулированы как «должностные обязанности» и «знания» для бакалавра и магистра (общим числом 21 и 10 позиций соответственно).

Для специалиста разработано другое квалификационное понятие – «типы задач», к решению которых должен быть подготовлен архитектор. Например, «фундаментальные и прикладные исследования в области архитектуры», «выявление, создание и обоснование социально-значимых архитектурных проектных концепций и проектов, разработка проектов, выдача проектной документации». Фактически в стандарте 2000 года для конкретизации черт квалификационного портрета архитектора использовалось то, что вскоре назовут компетенциями. Они были дополнены подробным, аннотированным по содержанию и регламентированным по объему перечнем дисциплин федерального компонента, сгруппированных по циклам. Были выделены «общепрофессиональные дисциплины» – единая база для всех специальностей, «специальные дисциплины», разводящие студентов по трем руслам, и «дисциплины специализаций» в рамках специальностей для прописывания особых портретных черт разных версий архитекторов, дасовцев (ДАС – дизайн архитектурной среды) и реставраторов. Наконец, были зарезервированы часы для национально-регионального и вузовского компонентов учебных планов, включающих «дисциплины и курсы по выбору студента». Квалификационный облик архитектора был ясным и профессиональным, а система единства и разнообразия учебного процесса – продуманной и эффективной. Но жить ей оставалось недолго.

В 2003 году на встрече министров образования европейских стран в Берлине Россия присоединилась к Болонскому процессу. Его идеи – интеграция всех стран Европы в международное образовательное пространство, сопоставимость стандартов и качества образования, мобильность студентов, «кредитная» система оценки

знаний, максимально индивидуализированные учебные планы, «модули» как их структурные элементы. Но главное в контексте нашего разговора – переход от «знаниевой» (ЗУНовской – знания, умения, навыки) к компетентностной (способности выполнять профессиональные задачи) модели выпускника. Через два года в очередной, и не последний, раз приказом Минобрнауки сменили перечень направлений подготовки, с исполнением «болонских» рекомендаций, с новой версией наименований, присвоенных кодов и уровней³. В 2007 году федеральным законом утверждена иная структура образовательного стандарта, отныне федерального – ФГОС ВПО (двумя годами позднее вышли разъяснения правительства о правилах разработки новых стандартов. Был утвержден их «макет» – содержание, формат, структура). Кроме прочего, была формально отменена регламентация «дисциплинарно-знаниевого» содержания учебного процесса (фактически она сохранилась) в пользу «выходного контроля» осваиваемых выпускниками компетенций. Вводимые регламенты неофициально стали называть стандартами третьего поколения (подчеркнем, в статье упомянуты и на рис. 2 отражены лишь немногие официальные документы). Занималась заря эры ФГОС.

Что есть

О событиях эры ФГОС уместно говорить как о нашем времени, о настоящем, хотя хронологически в архитектурном образовании ее отсчет начинается в 2008 году, когда под руководством проректора по УМО МАРХИ А. В. Степанова и под присмотром ректора Д. О. Швидковского началась длившаяся два года работа над новыми стандартами большого коллектива педагогов, представлявших все ведущие архитектурные школы России. Плодом этого истинно коллективного, демократического труда, лишеного малейшего налета бюрократического манипулирования, непрозрачности и «подковерности» и стали бакалаврские и магистерские стандарты по архитектуре, дизайну архитектурной среды, реставрации и градостроительству 2010 года⁴.

Организационно-методическая продукция эры ФГОС стала результатом совпадения нескольких процессов, что в полной мере отразилось и на архитектурных стан-

3. Оставаясь в основном в разделе «Техника и технологии», в подразделе «Архитектура и строительство», архитектура выбросила протуберанцы в область «Культура и искусство», закрепившись там «реставратором памятников архитектуры и архитектурной среды» и «художником-архитектором» по направлению «зодчество». Так впервые было официально не объяснено, но продемонстрировано обособление архитектуры от зодчества.

4. Автор этой статьи был активным участником процесса и полностью разделяет ответственность за все плюсы и минусы итогового документа. Главным плюсом, как теперь представляется, стало аргументированное разработчиками утверждение пятилетнего бакалавриата для архитектуры вместо повсеместно распространенного четырехлетнего.

дартах. На первых порах главным обстоятельством были «болонские» требования, их суть уже кратко описана. Вторым фактором стал всплеск интереса государства к стандартизации, усиление государственного бюрократического регулирования повсеместно, в том числе и в сфере образования. Государственные чиновники то ли не читали классиков идеи «постиндустриальности», то ли не поверили им, то ли классики ошибались, но «трепья волна в России» оказалась цвета жесткой стандартизации. Намерение создать единые рамки для всех этапов и уровней образования – от дошкольного до аспирантуры – и для всех направлений подготовки – от физмата и социологии до архитектуры с геодезией, описав их единым языком и скрепив бескомпромиссно единым форматом, назвать все высшее образование «профессиональным» – это продукт сверхстандартизации мышления. По нашему мнению, сыграло роль и то, что в сфере реформирования образования произошла депрофессионализация кадров. По-видимому, укрепились позиции догматической части так называемых эффективных менеджеров и «системоделятельных» методологов; об этом косвенно свидетельствуют лихорадочная непоследовательность в разработке и птичий язык, которым написаны макеты стандартов.

ФГОС-3 по архитектуре перенял у прежних стандартов основательные, достаточно подробные описания профессиональной деятельности, упустив определение архитектуры, которое не вписывалось в министерский «макет» стандарта (рис. 3). Охарактеризовать бакалавров и магистров с помощью только новомодных «компетенций» (общекультурных и профессиональных) не получилось. Государство не захотело поступиться контролем над содержанием учебного процесса, включив пять неприкасаемых дисциплин в базовую часть. Разработчики ФГОС, не слишком доверяя благоразумию вузов, тоже вставили необходимые, по их мнению, дисциплины с аннотациями содержания в виде «знать», «уметь», «владеть». Отдельные компетенции, знания, умения формулировались как сложносоставные. Общее количество квалификационных характеристик, с помощью которых был написан новый портрет бакалавра, составило 129 на фоне 21 компетенции доболонского стандарта (не считая в последнем аннотаций дисциплин). В общем, ФГОС и портрет выпускника получились компромиссными – «компетентностно-знаниевыми» и, несмотря на увеличение детализации, а может и из-за нее, – менее четкими, более «пиксельными», чем в ГОС.

Однако век первой версии стандартов третьего поколения оказался недолгим. Не имея на то никаких собственных, внутренних причин, будучи жертвой общего процесса гонки стандартов, архитектурное образование было вынуждено в 2015–2016 годах принять документы нового поколения, относимые к ФГОС ВО 3+. Имея тот же аппарат описания профессиональной архитектурной деятельности, эти стандарты подчинялись новой министерской классификации компетенций: наряду с общекультурными и профессиональными появились «общепрофессиональные». Логика в этом для архитектурного образования не было никакой, поскольку не было общепрофессиональной и специализированной профессиональной составляющих подготовки, как в стандарте 2000 года, но такова была плата за «единое стандартизационное пространство». Введены два типа образовательных программ бакалавриата и магистратуры – «академический» и «прикладной». То есть сначала все высшее образование, включая академическое, назвали профессиональным, а затем в профессиональном образовании выделили академический компонент...

ФГОС ВО 3+ имел и того более короткую историю. Еще в 2012 году в Трудовой кодекс было введено понятие

«профессиональный стандарт», а новый закон об образовании под давлением бизнеса и профессиональных практик, недовольных качеством высшего образования, дополнен требованием все образовательные стандарты «в части профессиональных компетенций» подчинить профессиональным⁵. В стандартах 2015–2016 годов отразить нововведение не смогли, пришлось спустя год переписывать документ, на котором еще не высохла чернила принтера. Главное содержание ФГОС ВО 3+, принятых в 2017 году, – введение отсылок на профессиональные стандарты, учитывающие их профессиональные компетенции, которые, правда, вынесены из текста ФГОС в Примерные основные образовательные программы (ПООП). Но зато сами программы объявлены компонентом ФГОС... Академические и прикладные бакалавриат и магистратуру упразднили. Общекультурные компетенции переименовали в универсальные. Интенсивная реформаторская деятельность министерства продолжалась.

Увы, качество квалификационного портрета архитектора «три плюс плюс» ничуть не улучшилось, «лицо» архитектора огрубело, опростилось и приобрело некоторую неуловимость, как на кубистских изображениях. Вместо содержательного определения профессиональной деятельности прежних ФГОС и ГОС – чисто индикативное и весьма причудливое по своей логике очерчивание ее области – «архитектура, проектирование, геодезия, топография и дизайн». Из стандарта бакалавра полностью исчезла научно-исследовательская составляющая, помимо прикладного предпроектного анализа, изъята преподавательская, критическая и экспертная, организационно-управленческая. Но пятилетний бакалавр архитектуры – это во всем мире претендент на профессиональную лицензию. Значит ли это, что в России будет два типа лицензий – попроще для бакалавров и покруче для магистров? Школам архитектуры при формировании образовательных программ стандарт разрешил ориентировать их на отдельные «типы задач» профессиональной деятельности. То есть какие-то программы могут готовить только к архитектурному проектированию, другие – только к предпроектному анализу, третьи – только к авторскому надзору? И эти разные выпускники будут одинаково претендовать на архитектурную лицензию?

Стандарты	Сравнение профессия и квалификационный ей стандарты		
	характеристики профессиональной деятельности	требования к результатам освоения программ	требования стандарту
ФГОС-3 (2010)	<p>Область профессиональной деятельности: «создание построенной материально-пространственной среды»...⁶</p> <p>Области профессиональной деятельности:</p> <ul style="list-style-type: none"> искусственный ландшафт; процессы и моделирование, создание, использование <p>Виды профессиональной деятельности:</p> <ul style="list-style-type: none"> проектирование; научно-исследовательская; коммуникативная; организационно-управленческая; критическая и экспертная; педагогическая <p>(приводит профессиональные задачи ко каждому виду деятельности)</p>	<p>Компетенции (40):</p> <ul style="list-style-type: none"> общекультурные (ОК, 21); профессиональные (ПК, 19) (структурированы по видам деятельности) <p>Дисциплины базовой части (18), специализации:</p> <ul style="list-style-type: none"> «Знать» (33); «Уметь» (22); «Владеть» (12). 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Подробно описаны профессиональная деятельность 2. Стандарт – компетенциально-знаниевый (ЗНЗ) 3. Увы, системы дублирует компетенции 4. Ряд компетенций и ЗУВов, однако, составлен, общее количество квалификационных характеристик 129
ФГОС 3+ (2016)	<p>Область профессиональной деятельности: «Архитектура, проектирование, геодезия, топография и дизайн».</p> <p>Типы задач профессиональной деятельности:</p> <ul style="list-style-type: none"> проектно-планировочный (архитект., проектирование); аналитический (проектно-аналитический); методический надзор. 	<p>Компетенции (38):</p> <ul style="list-style-type: none"> общекультурные (ОК, 26) общепрофессиональные (ОПК, 3); профессиональные (ПК, 19) <p>Дисциплины (15). Содержимое не регламентировано. Для программ: «инженерский» и «прикладной» бакалавриат</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Подробно описаны профессиональная деятельность 2. Стандарт – компетенциально-знаниевый 3. Наряду с профессиональными компетенциями приводятся «общепрофессиональные»
ФГОС 3++ (2017)	<p>Область профессиональной деятельности: «Архитектура, проектирование, геодезия, топография и дизайн».</p> <p>Типы задач профессиональной деятельности:</p> <ul style="list-style-type: none"> проектно-планировочный (архитект., проектирование); аналитический (проектно-аналитический); методический надзор. 	<p>Компетенции по ФГОС (12):</p> <ul style="list-style-type: none"> универсальные (УУ, 8); общепрофессиональные по категориям (ОПК, 4); профессиональные – в ПООП (6) <p>содержательные (ОАД, 3);</p> <ul style="list-style-type: none"> рекомендуемые (ПК, 3) <p>«Индикаторы достижений»:</p> <ul style="list-style-type: none"> компетентный, раскрыты четыре умения и знания: (8) <p>Дисциплины обязательные (5)</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Описание области проф. деятельности безупречное 2. Перечень «типов» деятельности описан 3. Профессиональные компетенции вынесены в ПООП, выделены при стандарте 4. Различение общепрофессиональных и профессиональных компетенций не обосновано

5. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» был принят Государственной думой 21.12.2012 и не успел отразить новые требования Трудового кодекса. Это случилось в специальной новой редакции закона в 2016 году.

< Рис. 3. Квалификационные характеристики архитектора и некоторые особенности стандартов «эры ФГОС»

6. Выбор в пользу стандарта бакалавра, а не магистра, связан с упомянутым ранее обстоятельством: как фигура, потенциально претендующая на лицензирование, уже отечественный бакалавр должен иметь все квалификационные черты профессионала. К тому же разница квалификационных требований бакалавра и магистра во ФГОС 3++ невелика: участник процессов превращается в их организатора и управленца.

в Рис. 4. Сравнение компетенций в отечественном стандарте бакалавра (ФГОС 3++) и «фундаментальных требований» к архитектору в международном стандарте UNESCO/UIA

Отдельного разговора требует содержательный анализ самого профстандарта «Архитектор» 2017 года – поставщика «профессиональных компетенций» в ПООП, ФГОС и далее в учебный процесс и архитектурную практику [7]. Скажем лишь, что, по нашему убеждению, принятый под этим именем документ, порожденный еще одним федеральным «стандартом на стандарты», не соответствует самому важному для архитектуры международному стандарту архитектурного профессионализма [8], являясь скорее должностной инструкцией для архитектурных служащих разного уровня в крупной проектной организации. И цель его – не обозначить общественно значимые черты архитектора-профессионала, которым приличествует быть в его портрете вне зависимости от должностных обязанностей, а создать юридическую базу для составления трудовых договоров, оплаты труда, улаживания трудовых споров и решения других управленческих вопросов. Для этого он, возможно, хорош. Надежды же на то, что данный профстандарт сможет стать основой современного, качественного, мирового уровня архитектурного образования, совершенно не оправданы.

Что будет

Во времена, когда государственные стандарты меняются, порой радикально, чуть ли не каждый год, делать прогнозы о будущем – крайне сомнительное занятие.

Единственное, чего хотелось бы избежать в контексте рассматриваемой темы, – это предсказанного Экклезиастом: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться».

Собственно, разумный, абсолютно обоснованный, законный, проверенный временем и обширным опытом простой путь решить проблему, выйти из тупика и прийти к качественно новому образовательному и профессиональному стандарту, к ясному пониманию того, кто таков архитектор, – такой путь существует. По нему идут практически все развитые страны мира. Речь идет о принятии российским архитектурным образованием и профессиональным сообществом рекомендуемого МСА/UIA Международного стандарта в архитектурной практике [8]. Впервые этот документ был принят в 1999 году, с тех пор дополняется, редактируется, шлифуется. В нем описаны принципы архитектурного профессионализма, практика архитектуры, дано определение архитектора, описаны виды профессиональных услуг, требования этики и поведения, система лицензирования, непрерывного профессионального развития... В общем все то, что находится в стадии становления в России или еще даже не появилось на горизонте.

Самая главная часть Рекомендаций, в контексте нашего разговора, – это раздел, названный «Фундаментальные требования к архитектору», – тот самый квалификационный портрет архитектора, причем он выступает одновременно и образовательным стандартом, и стандартом практики, – такова логика действий международного архитектурного сообщества, такова политика многих стран. Требования заданы шестнадцатью короткими позициями на одной странице текста. Эти позиции были преданы бумаге еще в августе 1985 года и с тех пор, неизменно входят во все описания архитектурного профессионализма. Их формулировка не безупречна. Системный методолог или «эффективный» менеджер найдут наверняка варианты радикального улучшения данного списка. Но «лучшее враг хорошего». Архитекторы поступают иначе. Они просто повторяют этот перечень из одного документа в другой, дополняя его уточняющими и вновь возникающими соображениями и формулировками. Вокруг него организованы стандарты США и Великобритании. Его вы встретите в Хартии по архитектурному образованию, публикуемой совместно ЮНЕСКО и Международным союзом архитекторов с 1996 года, периодически переиздаваемой. В последнем издании Хартии (2017) шестнадцать фундаментальных требований дополнены еще тридцатью пятью позициями «способностей», поделенных на три блока: проектирование, знания и навыки [9].

А велики ли отличия международного стандарта в части квалификационных характеристик от ФГОС 3++? Мы провели небольшое сравнение упомянутых шестнадцати международных требований с компетенциями последнего ФГОС бакалавра⁶, учтя и те обязательные профессиональные компетенции, что сформулированы в проекте ПООП⁷ (рис. 4). Обращает на себя внимание, что девять из пятнадцати отечественных компетенций не находят отклика в международных требованиях. Причем доля таких, нерезонирующих позиций велика не только среди навязанных профессиональному стандарту общеобразовательных, универсальных компетенций, но и среди общепрофессиональных. С другой стороны, семь из шестнадцати положений международного стандарта не реагируют на компетенции отечественного. То есть уровень совпадения двух документов не превышает пятидесяти процентов. Отечественные формулировки либо непрофессиональные (УК), либо слишком частные (например, «применять методики определения технических параметров объекта проектирования»; сказывается влияние «трудовых функций» профстандарта).

В целом шестнадцать пунктов UIA/UNESCO рисуют фигуру универсально грамотного, широко эрудированного архитектора как деятеля культуры, погруженного в исторический процесс и общественные отношения, связанного с другими сферами среднего образования и осознающего эти связи, способного превращать в архитектурные проекты разнообразные внеархитектурные обстоятельства. Из отечественных компетенций возникает деловой проектант, поддерживающий физическую форму и участвующий в разработке проектной документации, да простят мне коллеги некоторое сгущение красок.

Что будет с отечественным архитектурным образованием и архитектурой, если описанный разрыв не преодолеть, понятно любому.

Заключение

Отечественные архитекторы и их профессиональные организации – Союз архитекторов России, Союз московских архитекторов – и по духу, и по букве закона являются

частью международного архитектурного сообщества, то есть имеют право и обязанность придерживаться руководящих документов МСА/UIA. Россия входит в Организацию Объединенных Наций, участвует в деятельности ее комиссий, включая ЮНЕСКО. Под текстами нескольких редакций упомянутой Хартии стоят подписи и видного представителя отечественного архитектурного сообщества – А. П. Кудрявцева, одного из авторов самых первых версий документа. Что, помимо отечественного тренда всеобщей стандартизации и повсеместного усиления госрегулирования, временной слабости и разобщенности архитектурного цеха, пока неблагоприятного экономического контекста и нашей убежденности в том, что мы «и сами с усами», мешает нам поставить цель выстраивания истинно профессиональной системы архитектурного образования и профессионального управления ею на основе продвинутого международного опыта? Пусть только цели и только на перспективу.

7. Для сокращения текстов, их читаемости в формате небольшой журнальной иллюстрации формулировки требований и компетенций несколько отредактированы автором статьи без потери ключевого содержания.

Литература

1. Закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-I «Об образовании» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1888/ (дата обращения: 19.07.2021)
2. Постановление Правительства РФ от 12.08.1994 № 940 «Об утверждении государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования» [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/181094/3> (дата обращения: 19.07.2021)
3. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Государственные требования к минимуму содержания и уровню подготовки архитектора по специальности 290100 – Архитектура. – Москва, 1995 [Электронный ресурс]. – URL: <https://eduscan.net/standart/270301> (дата обращения: 19.07.2021)
4. Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22.08.1996 № 125-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11446/ (дата обращения: 19.07.2021)
5. Хартия ЮНЕСКО/МСА по архитектурному образованию. – Москва, 1996. – URL: <https://ru.readkong.com/page/artiya-yunesko-msapoar-itekturnomu-obrazovaniyu-3363000> (дата обращения: 19.07.2021)
6. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Направление подготовки дипломированного специалиста 630100 «Архитектура». – Москва, 2000. – URL: <https://eduscan.net/standart/270300> (дата обращения: 19.07.2021)
7. Профессиональный стандарт 10.008 «Архитектор». Утв. приказом Минтруда РФ от 04.08.2017 № 616н. – URL: <http://classinform.ru/profstandarty/10.008-arhitektor.html> (дата обращения: 19.07.2021).
8. UIA Accord on Recommended International Standards of Professionalism in Architectural Practice. Amended September 2017 at the XXVII General Assembly (Seoul, South Korea), 2017. – UIA, 2017. – 19 p.
9. UNESCO/UIA Charter for Architectural Education. Revised, 2017 Edition. – Paris: UIA, 2017. – 12 p.

References

- Federalnyi zakon “O vyschem i poslevuzovskom professionalnom obrazovanii № 125-FZ [Federal law “On higher and postgraduate professional education” № 125-FZ] (1996, August 22). Retrieved July 19, 2021, from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11446/
- Gosudarstvennyi obrazovatelnyi standart vysshego professionalnogo obrazovaniya [State educational standard of higher professional education] (1995). Gosudarstvennye trebovaniya k minimumu soderzhaniya i urovnyu podgotovki arkhitekora po spetsialnosti 290100 – Arkhitektura. Moscow. Retrieved July 19, 2021, from <https://eduscan.net/standart/270301>
- Gosudarstvennyi obrazovatelnyi standart vysshego professionalnogo obrazovaniya [State educational standard of higher professional education] (2000). Napravlenie podgotovki diplomirovannogo spetsialista 630100 “Arkhitektura”. Moscow. Retrieved July 19, 2021, from <https://eduscan.net/standart/270300>
- Postanovlenie Pravitelstva RF № 940 “Ob utverzhdenii gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego professionalnogo obrazovaniya” [RF Government decree № 940 “On approval of the state educational standard of higher professional education”]. Retrieved July 19, 2021, from URL: <https://base.garant.ru/181094/3>
- Professionalnyi standart 10.008 “Arkhitektor” [Professional standard 10.008 “Architect”] (2017, August 4). Utv. prikazom Mintruda RF № 616n. Retrieved July 19, 2021, from <http://classinform.ru/profstandarty/10.008-arhitektor.html>
- UIA Accord on Recommended International Standards of Professionalism in Architectural Practice. Amended September 2017 at the XXVII General Assembly (Seoul, South Korea) (2017). UIA.
- UNESCO–UIA Charter for Architectural Education (1996). Moscow. Retrieved July 19, 2021, from <https://ru.readkong.com/page/artiya-yunesko-msapoar-itekturnomu-obrazovaniyu-3363000>
- UNESCO/UIA Charter for Architectural Education. Revised, 2017 Edition (2017). Paris: UIA.
- Zakon RF “Ob obrazovanii” № 3266-I [RF Education Act № 3266-I] (1992, July 10). Retrieved July 19, 2021, from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1888/

Раскрывается понятие технопарка в ВУЗах в рамках реализации программ адаптации образовательных учреждений к инновационным формам обучения. Конкретизируются знания о предмете на базе изучения особенностей технопарка в здании холдинга МФЮА – МИТУ–МАСИ. Дается характеристика архитектурного решения технопарка в контексте осуществления научной деятельности по формированию архитектурных решений, рекомендательной и нормотворческой деятельности.

Ключевые слова: технопарк; реновация исходного проекта; архитектурная оценка; натурные обследования; потенциал площадей; нормотворчество; регулирование условий; планировочная схема. /

The article covers the concept of technopark in higher educational institutions in the framework of the programs of adaptation of educational institutions to innovation forms of education. Knowledge about the subject is concretized on the basis of the study of the features of the technopark in the facility of the holding group MFUA - MITU-MACI. The authors describe the architectural solution for the technopark in the context of scientific activities on the elaboration of architectural solutions, advisory and rule-making activities.

Keywords: technopark; renovation of the original project; architectural assessment; field study; potential of areas; rule-making; regulation of conditions; layout.

Технопарк в учебно-образовательных объектах / Technopark in educational facilities

текст

Елена Булгакова
МИТУ–МАСИ

Лариса Петрова
Государственный университет по землеустройству

Ольга Шульгина
ООО «МассГрупп» /

text

Elena Bulgakova
MITU-MACI

Larisa Petrova
State University of Land Management

Olga Shulginova
ООО MassGroup

Технопарк занимает весьма значительное место в проектировании научно-исследовательских центров; понятие это надежно вошло в лексикон архитектурной общественности и.

Технопарк достаточно позитивно воспринимается и при формировании архитектурной среды учебных заведений, в которых готовятся будущие научные кадры. Процесс его использования набирает скорость, попутно раскрывая новое содержание самого термина, которое, учитывая его прежнее значение, не было абсолютно ясным и явным применительно к образовательной сфере. При этом осмыслились две части слова по отдельности: «техно» и «парк». Первая часть предполагала сугубо инженерно-технический аспект дела, вторая (парк в ландшафтном смысле, конечно, исключался) воспринималась как место стояния, депо, склад на логистическом уровне, развитый до сегодняшнего уровня методического кабинета.

Прояснению способствовало внутренне произносимое слово «база» в двух ипостасях понимания конкретного и виртуального значения – места и знаний. База для инновационного насыщения и активизации продвижения массива знаний, база в виде пространства, организованного для внедрения новых методик преподавания и реализации востребованных форм взаимного контакта на уже существующих примерах. Ныне понятие технопарк не вызывает явных вопросов, а индивидуальная трактовка определенным образом расширяет границы его востребованности в условиях формирования образовательных объектов по пути придания им наукоемких характеристик.

Раскрытие понятия «технопарк» является необходимым условием выполнения задачи исследования предложенной темы. Таким образом, официально понятие технопарк выглядит в следующей формулировке: **технопарк** – это территориальная, научная, технологическая и техническая база для инновационных проектов.

Технопарк – имущественный комплекс, в котором объединены научно-исследовательские институты и объекты индустрии.

Из расширенных формулировок стоит обратить внимание на следующие мысли. Так, международная

ассоциация технологических парков дает свое определение объектов инновационной инфраструктуры, в котором технопарки способствуют продвижению инновационной культуры, а также состоятельности. Введение слов об инновационной культуре и состоятельности особенно примечательно своим соответствием духу времени, а также высоким уровнем ответственности за реализацию поставленной цели почти стратегического значения.

Для архитектурного контекста характеристики технопарка особый интерес представляют его определения как элемента объемно-планировочной структуры объекта и как составной части инновационной деятельности в образовательной программе подготовки специалистов архитектурного профиля. Безусловно, небезынтересен и социальный аспект явления [1].

Начальные строки этой публикации похожи на предпосылку раскрытия актуальности какого-либо будущего научного исследования; в статье можно сосредоточиться на рассмотрении ряда упомянутых позиций в рамках анализа характеристик технопарка, существующего в МАСИ. В их число включаются следующие:

- технопарк (т.-п.) как учебная база на техническом уровне обеспечения;
- т.-п. как просветительно-выставочное пространство;
- т.-п. как функциональная зона образовательного процесса;
- т.-п. как научно-лабораторная составляющая расширения объема знаний;
- т.-п. как представительская часть учебного заведения;
- т.-п. как архитектурное пространство в функциональной схеме работы учебного заведения. Особенности архитектурно-планировочной организации и оборудования помещений т.-п.;
- т.-п. как объект социально-резонансного значения;
- влияние особенностей размещения т.-п. на организацию прилегающих пространств помещений (коммуникаций), а также в контексте организации окружающей территории.

Приведенный перечень позволяет надеяться, что выявленные характеристики вполне могут быть интерполированы и на другие примеры существующих технопарков.

Для конкретизации теоретических выкладок по вопросу интерес представляет опыт работы кафедры архитектуры МИТУ–МАСИ на базе контакта и использования потенциала технопарка в институте [2].

Сосредоточение на одном примере дает возможность подтвердить определенные факты активизации использования пространства, более выпукло рассмотреть положительные и отрицательные стороны архитектурных и организационных приемов [3]. Такие данные весьма востребованы для дальнейшего совершенствования архитектурной среды технопарков и корректировки функционально-организационных процессов их эксплуатации.

Существующий технопарк не был исходным проектом: он организован в рамках реновации существующих площадей на месте, предназначенном под спортивную функцию. Его площадь составляет 1100 м². Архитектурно-пространственное решение представляет собой два ряда специальных лабораторий с визуально доступным обзором из связующего их центрального коридора. Количество полезных помещений – два. Функционально они обозначены как музейно-выставочное и компьютерное. В соответствии с назначением оборудованы лаборатории: «Архитектура и геоинформатика», «Графический и промышленный дизайн» – компьютерами, 3D-принтерами и 3D-сканерами, геодезическими приборами, фотооборудованием, квадрокоптерами и графическими планшетами; «Информационные технологии» – компьютерами, устройствами виртуальной и дополненной реальности; «Робототехника» – программируемыми фрезерными и лазерными станками, робототехническими конструкторами, промышленными роботами.

Обращает на себя внимание продуманный дизайн архитектурного оформления. Декоративные приемы включают: открытые коммуникации на потолке, отсылающие к индустриальной стилистике и зрительно увеличивающие высоту помещения, использование локальных цветов для маркировки отдельных зон, элементы фирменного стиля – логотип технопарка и его интерпретации в графическом принте на светопрозрачных перегородках

и параметрической скульптурной стойке информации, согласующиеся с ними по формам модульные столы-многогранники, мебель в стиле лофт с видимым металлическим каркасом, элементы визуальной коммуникации – пиктограммы и декоративно решенные надписи, в зоне приема пищи и рекреации – вертикальное и контейнерное озеленение и более активное использование в отделке текстуры дерева.

Фотографии дают некоторое представление об интеграции технопарка и общем облике помещений.

Продолжением темы функций технопарка и ее технического, предметного наполнения выступает благоустройство территории у входа в учебное заведение, в непосредственной близости от зоны размещения помещений технопарка у главного входа. Здесь в качестве скульптурного арт-объекта стоит вертолет, что привлекает внимание проходящих и создает у студентов определенный настрой, ощущение причастности к передовым технологиям будущего.

Московский архитектурно-строительный институт (входящий в холдинг МФЮА – МИТУ–МАСИ), детищем которого является технопарк, имеет большую послужную список участия в инновационном направлении развития ВУЗа. В технопарке активно используются лабораторные помещения различных направлений. В них проводятся занятия по учебным дисциплинам, а также ведется работа по внедрению методики деловых игр – имитации профессиональной деятельности в будущих рабочих коллективах и др. [4].

В пространствах с выставочно-музейной функцией ведется просветительская работа по демонстрации эволюционного изменения технического обеспечения; делается акцент на ускоренные темпы развития информативных гаджетов и, подчеркивая необходимость соответствия своего интеллектуального развития данному факту, происходит знакомство и обучение новым технологиям.

Интернет-зона всегда находится в режиме эксплуатации.

Пространство, визуально доступное за счет взаимно разделяющих зоны витражно-остекленных перегородок, воспринимается как общее. Его дизайн создан с использованием современной графики и уместной колористики

– в черно-бело-серых тонах, восходящих к ассоциативному ряду с электронным сигналом и технической темой; он весьма уместен и самостоятелен как методическое пособие по дизайну интерьеров учебных заведений [5].

В зоне подхода к технопарку реализовано требование программы организации безбарьерной среды. Наличие пандусов на входе в ВУЗ и в технопарк безусловно гуманизирует среду.

Технопарк в стенах ВУЗа значительно повышает рейтинг учебного заведения. Кроме того, он играет приоритетную роль в представительском направлении. Его пространства включены в программу проведения представительских встреч и конференций, осуществления контактов с архитектурной общественностью.

Обширный диапазон функционального использования технопарков подтверждается перечнем большого количества мероприятий, проведенных (полностью или частично) на его базе. Иллюстрации отражают многовекторную активность института, в том числе и благодаря наличию площадки технопарка, доказывают популярность и многозначность мероприятий, их высокий рейтинг.

Создание в МИТУ–МАСИ технопарка необходимо в проведении научных исследований при решении задачи адаптации ВУЗов к новым формам обучения, которые ведутся по подготовке диссертаций и осуществляются на пути рекомендательной и нормотворческой деятельности. Эти изыскания весьма востребованы и для понимания приемов реновации среды в эксплуатируемых зданиях, и для практики нового проектирования [6]. В сферу внимания таких исследований входит и опыт МИТУ–МАСИ.

Востребованность технопарков на примере «Наукограда» подтверждается предложением его организации, исходящим от районных органов власти. Сегодня функционирующий технопарк арендуют и для городских мероприятий, например, по внедрению интернет-грамотности населения. Такое положение вещей предвосхищает тенденцию распространения коворкингов и выполнения этой роли технопарками.

Изыскание приемов адаптации учебных заведений к реализации инновационных подходов в образовательном процессе свидетельствует об увеличении типоло-

гического ряда и функций помещений внеаудиторного (не ячейкового) типа. Технопарк занимает верхнюю строчку в иерархии типологического ряда.

Интеграция или вовлеченность в этот процесс коммуникационных пространств осуществляется в МИТУ–МАСИ через включение витрин с экспонатами методического значения и оформление стен информационно-просветительскими материалами. Направление «Архитектура и дизайн» визуально маркируется гипсовыми фигурами, бюстами, живописно-графическими изображениями по работам известных авторов в области искусств [7]. В натурных обследованиях системности приемов адаптации институтов к современным подходам организации пространств отмечается некоторая пространственная оторванность зоны технопарка от архитектурного факультета, но, одновременно, этот факт трактуется и как положительный по причине самодостаточности локального расположения технопарка, а насыщение коридоров методическими материалами – как грамотный прием визуально-коммуникативной связи общелокационного значения.

Признаками современного подхода к решению технопарка является и его организация для автономного, самодостаточного режима эксплуатации. Планировка ареала его нахождения включает, кроме ранее упомянутых помещений, также залное пространство; предусмотрены санитарная зона и зона питания, снабженная автоматами и столиками. Пространственные характеристики помещений и планировочная схема технопарка в архитектурном объеме здания находятся в эксплуатации и выявляют свой потенциал возможностей на практике. С этой точки зрения данный объект можно с определенной степенью условности считать реальным опытным образцом пилотного воплощения, представляющий пример реновации ВУЗов на адапционном уровне за счет изыскания площадей и расширения функциональной значимости внеаудиторных пространств.

Таким образом, предмет рассмотрения в данной статье – технопарк «Наукоград» в конкретном воплощении – пример развития методики подготовки архитектурных кадров, обеспеченной современными техническими средствами системы обучения, а также значимый фактор

расширения контактов между ВУЗами и общественными организациями [8].

Архитектурно-планировочные и пространственные характеристики реализованного объекта могут способствовать выработке и совершенствованию архитектурных приемов и средств его развития при разных условиях формирования и факторах влияния для выработки типологического ряда технопарков и нормативных требований к ним.

Натурные наблюдения с перманентным по времени опросом реципиентов в режиме мониторинга могут стать ценными сведениями для регулирования архитектурных характеристик и разработки программ-заданий на проектирование в создании современных учебно-образовательных объектов, не вынужденно адаптирующееся к новым веяниям времени, но воплощающее эти позиции в своем архитектурном решении.

Литература

1. Булгакова, Е. А., Горшков, Г. С., Забелина, С. А. МИТУ–МАСИ: цифровизация // Проект Байкал. – 2020. – № 64. – С. 125–129
2. Лидин, К. Л., Булгакова, Е. А. Преодоление прекариатства. Архитекторы для экономики переживаний // Проект Байкал. – 2017. – № 57. – С. 150–152
3. Петрова, Л. В., Шульгинова, О. А. Результаты натурных обследований архитектурных пространств учебных заведений в условиях адаптации к новым формам обучения // Актуальные проблемы, перспективы и задачи землеустроительного образования, архитектуры и дизайна. – Москва : ГУЗ, 2017. – С. 195–200
4. Петрова, Л. В., Шульгинова, О. А. Философский закон перехода количества в качество в аспекте адаптационных направлений развития архитектуры вузов // Социально-гуманитарное обозрение. – 2018. – № 3. – С. 52–54
5. Яхкин, С. В. Применение альбома типовых решений для объектов образования (реализованных по проектам повторного применения) в части обеспечения безбарьерной доступности // Сборник докладов VIII Междуна. конф. «Равные права – равные возможности» 17–18 июня 2009 года, г. Москва. – Москва, 2018. – С. 64–65
6. Крундышев, Б. Л., Булгакова, Е. А., Крундышев, К. Б. Формирование типологии учреждений социального обслуживания в России. – Москва : МИТУ–МАСИ, 2019. – 120 с.
7. Булгакова, Е. А. Конкурсы МИТУ–МАСИ. Опыт конкурсной деятельности в контексте непрерывного творческого образования архитектора // Проект Байкал. – 2017. – № 54. – С. 16–19
8. Булгакова, Е. А. Место, где учат // Проект Байкал. – 2020. – № 66. – С. 176–179

References

- Bulgakova, E. (2017). MITU-MACI competitions. Participation in competitions in the context of continuous creative training of architects. *Project Baikal*, 14(54), 16-19. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.54.1241>
- Bulgakova, E. (2021). A place where people are educated. *Project Baikal*, 17(66), 176-179. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.66.1738>
- Bulgakova, E., Gorshkov, G., & Zabelina, S. (2020). MITU-MACI: Digitalization. *Project Baikal*, 17(64), 125-129. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.64.1648>
- Krundyshv, B. L., Bulgakova, E. A., & Krundyshv, K. B. (2019). *Formirovanie tipologii uchrezhdenii sotsialnogo obsluzhivaniya v Rossii* [Development of the typology of social service institutions in Russia]. Moscow: MITU-MACI.
- Lidin, K., & Bulgakova, E. (2018). To overcome the precarity: Architects for the experience economy. *Project Baikal*, 15(57), 150-152. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.57.1376>
- Petrova, L. V., & Shulginova, O. A. (2017). Rezultaty naturnykh obsledovaniy arkhitekturnykh prostranstv uchebnykh zavedenii v usloviyakh adaptatsii k novym formam obucheniya [Results of field studies of architectural spaces of educational institutions in the context of adaptation to new forms of education]. In *Topical issues, prospects and goals of land management education, architecture and design* (pp. 195-200).
- Petrova, L. V., & Shulginova, O. A. (2018). *Filosofskii zakon perekhoda kolichestva v kachestvo v aspekte adaptatsionnykh napravlenii razvitiya arkhitektury vuzov* [Philosophical law of the transition of quantity to quality in the aspect of adaptive directions in the development of architecture of higher educational institutions]. *Social-humanitarian review*, 3, 52-54.
- Yakhkind, S. V. (2018). *Primenenie alboma tipovykh reshenii dlya ob'ektov obrazovaniya (realizovannykh po proektam povtornogo primeniya) v chasti obespecheniya bar'ernoï dostupnosti* [Application of the album of standard solutions for educational facilities (built upon reusable projects) in relation to barrier-free access provision]. *Proceedings of the VIII International Conference "Equal rights-equal opportunities"*, June 17-18, 2009 (pp. 64-65). Moscow.

Изложен опыт проектно-исследовательской работы авторов и студентов первых курсов архитектурных специальностей Иркутского национального исследовательского технического университета по композиционному исследованию утраченных храмов Иркутска с воссозданием их архитектурного облика. Иллюстративный материал подготовлен с использованием студенческих работ. Изучены комплекс храмов сибирского барокко в Иркутске середины XVIII – конца XIX века и различные типы зданий церковной архитектуры. В работе использовано моделирование как инструмент прогнозирования архитектурного облика храма. Выполнены эскизные чертежи и макеты Чудотворского, Тихвинского и Благовещенского храмов, а также воссоздана модель эволюционного развития храмов сибирского барокко. Представлены основные стадии курсового проекта от построения функционально-планировочных и объемных моделей до оформления образных и структурных характеристик объекта в подаче планшета.

Ключевые слова: утраченное архитектурное наследие; храмовый ансамбль; эволюционное развитие; сибирское барокко; композиционное моделирование. /

The article presents the design and research work of the authors and first-year architecture students of Irkutsk National Research Technical University concerning compositional study of lost temples of Irkutsk with the reconstruction of their architectural appearance. The illustrative material was prepared using the students' works. The complex of Siberian Baroque temples in Irkutsk in the mid-18th – late 19th centuries and various types of church buildings were studied. The work uses modeling as a tool for predicting the architectural appearance of the temple. Sketch drawings and models of the Miracle-Working, Tikhvinsky and Annunciation temples were completed, and the model of the evolution of Siberian Baroque temples was recreated. The main stages of the term project, from building functional, planning and volumetric models to designing image and structural characteristics of the object on the sample board, were presented.

Keywords: lost architectural heritage; temple ensemble; evolutionary development; Siberian Baroque; compositional modeling.

Опыт композиционного исследования утраченных храмов в учебном проектировании / Compositional study of the lost temples in instructional design

текст

Галина Козлова

Иркутский национальный исследовательский технический университет

Людмила Козлова

Иркутский национальный исследовательский технический университет/

text

Galina Kozlova

Irkutsk National Research Technical University

Lyudmila Kozlova

Irkutsk National Research Technical University

Введение

Цель настоящей публикации – показать возможности участия студентов-архитекторов младших курсов в композиционном исследовании утраченных храмов Иркутска XVIII – второй половины XIX века. Тема воссоздания утраченного архитектурного наследия является одним из научных направлений кафедры и научно-исследовательской работы студентов старших курсов. Как правило, работе предшествует наличие исходных исторических материалов, позволяющих определить габариты утраченного памятника архитектуры, а также конкретного заказа на воссоздание его модели. Так, заказ от дирекции музея Иркутской таможни на воссоздание модели квартала таможенных зданий и сооружений, а также Чудотворской церкви как доминанты этого ансамбля, послужил началом исследования всего комплекса иркутских храмов сибирского барокко, так как чертежи храма были утрачены.

В условиях дефицита информации, когда не известны даже размерные характеристики объекта, а архитектурный облик раскрывается отдельными фрагментами по историческим фотографиям или только по рисунку художника, воссоздание его чертежей является, по сути, прогнозом. Восстановленные модели многократно уточняются в процессе изучения аналогов и сопоставления утраченных характеристик. Критерий завершения работы – постижение гармонии, задуманной и воплощенной зодчими. Процесс постижения этой тайны расширяет горизонты архитектурного обучения и наполняет смыслом индивидуальное творчество студента.

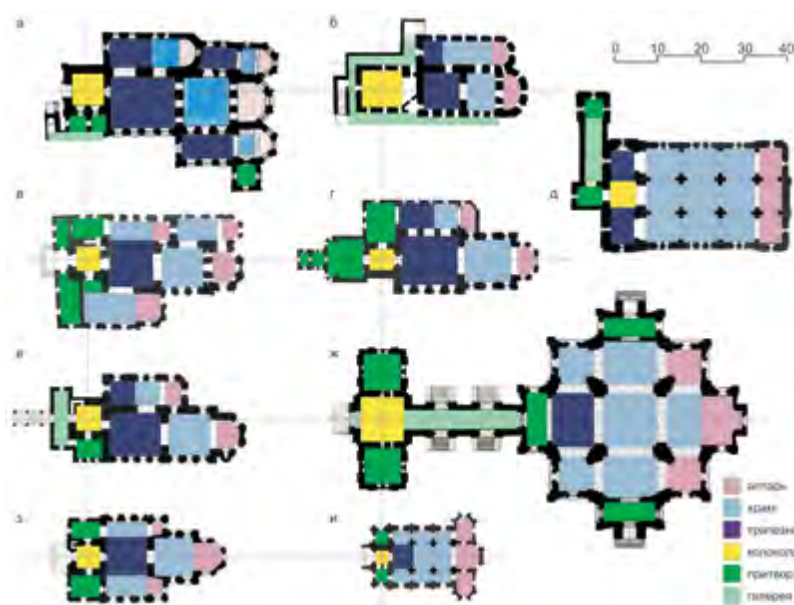
С начала XVIII века в архитектуре православных храмов Иркутска широко распространилось региональное направление стиля сибирское барокко. Огромный интерес в развитии этого архитектурного стиля представляет иркутская школа, отличающаяся богатством объемно-планировочных и декоративных вариаций при соблюдении церковных символических канонов. Так же гибко менялся архитектурный облик храмов в духе времени и стилевых предпочтений общества. Размещение церковных зданий в главных композиционных и градостроительных узлах города сформировало ансамбль доминант и выразительный силуэт исторического города,

гармонично меняющийся в последующие эпохи, включая начало XX века.

В эволюционном формировании ансамбля храмов можно выделить три основных периода: в середине XVIII – начале XIX века в панораме города доминировали ярусные колокольни под шпильями, завершенными луковичными главками, и кубические объемы храмов с купольным завершением; к середине XIX века в ансамбле доминировали ярусные колокольни под куполом, галереи и крыльца замены на каменный притвор с элементами классики; к концу XIX века храмы перестраивались в псевдорусском и русско-византийском стиле. В формах древнерусской архитектуры возводятся Князе-Владимирская церковь (1888–1895) по проекту иркутского архитектора В. А. Кудельского. В Чудотворской церкви (1748–1765, утрачена) завершение восьмериков колокольни и храма в 1885 году приобретает форму кокошников. В это же время в Тихвинской церкви на месте открытой лестницы строится обширный притвор с шатровым верхом (1754–1773, утрачена). С элементами русско-византийского стиля в 1888–1890 годах заново строится Благовещенская церковь, ранее выстроенная в стиле сибирского барокко (1785–1804, утрачена). В русско-византийском стиле возводится Казанский кафедральный собор (1875–1894, утрачен) – новая крупная доминанта в панораме города, подчинившая себе храмовый ансамбль [1]. Архитектурный стиль второй половины XIX – начала XX века определяется как эклектика или историзм. Во Владимирской церкви (1775–1790, частично утрачена) в конце XIX века вместо крыльца создается эклектичная по форме паперть, сочетающая древнерусские и классические элементы [2]. Как пример римско-католического культового здания в Иркутске в 1885 году строится храм Успения Девы Марии (называемым Польским костелом) в стиле неоготики.

В последующие годы с ростом города градостроительный ансамбль храмов распадается на локальные в системе исторического центра, которые являются неотъемлемой частью культурного и общественного пространства. Работа реставраторов возвращала каждому сохранившемуся памятнику культовой архитектуры утраченные формы и подчеркивала индивидуальность. Так, в Троиц-

< Рис. 1. Функционально-планировочные модели иркутских храмов XVIII – начала XIX века:
 а) собор Богоявления (С. Солодова);
 б) Спасская церковь, восстановлен план 1825 (К. Гонтаренко);
 в) Знаменская церковь (А. Суханкина);
 г) Владимирская церковь (Д. Чудновская);
 д) Князе-Владимирская церковь (А. Диденко);
 е) Чудотворская церковь, восстановлен план середины XVIII – начала XIX века (И. Пундель);
 ж) Казанский кафедральный собор, план (Н. Пляшечник);
 з) Троицкая церковь (А. Новосартова);
 и) Польский костел (А. Чичигина)

кой церкви убран классический четырехколонный портик как типовой и чужеродный элемент ранних пристроек. Восстановлен перспективный портал в стиле фасадного декора храма. В 1985 году по проекту Г. Г. Оранской было воссоздано шатровое завершение колокольни Богоявленского собора. Многие годы архитектура собора не соответствовала первоначальному образу. После реставрации (1960–1980-е) Спасская церковь лишилась северного придела, построенного в 1777 году. В проекте 2006–2010 годов (Иркутский Промстройпроект) было предусмотрено восстановление северного крыльца с частью галереи. В плотной городской среде появилась необходимость контрастного выделения декора изначально белокаменных храмов с помощью цвета (собор Богоявления, Крестовоздвиженская, Благовещенская и Преображенская церкви).

Каждый период эволюционной трансформации храма представляет ценное архитектурное и символическое наследие как культурные тексты той или иной эпохи. Изучение и воссоздание всех стадий существования храма способствует не только раскрытию закономерностей его формообразования, но и процессу духовного развития будущего архитектора. Каждый храм формирует городское общественное пространство, наполненное смыслами и исторической памятью. Исследованию культурно-исторического пространства в структуре города и принципам композиционной организации общественных пространств посвящены предыдущие публикации авторов [3, 4].

Исходный материал и методы

Исследуя архитектурную композицию, студенты обращались к разным периодам развития храмового ансамбля в зависимости от поставленных задач и наличия проектного материала. В задачи преподавателей входило восстановление архитектурных чертежей утраченного наследия. Для их решения применялись следующие методы работы: сравнительный анализ функционально планировочной структуры, эволюции объекта в планах и фасадах, объемной композиции с аналогами, выявление пропорциональной аналогии, графоаналитическое исследование фотоматериалов. Чертежи утраченных храмов постоянно

корректировались преподавателем в компьютерной графике и использовались в учебном проектировании для построения композиционных моделей и апробации результатов исследования.

В основу проектно-исследовательской работы были положены следующие исторические документы: рисунки иркутских художников первой половины XIX века, фотографии середины XIX – начала XX века, описи имущества церкви, клировые ведомости, сохранившиеся в Государственном архиве Иркутской области, а также картографический материал. Многие архивные документы являются утраченными или представляют отдельные, иногда противоречивые сведения по различным периодам существования храма, что обусловило необходимость восстановления эволюционного развития храмового ансамбля. Основными литературными источниками послужили публикации И. В. Калининой «Православные храмы Иркутской епархии XVII – начала XX века», С. И. Медведева «Иркутск на почтовых открытках» [5], а также научные статьи А. К. Чертилова [6].

Результаты

Результатом кропотливой многолетней работы по анализу иконографической и архивной информации, сопоставлению исторических фотографий и рисунков художников, исследованию панорамных видов с силуэтами утраченных храмов явилось восстановление архитектурных чертежей Чудотворской церкви (три эволюционных периода), создание первой версии ортогональных чертежей Тихвинской церкви. Эта работа проводилась с участием студентов. Результаты исследования опубликованы в [7–9]. Опыт воссоздания этих храмов позволил создать прогнозную модель Благовещенской церкви периода барокко до ее разрушения.

Особенности подхода к анализу:

1. Каждый храм рассматривается как неотъемлемая часть градостроительного ансамбля и во взаимосвязи с окружающим ландшафтом.

2. В исследовании храмов сибирского барокко являются этапы эволюционного формирования храма и варианты его архитектурной трансформации.

3. Для восстановления архитектурного облика утраченного храма используется метод аналогии. Храм рассматривается в системе аналогичных памятников, выявляется их стилистическая общность и уникальное различие.

4. Композиционное моделирование как метод анализа архитектурной композиции памятника является основой для научного исследования архитектурного наследия и воссоздания утраченного.

Методика композиционного моделирования. Композиция определяется как строение архитектурного произведения, расположения его основных элементов и частей в определенной системе и последовательности. Каждая модель, выполненная с учебной целью, решает не только композиционные задачи, но и является важным звеном в системе познания взаимосвязей объекта с аналогами и его эволюционного изменения. Выделяются следующие темы композиционного моделирования: функциональная структура плана, объемная композиция, композиционные особенности фасада, анализ пропорций плана и фасада, построение объемно-пространственных моделей оформление результатов композиционного исследования в подаче проекта. В настоящей публикации не ставится цель показа всего процесса композиционного анализа. Представлены примеры использования созданных студентами композиционных моделей в сравнительном анализе храмового ансамбля.

Анализ функционально-планировочной композиции. Сравнительный анализ функциональной структуры позволяет выделить композиционные особенности различных типов храмов (корабельного, базиликального и крестово-купольного), преемственность и различия в функционально-планировочной организации (рис. 1).

Материал для сравнительного анализа подготовлен на основе индивидуального исследования студентов с приведением всех планов к общему цветовому решению условных обозначений [10]. На рис. 1, а, б, в, г, е, з, сопоставлены планы храмов сибирского барокко в Иркутске XVIII – начала XX века, имеющие общие закономерности функциональной организации, а также индивидуальные отличия. Планировочная композиция этих храмов развивается относительно продольной оси от более развитой (собор Богоявления) и гибкой (Знаменская и Чудотворская церкви) к более упорядоченной (Владимирская церковь) и симметричной (Троицкая церковь).

Функциональная структура планов соответствует православному канону. По церковной иерархии корабельный тип церкви разделен на три части: алтарь – главная сакральная часть храма – знаменует собой область бытия Троицею Бога (дух человека); храм (средняя часть) – область небесного бытия (соответствует средней степени духовной жизни человека); притвор (или трапеза) – область земного бытия, где происходит борьба света и тьмы, добра и зла (начальная степень духовной жизни человека). Древнее название этой части – трапеза, предназначенная для угощения нищих по случаю праздника или поминовения усопших. В Византии это нарфикс (нартекс в древнем Риме) – место для наказанных. Вход в притвор с улицы обычно устраивается в виде паперти – площадки перед входными дверями, на которую ведут несколько ступеней, возвышающие храм (внешний притвор).

Паперть – первое от входа возвышение храма – имеет большой догматический смысл как образ того духовного возвышения, на котором находится церковь среди окружающего мира. В XVIII веке в иркутских храмах принято было строить высокое крыльцо (крытое или без кровли) для восхода на второй этаж. Крытая галерея-гульбище (терраса) связывала входы верхних приделов с внешними лестницами. Каждый придельный храм имел свою

связь с внешним пространством с запада, как отдельная церковь. Планы Спасской и Чудотворской церквей восстановлены на период XVIII – начало XIX века. В Спасской церкви такая галерея опоясывала почти весь храм (рис. 1, б) [11]. В Чудотворской церкви крытая галерея примыкала с запада, внешняя парадная лестница вела в верхний храм (рис. 1, е). План Владимирской церкви показан для периода конца XIX века, когда парадное крыльцо с галереей было заменено на двухэтажный объем притвора-паперти, в котором разместились внутренние лестницы, служебные и хозяйственные помещения (рис. 1, г).

Важными структурными частями православного храма являются храмы-приделы (соприкасающиеся или встроенные). Каждый придел состоит из средней части и алтаря, обращенного на восток. План Богоявленского собора представляет собой тип многопридельного храма и демонстрирует различные варианты примыкания боковых приделов: к четверику, к трапезной, а также устройства придела под колокольней (рис. 1, а). Подобное решение наблюдается также в Чудотворской и Спасской церквях. Спасская церковь – первый каменный храм в стене рубленного острога – изначально имел продольно-осевую компактную форму плана, позднее появился северный придел, от которого впоследствии избавились.

В композиции планов прослеживается характерная для храмов сибирского барокко четырехчастная структура – притвор с колокольней, четверик храма, алтарная апсида, а также трапезная, которая по церковным канонам является частью притвора, но выделяется самостоятельным элементом, соединяющим притвор с четвериком храма и его приделами. Колокольня ставится с западной стороны так, что вход в храм осуществляется через ее нижний этаж, который в этом случае служит притвором. Функционально-планировочная структура храмов сибирского барокко выделяется разнообразием вариаций планировочной композиции. Прослеживается тенденция ее развития вдоль продольной оси – от более свободной асимметричной планировочной композиции в первых храмах к осевой симметрии в последующие периоды развития.

В планах базиликального и крестово-купольного типа прослеживается более жесткая композиционная структура (рис. 1, д, ж, и). Князе-Владимирская церковь (рис. 1, д) – единственный базиликальный (трехнефный) храм среди православных храмов в Иркутске – имеет трехчастную структуру: притвор (нартекс), сам храм, алтарь. В плане компактный прямоугольник расчленен столбами на 15 одинаковых ячеек: девять одинаковых в центре и по три более узких с восточной и западной стороны [2]. Над притвором возвышается колокольня. Западная схема не прижилась в чистом виде для христианских храмов и была переработана. Недостатком этой схемы являлось отсутствие традиционного православного внутреннего пространства, неудобство размещать дополнительные приделы. План демонстрирует более гибкий вариант развития композиции плана с дополнительными пристроями к притвору. Прямоугольная форма плана соответствует канонам христианской церкви.

Польский костел (рис. 1, и) представляет собой базиликальный (зальный) тип храма. Берет свое начало от раннехристианской базилики и в период поздней готики эволюционирует в зальный тип с цельным внутренним пространством и компактным объемом. Трехчастная структура – притвор (нартекс), сам храм, алтарь. Алтарная часть выделяется поперечным объемом, усиливающим символ латинского креста

Крестово-купольный тип прослеживается в плане Казанского кафедрального собора (рис. 1, ж). План построен на сочетании канонических форм прямоуголь-

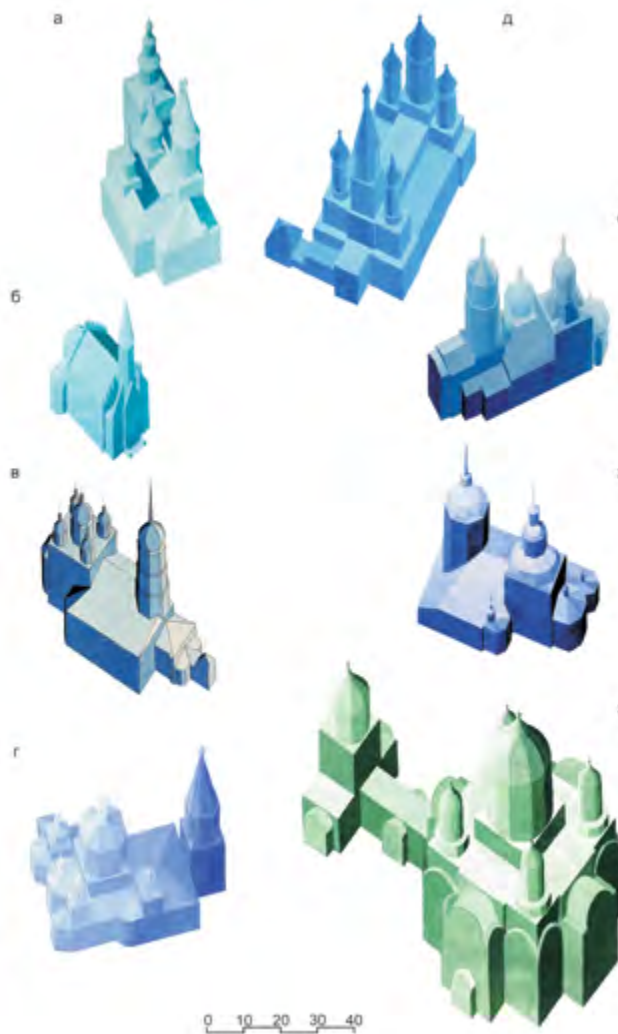
ника и креста. Центричную композиционную систему дополняет продольно-осевая, образованная галереей и удаленным перпендикулярным объемом притвора с колокольной.

Объемная композиция в аксонометрических моделях. Модели подготовлены студентами для сравнительного анализа. Ставились следующие задачи: построение аксонометрической модели объекта в тональной или линейной графике, выявление крупной пластики объемной формы определенного эволюционного периода; формы поверхности, образующей внешний объем, должны соответствовать ортогональным чертежам объекта и масштабным соразмерностям. Рассмотрена объемная композиция ансамбля иркутских храмов с различной объемно-планировочной структурой (рис. 2). По расположению модели не связаны в систему, но показаны в одном масштабе для получения представления о масштабности объектов. Также наглядно прослеживаются общие черты и отличия в объемной композиции различных типов храмов: формы корабля (рис. 2, а, в, г, е, ж); базиликальных (рис. 2, б, д), крестово-купольных (рис. 2, з).

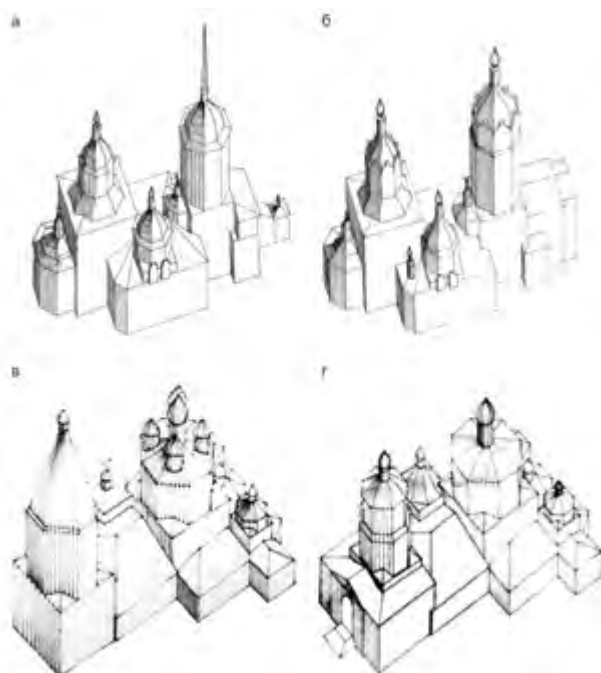
Корабельный тип храма имеет следующие особенности. В объемной композиции прослеживается функциональная структура плана. Формообразование церкви обусловлено церковной символикой. Зрительный образ корабля выражает высокая мачта-колокольня, паруса-купола и алтарные апсиды, устремленные к восходу солнца. Доминирующим объемом храмового ансамбля является колокольня, обусловленная созданием больших и звучных колоколов. Чем выше поднят колокол, тем дальше его слышно. Средства композиционной выразительности объемной композиции – динамика и контраст разновысоких форм. Прослеживается преемственность деревянного храмостроения: высокий подклет, «клетность» в целом, вариации сочетаний четверик – восьмерик, луковичные завершения куполов и традиции хоромного зодчества (каждый архитектурный объем выделяется особым завершением, создавая динамичную многообъемную композицию). Куполами и луковичными главками выделяются кубический четверик храма, средние части приделов, граненые апсиды. Пятиглавое завершение храма использовали только в важных градостроительных узлах или для подчеркивания кафедрального статуса. Приходская Владимирская церковь (рис. 2, в) имела пятиглавое завершение, занимая важное градостроительное положение как ориентир Московского тракта. Изначально четверик собора Богоявления (рис. 2, д) был увенчан пятиглавием (до 1790 года), так как он сразу строился как соборный храм.

Базиликальный (зальный) тип храма (рис. 2, б, д) прослеживается в трехчастной структуре плана, которую выявляют объемные формы притвора (нартекс), самого храма, алтаря. В первом примере – башня колокольной завершает западный фасад, возвышаясь над притвором. Во втором – нартекс фиксируют еще две башни. Князе-Владимирская церковь имеет необычную объемную композицию, не имеющую аналогов в культовом строительстве Восточной Сибири. Ядро храма – низкий объем между алтарем и колокольной. Доминанта композиции – ярусная шатровая колокольня над притвором.

Крестово-купольный тип храма представляет модель Казанского кафедрального собора. Квадратный центричный крестово-купольный храм построен в соответствии с русско-византийской традицией (рис. 2, з). Основу структуры крестово-купольного храма образует компактный кубический объем с пирамидальной композицией пяти куполов, устремленной к центральному верхнему кресту. Притвор с колокольной вынесен за приделы храма и соединен с ним протяженной галереей.

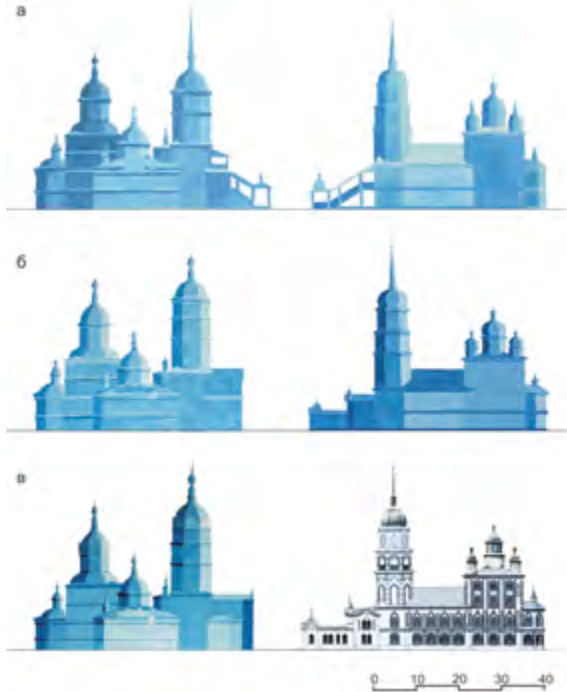

^ Рис. 2. Сравнение объемной композиции иркутских храмов в аксонометрических моделях: а) Крестовоздвиженская церковь (автор работы С. Карпович); б) Польский костел (Е. Петрова); в) Владимирская церковь (А. Жигунова); г) собор Богоявления (А. Данилова); д) Князе-Владимирская церковь (А. Диденко); е) Чудотворская церковь (А. Кашпур); ж) Знаменская церковь (А. Суханкина); з) Казанский кафедральный собор (Н. Пляшечник)

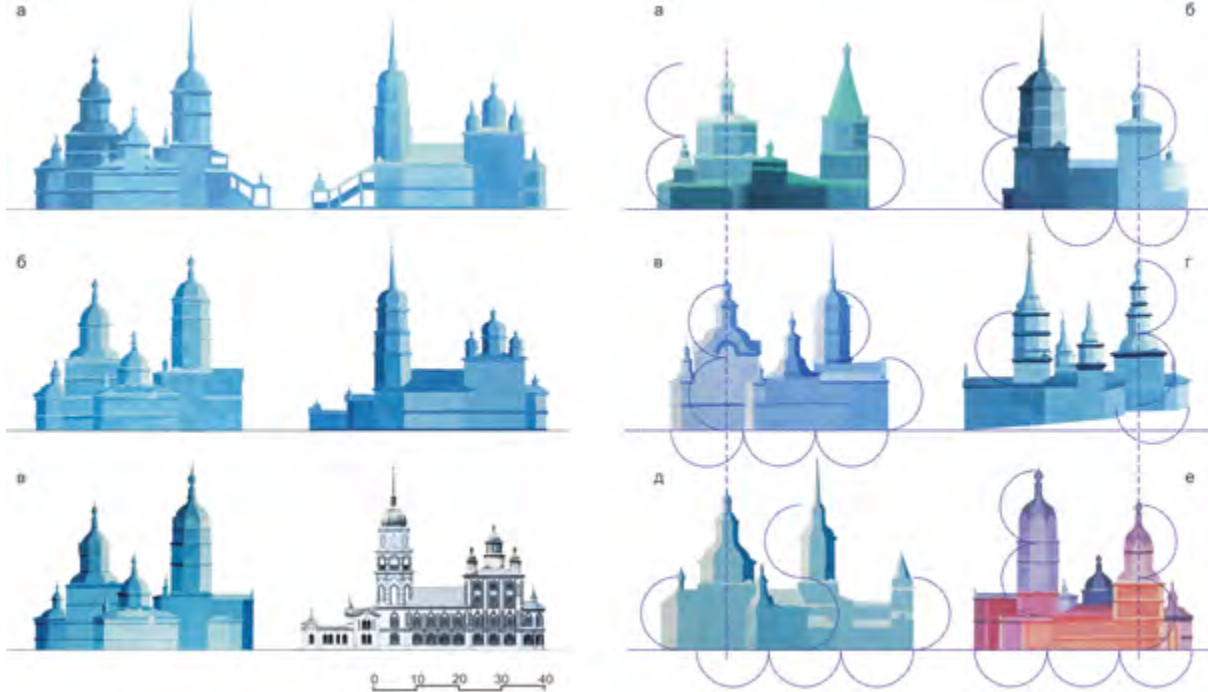

< Рис. 3. Сравнение аксонометрических моделей Чудотворской церкви и собора Богоявления первоначального и среднего эволюционных периодов: а) модель первоначального облика Чудотворской церкви середины XVIII – начала XIX века (А. Морозова); б) модель Чудотворской церкви середины XIX – начала XX века (В. Алексеева); в) модель первоначального облика собора Богоявления 1718–1738 годов (М. Рязанов); г) модель собора Богоявления середины XIX – начала XX века (А. Сулимов)

> Рис. 4. Сравнение эволюции Чудотворской и Владимирской церквей в ортогональных моделях северного и южного фасадов: а) модели первоначального облика середины XVIII – начала XIX века (А. Морозова, В. Ильина); б) модели периода середины XIX в. (Е. Каверина, А. Жигунова); в) модель Чудотворской церкви, 1880-е – 1920-е (В. Алексеева), фасад Владимирской церкви 1885 года (составлен по [12])

> Рис. 5. Выявление пропорциональной аналогии на моделях фасадов существующих и утраченных храмов барокко в Иркутске: а) собор Богоявления (А. Данилова); б) Спасская церковь (К. Красикова); в) Харлампиевская церковь (А. Иванова); г) Крестовоздвиженская церковь (С. Карпович); д) модель северного фасада утраченной Тихвинской церкви (А. Яцык); е) модель южного фасада утраченной Чудотворской церкви (А. Кашпур)

Новая доминанта органично вошла в систему исторически сложившегося градостроительного и архитектурного ансамбля храмов. Роль кафедрального собора как ведущего здания ансамбля решается по принципу композиционного контраста с окружением и необходимости соподчиненности контрастов. Соразмерность колокольни высотным доминантам существующего храмового ансамбля является примером взаимодействия старых и новых форм в градостроительном ансамбле.

На рис. 3 представлено сравнение аксонометрических моделей Чудотворской церкви и Богоявленского собора, выполненное в линейной графике. Модели сопоставляются по сходным эволюционным периодам и демонстрируют развитие стиля барокко от традиционных форм древнерусского зодчества в храме Богоявления к формам становления местной иркутской школы, ключевым звеном которой являлась Чудотворская церковь. Модель храма воссоздана по рисунку А. В. Лосева «Вид губернского города Иркутска с северо-западной стороны (фрагмент), 1804 год» [12, с. 40].

Моделирование фасада. Когда восстановление архитектурного облика утраченного храма ограничено конечным этапом его существования, возникает множество сомнений по поводу формообразования объекта. Воссоздание полной картины его эволюционного развития, сравнение с аналогичными объектами на основе анализа исторической преемственности поможет найти ответы на все поставленные вопросы. Сравнение периодов эволюции фасадов Чудотворской церкви и Владимирской, которая является в этом исследовании аналогом, позволяет соотнести в масштабе варианты эволюционной трансформации Чудотворского храма (рис. 4).

Пластика фасадов сравниваемых объектов первого эволюционного периода XVIII – начала XX века (рис. 4, а) выявляет объемно-пространственную структуру ярусного храма с традиционным приемом компоновки двухэтажных кубических объемов продолговатой прямоугольной формы с гранеными апсидами на востоке и доминированием колокольни под шпилем, с крытыми крыльцами и галереями-гульбищами. В этот период создается тип ярусной композиции – малый восьмерик на четверике.

Средний период эволюции сравниваемых объектов первой трети XIX – второй трети XIX века (рис. 4, б) характеризуют перестройки в духе нового времени, галереи и крыльца замены на каменный притвор. Достаивается притвор Чудотворской церкви с элементами классики и ярус колокольни под куполом с луковичной главкой под влиянием классицизма. Фасад приобрел более строгие очертания. Именно этот период архитектуры храма описан в сохранившемся архивном документе 1869 года «Опись имущества Градо-Иркутской Прокопьевской церкви» [13]. Владимирская церковь сохранила свою приверженность древнерусской архитектуре, Новый притвор сочетает древнерусские и классические элементы.

Последний период эволюции Чудотворского храма (1880-е – 1920-е годы) (рис. 4, в) начинается с его восстановления после пожара 1879 года, которое займет шесть лет [14]. В 1930-е годы церковь была снесена. Декоративное убранство в виде кокошников в основании куполов храма и колокольни изменили его образ. Конечный архитектурный облик явился эклектическим сплавом стилизованных направлений с доминированием форм барокко. Южный фасад Владимирской церкви составлен по материалам книги «Богородице-Владимирская церковь в Иркутске: история и современность» [12]. Владимирская церковь демонстрирует больше свободы творчества в интерпретации стиля и завершает ансамбль иркутской ветви сибирского барокко. Каждый этап эволюции предстает как гармоничное архитектурное решение в соответствии с идеями эпохи.

Выявление пропорциональной аналогии на моделях фасадов существующих и утраченных храмов барокко в Иркутске показано на рис. 5. Для анализа аналогов выбраны следующие объекты: собор Богоявления – первый ярусный храм в Иркутске, относящийся к раннему этапу освоения стиля барокко; Спасская церковь как образец простой и лаконичной объемной композиции и переходный тип к барочной архитектуре; Крестовоздвиженская церковь как вариант сложной многоплановой объемной композиции; Харлампиевская церковь, имеющая общие черты с объемной композицией Чудотворской церкви; Чудотворская и Тихвинская церкви как объекты исследо-

< Рис. 6. Воссоздание модели Чудотворской церкви в квартале Иркутской таможни:
 а) макет Чудотворской церкви в квартале Иркутской таможни в конце XIX – начале XX века (А. Агумова, Г. Душин, Д. Кулешов, Б. Борисов);
 б) развертка северных фасадов Чудотворской церкви и зданий управления Иркутской таможни по Набережной улице. Реконструкция Г. Козловой (чертежи таможенных зданий выполнили студенты группы Е. Повонский и П. Поздняков)

вания и восстановления в рамках учебного проектирования.

Цель исследования – показать пропорциональные отличия и общие закономерности в членениях фасадов. Выбрана модульность как соответствие между частями и целым по отношению к части, принятой как исходная. Крупный модуль, соотношенный с габаритами Чудотворского и Харлампиевского храмов, показывает общность соразмерностей рассматриваемых объектов, объединенных в архитектурный ансамбль. Выявление пропорции как закономерности, которая объединяет все части между собой и целым, решается для каждого храма отдельно. Студенты выбирают различные системы пропорционирования: геометрическое подобие, золотое сечение, модульность и др. Результаты анализа пропорций памятников храмового зодчества представлены в подаче планшета.

Объемно-пространственное моделирование. Макет является условным пространственным изображением объекта. Он дает возможность оперативно проверить гармоничность приближенные к натуре объемно-пространственные характеристики исследуемого объекта. При этом выделяются два типа моделей: поисковые, предназначенные для получения определенных объемно-пространственных характеристик объекта, и демонстрационные, фиксирующие определенное состояние объекта, с приближением к его архитектурному облику.

Цель поискового объемно-пространственного моделирования – построение модели исследуемого объекта и освоение навыков в создании основных видов объемно-пространственной композиции (фронтальной, объемной, глубинно-пространственной, пространственной). При этом ставятся задачи воссоздания утраченных характеристик или эволюционных периодов в развитии объекта; выявления различных композиционных качеств архитектурного произведения (его объема, интерьера, взаимодействия с окружающей средой). Объемно-пространственные модели храма являются основным материалом подачи проекта.

Фронтальная композиция фасада объекта раскрывается через ритмы членений фронтальной поверхности, образованных элементами тектоники, декора, оконными

проемами и пространственной плановости. Построение объемной формы объекта раскрывает такие композиционные особенности, как сопоставление массы и пространства, членение объема на крупные части, соответствующие функционально-планировочной структуре, выявление характерного для конкретного стилового направления декоративного оформления. Глубинная композиция внутреннего пространства совмещает разрезы горизонтального и вертикального сечения по главным пространственным формам. Композиция открытого пространства раскрывается через выявление взаимосвязи объекта с окружением, размещение в структуре города с восстановлением исторической ситуации. Храм, как правило, является доминантой в окружающем пространстве, подчиняет и фокусирует окружающий ландшафт.

Демонстрационные модели выполняются обычно для музейной или выставочной экспозиции. Воссоздание модели Чудотворской церкви в квартале Иркутской таможни (рис. 6, а) – пример выполнения пространственной композиции и демонстрационного макета. Макет выполнен для Музея истории Иркутской таможни. Демонстрационная модель имитирует материальные и конструктивные характеристики зданий, построенных из камня и дерева, другие постройки по границам таможенного двора, а также объемные скирды товара в середине двора. Эта модель выявляет композиционные и пространственные взаимосвязи Чудотворской церкви с окружающим пространством исторической среды, в которой она существовала последние годы. С момента этого заказа начинается история восстановления архитектурного облика этого храма.

Свой окончательный архитектурный облик Чудотворская церковь получила в 1880-е годы, когда на соседнем участке началось строительство зданий Иркутской таможни под руководством военного инженер-капитана В. Н. Каразина. Старый каменный дом, построенный в 1761 году иркутским купцом М. И. Глазуновым, был перестроен под здание таможни и представлял собой классический образец каменной застройки деловой части Иркутска XIX века. Основные членения фасада – горизонтальные тяги по уровню цоколя и карниза,

< Рис. 7. Подача проекта «Композиционный анализ памятников храмового зодчества»: а) Чудотворская церковь с восстановлением первоначального архитектурного облика (И. Пундель); б) Чудотворская церковь с восстановлением конечного архитектурного облика (Ю. Федюкина); в) Владимирская церковь с восстановлением позднего пристроя середины XX века (Д. Чудновская); г) Крестовоздвиженская церковь (Т. Южанин); д) Князе-Владимирская церковь (А. Диденко); е) Спасская церковь с исследованием эволюционных периодов (Е. Носова); ж) Тихвинская церковь с воссозданием на период 1885–1925 (А. Яцык); з) Казанский кафедральный собор (Н. Пляшечник)

арочные окна с наличниками, рустовка углов, пилястры, рельефные геометрические элементы. Рядом было возведено двухэтажное деревянное здание главного управления таможи – симметричный объем с высоким крытым парадным крыльцом на высоком цоколе и дощатой обшивкой фасада с декоративной обработкой наличников и фриза. Со стороны набережной новые здания и сооружения гармонично дополнили ансамбль Чудотворской церкви, которая в это время восстанавливалась после пожара 1879 года. Этот макет впервые воссоздает пространственную композицию взаимосвязи храма и зданий таможи.

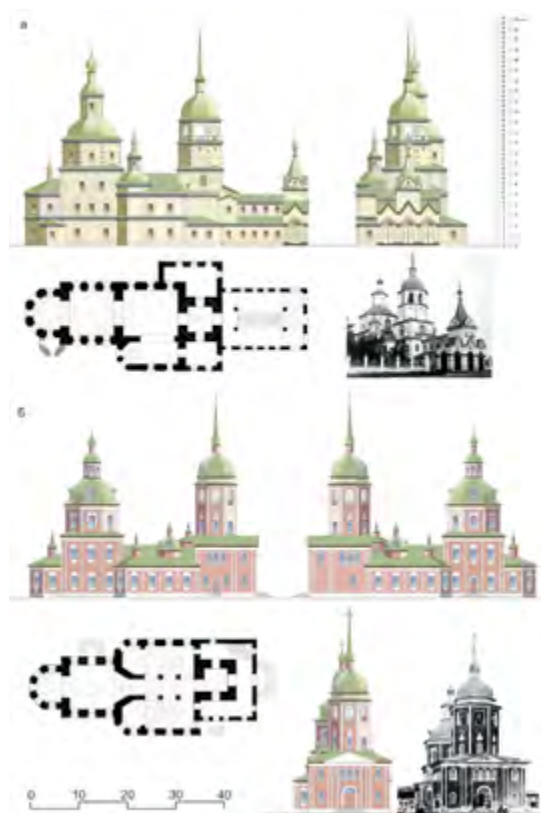
На рис. 6, б, представлена модель развертки фасадов зданий управления таможи и Чудотворской церкви. Сохранившиеся чертежи таможенных зданий, фотографии панорамы набережной и храма послужили основой восстановления размерно-пространственных соотношений в построении модели всего квартала, а также масштабным мостиком к воссозданию фасадов и объема церкви. Фасады таможенных зданий выполнили студенты в технике отмычки в рамках курсовой работы. Первые чертежи фасадов Чудотворской церкви также были выполнены студентами в технике отмычки. В процессе проектного исследования они уточнялись, и окончательный вариант выполнен преподавателем в компьютерной графике.

Подача проекта. Подача проекта (рис. 7) является итогом исследования памятников храмового зодчества и включает основные результаты анализа в различных аналитических моделях: геометрических, структурных, объемно-пространственных. Геометрические модели раскрывают композиционные особенности построения ортогональных чертежей (членения, очертания, габариты). Структурные модели выявляют ритмы, пропорции, тектонические структуры. Модели раскрывают закономерности построения объемно-пространственных формы: ее фасада, объема и интерьера, взаимодействия с окружающей средой и т. д. Изучая объекты архитектурного наследия, студенты формируют свой собственный взгляд и понятия об объекте, который раскрывается в интерпретации художественного образа с помощью средств композиционной выразительности и приемов архитектурной графики. Коллективная работа над общей темой

позволяет прояснить важные компоненты взаимосвязанных этапов трансформации архитектуры храмов в процессе эволюции, восстановить неизвестные компоненты храмового ансамбля, расширить границы от композиции отдельного объекта до создания системы в гармонии соразмерностей, позволяющей воссоздать весь градостроительный ансамбль.

Основой для дальнейших проектных исследований является подготовка поисковых (прогнозных) чертежей Тихвинской церкви и Благовещенской церкви (рис. 8). Чертежи Тихвинской церкви (рис. 8, а) подготовлены по результатам композиционного исследования объекта в рамках курсового проектирования студентов. Дальнейшие проработки – исследование декора, его пропорции, сравнение с аналогами и уточнение габаритов здания. По результатам исследования подготовлены чертежи воссоздания архитектурного облика Благовещенской церкви (рис. 8, б). Дальнейшая работа требует изучения аналогов разных стилевых направлений: иркутской школы сибирского барокко первоначального периода существования храма и русско-византийского, в котором он был построен заново на старом фундаменте в 1890 году. Только сопоставление различных архитектурных обликов храма позволит уточнить его формообразование. Предварительно составлены чертежи первой версии проекта, исходным документом для которого стал сохранившийся исторический документ – фото А. К. Гофмана 1862 года [2, с. 106]. Изучались также другие фотографии периода перестройки храма [5, с. 176–180]. План здания разработан с учетом вписывания новой структуры объемных форм. Чертежи подготовлены для последующего исследования объектов.

Время и стихийные бедствия разрушали храмы, но всегда находились силы и собирались средства на воссоздание утраченного наследия [6]. В статье представлена методика авторов с новым подходом к исследованию памятников храмового зодчества, когда каждый объект рассматривается в пространстве и времени, является неотделимой частью отечественной истории и архитектурной культуры. Участие студентов-архитекторов в этом исследовании способствует сохранению

< Рис. 8. Воссоздание прогнозных чертежей: а) Тихвинской церкви; б) Благовещенской церкви для дальнейших проектных исследований (реконструкция Г. Козловой). Фото из книги И. В. Калининой [2, с. 143, 106]

истории архитектуры храмового ансамбля, постепенно исчезающей из архивов и нашей памяти.

Литература

- Калинина, И. В. Казанский кафедральный собор // Проект Байкал. – 2011. – № 29–30. – С. 76–81
- Калинина, И. В. Православные храмы Иркутской епархии: XVII – начало XX века. – Москва: Галарт, 2000. – 496 с.
- Козлова, Л. В. Трансформация общественных пространств в структуре города Иркутска // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. – 2015. – № 4 (15). – С. 202–208
- Козлова, Г. С., Козлова, Л. В., Фогт, В. Особенности композиционной организации общественных пространств в историческом центре Иркутска // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. – 2017. – Т. 7, № 3 (22) – С. 145–155
- Медведев, С.И. Иркутск на почтовых открытках, 1899–1917. – Москва: Галарт, 1996. – 641 с.
- Чертилов, А., Медведев, С. Зодчие Земли Иркутской XVIII века: Иркутские купцы и золотой век сибирского барокко // Проект Байкал. – 2011. – № 7. – С. 21–27
- Козлова, Г. С. Воссоздание архитектурного облика Чудотворской церкви в городе Иркутске на основе ретроспективного метода // Баландинские чтения: сб. ст. науч. чтений памяти С.Н. Баландина. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та архитектуры, дизайна и искусств, 2017. – Т. 12. – С. 133–142
- Козлова, Г. С. Смысловая преемственность в архитектуре православного храма как фактор его эволюционной трансформации (на примере Чудотворской церкви в Иркутске) // Баландинские чтения: сб. ст. науч. чтений памяти С.Н. Баландина. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2018. – Т. 13. – С. 160–172
- Козлова, Г. С. Композиционное моделирование храмового ансамбля как метод исследования и воссоздания утраченного наследия // Баландинские чтения: сб. ст. науч. чтений памяти С. Н. Баландина. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та архитектуры, дизайна и искусств, 2019. – Т. 14. – С. 39–48
- Kozlova, G. S., Kozlova, L. V. Compositional modeling as a method of study the architectural heritage in educational design // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, International Baikal Investment and Construction Forum "Spatial Restructuring of territories" [Электронный ресурс]. – URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1755-1315/751/1/012051> (дата обращения: 20.05.2021)
- Акулич, О. А, Крючкова, Т. А., Полунина, Н. М. Во имя Спаса Нерукотворного Образа: документальное повествование о жизни первого

каменного храма города Иркутска. 1706–2006. – Иркутск: Иркутский кремль, 2008. – 488 с.

12. Богородице-Владимирская церковь в Иркутске: история и современность. – Иркутск: Земля Иркутская, 2012. – 444 с.

13. Иркутская духовная консистория. Опись имущества Градо-Иркутской Прокопьевской церкви. – ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 8187

14. Иркутские епархиальные ведомости. – 1899. – № 6. – С. 169–177

References

- Akulich, O.A, Kryuchkova, T.A., & Polunina, N.M. (2008). In the name of the Savior Image: A documentary story about the life of the first stone church in the city of Irkutsk. 1706–2006. Irkutsk: Irkutsk Kremlin. Chertilov, A., & Medvedev, S. (2007). Architects of the Irkutsk Land of the 18th century: Irkutsk merchants and the golden age of the Siberian baroque. Project Baikal, 4(11), 21-27. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.11.548>
- Irkutsk diocesan journal (1899). 6, 169–177.
- Kalinina, I.V. (2011). Kazan Cathedral. Project Baikal, 8(29-30), 50-81. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.29-30.336>
- Kalinina, I.V. (2000). Orthodox churches of the Irkutsk diocese: XVII - early XX century. Moscow: Galart.
- Kozlova, G.S. (2017). Reconstruction of the architectural appearance of the Chudotvorskaya Church in the city of Irkutsk on the basis of the retrospective method. Conf. Balandinsky readings (Vol. XII, pp. 133-142). <https://cyberleninka.ru/article/n/vossozdanie-arhitekturnogo-oblika-chudotvorskoy-tserkvi-v-gorode-irkutsk-na-osnove-retrospektivnogo-metoda>
- Kozlova, G.S. (2018). Semantic continuity in the architecture of an Orthodox church as a factor in its evolutionary transformation (on the example of the Chudotvorskaya church in Irkutsk). Conf. Balandinsky readings (Vol. XIII, pp. 160-172). <https://cyberleninka.ru/article/n/smyslovaya-preemstvennost-v-arhitekture-pravoslavnogo-hrama-kak-faktor-ego-evolyutsionnoy-transformatsii-na-primere-chudotvorskoy>
- Kozlova, G.S. (2019). Compositional modeling of the temple ensemble as a method of research and recreation of the lost heritage. Conf. Balandinsky readings (Vol. XIV, pp. 39–48). https://nsuada.ru/nauka/konferentsii/balandinskie-chteniya/xiv/5_Kozlova.pdf
- Kozlova, G.S., & Kozlova, L.V. (2020). Compositional modeling as a method of study the architectural heritage in educational design. IOP Conference (Vol. 751). <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1755-1315/751/1/012051>
- Kozlova, G.S., Kozlova, L. V., & Vogt, W. (2017). Peculiarities of compositional organization of public spaces in the historical centre of Irkutsk. Izvestiya vuzov. Investitsii. Stroitelstvo. Nedvizhimost (Vol. 7, No. 3(22), pp. 145-155). http://journals.istu.edu/izvestia_invest/journals/2017/22/articles/17
- Kozlova, L.V. (2015). Transformation of public spaces in the structure of Irkutsk city. Izvestiya vuzov. Investitsii. Stroitelstvo. Nedvizhimost (No. 4(15), pp. 202-208). http://journals.istu.edu/izvestia_invest/journals/2015/15/articles/24
- Medvedev, S.I. (1996). Irkutsk on postcards, 1899 – 1917. Moscow: Galart.
- SAIR (State Archives of the Irkutsk Region). F. 50. Inv. 1. File 8187. Irkutsk spiritual consistory. Inventory of the property of the Grado-Irkutsk Prokopyevsk church.
- Virgin Mary-Vladimir Church in Irkutsk: history and modernity (2012). Irkutsk: Zemlya Irkutskaya.

В настоящее время отсутствуют рекомендации по созданию устойчивой архитектурной среды на Байкале, что создает предпосылки для бессистемного метода освоения территорий. Возрастающий поток туристов увеличивает антропогенные нагрузки на окружающую среду. Перечисленные вопросы требуют разработки необходимого архитектурного инструментария для выполнения региональных проектов. Главное внимание уделено особенностям, связанным с объемно-пространственным построением жилых зданий, внутри которых разместились общественные функции.

Ключевые слова: дома с общественной функцией; архитектурный инструментарий; экологические поселения; территории, прилегающие к озеру Байкал. /

The lack of recommendations for establishment of a sustainable architectural environment at Lake Baikal predetermines a haphazard approach to territory development. The growing tourist flow increases anthropogenic environmental loads. These issues require the development of the necessary architectural tools for the implementation of local projects. The article focuses on the particular properties of the spatial solutions for detached houses with public functions.

Keywords: detached houses with public functions; architectural tools; ecological settlements; territories adjoining Lake Baikal.

Дома с общественной функцией на Байкале / Houses with public functions at Lake Baikal

текст

Константин Колодин
Санкт-Петербургский
государственный
архитектурно-строитель-
ный университет /

text

Konstantin Kolodin
Saint-Petersburg State
University of Architecture
and Civil Engineering

Рисунки автора статьи /
pictures by the author

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена динамикой нарастания острых проблем, связанных с освоением территорий, прилегающих к озеру Байкал. Для их решения разрабатываются и реализуются региональные и федеральные программы, выпускаются указы и постановления. Аналитическим центром при правительстве РФ предусмотрено комплексное развитие прибрежных зон Байкала путем создания единого Байкальского туристического кластера в формате «environment-friendly». Объединение программ в единые комплексные системы требует создания экспериментальных проектов и проведение теоретических исследований по рациональным типам экологических поселений и объектов, входящих в их состав в условиях Байкала.

Отсутствие рекомендаций по созданию устойчивой архитектурной среды создает предпосылки для бессистемного метода освоения территорий, а возрастающий поток туристов на Байкале увеличивает антропогенные нагрузки на окружающую среду. Перечисленные вопросы требуют разработки необходимого архитектурного инструментария для выполнения региональных проектов.

В основу исследования положены материалы и рекомендации по проектированию жилых домов с общественной функцией, проекты которых выполнялись в качестве экспериментальных разработок в Санкт-Петербургском государственном архитектурно-строительном университете (СПбГАСУ) на кафедре архитектурного проектирования под руководством кандидата архитектуры, доцента К. И. Колодина, аспиранта А. С. Николаевой, магистранта В. И. Быкасовой.

Для решения основной группы вопросов, связанных с формированием экологических поселений, необходимо создание экспериментальных проектов для жилых объектов нового типа в планировочной структуре поселений на Байкале. Организацию объектов необходимо осуществлять с учетом высоких требований, предъявляемых к композиционно-эстетическому облику туристических комплексов [1].

Эти объекты предназначены для организации собственного бизнеса. Для условий Байкала он предусматривает создание и развитие малых предприятий

народных семейных промыслов. Для их формирования требуется новый тип здания, в котором осуществляется интеграция общественных функций в объемно-планировочную структуру дома. Такие дома предназначены для постоянного совместного проживания одной семьи и связанных с ней родственными узами или иными близкими отношениями людей. Они заняты в собственном бизнесе, объекты которого расположены в дополнительных специально оборудованных помещениях непосредственно на территории дома.

Наработка рекомендаций на основе выполненных вариантов жилых домов и анализ связанных с ними работ представляется крайне актуальной и своевременной. Исследования и анализ таких направлений до настоящего времени не проводились, экспериментальные проекты на эту тему не выполнялись. Эти обстоятельства определили необходимость проведения комплексных работ по теме и подтверждают актуальность разрабатываемого исследования.

Цель исследования – рассмотреть особенности проектирования индивидуальных жилых домов с общественной функцией в условиях щадящего режима освоения территорий, прилегающих к озеру Байкал.

Задачи исследования объединены в следующие группы.

- Провести анализ объемно-пространственных решений, экспериментальных проектов индивидуальных жилых домов с общественной функцией, выполненных по индивидуальному заданию в учебной архитектурной мастерской.

- Выявить типологические основы проектирования этих объектов с учетом архитектурно-планировочных, функциональных, объемно-пространственных и архитектурно-художественных решений.

- Определить номенклатуру помещений для конкретных общественных зон индивидуальных жилых домов с общественной функцией.

- Предложить рекомендации по формированию индивидуальных жилых домов с общественной функцией для повышения качества проектных решений.

Объектом исследования служат примеры экспериментальных проектов жилых домов с общественной функ-

цией, разработанных в рамках курсовых и дипломных проектов в Санкт-Петербургском архитектурно-строительном университете.

В качестве предмета исследования были выбраны особенности архитектурно-типологической организации жилых домов с общественной функцией.

Новизна исследования связана с предложением интеграции помещений общественного назначения в жилые индивидуальные дома; в результате появился объект нового типа, для создания которого каждый потребитель может избирательно создавать свое общественное пространство [2].

Для методологической основы в работе были использованы системный подход, архитектурное моделирование, вариантное проектирование, экспериментальные разработки и аналитические методы исследования.

Степень изученности вопроса. Теоретические основы формообразования рассматриваемых объектов были частично отражены в материалах исследований К. И. Колодина, Ю. И. Курбатова, Ю. Н. Лобанова, В. А. Нефедова, И. Д. Родичкина, Я. К. Трушиньша, Ю. Б. Хромова, А. С. Николаевой.

Решению вопросов функционально-пространственного устройства объектов, формирующих подобные комплексы, были посвящены работы В. П. Грицевича, Е. И. Смирнова, П. Л. Швиденко, И. Д. Родичкина, Е. В. Голубева, В. А. Чижова и других.

Результаты исследования

Был проведен комплексный анализ объемно-планировочных решений, экспериментальных проектов индивидуальных жилых домов с общественной функцией. Проекты выполнялись в учебной архитектурной мастерской по индивидуальному заданию, согласованному и утвержденному кафедрой архитектурного проектирования СПбГАСУ. В результате анализа архитектурно-планировочных решений экспериментальных проектов была составлена модель жилого дома, определен состав входящих в ее структуру помещений, дано определение объекта проектирования.

Индивидуальный жилой дом с общественной функцией представляет собой разновидность жилого мини-ком-

плекса, состоящего из нескольких функций. В его состав входят: жилая часть, предназначенная для совместного проживания одной семьи. Нежилая часть с общественной функцией, необходимой для ведения собственного бизнеса в специально оборудованных для этого помещениях. Благоустроенная территория с общественными парковками и местом для организации презентаций производимой продукции. Приусадебный участок с террасами, которые объединяют жилую и нежилую части дома.

Проектирование экспериментальных индивидуальных жилых домов с общественной функцией было осуществлено в соответствии нормами и правилами на основе задания, согласованного и утвержденного в установленном порядке. Было определено, что форма плана одноквартирного жилого дома с общественной функцией зависит от величины выделенного под застройку участка и рельефа местности. От их характеристик зависит композиционный замысел. В рассматриваемых проектах планировочные схемы имели несколько разновидностей. Характерными решениями были компактные схемы планов с прямоугольными стенами. Среди них выделялись решения планов и объемов со сложной геометрией, в том числе с криволинейными очертаниями наружных стен.

Жилая часть индивидуального дома с общественной функцией включает в себя следующий состав помещений: жилая/ые комната/ты; кухня либо кухня-столовая; ванная комната или душевая; санузел; кладовая для одежды или, при ее отсутствии, места для встроенных шкафов. Анализ показал, что гостевые спальные комнаты необходимо выделять в самостоятельный функциональный блок. В качестве предложенных рекомендаций можно отметить общую комнату – гостиную, которую для таких домов целесообразно решать со вторым светом и примыкающей к ней террасой. Для условий Байкала в этом случае больше всего подходит веранда.

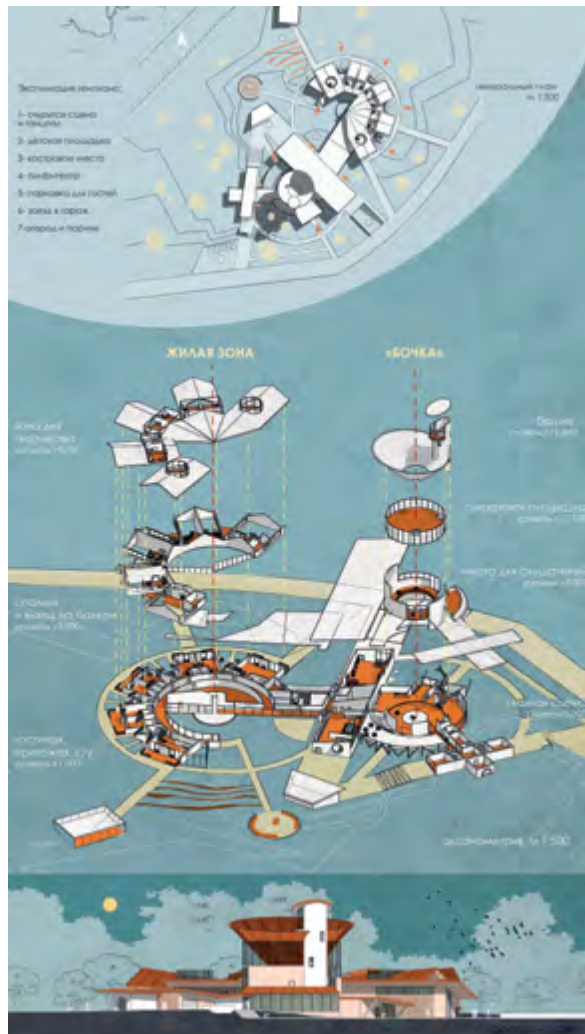
Нежилые помещения в разработанных домах относятся к группе помещений для общественных зданий и комплексов. Была определена номенклатура помещений для конкретных общественных зон в индивидуальных жилых домах с общественной функцией. Нежилая зона объединяет помещения для общественной функции. Она включает в себя входную зону, в состав которой входят:

^ Рис. 1. Нигматулина Эльза (2 курс). Жилой комплекс из индивидуальных жилых домов с конноспортивной школой. Руководители: канд. архитектуры, доц. К. И. Колодин., доц. Е. Г. Боброва, доц. О. П. Федоров

входной узел для общественной функции с тамбуром и вестибюлем; деловая зона с приемной; мастерская для четырех человек (может быть двухсветной); кабинет с библиотекой; обслуживающая (рабочая) зона с мастерской и технической кладовой. К ним примыкает зона отдыха и приема пищи для нежилой части. Она объединяет кухню и комнату приема пищи с террасой. Кроме них, к нежилой части примыкают технические помещения для обслуживания комплекса с гаражом на три машины для владельца дома; инвентарной; парковкой на 6 машин (для гостей и наемных работников). Качество функционального зонирования определялось удобством и комфортностью проживания, оптимальным составом, размещением и необходимыми пропорциями проектируемых помещений. Варианты решений нежилых помещений для общественных функций и проведенный анализ позволили определить рекомендуемую номенклатуру необходимых размещаемых функций [3].

Их анализ позволил провести типологическую классификацию и определить наиболее распространенные функциональные типы. Среди основных общественных размещаемых в них функций можно выделить: дизайн-студии; изготовление сувенирной продукции; производство плетеной мебели; стекольное производство; гончарные мастерские; мини-отели; конноспортивные школы; конструкторские бюро; фитнес-клубы; сыродельни; фермерские хозяйства для заготовки грибов, орехов, меда, ягод, настоек; выращивание и продажа овощной продукции; частные аэроклубы; ремонтные мастерские; пекарни; магазины.

В индивидуальных жилых домах с общественной функцией для жилой части предусмотрены два входа: «парадный» – на улицу, обеспечивающий проход в большинство помещений, и «хозяйственный» – в сторону приусадебного участка и надворных построек. Кроме того, запроектированы два входа в нежилую часть (были варианты совмещенных входов и выходов).

▲ Рис. 2. Рожкевич Александра (2 курс). Жилой комплекс из индивидуальных жилых домов с общественной функцией на основе коллинга. Дом предназначен для волонтерского движения по защите природы Байкала. Руководители: канд. арх-ры, доц. К. И. Колодин доц. Е. Г. Боброва, доц. О. П. Федоров

Установлено, что для проектирования и строительства индивидуального жилого дома с общественной функцией необходимо выделение земельного участка, размеры которого отличаются от стандартных решений в связи размещением дополнительных функций. И если для обычных жилых домов на одну семью размеры участков принимаются от 600 до 1500 м², в нашем случае размеры участков под застройку увеличиваются от 1800 до 10000 м². Это позволяет регулировать соотношение пропорций застраиваемой территории и территорий для размещения зеленых насаждений. В отечественной практике подобные соотношения были характерны для курортных зон начала и середины прошлого века [4].

Во всех проектах к жилым домам предусмотрены проезды шириной три и глубиной шесть метров. Такое решение позволяет организовывать гостевую парковку и обеспечивает возможность дизайнерских решений по благоустройству улицы. При устройстве внутренних дворовых пространств проектах обеспечивались необходимые расстояния от окон жилых помещений (комнат, кухня и веранд): до стен дома и хозяйственных построек (сарая, гаража, бани), расположенных на соседних земельных участках, в пределах 6–10 м; от границы участка до стены жилого дома – от 3 до 7 м. Во многих случаях расстояние до хозяйственных построек было увеличено от 1 до 15 м. Такое решение создает более широкий простор для принимаемого объемного решения дома [5].

Анализ показал, что теплоснабжение целесообразно решать централизованно путем устройства котельных либо на группу жилых домов, либо на все поселение. Во всех разработанных вариантах было использовано применение альтернативных источников энергии, что значительно снижает воздействие на окружающую природную среду Байкала. Зону технических обслуживающих помещений жилой части лучше всего выделять в самостоятельный функциональный блок, соединенный коммуникациями с жилой частью. Она включает в себя сауну, душевую, комнату отдыха, парилку, санузел. К ним примыкает блок с бассейном, постирочная с сушильными помещениями. Шарниром, соединяющим коммуникации с домом и техническими помещениями, в большинстве решений служил каминный зал с холлом и бильярдной.

< Рис. 3. Иванова Анна – 2016. – № 50. – С. 52–59 (2 курс). Жилой комплекс из индивидуальных жилых домов с архитектурным проектным бюро. Руководители: канд. арх-ры, доц. К. И. Колодин., доц. Е. Г. Боброва, доц. О. П. Федоров

В условиях Байкала целесообразно объединить его с зимним садом и террасой [6].

Было выяснено, что объемно-планировочные решения индивидуальных жилых домов зависят от принятого архитектурного решения, градостроительных и территориальных особенностей, местных традиций, желаний заказчика и его финансовых возможностей [7]. В качестве рекомендаций целесообразно привести основные особенности по размещению помещений внутри пространства жилого дома с общественной функцией. В жилой части на первом этаже необходимо предусмотреть тамбур, холл-прихожую, санитарные узлы, узел приготовления и приема пищи, кухню, столовую с барной стойкой (возможно совмещение с кухней); кладовую при кухне. Кухня с санитарным узлом во всех решениях была приближена к входному узлу или отнесена вглубь дома. В качестве дополнительных помещений в жилой части использовались детские спальни и игровые комнаты. При них целесообразно предусмотреть каминный зал (холл), бильярдную, гостевые комнаты с возможным автономным входом, санитарными узлами и холлом для дневного пребывания гостей.

В представленных решениях жилых домов на втором этаже, как правило, расположены спальные комнаты для членов семьи, детские и игровые комнаты. На вторых этажах при спальнях устанавливались санитарные узлы с гардеробными комнатами. Спальные изолированы от помещений дневного пребывания. Чаще всего эту изоляцию осуществляют вертикальным зонированием дома. Для улучшения архитектурного решения при проектировании индивидуального жилого дома желательно предусмотреть террасы и балконы [8]. Все мокрые помещения квартиры (санитарные узлы, туалеты, мойки, постирочные) расположены в спаренных объемах или друг над другом по высоте дома.

Лестницы по необходимости располагались в холле-прихожей или в общих комнатах жилой части и, кроме того, в зоне вестибюля для нежилой части дома. Для некоторых решений в двухэтажных домах в качестве эвакуационных были использованы внутренние открытые лестницы, а также винтовые лестницы с забежными ступенями [9]. Предел огнестойкости и класс пожарной

опасности элементов лестницы, а также ширина и уклон в нашем случае не регламентируются.

В исследовании представлены характерные примеры решений, которые предложены в качестве рекомендаций по использованию строительных материалов и конструкций, что напрямую влияет на формирование индивидуальных жилых домов с общественной функцией. В качестве строительных материалов для проектируемых жилых домов предложены различные строительные материалы с применением новейших технологий, в том числе традиционные материалы: дерево, кирпич, железобетон, металл [10].

В качестве облицовочных материалов для фасадов и стен здания были приняты: облицовочный кирпич, плиты натурального и искусственного камня, дерево, металлический профиль, керамогранит и др. Они отличаются по свойствам, размеру, типу и сложности крепления. Ограждающие конструкции дома обладают достаточной прочностью, морозостойкостью, экологичностью и обеспечивают теплоизоляцию. Конструктивные схемы выполненных проектов зданий жилых домов подобраны под выбранный тип строительных материалов. Использование основных положений и рекомендаций настоящего исследования будет способствовать повышению качества проектных решений [11].

Для обеспечения естественного освещения жилых домов в проектах запроектировано освещение в жилых комнатах, кухне, помещениях общественного назначения и в технических помещениях. При этом существующее соотношение площади световых проемов к площади пола жилых помещений и кухонь, которое должно быть не менее 1:8, для общественных помещений и помещений гостиной целесообразно увеличить до 1:4. Для мансардных этажей допускается принимать это отношение не менее 1:10 [12].

Выводы и основные результаты исследований

– В результате исследования проведен комплексный анализ объемно-планировочных решений, экспериментальных проектов индивидуальных жилых домов с общественной функцией, выполненных для условий Байкала. Проекты выполнялись в учебной архитектурной

^ Рис. 5. Антипов Максим (2 курс). Жилой комплекс из индивидуальных жилых домов с дизайн-студией. Руководители: канд. арх-ры, доц. К. И. Колодин., доц. Е. Г. Боброва, доц. О. П. Федоров

v Рис. 4. Тропило Мерседес (2 курс). Жилой комплекс из индивидуальных жилых домов с мастерской ландшафтного дизайнера. Руководители: канд. арх-ры, доц. К. И. Колодин., доц. Е. Г. Боброва, доц. О. П. Федоров

мастерской по индивидуальным заданиям, согласованным и утвержденным кафедрой архитектурного проектирования СПбГАСУ.

– Выявлены типологические особенности проектирования индивидуальных жилых домов с общественной функцией. Для их определения учитывались архитектурно-планировочные, функциональные, объемно-пространственные и архитектурно-художественные решения различных вариантов разработанных домов.

– Определена номенклатура помещений для конкретных общественных зон индивидуальных жилых домов с общественной функцией.

– В исследовании представлены характерные примеры решений, которые предложены в качестве рекомендаций по формообразованию индивидуальных жилых домов с общественной функцией. Использование основных положений настоящего исследования будет способствовать повышению качества выполняемых проектов по этой тематике.

Заключение

Внедрение общественных функций в архитектурно-планировочную структуру жилых домов создает предпосылки для размещения мест приложения труда непосредственно на территориях жилых групп. Оно способствует созданию устойчивого семейного бизнеса внутри жилых домов, который в туристических районах связан с местными народными промыслами. Для развития института семьи семейный бизнес служит не только источником дохода, но и основным стержнем для решения проблем преемственности и традиций.

Анализ различных вариантов решения жилых домов с общественной функцией позволил выделить основные приемы архитектурно-типологической и объемно-пространственной организации рассматриваемых объектов, которые можно использовать в качестве своеобразного инструментария для проектных решений.

Применение инструментария при проектировании современных жилых домов на территории Байкала способствует повышению качества организации средового пространства для конкретного потребителя, проживающего здесь. Он будет служить основой для разработки регламента и мониторинга для проектирования и строительства. Использование современных методик проектирования индивидуальных жилых домов с общественной функцией позволяет создать мощный социальный фундамент, на котором будет произрастать основа культурного, духовного, интеллектуального, эстетического развития населения территорий, прилегающих к озеру Байкал.

Литература

1. Николаева, А. С. Особенности формирования композиционно-эстетического облика туристических комплексов на Байкале // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова. – 2019. – № 6. – С. 83–89
2. Колодин, К. И. Интерьер загородной улицы: учебное пособие для вузов. – Москва : Архитектура, 2015. – 416 с.
3. Минязова, А. Б., Айдарова, Г. Н. Подходы и принципы формирования архитектурно-градостроительной среды сельского экотуризма в Тоскане // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. – 2019. – № 1 (47). – С. 121–129
4. Лидин, К. Все под контролем. Интерьер города как управляемая и управляющая среда // Проект Байкал. – 2018. – № 56. – С. 26–31
5. Лак, Р. Исследование дизайна, архитектурное исследование, исследование архитектурного дизайна: аргумент о дисциплинарности и идентичности // Исследования дизайна. – 2019. – Т. 65. – С. 152–166. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.destud.2019.11.001>
6. Колодин, К. И. Формообразование объектов загородной среды: учебное пособие для вузов. – Москва : Архитектура, 2004. – 256 с.

7. Якоби, С. Типичные и типологические рассуждения: схематическая практика архитектуры // Журнал архитектуры. – 2015. – № 20(6). – С. 938–961. – DOI: 10.1080/13602365.2015.1116104
8. Ильвицкая, С. В., Лобкова, Т. В. (2019). Архитектура заглубленных зданий – перспективное направление «зеленого» строительства // ACADEMIA. Архитектура и строительство. – 2019. – № 4. – С. 127–133
9. Колодин, К. И. Особенности архитектурно-планировочной организации и формообразования объектов поселений, расположенных вблизи водоемов // Новые идеи нового века. – 2016. – Т. 2. – С. 141–145
10. Гольдблатт, Д. Эстетика, повествование и материалы архитектуры // Архитектурный дизайн. – 2020. – № 90(5). – С. 82–91. – DOI: 10.1002/ad.2614
11. Колодин, К. И. Роль архитектурного концептуализма в повышении качества проектных решений // Вестник Евразийской науки. – 2020. – № 6. – URL: <https://esj.today/PDF/24SAVN620.pdf>
12. Логвинов, В. От «зеленого строительства» к природоинтегрированной архитектуре: принцип сохранения места // Проект Байкал. – 2016. – № 50. – С. 52–59

References

- Goldblatt, D. (2020) Aesthetics, narrative and the materials of architecture. *Architectural Design*, 90(5), 82-91. DOI: 10.1002/ad.2614
- Ilvitskaya, S. V., & Lobkova, T. V. (2019). *Arkhitektura zaglublennykh zdaniy – perspektivnoe napravlenie “zelenogo” stroitelstva* [The architecture of buried buildings is a promising direction of green construction]. *ACADEMIA. Arkhitektura i stroitelstvo*, 4, 127-133.
- Jacoby, S. (2015). Typal and typological reasoning: A diagrammatic practice of architecture. *Journal of Architecture*, 20(6), 938-961. DOI: 10.1080/13602365.2015.1116104
- Kolodin, K. I. (2004). *Formoobrazovanie ob'ektov zagorodnoi sredy: uchebnoe posobie dlya vuzov* [Shaping objects of rural environment: Manual for universities]. Moscow: Arkhitektura.
- Kolodin, K. I. (2015). *Interier zagorodnoi ulitsy* [The interior of the country street]. Textbook for universities. Moscow: Arkhitektura.
- Kolodin, K. I. (2016). *Osobennosti arkhitekturno-planirovochnoi organizatsii i formoobrazovaniya ob'ektov poselenii, raspolozhennykh vblizi vodoemov* [The principles of architectural design and forming objects of settlements located near water]. *Novye idei novogo veka*, Vol. 2, 141-145.
- Kolodin, K. I. (2020). *Rol arkhitekturnogo kontseptualizma v povyshenii kachestva proektnykh reshenii* [The role of architectural conceptualism in improvement of the quality of design solutions]. *The Eurasian Scientific Journal*, 6(12). Retrieved from <https://esj.today/PDF/24SAVN620.pdf>
- Lidin, K. (2018). Everything under control. Interior of the city as a manageable and managing environment. *Project Baikal*, 15(56), 26-31. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.56.1316>
- Logvinov, V. (2016). From “green building” to architecture integrated with nature. Place preservation principle. *Project Baikal*, 13(50), 52-59. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.50.1083>
- Luck, R. (2019). Design research, architectural research, architectural design research: An argument on disciplinarity and identity. *Design Studies*, Vol. 65, 152-166. <https://doi.org/10.1016/j.destud.2019.11.001>
- Minyazova, A. B., & Aidarova, G. N. (2019). *Podkhody i printsipy formirovaniya arkhitekturno-gradostroitelnoi sredy selskogo ekoturizma v Toskane* [Approaches and principles of the formation of the architectural and urban planning environment of rural ecotourism in Tuscany]. *Proceedings of Kazan State University of Architecture and Engineering*, 1(47), 121-129.

^ Рис. 6. Чай Валерий (2 курс). Жилой комплекс из индивидуальных жилых домов с адвокатской конторой. Руководители: канд. арх-ры, доц. К. И. Колодин., доц. Е. Г. Боброва, доц. О. П. Федоров

- Nikolaeva, A. S. (2019). *Osobennosti formirovaniya kompozitsionno-esteticheskogo oblika turisticheskikh kompleksov na Baikale* [Features of formation the composition and aesthetic image of the tourist complex on Baikal]. *Bulletin of BSTU named after V. G. Shukhov*, 6, 83-89.

Рассматриваются материалы о жизни и творческой деятельности бывших выпускников Харбинского политехнического института, оказавшихся в Австралии. Автор анализирует содержание материалов всех 17 выпусков журнала, выходявшего в 1969–2004 гг. Приводятся примеры работ выпускников ХПИ, оказавшихся в России, Европе, Австралии и Америке, их воспоминания об институте, о педагогах и организации учебного процесса. Особое внимание уделяется пяти специальным выпускам «Политехника», посвященным главным юбилейным датам ХПИ и самого журнала.

Ключевые слова: Харбинский политехнический институт; Шанхай; Австралия и Сидней; инженеры; редколлегия журнала; авторы статей. /

This article discusses and analyzes the material relating to the life and creative activity of the former graduates of Harbin Institute of Technology, who came to Australia. The author analyzes the content of materials of all 17 journal issues published in 1969–2004. Examples of works by graduates of HIT who came to live in Russia, Europe, Australia and America are given; their memories about the institute, about the teachers and the educational process are analyzed. In particular, the author talks about five commemorative editions of Polytechnic devoted to the anniversaries of the HIT and the journal.

Keywords: Harbin Institute of Technology; Shanghai; Australia and Sydney; engineers; editorial board of the journal; authors of the articles.

«Политехник» – издание выпускников Харбинского политехнического института / Polytechnic edition published by graduates of Harbin Institute of Technology

text
Николай Крадин
Тихоокеанский
государственный
университет /
text

Nikolai Kradin
Pacific National
University

Большинство фотографий взяты автором из разных номеров журнала «Политехник»; некоторые заимствованы из открытых источников Интернет

v Рис.2. Императорское Русское генеральное консульство. Открытка

Известно, что в Харбине в период 1920–1949 гг. существовал русский политехнический институт, ставший в настоящее время университетом. Он превратился в крупнейший ВУЗ современного Харбина, в котором обучаются более 25 тысяч студентов различных специальностей и направлений, а также магистранты, аспиранты и докторанты. Сегодня он входит в десятку самых крупных и престижных учебных заведений Китая. В статье речь пойдет о его начальном этапе, когда он находился под российской юрисдикцией. Основанный русскими инженерами в 1920 г. как политехникум, уже спустя два года он стал называться политехническим институтом. Таким образом, история этого учебного заведения ведет свой отсчет именно с 1920 г. Совсем недавно, в прошедшем 2020 г. этот теперь уже давно китайский ВУЗ отметил свой знаменательный столетний юбилей. Но под российской юрисдикцией институт находился лишь до 1949 г., до момента свершения в Китае революции. После нее практически все русские из Харбина выехали; многие перебрались в Австралию, Бразилию и другие страны, некоторые возвращались и в Россию.

Что послужило толчком или основанием для открытия одного из первых специальных учебных заведений в Харбине? Как показали исследования, его появление вызвано острой необходимостью в специалистах для множества строительных работ, связанных с началом возведения Китайско-Восточной железной дороги в Маньчжурии и обустройством всей ее инфраструктуры. Нужно было строить не только саму дорогу, но и пристанционные поселки, депо, казармы и жилые дома. А для этого требовались специалисты – техники, инженеры и др., которых тоже не хватало, особенно специалистов среднего звена – техников. В результате появилась идея создания в Харбине среднего учебного заведения по подготовке кадров для железной дороги. У истоков открытия политехникума стояли русские инженеры и другие специалисты, а возглавил политехникум инженер Леонид Александрович Устругов (рис. 1). Когда в 1922 г. политехникум был преобразован в институт, он стал первым директором этого уже высшего учебного заведения. В Китае Л. А. Устругов жил 17 лет (1918–1935), после чего вернулся в СССР, где спустя два года был арестован, а через год, 15 февраля 1938, расстрелян. Реабилитирован в мае 1989 г. Такова непростая судьба и печальная участь этого русского инженера, пионера развития русской инженерной школы в Маньчжурии.

В истории политехникума примечательно и то, что перед его открытием среди харбинской молодежи был произведен массовый опрос: какого типа учебное заведение им необходимо. Поскольку в этот период в Харбине началось массовое строительство дорог, производственных сооружений, жилья и учебных заведений, то большинство молодежи склонялось к тому, чтобы новое учебное заведение стало техническим. Таким образом, в 1920 г. сначала появился политехникум, преобразованный спустя два года в политехнический институт, просуществовавший до 1949 г., когда после свершения гоминдановского правительства к власти в Китае пришли коммунисты, а страна получила название КНР (Китайская Народная Республика). С этого времени все стало осуществляться уже по китайским традициям и законам; обучение шло только на китайском языке. Данное обстоятельство означало,

^ Рис.3. Железнодорожное Собрание. Открытка

^ Рис.1. Л. А. Устругов, инженер путей сообщения, ректор ХПИ в 1921–1935

что новый институт был предназначен преимущественно для китайской молодежи.

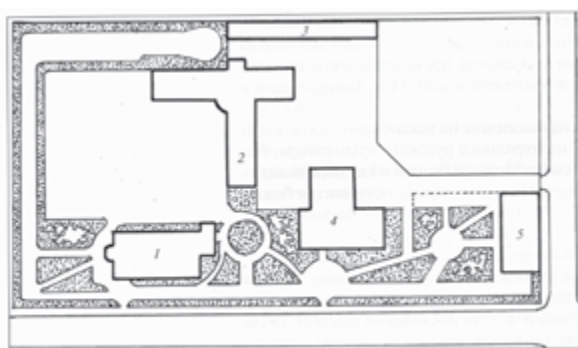
Но до 1949 г., на самом раннем этапе для размещения этого среднего технического учебного заведения властями было предоставлено здание бывшего Русского Императорского генерального консульства, изображение которого сохранилось на открытках и многих фотографиях того времени (рис. 2). Правда, несколько ранее 1920 г. в нем находилось Железнодорожное собрание (рис. 3). На первых порах помещений для занятий учащихся политехникума в нем хватало, но вскоре к зданию с правой стороны, а затем и с левой стали делать пристройки, тем самым расширяя и увеличивая по площади учебный корпус. На сохранившемся фотоснимке 1926 г. можно видеть ход строительных работ (рис. 4). На участке бывшего консульства располагалось несколько зданий разного назначения (рис. 5): училище, мастерские, хозяйственные службы, интернат и администрация. В настоящее время вход в здание не используется, а дорожка к крыльцу поросла травой (рис. 6), хотя первые выпускники, посещая Харбин, интересуются в первую очередь именно зданием политехникума.

К началу 1930-х годов здание разрослось вдоль улицы и приобрело вполне солидные размеры Г-образной в плане формы (рис. 7, 8). В этих новых строительных работах едва ли не главная роль принадлежала архитектору Петру Сергеевичу Свиридову (рис. 9) [2; 3; 4 (на кит. яз.)]. Прожив в Харбине практически 35 лет, Свиридов внес огромный вклад не только в застройку этого города, но и в развитие инженерного образования в Маньчжурии. Многие здания, построенные по его проектам, сохраняются здесь до настоящего времени. Именно ему принадлежит едва ли не главная роль и в развитии комплекса зданий Харбинского политехнического института (позднее ставшего университетом), в котором он много лет преподавал. Бывшие студенты ХПИ, разлетевшиеся по всему миру, в многочисленных воспоминаниях очень часто называли П. С. Свиридова одним из самых лучших и авторитетных преподавателей института – своей alma-mater.

Именно они, бывшие студенты этого высшего учебного заведения, много лет спустя, начиная с 1969 г., стали выпускать в австралийском городе Сиднее журнал

< Рис.4. Начало работ по пристройке ХПИ. 1926

< Рис.5. План размещения построек на территории политехникума: 1 – здание училища; 2 – мастерские; 3 – хозяйственные службы; 4 – интернат; 5 – администрация

< Рис.6. Заброшенный старый вход в техникум

> Рис.7. Новые пристройки и расширение института. Арх. П. С. Свиридов

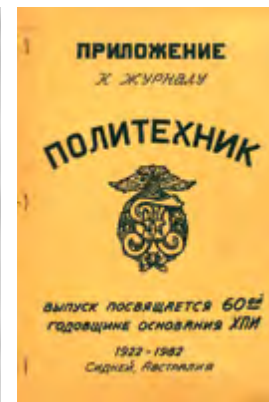
> Рис.8. Развертка фасада нового корпуса. Арх. П. С. Свиридов

v Рис.10. Обложка первого номера журнала «Политехник». 1969

v Рис.11. Обложка приложения к журналу «Политехник». 1982

^ Рис.9. Петр Сергеевич Свиридов

«Политехник» (рис. 10). К этому времени все они уже заметно повзрослели, а некоторые даже стали пенсионерами. Они часто собирались вместе на так называемые «пятницы», проводившиеся раз в месяц. Активистами этого сообщества бывших харбинцев было организовано Объединение питомцев Харбинского политехнического института. Начиная выпускать журнал «Политехник», активисты вспомнили о том, что еще в Харбине студенческий старостат выпускал журнал «День политехника», печатавшийся в харбинской типографии «Заря». В моей библиотеке имеется один номер журнала, датированный мартом 1927 г. (рис. 11). Этот номер журнала довольно интересен: в нем перечислены фамилии всех выпускников дорожно-строительного и электромеханического факультетов первых выпусков 1924–1926 гг. Из списка видно, что в тот период выпуски осуществлялись дважды: в июне и в декабре. Всего по дорожно-строительному факультету обучение завершил в те годы 61 выпускник, 48 русской национальности и 13 – китайской. Среди первых выпускников есть и такие, которые со временем стали крупными и известными инженерами и мастерами архитектуры: Д. Н. Долматов, П. А. Небышенков, Н. П. Калугин, М. В. Карбышев, Н. А. Кацienко, В. Г. Мелихов, Б. В. Дистерло, П. А. Щелков и многие другие [1, с. 44–45].

Первые девять номеров «Политехника» выходили практически ежегодно. Но уже 10-й вышел спустя два года после 9-го, а 11-й спустя пять лет после 10-го, 12-й номер появился также через пять лет после 11-го. С трехлетним перерывом появился 13-й и очередной, 14-й – с таким же разрывом. В 1999 г. вышел из печати 15-й номер, а еще через пять лет – 16-й. И, наконец, еще спустя восемь лет, в 2012 г. вышел пока последний – 17-й номер этого весьма любопытного самиздатского журнала. Скорее всего, новых номеров больше не будет, поскольку живых свидетелей тех давних событий остается все меньше: со времени открытия техникума-института прошло более ста лет, так что свои воспоминания о 1920-х годах практически писать некому. Нас будут интересовать те номера «Политехника», в которых помещены интересные по содержанию и тематике материалы, касающиеся непосредственно этого русского учебного заведения в Харбине.

Первые девять номеров журнала имели рубрику «На правах рукописи». Тексты в них печатались, как правило, на пишущей машинке, а потом их размножали на ротаторе; почти все репродукции с фотографий в первых девяти номерах приклеивали в текстах в нужном месте. Только начиная с 10-го номера вся верстка журналов стала осуществляться в типографии. Кстати, 10-й номер был юбилейным, он посвящался 10-летию выхода в свет журнала. Второе его отличие от девяти предыдущих и всех последующих номеров заключалось в том, что он был самым объемным: 288 страниц текста плюс 100 страниц вкладок с иллюстрациями. Объем этого юбилейного номера составлял почти 400 страниц, его тираж был самым крупным, пришлось даже допечатывать до тысячи экземпляров, поскольку заявки на него поступали постоянно. В моей библиотеке есть и 10-й номер журнала, а на последней его странице небольшим чернильным штампом поставлен порядковый номер этого экземпляра – 002(68)4. Секретарь Правления Б. Козловский писал в следующем, 11-м номере журнала: «После выпуска в свет 10-го номера журнала «Политехник» все 1000 экземпляров которого были быстро раскуплены полностью, редакция издала еще «Приложение» к журналу № 10» [6, № 11, с. 3].

В самом первом номере журнала была напечатана в качестве вступления статья П. С. Свиридова «Воспоминания» [5, № 1, с. 4–8]. В ней он обстоятельно повествовал об истории ХПИ, поскольку знал его как никто другой, являясь не просто обычным сотрудником, но и одним из руководителей, а также строителем многих корпусов нового институтского комплекса. В своей приветственной статье, открывающей первый номер журнала «Политехник», он писал: «Для осуществления очень обширной программы этого нового строительства, по указанию Министерства, при Политехническом Институте была организована особая «служба капитального строительства», главным инженером по проектированию которой был назначен я, и был дан большой штат как русских, так и китайских сотрудников. Общая площадь запроектированных зданий, высотой до 5 этажей, составила площадь около 250 тысяч кв. метров» [5, № 1, с. 8]. Таким образом, институт приобрел новый вид, более представительный

< Рис.12. Главный фасад Харбинского технологического института

< Рис.13. Эмблема института

и стильный (рис. 12). Средняя осевая часть силуэта уличного фасада университетского комплекса стала элементом эмблемы этого старейшего в Харбине высшего учебного заведения (рис. 13).

Общим для всех 17 выпусков журнала «Политехник» является одинаковое оформление его обеих обложек: на лицевой стороне представлено изображение старого корпуса политехникума, а на тыльной – корпусов уже нового пятиэтажного комплекса. Журнал поначалу издавался с рубрикой «на правах рукописи» (№№ 1–11), а в №№ 12–17 этой рубрики уже не стало. Над материалами журнала работала специальная редакция, во главе которой в течение многих лет – с 1-го по 11-й номер – находился Борис Николаевич Корнев (рис. 14). Он родился в Благовещенске-на-Амуре в семье доктора медицины, учился в Хабаровском кадетском корпусе [5, с. 273–274]. После переезда семьи в Харбин окончил там гимназию Христианского Союза Молодых Людей (ХСМЛ), а затем и Харбинский политехнический институт. После окончания института, получив диплом инженера-электрика, работал в фирме «Кондо» на восточной линии Китайско-Восточной железной дороги, занимаясь в течение ряда лет лесопереработкой. Затем трудился в должности инженера лесного отдела на Китайской Чаньчуньской железной дороге, после чего занимался проектной работой в конторе Министерства лесной промышленно-

сти Китая, заведовал в течение нескольких лет частной мастерской. Переебравшись в Австралию, Б. Н. Корнев и там продолжил инженерную деятельность, проработав еще 15 лет в разных фирмах. Умер в Сиднее 14 июня 1987 года от сердечного приступа, прожив 77 лет. Он возглавлял редакцию журнала «Политехник» практически до самой смерти. 10-й, юбилейный номер журнала посвящен многолетней истории Харбинского политехнического института, жизни и деятельности выпускников этого первого высшего учебного заведения Харбина, оказавшихся в эмиграции в Австралии, а также во многих других странах зарубежья. В нем была напечатана коллективная фотография не только основных членов редколлегии (рис. 15), но и всех остальных сотрудников этого издания (рис. 16).

Самый первый номер журнала – единственный из всех, в котором нет ни одной иллюстрации. Датирован этот экземпляр 2 апреля 1969 г. Уже на первой странице было напечатано обращение редколлегии ко всем питомцам ХПИ и СМУ, «проживающим в разных городах Австралии, а также в других странах мира». В этом обращении активисты высказывали свое пожелание «создать и выпустить в свет, к 47-й годовщине основания ХПИ, журнал ПОЛИТЕХНИК» [6, № 1, с. 1]. Здесь же они напоминали и о том, что еще в Харбине студенческий старостат выпускал журнал «День политехника», и питомцы ХПИ

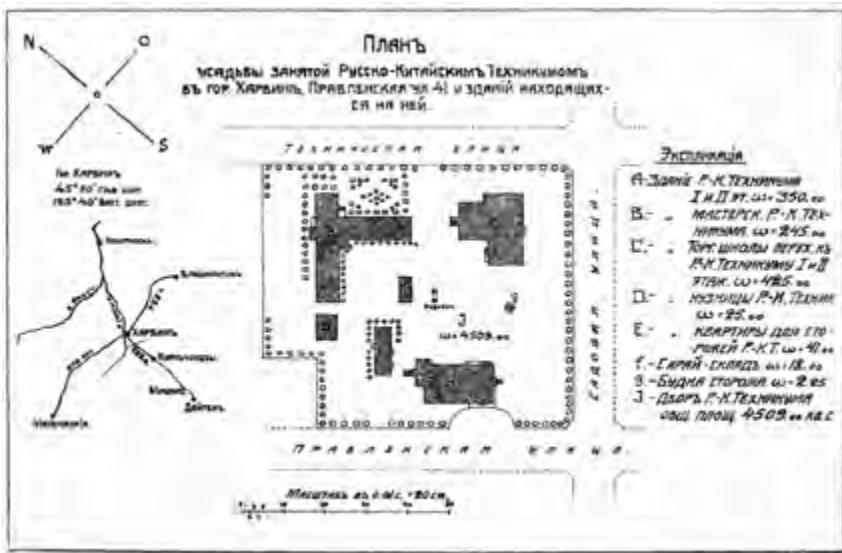

^ Рис.16. В. П. Кулябко-Корецкий, профессор ХПИ

< Рис.14. Редколлегия журнала «Политехник»

< Рис.15. Редакция и сотрудники журнала «Политехник»

< Рис.18. План усадьбы Русско-китайского техникума

v Рис.20. Название института китайскими иероглифами

哈尔滨工业大学

^ Рис.17. Профессор ХПИ С. П. Тимошенко

v Рис.19. Эмблема в честь 50-летия Харбинского политехнического института

решили возродить эту традицию, поэтому журнал «Политехник» является как бы восприимчивым и продолжателем прекратившего свое существование журнала «День политехника».

Инициаторы тут же предлагали и структуру своего нового журнала, несколько главных его рубрик или разделов, в том числе: 1 – официальный раздел с отчетами о прошедшей и текущей работе Объединения, финансовые отчеты, различные мероприятия; 2 – история ХПИ, т. е. создание института, его работа и жизнь в хронологическом порядке; 3 – воспоминания, связанные с жизнью питомцев ХПИ и СМУ; 4 – технический отдел; 5 – юмор, рассказы и стихи о различных забавных случаях, а также юмор на злобу дня; 6 – переписка друзей под девизом «откликнись, отзовись»; 7 – заметки наших коллег, которые совершили свои путешествия по Австралии и за границей, встречи с коллегами.

Инициаторы признавались, что первый номер журнала – это пока еще «слабая попытка создать интересный журнал, который бы отражал жизнь питомцев ХПИ, проживающих не только в Сиднее, но также и в других городах Австралии». Кроме того, они предполагали, что со временем появится «связь с нашими коллегами, проживающими и за пределами Австралии. Ведь почти в каждой стране есть наш коллега!» Авторы обращения также писали, что они намереваются издавать журнал «раз в год к годовщине ХПИ, т. е. в апреле месяце, но если коллеги с энтузиазмом поддержат наше начинание, и в результате мы будем иметь большое количество материала, ничто не ограничивает нас выпускать журнал чаще [6, № 1, с. 2]. Эти намерения не всегда у них осуществлялись: уже было показано, с какими длительными перерывами, буквально в несколько лет, издавался каждый последующий номер «Политехника» после первых десяти, выходивших ежегодно в период 1969–1977 гг. Напомним, что первые 11 номеров имели гриф «на правах рукописи». Но именно первые номера положили начало изданию следующих уже на более высоком уровне, с большим количеством иллюстративного материала, намного более качественными по содержанию статьями, с воспоминаниями и иллюстрациями.

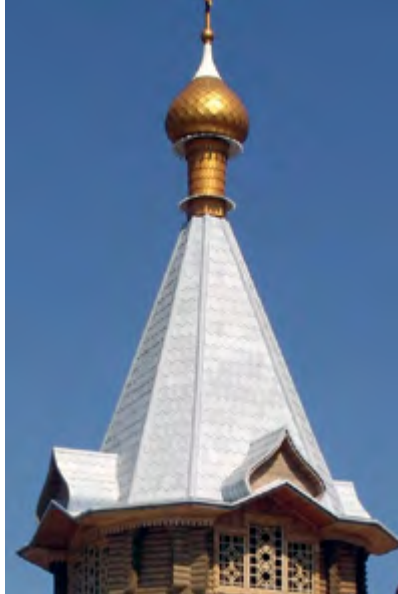
Второй рукописный номер журнала объемом 104 страницы вышел в апреле 1970 г. С первых же строк ре-

дакция в небольшом материале «К нашим читателям» поздравила профессуру, лекторов, питомцев и служащих ХПИ с 48-й годовщиной основания института. Редакция информировала своих читателей о том, что первый номер журнала был разослан по другим городам Австралии, а также в США, Канаду, Бразилию и даже в некоторые европейские страны. Кроме того, редакция сообщала, что ею приобретен собственный ротатор, появилось много корреспондентов. Разумеется, было в этой информации и деловое обращение непосредственно к читателям: «Мы не требуем от вас научных трактатов, но прочтите внимательно этот номер журнала и каждый из вас найдет десятки тем, о чем он может писать. Мы думаем, было бы очень интересно нам, окончившим ХПИ, познакомиться с системой преподавания в современных университетах; ведь некоторые из наших коллег имеют близкое к ним отношение. Разве это не хорошая тема? Нам дороги не только большие статьи, но даже несколько строк. Если у вас сгладилась в памяти веселые минуты студенческой жизни, пишите о своей работе, о своей жизни» [6, № 2, с. 1, 2]. Буквально с десяток строк написал в своем приветствии и П. С. Свиридов, приветствуя выход этого номера журнала и желая Объединению харбинских инженеров успехов во всех делах и развития еще большей деятельности. Несомненный интерес представляют во втором номере и несколько коллективных фотографий, на которых изображены: правление Объединения инженеров, окончивших ХПИ, Дамский комитет при Объединении инженеров ХПИ, коллектив редакции журнала «Политехник», а также большая группа инженеров, членов Объединения, окончивших ХПИ, собравшихся на праздновании 46-й годовщины его основания. Здесь же был помещен и посмертный портрет с развернутым некрологом инженера-строителя, бывшего профессора Харбинского политехнического института Виктора Аркадьевича Кулябко-Корецкого (рис. 16), прожившего 94 года (1876–1970) и скончавшегося в начале февраля 1970 г. в австралийском городе Сиднее [6, № 2, с. 88, 89].

Третий рукописный номер журнала объемом 128 страниц открывала небольшая редакционная статья, в которой, в частности, отмечалось: «Как Московский университет стал символом просвещения в России, так и наш Харбинский политехнический институт является как бы

< Рис.22. Часовня на кладбище Руквуд в Сиднее. Арх. М. А. Бакич

< Рис.23. Шатер Свято-Николаевского собора в Харбине. Фото Николая Крадина

олицетворением образовательной деятельности в Маньчжурии. В период своего расцвета в стенах ХПИ помещались большинство высших и подготовительных учебных заведений (подготовительный курсы для китайских студентов, Горный техникум, Юридический факультет и др.). Здесь же редакция напоминала своим читателям, что в следующем году наступит знаменательная дата из истории ХПИ – 50-летие со дня его основания, а также 75-летие со дня окончания строительства КВЖД, поэтому обращалась к ним, чтобы и на эти знаменательные темы они тоже присылали свои материалы, отзывы и воспоминания. На восьмой странице 3-го номера журнала был помещен портрет профессора Степана Прокопьевича Тимошенко (рис. 17), работавшего в ХПИ всего два года (1920–1922), но студенты запомнили его доброе к ним отношение и прекрасные лекции. Когда же в Объединении выпускников возник вопрос об учреждении стипендии ХПИ, то было принято решение назвать эту стипендию бывших выпускников ХПИ его именем, на что он дал свое согласие.

С каждым последующим номером объем журнала по количеству страниц возрастал, и следующий, 4-й номер уже в полтора раза превышал предшествующий, составляя 185 страниц. Это стало возможно, так как он посвящался полувековому – золотому юбилею института (1922–1972). В номере была помещена схема генерального плана территории, на которой находился институтский комплекс (рис. 18), а открывала названный номер страница с рисунком эмблемы в честь 50-летия института (рис. 19).

О том, что и четвертый номер журнала был практически рукодельным, свидетельствуют многие фотографии, приклеенные к страницам, хотя имеются в нем и снимки, которые помещены во вкладках и напечатаны типографским способом. Чувствуется, что издательская база журнала еще не окрепла, однако редакция ищет, экспериментирует, пробует и старается наполнить свое детище самыми разнообразными по жанру, тематике и содержанию материалами. И это стремление поддерживалось многочисленными читателями из разных стран, которые вносили советами и присылаемыми материалами свою лепту, чтобы журнал становился как можно более интересным и привлекательным.

Среди 17 номеров выпуска журнала пять помечены на обложке как «Юбилейный сборник ПОЛИТЕХНИК»: 4-й выпуск посвящен 50-летию Харбинского политехнического института (1922–1972); 12-й выпуск – 20-летию выхода в свет журнала «Политехник» (1969–1989), 13-й выпуск – 70-летию со дня основания Харбинского политехнического института (1922–1992); 15-й номер – 30-летию журнала «Политехник» (1969–1999) и, наконец, последний, 17-й номер – 90-летию института (1922–2012). В отдельном издании под названием «Приложение к журналу ПОЛИТЕХНИК» [7] на первой же странице помещены семь китайских иероглифов (рис. 20), обозначающих название этого учебного заведения: ХА-ЭР-БИНЬ ГУН-Е-ДА СЮЭ (Харбинский политехнический институт). Приложение, хотя и выполнено довольно небрежно, привлекает разнообразием представленного материала. Так, в нем помещены добавления и исправления к журналу «Политехник» № 10 [7, с. 107–110], причем довольно существенные. В многочисленных вкладках этого уникального номера можно видеть массу иллюстративного материала из истории ХПИ, в том числе коллективные фото профессуры и преподавателей, группы студентов различных факультетов, фотографии комиссий по защите дипломных проектов, воспоминания бывших студентов о профессуре института, серия материалов, посвященных 80-летию КВЖД [7, с. 58–75], учебным заведениям, начиная от средних школ и заканчивая институтами [7, с. 115–134]. Размещены материалы о культовых сооружениях разного типа: православные храмы, католические храмы-костелы, лютеранские кирхи, армяно-григорианские и старообрядческие церкви, а также мечети, синагоги, баптистские, мусульманские и азиатские храмы, молитвенные дома [7, с. 134–144]. Судя по перечисленным выше названиям, в Харбине были представлены храмовыми постройками самые разные конфессии, религии и верования.

Еще один интереснейший блок материалов 10-го номера «Политехника» – перечень русских научных организаций и учреждений культуры и науки, которые существовали в Харбине с 1909 по 1955 гг., составленный А. Барановым [7, с. 148–180]. Представлен не только перечень, но и дана краткая информация о каждой организации, ее особенностях и истории, биографические

v Рис.27. Харбин. Свято-Николаевская церковь. Акварель. Худ. М. А. Бакич

v Рис.28. Станция на линии КВЖД. Акварель Худ. М. А. Бакич

< Рис.29. Пейзаж с видом на Сиднейский оперный театр. Худ. М. А. Бакич

^ Рис.21. Иннокентий Николаевич Суворов

v Рис.24. Гражданский инженер И. В. Падлевский

И. В. Падлевский.

сведения о руководителях и исследователях: Э. Э. Анерте, Т. П. Гордееве, А. С. Лукашине, В. В. Поносове и многих других. Примечательно, что и спустя 15 и 20 лет отзывы об этом номере продолжали поступать в редакцию. Имелись они в 11-м номере (1984) [6, № 11, с. 82–86], а также в следующем 12-м номере (1989) [6, с. 198–200]. Инженер М. Таиров из Турции писал о 10-м номере журнала: «Когда подбирали материал для № 10, то были сомнения, в каком количестве издавать. Я тогда предлагал издать побольше, не менее двух тысяч экземпляров. Насколько знаю, издали меньше этой цифры, только тысячу. Подобные издания являются не только журналами, но и ценным источником, особенно для будущих историков. Пока о Харбине более подробного издания, чем «Политехник» № 10 не вышло. Все журналы от номера первого до последнего составляют богатый материал о былом Харбине и Маньчжурии <...>» (1989) [6, № 12, с. 198].

Разумеется, люди, жившие на далеких материках и континентах – в Австралии, Бразилии, Америке, Южной Африке и др., – видимо, были мало знакомы с русскоязычной литературой, издававшейся в России, в том числе и по харбинской и китайской тематике. Назову хотя бы некоторые свои работы, связанные с Харбином и Маньчжурией. Еще 20 лет назад мною был опубликован первый вариант книги «Харбин – русская Атлантида» (2001), а в 2010 г. вышло из печати второе, расширенное издание этой книги [2] гораздо большего объема (32(68) с.) и тиражом в две тысячи экземпляров. Кстати, первый вариант названной книги я даже отправлял в Австралию Иннокентию Николаевичу Суворову (рис. 21), жившему ранее довольно длительное время в Харбине. После прочтения книги он сделал целый ряд важных уточнений и исправлений, которые мною были внесены уже в новое издание 2010 года.

В 12-м номере «Политехника» в разделе «Разное» [6, № 12, с. 184, 185] была напечатана небольшая заметка под названием «Тысячелетие крещения Руси», в которой имелась фотография часовни-памятника в честь этого исторического события. Часовню построили по проекту архитектора и художника М. А. Бакича (рис. 26), установив ее в русской зоне кладбища Independent на Руквуд

в Сиднее. В заметке говорилось следующее: «Внешний вид памятника напоминает главный купол и крышу Свято-Николаевского собора в Харбине, разрушенного до основания во время «культурной» революции в Китае в 1966 году. Часовня-памятник будет напоминать нам, бывшим харбинцам, дорогой облик глубокопочтительного всеми храма, являвшегося замечательным образцом русского церковного зодчества» [6, № 12, с. 164, 165]. Судя по опубликованной фотографии, эта небольшая по размерам часовня действительно имела большое сходство со Свято-Николаевским собором; разница состояла лишь в их размерах (рис. 22, 23). Проект собора, как известно, выполнял гражданский инженер из Санкт-Петербурга Иосиф Владимирович Падлевский (рис. 24). Проект этого деревянного храма стал первой проектной работой И. В. Падлевского. Много лет спустя после разрушения, в 2008 г., храм был восстановлен по моему проекту в пригороде Харбина, в парке русской культуры «Усадьба Волга». Там же была восстановлена и часовня Иверской Божией Матери. Читателям журнала «Проект Байкал» будет интересна история восстановления не только этого уникального храма в Харбине, но и история создания в 2002–2009 всего паркового комплекса.

Интересная подборка статей на тему «Вклад харбинских политехников в развитие Маньчжурии и Северо-Восточного Китая» представлена в 12-м номере журнала. Здесь размещена серия небольших статей о сахарных заводах Гириной провинции, о восстановлении Харбинского сахарного завода, а также о работе Пекинского бюро Министерства легкой промышленности и целый ряд других разделов и статей подобной тематики. Пекинское бюро Министерства легкой промышленности КНР (Син-Чжун-Го Гунчан Гунсы) представило подборку с краткой историей возникновения этой организации, а также проектного бюро Министерства легкой промышленности. Небольшой по объему материал интересен тем, что в нем перечислены фамилии инженеров проектного бюро [6, № 12, с. 83–90]. Наиболее любопытным представляется в этом номере материал-отчет инженера С. С. Бузолина о его поездке из Сан-Франциско в Харбин на празднование 65-летия Харбинского политехнического института [6 № 12, с. 14–30]. Поездку он совершил по приглаше-

нию Харбинского института технологии. Подобного рода поездки по приглашениям совершали многие бывшие харбинцы. Это случалось каждые пять лет, когда институт праздновал свою очередную «круглую дату». Такого же рода материалы об институте имеются и в других «юбилейных» номерах, в том числе в № 13 [6, № 13, с. 15–22, 35–40], а также в № 15 [6, № 15, с. 27–40]. В рубрике «Деятели КВЖД» этого номера была опубликована статья с информацией об инженере Б. В. Остроумове (1879, Саратов – 1944, Тяньцзин) [6, № 15, с. 22–25].

Журнал посвящал материалы и собственным юбилейным датам. В частности, № 16 в 2004 г. был приурочен к 35-летию своего выхода. Его открывала обзорная статья вице-председателя Объединения инженера В. Г. Гунько под названием «Деятельность Объединения Инженеров, окончивших ХПИ и СМУ, проживающих в Сиднее, за последние четыре года (1999–2003)». В ней автор перечисляет наиболее важные и интересные мероприятия, происходившие в Русском клубе Сиднея, чаще всего в Статфильде (предрождественские встречи, празднование 80-летия основания ХПИ и многие другие мероприятия) [6, № 16, с. 8–10]. В нем довольно много фотографий, в том числе коллективных, с изображением встреч, празднований, портретов отдельных личностей, групп сотрудников разных учреждений. Довольно подробно И. Брагин из Сиднея рассказал о выпуске ХПИ 1947 г. [6, № 16, с. 35–39]. Есть в этом же номере и статья П. Зверева из Новосибирска «80-летний юбилей ХПИ». Нельзя не отметить и подборку фактических материалов «Роль Харбинского Политехнического Института в развитии высшего образования КНР», собранную из Интернета [6, № 16, с. 77, 78].

Интерес представляют и материалы № 15 «Политехника». Одна из статей под рубрикой «Деятели КВЖД» посвящена инженеру Борису Васильевичу Остроумову (рис. 25) и Николаю Львовичу Гондатти [6, № 15, с. 22–27]. Б. В. Остроумов занимал пост управляющего КВЖД более трех лет, с февраля 1921 по октябрь 1924 г. Получив профессиональное образование в Петербургском институте путей сообщения, он еще до Харбина приобрел солидный производственный стаж, работая на железных дорогах в Сибири, на Алтае, являлся главным инженером Бухарской ж/д, а затем Южно-Сибирской ж/д, где его и застала революция. Из Сибири он уехал в командировку в Японию, после годичного пребывания там перебрался во Францию, а оттуда в Америку. Вернувшись в 1920 г. в Пекин, получил назначение на должность управляющего КВЖД.

Таким образом, даже краткий обзор нескольких номеров журнала «Политехник» дает богатую пищу для размышлений и выводов, главный из которых – что роль этого высшего учебного заведения еще далеко не изучена. Воспоминания бывших воспитанников любой школы, будь то среднее, специальное или высшее учебное заведение, важны и для тех людей, которые там работают. Анализируя отзывы и воспоминания, работники этих заведений непременно вносят коррективы в свою деятельность, чтобы ее улучшить и не отставать от жизни и ее новых требований.

Как это ни печально, но уже с самого первого номера журнала «Политехник» в нем стали появляться страницы под рубрикой «В последнюю минуту» с некрологами о кончине бывших студентов ХПИ. Так, в первом номере журнала читатели узнали о кончине бывшего выпускника Политехнического института 1932 г. Л. Л. Бржезовского [6, № 1, с. 57.]. Со второго номера в каждом из выпусков имела уже специальная рубрика «Скорбная страница», в которой публиковались некрологи об умерших лицах, бывших когда-то студентами ХПИ. Грустная рубрика продолжалась практически во всех последующих номерах

журнала. Если в №№ 2–6 некрологов было по пять в каждом из номеров, то затем их количество все возрастало: в №№ 7–10 по 12, 15 и 18 скорбных известий, в 11-м номере уже 35, в 14-м – 59, в 15-м – 79, в 16-м – 75. В последнем № 17 объемом 280 страниц тексты некрологов занимают почти 50 страниц, на которых помещены краткие или более пространственные справки о жизни и деятельности умерших. Во всех номерах журнала мне довелось насчитать почти 450 некрологов: столько умерло инженеров, бывших выпускников ХПИ, оказавшихся после Китая в разных странах, но преимущественно в Австралии. Печатались некрологи и о тех бывших харбинских эмигрантах, которые оказались после своей эмиграции в городах СССР: Новосибирске, Красноярске, Омске, Челябинске, Свердловске, Дедовске под Москвой, а также в Алма-Ате, Караганде, Тбилиси, Павлодаре и даже в Магаданской области.

В № 16 имелся некролог и о смерти Михаила Андреевича Бакича (рис. 26) – одного из лучших представителей эмиграции из числа бывших студентов ХПИ. Прожив 93 года, он умер в Сиднее в 2002 г., оставив после себя многочисленные постройки, произведения изобразительного искусства (рис. 27–29). Как отмечено в некрологе, «М. А. Бакич оставил в наследие много зданий, картин и добрую память о себе» [6, № 16, с. 248]. После смерти русского архитектора и художника его произведения сохранились не только в Австралии; известны его прекрасные акварельные пейзажные работы, а также построенные в Китае по его проектам монументы, крупные объекты, в том числе комплексы двух академий, здания Промышленной выставки, Дворец молодежи и другие объекты в Харбине и других городах Китая.

Литература

1. День политехника. – Харбин: типография «Заря», март 1927. – 45 с.
2. Крадин, Н. П. Харбин – русская Атлантида: очерки. – Хабаровск: КГУП Хабаровская краевая типография, 2010. – 32(68) с. : ил.
3. Крадин, Н. П. Зодчий и педагог Петр Свиридов: из Петербурга в Китай, Южную Африку и Австралию // История и культура Приамурья. – 2018. – № 1 (23). – С. 44–50
4. Крадин, Н. П. Зодчий и педагог Петр Свиридов: из Петербурга в Китай, Южную Африку и Австралию // Материалы международного научного симпозиума. – Шижячжуан, 2017. – С.258–262 (на кит. языке)
5. Крадин, Н. П. Русские инженеры и архитекторы в Китае. – Хабаровск: АО Хабаровская краевая типография, 2018. – 380 с. : ил.
6. Политехник. – Сидней. – 1969–2012. – №№ 1–17
7. Политехник: Приложение к журналу. 1922–1982. – Сидней. 1982. – 122 с.

References

- Den Politekhnik [Polytechnic's Day] (1927, March). Harbin: tipografiya "Zarya".
- Kradin, N. P. (2010). Harbin – russkaya Atlantida: ocherki [Harbin – Russian Atlantis: essays]. Khabarovsk: KGUP Khabarovskaya kraevaya tipografiya.
- Kradin, N. P. (2017). Zodchii i pedagog Petr Sviridov: iz Peterburga v Kitai, Yuzhnuyu Afriku i Avstraliyu [Architect and teacher Petr Sviridov: from Petersburg to China, South Africa and Australia]. International academic symposium proceedings (pp. 258–262) [in Chinese]. Shijiazhuang.
- Kradin, N. P. (2018a). Russkie inzhenery i arkhitektory v Kitae [Russian engineers and architects in China]. Khabarovsk: AO Khabarovskaya kraevaya tipografiya.
- Kradin, N. P. (2018b). Zodchii i pedagog Petr Sviridov: iz Peterburga v Kitai, Yuzhnuyu Afriku i Avstraliyu [Architect and teacher Petr Sviridov: from Petersburg to China, South Africa and Australia]. Istoriya i kultura Priamurya, 1(23), 44–50.
- Polytechnic (1969–2012), 1–17.
- Polytechnic: Appendix to the Journal. 1922–1982 (1982). Sydney.

^ Рис.25. Б. В. Остроумов, управляющий КВЖД в 1921–1924

v Рис.26. М. А. Бакич, архитектор-художник

Багина Елена Юрьевна – кандидат архитектуры, доцент Строительно-го института Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Булгакова Елена Александровна – кандидат архитектуры, зав. кафедрой Архитектуры и дизайна МИТУ–МАСИ, доцент Государственного университета по землеустройству (ГУЗ, Москва)

Вавилина Надежда Дмитриевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств им. А. Д. Крячкова (НГУАДИ)

Гайдук Мария Юрьевна – ассистент кафедры дизайна архитектурной среды Института архитектуры и дизайна Тюменского индустриального университета (ИАИД ТИУ)

Григорьева Анна Сергеевна – заместитель директора по международной деятельности АНО «Востоксибакадемцентр» (Иркутск)

Григорьева Елена Ивановна – член-корреспондент РААСН, заслуженный архитектор России, вице-президент СА России (Иркутск)

Груздева Евгения Александровна – доцент кафедры архитектуры НГУАДИ

Дружинина Инна Евгеньевна – профессор ВАК кафедры архитектурного проектирования Института архитектуры, строительства и дизайна Иркутского национального исследовательского технического университета (ИАСИД ИРННТУ)

Железняк Ольга Евгеньевна – кандидат искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой дизайна ИАСИД ИРННТУ

Завадовский Петр Кшиштофович – архитектор, доцент кафедры архитектуры жилых зданий МАРХИ

Зыков Сергей Николаевич – профессор МААМ, председатель правления Кемеровской региональной организации СА России, председатель правления СРО Ассоциация проектировщиков Кузбасса

Иванова-Ильичева Анна Михайловна – кандидат архитектуры, доцент, заведующая кафедрой истории архитектуры, искусства и архитектурной реставрации Академии архитектуры и искусств Южного Федерального университета (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

Йонг-Шик Ким – доктор философии, директор Арборетума Чоллипо, почетный профессор Йоннамского университета (Чхунчхон-Намдо, Республика Корея)

Калюжный Сергей Сергеевич – кандидат биологических наук, биолог Ботанического сада биолого-почвенного факультета Иркутского государственного университета (ИГУ)

Капустин Петр Владимирович – кандидат архитектуры, профессор, заведующий кафедрой теории и практики архитектурного проектирования Воронежского государственного технического университета

Кияненко Константин Васильевич – научный сотрудник НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства, филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», доктор архитектуры, профессор кафедры истории архитектуры и градостроительства МАРХИ, профессор Департамента архитектуры Российского университета дружбы народов

Клименко Александр Иванович – доцент, заведующий кафедрой дизайна архитектурной среды ИАИД ТИУ

Козлова Галина Серафимовна – старший преподаватель кафедры рисунка, живописи, основ проектирования и историко-архитектурного наследия ИАСИД ИРННТУ

Козлова Людмила Валерьевна – аспирантка ИАСИД ИРННТУ

Колодин Константин Иванович – кандидат архитектуры, доцент Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (СПБГАСУ)

Крадин Николай Петрович – доктор архитектуры, член-корреспондент РААСН, заслуженный архитектор России, профессор кафедры архитектуры и урбанистики ТОГУ (Хабаровск)

Кузеванов Виктор Яковлевич – кандидат биологических наук, профессор Российской академии естествознания, помощник ректора ИГУ

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии (София, Болгария)

Лисицина Яна Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики и медиаменеджмента Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ИГУ, член Союза художников России

Паршукова Галина Борисовна – доктор культурологии, профессор, главный научный сотрудник НГУАДИ

Паршукова Полина Николаевна – преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью Института бизнес-коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна

Петрова Лариса Владимировна – кандидат архитектуры, доцент, профессор кафедры архитектуры ГУЗ

Петрусенко Юлия Викторовна – преподаватель кафедры основ архитектурно-художественного проектирования Академии архитектуры и искусств ЮФУ

Пономарев Алексей Валерьевич – архитектор муниципального казенного учреждения (МКУ) администрации г. Иркутска «Городская среда»

Раппапорт Александр Гербертович – кандидат архитектуры, доктор искусствоведения, член СМА, член Союза дизайнеров России (Латвия)

Салмин Леонид Юрьевич – дизайнер, кандидат искусствоведения, профессор кафедры графического дизайна Уральского государственного архитектурно-художественного университета (Екатеринбург)

Селиванов Роман Александрович – доцент кафедры архитектурного проектирования ИАСИД ИРННТУ

Сидоренко Анна Владимировна – архитектор-реставратор II категории, сотрудник Сибирского научно-исследовательского проектно-реставрационного института «Наследие» (Иркутск)

Синькова Анастасия Сергеевна – студентка ИАСИД ИРННТУ

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, доцент ВАК, культуролог, редактор Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачёва

Холявко Анастасия Олеговна – член Союза архитекторов России, ведущий архитектор ООО «Сибирская лаборатория урбанистики» (Иркутск)

Чертилов Алексей Константинович – архитектор, доцент ИАСИД ИРННТУ, председатель Совета Иркутского регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), член правления Иркутской региональной организации Союза архитекторов России

Швидковский Дмитрий Олегович – президент РААСН, вице-президент РАХ, академик Академии архитектурного наследия, ректор МАРХИ, заведующий кафедрой истории архитектуры и градостроительства МАРХИ

Шульгинова Ольга Андреевна – магистр архитектуры, архитектор ООО «МассГрупп» (Москва)

Издатель выражает благодарность Франку ван дер Хувену за поддержку и создание сайта. Благодарим за участие в работе редакции администратора ИДА Наталью Князеву (Иркутск)

Elena Bagina – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor at Institute of Construction of Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Elena Bulgakova – Ph.D. in Architecture, head of the Department of Architecture and Design, MITU-MACI, Ass. Professor of State University of Land Management (Moscow)

Nadezhda Vavilina – Doctor of Sociology, Ass. Professor, Department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines, Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts named after A. D. Kryachkov (NSUADA)

Maria Gaiduk – Assistant, Department of Design of Architectural Environment, Institute of Architecture and Design, Industrial University of Tyumen

Anna Grigorieva – deputy director for international activity, ANO Vostoksibacademcenter (Irkutsk)

Elena Grigoryeva – corresponding member of the RAACS, honored architect of the RF, vice president of the UAR (Irkutsk)

Evgeniya Gruzdeva – Ass. Professor, Department of Architecture, NSUADA

Inna Druzhinina – Ass. Professor of the Department of Architectural Design, Institute of Architecture, Construction and Design, Irkutsk National Research Technical University (INRTU)

Olga Zheleznyak – Ph.D. in Art History, professor of the Department of Design, Institute of Architecture, Construction and Design, INRTU

Petr Zavadovsky – architect, Ass. Professor of the Department of Architecture of Residential Buildings, MArchI

Sergey Zykov – professor of IAAM, Chairman of the Board of the Kemerovo Regional Organization of the UAR, chairman of the Board of SRO Association of Kuzbass

Anna Ivanova-Ilicheva – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor, head of the Department of History of Architecture, Art and Architectural Restoration, Southern Federal University (SFedU) (Rostov-on-Don)

Kim Yong-Shik – Doctor of Philosophy; Director of the Chollipo Arboretum; Honorary Professor of Yeungnam University (Chuncheonnam-do, Republic of Korea)

Sergey Kalyuzhny – Candidate of Biological Sciences, Biologist of the Botanic Garden, Faculty of Biology and Soil Science, Irkutsk State University

Petr Kapustin – Ph.D. in Architecture, professor, head of the Department of Theory and Practice of Architectural Design at Voronezh State Technical University

Konstantin Kiyanenko – research officer, Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning; Doctor of Architecture; adjunct professor, History of Architecture and Town Planning Department, MArchI; professor, Department of Architecture, RUDN University

Alexander Klimenko – Ass. Professor, head of the Department of Design of Architectural Environment, Institute of Architecture and Design, Industrial University of Tyumen

Galina Kozlova – senior lecturer, Department of Drawing, Painting, the Basics of Design and Historical and Architectural Heritage, Institute of Architecture, Construction and Design, INRTU (Irkutsk)

Lyudmila Kozlova – Ph.D. in Architecture degree seeker, Institute of Architecture, Construction and Design, INRTU

Konstantin Kolodin – Doctor of Architecture, Ass. Professor, Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

Nikolai Kradin – Doctor of Architecture, corresponding member of the RAACS, honoured architect of Russia, professor of the Department of Architecture and Urban Studies, Pacific National University (Khabarovsk)

Victor Kuzevanov – Candidate of Biological Sciences; Professor of the Russian Academy of Natural Sciences; Rector's Advisor of Irkutsk State University

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)

Yana Lisitsina – Ph.D. in Historical Sciences, Ass. Professor of the Department of Journalism and Media Management, Irkutsk State University Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, member of the Union of Artists of Russia (Irkutsk)

Galina Parshukova – Doctor of Culturology, professor, chief researcher, NSUADA

Polina Parshukova – lecturer, Department of Publicity and Public Relations, Institute of Business Communications, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

Larisa Petrova – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor, professor of the Department of Architecture, State University of Land Management

Yuliya Petrusenko – lecturer of the Department of Fundamentals of Architecture and Art Design, SFedU Academy of Architecture and Arts (Rostov-on-Don)

Alexei Ponomarev – architect, Municipal Public Institution “Urban Environment” of the Irkutsk City Administration

Alexander Rappaport – Ph.D. in Architecture, Doctor of Art History, member of the Union of Moscow Architects, member of the Union of Designers of Russia (Latvia)

Leonid Salmin – Ph.D. in Art History, designer, architect, professor of the Department of Graphical Design at Ural State University of Architecture and Art (Yekaterinburg)

Roman Selivanov – Ass. Professor of the Department of Architectural Engineering of INRTU Institute of Architecture, Construction and Design

Anna Sidorenko – architect-restorer of the II category, officer of Siberian Scientific-Research Design and Restoration Institute “Heritage”

Anastasia Sinkova – student of INRTU Institute of Architecture, Construction and Design

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor, culturologist, editor of V. P. Sukachev Irkutsk Regional Museum of Fine Arts

Anastasia Kholiyavko – member of the Union of Architects of Russia, leading architect, 000 Siberian Laboratory of Urbanistics (Irkutsk)

Alexei Chertilov – architect, Ass. Professor, INRTU Institute of Architecture, Construction and Design, Chairman of the Council of the Irkutsk Regional Department of All-Russian Society for the Preservation of Historical and Cultural Monuments, member of the Board of Irkutsk Organization of the Union of Architects of Russia

Dmitry Shvidkovsky – President of the RAACS, vice-president of the Russian Academy of Architecture, academician of the Academy of Architectural Heritage, rector of MArchI, head of the History of Architecture and Town Planning Department, MArchI

Olga Shulginova – Master of Architecture, architect of 000 MassGroup

Special thanks to Frank van der Hoeven for his support and website development, and to manager of the Irkutsk House of Architects Natalia Knyazeva (Irkutsk) for her help with the preparation of the issue and the editorial work.

projectbaikal.com

project baikal | journal of architecture, design and urbanism